

И. И. Еремеев

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ТОРОПЕЦ
И ДРЕВНОСТИ ВЕРХНЕГО ПОДВИНЬЯ

Российская Академия наук
Институт истории материальной культуры

И. И. Еремеев

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ТОРОПЕЦ И ДРЕВНОСТИ ВЕРХНЕГО ПОДВИНЬЯ

(Историко-археологические очерки)

*К 950-летию первого упоминания Торопца
в русских летописях*

Санкт-Петербург
2024

УДК 93/94
ББК 63.444
Е 70

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Научный редактор:
д. и. н. *Н. А. Кренке* (Институт географии РАН)

Художественно-технический редактор:
к. филол. н. *С. Л. Ронгонен* (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН)

Рецензенты:
д. и. н. *И. В. Исланова* (Институт археологии РАН)
к. и. н. *Б. С. Короткевич* (Государственный Эрмитаж)

Е70 Еремеев И. И.

Средневековый Торопец и древности Верхнего Подвинья (историко-археологические очерки). К 950-летию первого упоминания Торопца в русских летописях. — СПб., 2024. — 274 с.

ISBN 978-5-6050962-4-5

doi.org/10.31600/978-5-6050962-4-5

Старинный русский город Торопец расположен на западе современной Тверской области в верховьях Западной Двины. В средневековье здесь проходили пути, связывавшие два крупнейших центра начальной русской государственности — Новгород и Киев. Монография посвящена истории и некоторым итогам археологического изучения торопецких древностей.

В книге рассказано о происхождении и первых веках жизни Торопца. Археологические находки из города и его окрестностей, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, в том числе уникальное металлическое блюдо, изготовленное на Ближнем Востоке и попавшее на Русь в X в. через рынки арабского халифата, раскрывают читателю подробности жизни средневековых торопчан. Читатель также увидит, как в археологическом материале отражается динамика христианизации Северо-Запада Руси.

Книга предназначена для историков, археологов, краеведов и всех интересующихся культурой и историей восточно-европейского средневековья.

**УДК 93/94
ББК 63.444**

Eremeev I. I.

Medieval Toropets and Western Dvina antiquities (historical and archaeological researches). To the 950th anniversary of the first mention of Toropets in Russian chronicles. — Saint Petersburg, 2024. — 274 p.

The Russian town of Toropets is situated in the upper reaches of Western Dvina River in the western part of Tver Region. In the Middle Ages the Way from the Varangians to the Greeks, which connected two main centers of Ancient Rus state, Novgorod and Kyiv, passed through Toropets and its surroundings. The book describes the history and archaeology of this region.

The author discusses various versions of the town's genesis and the first centuries of its history. The monograph analyses archaeological findings from the graves and hoards, in particular a unique Islamic bronze dish of the Near East origin which is now kept in the State Hermitage in Saint-Petersburg. A significant part of the book is devoted to the problems of investigations of archaeological sites, connected with the Ancient Rus Christianization.

The book is recommended for historians, archaeologists and readers interested in the culture and history of the Middle Age Eastern Europe.

ISBN 978-5-6050962-4-5

9 785605 096245 >

© И. И. Еремеев, 2024
© ИИМК РАН, 2024

Содержание

Введение.....	5
<i>Глава 1.</i> О периодизации торопецких древностей.....	13
<i>Глава 2.</i> Историко-археологические исследования древнерусского Торопца и общие вопросы раннесредневековой археологии Европейской России.....	31
<i>Глава 3.</i> Древние обитатели Верхнего Подвинья. Культуры раннего железного века.....	99
<i>Глава 4.</i> Загадка кривичей. Проблемы изучения славянского расселения в бассейне Западной Двины.....	105
<i>Глава 5.</i> Курганы, сопки, норманны и торговые пути. Эпоха северных влияний в Верхнем Подвинье.....	119
<i>Глава 6.</i> О так называемом «Торопецком кладе» второй половины X — начала XI в. Скандинавы на Восточном пути.....	129
<i>Глава 7.</i> Письменные источники о древнерусском Торопце и его волости.....	169
<i>Глава 8.</i> Торопец и летописные города кривичского Подвинья. Историко-географические и социально-антропологические заметки.....	187
<i>Глава 9.</i> Обращение кривичей, городки и древнерусские города.....	201
<i>Глава 10.</i> Археологическая летопись Торопца XII–XIII вв.	233
<i>Глава 11.</i> Литва и Торопец.....	241
Вместо заключения.....	249
Приложение. <i>С. В. Хаврин.</i> Анализ состава металла восточного блюда из Торопца.....	252
Список сокращений.....	255
Список публикаций исторических источников.....	256
Список научной литературы.....	257
Список использованных архивных источников.....	271

Введение

Перед автором этой книги стоят две задачи. Первая — подведение итогов историко-археологического изучения старинного русского города Торопца. Вторая задача — разработка и изложение программы его дальнейших археологических исследований, возможность которых открывается для науки в ближайшие годы. Речь, таким образом, пойдет преимущественно о материальных следах торопецкого средневековья, однако научно-популярный жанр публикации предполагает экскурсы в область политической, экономической и религиозной истории Древней Руси.

Какой должна быть научно-популярная книжка об археологии? На этот вопрос можно отвечать по-разному. В прошлом столетии считалось, что в такой книжке автору следует максимально доходчиво изложить результаты научных изысканий. В наши дни, когда доступ к любой информации стал, благодаря интернету, широко открыт для всех желающих, а объем научно-популярных информационных ресурсов огромен, такой подход уже не может удовлетворить ни автора, ни его аудиторию. Сейчас важнее объяснить публике, как «делается» *профессиональная наука*, как рождается и оттачивается научная идея, и из нее — гипотеза, как работает сознание ученого. Безусловно, такое понимание популяризации предъявляет более высокие требования к читательской аудитории. Но это требования эпохи.

Автор стремился показать читателю, как археологические находки, иногда уникальные,

а чаще — самые заурядные, дают возможность ученым «перебросить мостик» от вещеведения и краеведения к письменным источникам и далее к реконструкции закономерностей и событий общерусской истории, а также к постижению «духа эпохи». Понимание того, как исследователь проникает в эту, по выражению замечательного философа и историка Л. П. Карсавина, «средневековую жизнь духа истории» (Карсавин 1918: 1), не менее важно для нашего современника, чем очередное изложение событийной канвы или описание элементов материальной культуры. Читатель должен помнить, что перед ним проект исследований, и накопленные наукой торопецкие древности позволяют пока лишь ставить вопросы, но не отвечать на них с исчерпывающей полнотой. Книга написана в сентябре — декабре 2023 г. и состоит из отдельных очерков с разной детализацией материала, посвященных ключевым темам изучения Торопца и его округи.

Историческая память мифологична и связана с текущей культурной и политической жизнью общества. Независимо от форм этой памяти — эпических, письменных или, как в наши дни, переведенных в цифровой формат — в народном сознании она проявляется вспышками, приуроченными к переходным или кризисным эпохам (Ассман 2004: 84). Как давно отмечено социологами, речь может идти о подобном свойстве исторической памяти как феномена сознания¹. В этой дискретности памяти таятся причины народной любви к историческим юбилеям.

¹ Эти проблемы на материале, близком теме этой книги (образ Александра Невского в русской культуре), рассмотрены в диссертации Ф. Б. Шенка (Шенк 2007).

Отсюда и внимание к дате, которой посвящена эта книга — 950 лет со времени первого упоминания в Повести временных лет и в Киево-Печерском патерике о городе Торопце. На фоне тысячелетних историй других древнерусских городов (Новгорода, Полоцка, Киева, Смоленска) эта дата, на первый взгляд, не выглядит внушительно. Кроме того, названные письменные свидетельства (записанные в конце XI или в начале XII в.), как мы увидим, — косвенные, упоминающие не само поселение с городским статусом, а лишь его уроженца «торопчанина» — торопецкого купца, принявшего монашеский постриг под именем Исакия в Киево-Печерской лавре в самом начале ее истории.

Что может дать нам сейчас обращение к судьбе человека, который почти тысячу лет назад родился и, видимо, прожил значительную часть жизни в Торопце, а отрекся от мирской суеты в Киеве? Помимо осознания единства восточнославянского мира XI ст., мы затрагиваем здесь тему, очень важную для понимания истории Руси. Речь идет о христианизации как начальном импульсе древнерусского градообразования. Эта тема в отечественной историографии недооцененная и очень спорная. Идея древнерусского города как феномена христианской культуры не могла найти поддержки в академической науке XX в. В советский период отчасти это происходило из-за подцензурной боязни придать «излишнее» значение православию, но главным образом — из-за необходимости в таком случае принять позднюю (около рубежа X–XI вв.) датировку зарождения древнерусского города. Как же тогда быть со Старой Ладогой, Псковом, Полоцком, Новгородом, Киевом, чьи древнейшие культурные слои в той или иной степени старше летописной даты крещения Руси? Можно ли отказать этим ранним языческим посе-

лениям в городском статусе? Большинство исследователей отвечали и ответят на этот вопрос отрицательно.

Поэтому проблема возникновения города всегда помещается историками и археологами в языческий контекст. Это не зависит от того, какая концепция градообразования лежит в основе исследовательского подхода — вечевая/родоплеменная (Юшков 1939: 21–24; Фроянов 1980: 216–243; 1992: 23–46; Фроянов, Дворниченко 1988; Дворниченко 2013: 156), феодальная (Греков 1953: 98, 99; Насонов 2002: 24, 25, 45; Тихомиров 1956: 64; Рапов 1977: 30; Куза 1989: 11, 164–166; 1996: 13) или торговая (Ключевский 1923: 161, 162; Булкин, Лебедев 1974: 15–17; Носов, Горюнова, Плохов 2005: 27; Платонова 2019: 117).

Независимо от этих существенных нюансов, тон в данной области задает программная статья академика Б. А. Рыбакова в трудах Пятого международного конгресса славянской археологии, колоритно и лаконично озаглавленная «Городское язычество Древней Руси» (Рыбаков 1987)². Правда, несколько ранее ленинградские археологи Ю. М. Лесман и С. В. Белецкий пытались развести порознь и рассмотреть по отдельности пласт «языческих» городов X — начала XI в. и пласт «древнерусских» городов XI–XII вв., объяснив культурный разрыв между ними христианизацией (Белецкий, Лесман 1979: 312, 313). Но фактическое уравнение статуса (здесь города и там города) нивелировало смелость выдвинутой идеи, да и развития в трудах авторов она не получила. «Языческому» городу был противопоставлен не «христианский» (что было бы логично), а «древнерусский» город. Определение же «христианского города» так и не было тогда сформулировано.

Конечно, к открытиям «древнерусских городских капищ» археологи всегда относи-

² «Языческий город» служил одной из основ концепции «могучей языческой державы», насчитывавшей к году крещения Руси «почти два столетия» (Рыбаков 1988: 3–5), или «империи Рюрика» (Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 287; Лебедев 1999: 297–298; Свердлов 2003: 115). С идеей столь масштабной и развитой дохристианской государственности логически сопряжено было видение славянских курганов лесной зоны с труположениями X–XII вв. (принадлежавших полянам, древлянам, радимичам, дреговичам, кривичам, славянам новгородским и прочим) как языческих памятников (Рыбаков 1932: 123; Русанова 1966: 26; Седов 1982: 112, 172). Язычество приобретало в трудах советских историков вид громадной созидательной силы. Вытекающая отсюда идея «могучей языческой державы» носила идеологический оттенок и, несомненно, перекликалась с концепцией атеистического советского содружества наций, но имела долгую инерцию и после крушения последнего. Историков в то же время не покидали и обоснованные сомнения в потенциале язычества «в деле державного строения» (Назаренко 2020: 28).

лись настороженно³. Тем не менее регулярно появляются исследования, посвященные этой теме, по историческим и археологическим источникам (Динцес 1947; Shupecki 1994; Карпов 2013: 41; Мусин 2016: 49). Археологами неоднократно описывались объекты, трактовавшиеся как следы «городских» языческих святилищ Новгорода (Седов 1953; 1954; Носов 2012: 99), Пскова (Кирпичников 1988; Лабутина 1989; Малышева 2012: 35, 44–46), Турова (Лысенко 2004: 98–101), Волковыска (Зверуго 1989: 193), Киева (Толочко, Боровский 1979; Толочко 2009), Старой Ладogi (Петренко 1985: 111, 112; Мусин 2002: 99, 100; Кирпичников, Сарабьянов 2013: 153), Белоозера (Макаров 1993). При таком подходе в ряд «святилищ» следовало бы поставить и могильники, поэтому Е. А. Шмидт, совершенно справедливо с точки зрения этой логики, включает в определение понятия «древнерусский раннефеодальный город» и наличие «обширного языческого кладбища» (Шмидт 2012: 140)⁴.

Итак, тема «городского язычества» связана с проблемой датировки древнейших городских поселений. В научных трудах часто говорится о восточноевропейских городах IX в. или даже VIII в. (Юшков 1939: 21, 22; Седов 1989: 31, 38; Михайлова 2010; Михайлова 2016: 24, 25). В качестве примеров приводятся Псков, Изборск, Ладога, Рюриково Городище. Что может быть критерием для определения их городского статуса в столь ранний период? Обычно историки и археологи повествуют о городе как о центре ремесла, торговли, племенном укреплении, административно-религиозном центре (т. е. обиталище племенной аристократии или месте проведения общинных собраний и жертвоприношений). Но почему бы тогда не передвинуть дату образования городов в VI–VII вв.? Ведь уже в это время известны славянские городища, порой довольно крупные⁵. Безусловно,

на них сходились вечерные собрания (по крайней мере именно здесь открыты такие общинные постройки, как длинные дома, вытянутые по периметру укреплений), а в некоторых случаях (например, на городищах Демидовка, Никодимово, Зимно), судя по находкам предметов воинской культуры, проживала нарождающаяся родовая военная аристократия. Не вызывает сомнений и участие обитателей этих городищ в торговых операциях. Про ремесло нам известно меньше, но железодельное производство при некоторых городках явно превышало нужды одной сельской общины. Жили на городищах и ювелиры, чья продукция, несомненно, пользовалась спросом не только в кругу их родственников.

В некоторых случаях признаком древнерусского города считается основание его князем. Но военные предводители VI–VII вв., возглавлявшие межплеменные войны, тоже, несомненно, основывали укрепленные пункты. Легендарные сведения об этом можно почерпнуть из преданий Повести временных лет (далее — ПВЛ) о «городке» Кия на Дунае и о строительстве «городов» в межплеменной расправе, последовавшей за изгнанием варягов в IX в. О том, что городки нередко строились под надзором профессиональных воинов (каких-то князьков и их окружения), говорят повторяющиеся элементы строительной технологии и планировки укреплений третьей четверти I тыс. н. э. в Поднепровье и Подвинье. Раннеславянские городища известны на территории множества древнерусских городов, например Киева, Полоцка, Пскова, Витебска, Лукомля, Друцка, Смоленска, древнего Минска и, как оказалось, даже Рюрикова Городища (Еремеев 2023). Укрепления славянских городков VI–VII вв. в перестроенном виде входят, в качестве составной части, в древнерусские фортификационные системы X–XI вв.⁶ Вряд ли можно сомневаться, что потомки обитателей

³ Большинство трактовок объектов как «капищ» произвольно и вызывает непрекращающуюся критику, приводить которую здесь излишне. Нас ведь интересует не фактическая сторона дела, которую вряд ли можно установить достоверно (почему бы в самом деле не существовать на месте некоторых городов более ранним капищам?), а отражение в историографии социальной конъюнктуры.

⁴ Термины *могильник*, *некрополь*, *кладбище* используются в этой книжке как синонимы. *Могильник*, который может функционировать столетиями, состоит из отдельных единовременных *погребений* — курганов или грунтовых могил.

⁵ *Городищами*, *городками*, *городцами*, в отличие от *городов*, в научной литературе принято называть древние укрепленные поселения, как правило, небольшие, догородской эпохи.

⁶ Городища третьей четверти I тыс. н. э. наиболее эффективно использованы при строительстве древнерусских укреплений в древнем Минске, т. е. в Городище на Менке, в Лукомле и Пскове.

ранних городищ жили и в древнерусских городах. Почему мы в таком случае не называем городами уже эти городища?

Ответить на этот вопрос не так просто. Дело в том, что в археологическом материале ученые нащупывают некий разрыв, не столько в материальной культуре (например, все яснее становится повсеместная преемственность раннеславянских и древнерусских керамических традиций), сколько в пространственной организации и величине поселений, в разнообразии и интенсивности жизни их обитателей⁷. Исследователи (в первую очередь археологи) чувствовали необходимость выделения, наряду с догородским, еще и некоего протогородского этапа восточнославянской истории, выпадающего на VIII — первую половину X в.⁸ Так родились концепции предшествовавших городам «протогородских» племенных образований: центров ремесла и торговли (Рыбаков 1948), градов — военных убежищ (Греков 1953: 97; Рапов 1988: 26), совмещавших все эти функции родовых «протогородов» (Штыхов 1978: 140; Седов 1989: 39; 2002: 91, 92; Белецкий 1996: 7). Другие авторы выдвигали на первый план космополитичные «торгово-ремесленные поселения» на трансевропейских торговых путях (Булкин, Лебедев 1974: 17; Геррманн 1987: 41; Лебедев 1997: 199; Носов, Горюнова, Плохов 2005: 27; Носов 2008: 142, 143). Поскольку одной из главных статей дохода в раннем средневековье была работоторговля, развитие «торговой» концепции позволяет видеть в некоторых ранних укрепленных поселениях рабовладельческие фактории, созданные разбойничьими объединениями викингов на тех же путях (Толочко 2015)⁹. Историографическая классификация этих концепций — дело непростое, поскольку у одних и тех же авторов в разные годы творчества можно найти вступающие в противоречия идеи. С другой стороны, каждый исследователь на втором плане своей «выстраданной» концепции стремился учесть

и факторы, на которых делали главный акцент его оппоненты и критики. В результате чем ближе к нашим дням, тем заметнее становится в этом переплетении идей стремление к концептуальной эклектике. Современный анализ проблемы зарождения города представляет собой преимущественно различные оттенки здоровой и довольно давней мысли, что такая сложная форма социальной организации, как город, в разных обществах и в разные исторические эпохи могла зародиться разными путями (Воронин 1951; Носов 2005; 2008; Макаров 2012; Петрухин 2014). Проблемы реконструкции этой «многоликой» предгородской, еще языческой, структуры мы тоже коснемся в наших очерках.

Попробуем все же вернуться к культурному разрыву между *городками* и *городами*. Вероятно, природа его потому и неуловима, что лежит не только в области материальной культуры и демографии, но главным образом в области духовной культуры. Представляется, что любым этим концепциям (в том числе и стремящимся учесть все возможные факторы и причины градообразования) не хватало некоего живого человека, в чем-то отличного по своему мировоззрению и от торговца, и от сборщика дани, и от ремесленника или воина, существовавших в Восточной Европе в данных своих качествах к X в. уже не одно столетие. Без этого нового человека мы никогда не сможем провести грань между обитателем городища (кривичем, северянином и т. д.) и горожанином (новгородцем, полочанином, торопчанином и т. д.).

Нельзя сказать, чтобы историки не чувствовали в большинстве своем (исключение здесь составлял, пожалуй, И. Я. Фроянов и его ученики), что настоящий город — произведение этого «нового человека», во многом — уже порвавшего с родовым сообществом (о языческом характере этого сообщества упоминали на удивление мало). В. П. Даркевич писал:

⁷ Об этой преемственности и этом разрыве недавно написала Н. И. Платонова (Платонова 2019: 122–123). В более ранней историографии на этом разрыве построена концепция «переноса городов» (Дубов 1985: 25–32). Концепция противоречива изначально — как можно перенести то, что только начинает формироваться? В настоящее время наблюдается почти полный отказ от теории «переноса».

⁸ В. В. Седов, основываясь на опыте раскопок в Изборске, отнес его протогородской этап прямо к VII в. (Седов 1989: 41).

⁹ В. О. Ключевский сформулировал идею так: «Укрепившись в обороняемой стране, нарубив себе “городов”, укрепленных стоянок, наемные сторожа повели себя завоевателями» (Ключевский 1923: 169). О более широком понимании концепции «разбойничьего государства» и его критике см.: Темушев 2023: 12, 50, 51.

«Итак, в городах исчезает поглощенность личности родом, ее статус не растворяется в статусе группы в той мере, как в варварском обществе. Уже в ранних городах Новгородско-Киевской Руси общество переживает состояние дезинтеграции. Но при разрушении прежних органических коллективов, в которые включался каждый индивид, общество перестраивается на новой основе. В города, под сень княжеской власти стекаются люди, самые разные и по общественному положению, и по этнической принадлежности» (Даркевич 1994: 52).

Но что именно стимулировало «дезинтеграцию» и формировало этого нового человека? Неужели только «сень княжеской власти» — вполне архаичного в своей основе политического института? Кроме того, как мы знаем, существенную роль в городской жизни играло вече — тоже глубоко традиционный инструмент племенного быта восточных славян (Данилевский 1999: 8–101). Не раз обращали внимание исследователи и на сохранявших свое влияние в городской общине «старцев градских», фигуры которых отсылают нас к родовым старейшинам седой языческой древности (Мавродин, Фроянов 1974). Нет, освободить горожан от «поглощенности личности родом» (разумеется, отчасти и далеко не сразу) могла в первую очередь новая религия, первыми оплотами которой, под эгидой княжеской власти, стали города. Именно она обусловила постепенное исчезновение племенной идентичности полян, словен и кривичей и оформила появление вместо них русского православного горожанина — киевлянина, новгородца, полочанина, заслонив его от языческого прошлого высокими городскими валами и стенами.

В археологическом материале этот новый человек виден ученым по следам своего отношения к родовым языческим некрополям, связанным с до- или раннегородскими поселениями X в. Начиная с конца этого столетия один за другим уничтожаются и впоследствии застраиваются жилыми и хозяйственными постройками кур-

ганные кладбища как в больших городах (Киеве, Пскове), так и в малых (например, в соседнем с Торопцем Усвяте). Примеры, разумеется, можно умножать. Другой признак прихода нового человека виден нам по обустройству церквей и христианских кладбищ на прежних городищах, видимо, служивших не только укреплениями, но и культовыми языческими центрами. Вопрос о том, в какой степени все эти процессы являются результатом, так сказать, духовного перерождения прежних жителей (в первую очередь верхушки общества), а в какой — притока нового населения, уже христианизированного, из юго-западных областей славянского мира, — один из самых сложных в древнерусской археологии. Кажется, не лишено основания предположение о перемещении в русские города (или «протогорода») в начале X в. групп христианского населения, например, из разоренной венграми Моравии.

Обычным зачином рассуждений о генезисе древнерусского и средневекового европейского города является подчеркивание различий, главное из которых — незнакомство восточных варваров с античной городской культурой. Мне, напротив, пользуясь терминологией немецкого философа и социального антрополога К. Ясперса, хотелось бы обратить внимание на капитальное сходство этих процессов, заключающееся в том, что и на западе, и на востоке город является результатом деятельности человека «осевого времени», т. е. человека, осознавшего себя как личность, ответственную за свое земное бытие и посмертную судьбу¹⁰. Это скользящее в географическом пространстве «осевое время» таким же образом породило на востоке древнерусский город, как за полторы тысячи лет до этого породило на западе греческий полис. В сущности, именно об этом говорит в своем талантливом очерке В. П. Даркевич, рассуждения которого прямо перекликаются с идеей К. Ясперса о вхождении славян и северных германцев в «осевое время» лишь с принятием христианства, в средневековье. Развивая эту

¹⁰ Идея «осевого времени» разработана К. Ясперсом в послевоенной работе *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*, 1949 (Ясперс 1991; 1991a). Надо добавить, что его концепция не является, конечно, единственной в этом роде. В России Л. П. Карсавин и А. Ф. Лосев высказывали сходные мысли, лишь не имея возможности, в отличие от К. Ясперса, довести их до состояния отточенного инструмента.

мысль, следует сформулировать рабочую гипотезу. *Восточнославянский раннесредневековый город не есть произведение язычника, но создание человека приобщившегося (может быть, еще не в полной мере) к христианству.*

Ученые-практики с разных сторон приближались к этой гипотезе. С. В. Белецкий на примере Пскова пытался показать, что характерной особенностью древнерусского города, в отличие от племенного центра, была полиэтничность, которая рассматривалась С. В. Белецким не как свойство сложившегося города, а как условие его возникновения (Белецкий 1996: 16–19). Вряд ли, конечно, можно сомневаться в том, что древнерусский город в своей основе есть феномен восточнославянской культуры. Это не отменяет того факта, что в славянскую городскую среду свободно вливались и представители других народов. Кроме того, и племенной состав самого славянского городского населения был далеко не однородным (здесь смешивались выходцы из кривичских, полянских, дреговичских и иных областей). Тут бы, кажется, С. В. Белецкому и выступить в духе своей вышеупомянутой статьи, где он, совместно с Ю. М. Лесманом, ставит проблему «древнерусского» города как «христианского» города (Белецкий, Лесман 1979). Однако вопрос о том, какие факторы определяли отречение всех этих новоиспеченных горожан от своей племенной идентичности (предельно драматичный шаг для человека раннего средневековья), решен С. В. Белецким вполне в духе марксистской науки — это были факторы социально-экономические, что следует понимать так, будто новая идентичность помещан, новгородцев, торопчан и прочих строилась на совместном извлечении прибыли из торгово-ремесленной деятельности. Вопрос о том, какую роль в становлении новой идентичности сыграла христианизация, традиционно для советской науки последовательно обходится.

Между тем, следовало бы задаться вопросом — обладали ли эти социально-экономические факторы настолько мощным духовным потенциалом в сознании человека, полностью зависящего от родового племенного уклада? Могли ли они объединить чудина, литвина, кривича

и варяга, чьи отцы еще вчера говорили на *разных языках* и приносили жертвы *разным языческим богам*? Не модернизируем ли мы историю, полагая, что условия рождения искомого нами «нового человека» могли на этом фоне определяться лишь обстановкой, царившей в лавке рыночного менялы, в мастерской ювелира или в свите языческого военного вождя?

Разумеется, эти вопросы звучат не впервые. Археологами давно замечено общерусское явление, получившее условное название «перенос городов». Суть его заключается в том, что возникшие в IX–X вв. крупные и богатые укрепленные поселения в XI в. (иногда чуть раньше или чуть позже) приходят в запустение или гибнут, а неподалеку от них начинают развиваться новые центры — русские летописные города. Нечто подобное, как мы увидим ниже, происходило и в Торопце. Ученым, расценившим это явление как результат христианизации и сформулировавшим, наконец, понятие «христианский город», стал тверской археолог П. Д. Малыгин. Исследователь весьма убедительно поставил знак равенства между древнерусским градообразованием, феноменом «переноса» городов и крещением Руси (Малыгин 2018: 116–117). Это можно расценивать и как новый прорыв в историографии, и как возвращение к мыслям В. П. Даркевича, и далее — к русской историософии начала XX в., в частности, к идеям Л. П. Карсавина о необходимости «религиозно-метафизического» познания средневековья (Карсавин 1918: 3, 64–66).

Таким образом, сквозной темой этой книги является характеристика «нового человека» Древней Руси на примере средневековой истории Торопца. По счастливому стечению обстоятельств, искать в данном случае нам не приходится. Имя его известно — это торопецкий купец Чернь Торопчанин, он же инок Киево-Печерской лавры Исакий Затворник (сконч. ок. 1090). Попробуем приблизиться к нему, посмотрев на места, где он родился и вырос, на сокровища, которыми он пренебрег, и проанализировать скудные следы, сохранившиеся от его эпохи в современных ландшафтах Торопца и связанных с ним музейных коллекциях.

Необходимость сделать эту книгу полезной не только специалисту-археологу, но и любому, кто интересуется историей Руси, требует от автора ввести в текст некоторые общие места историографии. Уповаю на то, что заведомая неполнота этих ссылок не вызовет со стороны коллег поспешных обвинений в незнакомстве автора с литературой по древнерусским городам во всем ее объеме. Терминология книги не требует особых предварительных пояснений, кроме одного — имя «Русь» пишется мною с прописной буквы в тех случаях, когда речь идет о политическом образовании X–XIII вв., и со строчной — когда разговор заходит о народе (русь, росы, русы), известном по раннесредневековым письменным источникам. То же самое относится и к этнониму «литва». Археологические термины, малопонятные неподготовленному читателю, объясняются в сносках.

Несколько слов об иллюстрациях к этому изданию. История науки на них неотделима от истории России. Читатель увидит неотредактированные материалы старых полевых отчетов и непарадные фотоснимки участников раскопок, среди которых крестьянские дети 1900-х гг., археологи 1930-х и 1940-х гг., предвоенные пионеры и воспитанники послевоенных детдомов, студенты-практиканты 1990-х. Археология была и остается наукой молодых. Многие полевые чертежи прошлого века на фоне современных компьютерных технологий фиксации покажутся современному человеку небрежными и даже примитивными. На самом деле каждый рисунок — огромный труд и бесценное свидетельство прошлого, большей частью утраченного. До сих пор время щадит археологические древности Торопца. Их не разрушает многоэтажная городская застройка, промышленное

строительство и прочие факторы техногенной эпохи. Торопец ждет новых исследований. Надеюсь, они не за горами.

Книга написана в Отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН в рамках госзадания № FMZF-2023–0001 «Древнерусский Торопец и его округа». Подготовке монографии способствовали многие друзья и коллеги, среди которых мне хотелось бы отдельно назвать А.А. Микляеву, Е.А. Шаблаvinу, Р.С. Минасяна и А.Г. Фурасьева (Государственный Эрмитаж), О.А. Щеглову и А.А. Липатова (ИИМК РАН), А.Н. Хохлова (ООО «ТНИИР-Центр», Тверь), а также коллективы двух важнейших археологических архивных собраний — научных архивов ИИМК РАН (Санкт-Петербург) и ИА РАН (Москва). В.С. Нефёдов (ИА РАН) ознакомился с первоначальным вариантом рукописи и высказал несколько ценных замечаний. Отдельно хочется выразить благодарность исследователю Торопца Д.И. Фонякову, предоставившему для работы материалы своего личного фотоархива, С.В. Красниенко (ИИМК РАН), чьей помощью я воспользовался, разбирая этот архив, а также Д.Г. Баринову (АННАО «Центр краеведения», г. Энгельс), давшему любезное согласие на публикацию иллюстраций некоторых находок из своих полевых отчетов. При работе с музейными собраниями большую помощь мне оказали Н.Ю. Шарковская (Витебский областной краеведческий музей) и Е.Н. Покрашенко (Торопецкий краеведческий музей). Фотографии предметов из эрмитажной коллекции выполнены Д.А. Бобровой (Государственный Эрмитаж). Новые прорисовки знаменитого торопецкого блюда из собрания Эрмитажа и фрагментов похожего предмета из Исторического музея в Стокгольме выполнены М.Г. Бодровой (ИИМК РАН).

Глава 1

О периодизации торопецких древностей

Г таринный русский город Торопец лежит на юго-западных отрогах Валдайской возвышенности, там, где она образует так называемый Великий восточноевропейский водораздел (рис. 1–4). Здесь сходятся истоки рек, принадлежащих к бассейнам трех морей — Балтийского (как его называли на Руси — *Варяжского*), Каспийского (*Хвалисского*) и Черного (*Понт-моря*). Географическое расположение во многом определило историческую судьбу этого региона в средневековье — быть связующим звеном между славянским Поднепровьем и Северной Русью с одной стороны, Русью и Прибалтикой — с другой. Начинаясь здесь волжский путь вел в Волжскую Булгарию, Хазарию и далее — на рынки богатейшего исламского мира.

Средневековые древности Торопца можно сгруппировать и описать в зависимости от четырех условных исторических эпох, пережитых Торопецким краем вместе со всей Северо-Западной Русью. Это, во-первых, предыстория микрорегиона, когда вместе с формированием пути из варяг в греки складывались предпосылки для возникновения города (VIII–IX вв.). Далее следуют начальный период древнерусской истории (X–XI вв.); время расцвета древнерусской городской культуры (XII–XIII вв.); литовский (XIV–XV в.) и москов-

ский (XVI–XVII вв.) периоды. Степень археологической изученности упомянутых эпох в Торопце и его округе очень неравномерна, и вместо непрерывной исторической панорамы мы можем пока проследить лишь отдельные ее фрагменты, открытые раскопками, а порой представленные и случайными находками, сделанными местными жителями. Основной материал для наблюдений предоставляют результаты археологических полевых исследований Н. П. Милонова (1938–1939 гг.), П. А. Раппопорта (1956 г.), Я. В. Станкевич (1949–1950, 1957, 1958 гг.), Г. Ф. Корзухиной и М. В. Малевской (1960–1961, 1965, 1972 гг.), Ю. М. Лесмана (1975–1980 гг.) и Д. И. Фонякова (1986–1993 гг.) (историографию см.: Фоняков 1988; Лесман 1990; Малевская, Фоняков 1991; 2000; АКР 2007). Для изучения ближайшей округи Торопца важны также результаты раскопок Д. Г. Барина в археологическом комплексе Речане (2013–2014 гг.).

Предысторию средневекового города Торопца следует отнести к VIII — началу X в. Именно в это время на будущей городской территории появляются достоверно известные археологам славянские (кривичские) сельские поселения. С ними связан комплекс археологических памятников культуры смоленских длинных курганов, располагающихся

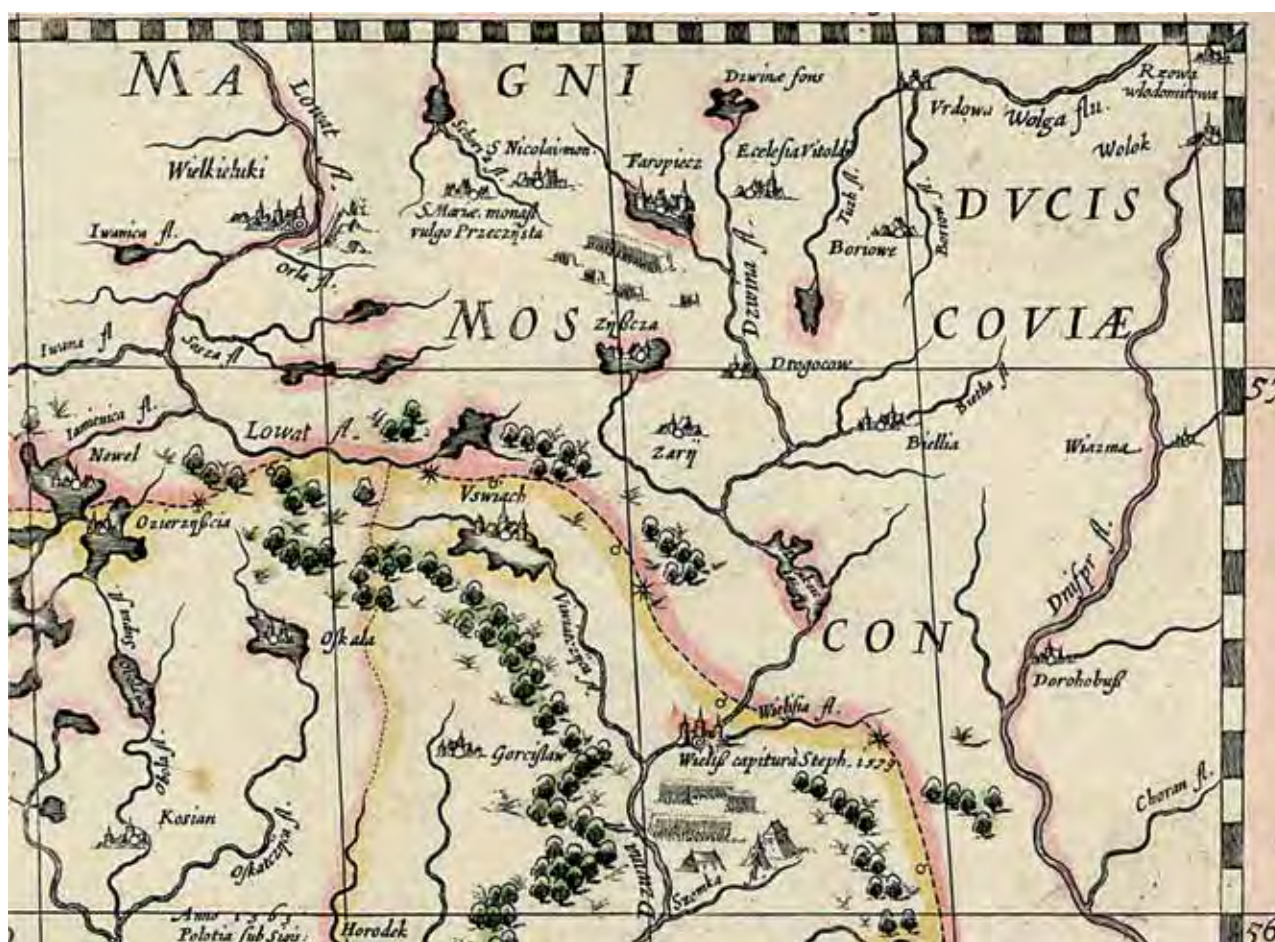

Рис. 3. Фрагмент карты Великого княжества Литовского Вильяма Блау (1613 г.) с условным изображением Торопца. Помимо географических реалий, карта отражает события Ливонской войны – на юго-западных подступах к Торопцу выстроились войска в боевом порядке

на северном берегу оз. Зеликовье¹. Наиболее изученной частью этого комплекса является курганный могильник близ юго-восточной оконечности оз. Светлицкое, насчитывавший некогда не менее 47 погребальных насыпей полусферической и удлинненно-прямоугольной формы (**Торопецкий 2 курганный могильник**). В разное время здесь раскопано 7 курганных насыпей (Корзухина 1964; Лесман А-1976; А-1977; Лесман 1987; Фояков А-1992). Характерной особенностью курганов является наличие в некоторых из них прямоугольных деревянных конструкций, которые археологи называют «домиками мертвых». Торопецкий 2 могильник – один из немногих средневековых некрополей кривичского ареала, позволяющих проследить начало интеграции скандинавских элементов в материальную культуру местного населения (не позднее IX в.).

¹ *Культура смоленских длинных курганов* – условное наименование совокупности археологических памятников VIII–X вв., оставленных населением Северной Белоруссии, Смоленщины, Центральной и Юго-Восточной Псковщины и западных районов Тверской области. В Подвинье *культура смоленских длинных курганов* сливается с лежащими севернее древностями *культуры псковских длинных курганов*, имеющей более широкую датировку – V–X вв. Обе археологические культуры в своем распространении очерчивают область, занятую в раннем средневековье славянами.

С Торопецким 2 могильником можно предположительно связать два поселения: селище на восточном берегу оз. Светлицкое (**селище Торопец 1**) и поселение на северном берегу оз. Зеликовье (**селище Торопец 2**). Оба памятника содержат лепную керамику I тыс. н. э., а на селище Торопец 2 отмечены и раннегончарные фрагменты (Лесман А-1976: л. 3; А-1978: л. 5, 6). Дать более полную характеристику этим поселениям затруднительно, поскольку исследования их носили разведочный характер. В настоящее время оба поселения, так же как и могильник, уничтожены (Арташкин А-2012: л. 151, 152).

С указанной группой памятников, надо полагать, связан **клад восточных монет**, обнаруженный на северном берегу оз. Зеликовье, на песчаной возвышенности близ селища Торопец 2. Клад найден в 1960 г.

Первоначально определено 55 монет (описаны А. А. Быковым). Дирхемы аббасидские, чеканены между 134 г. х. (751/752 г.) и 253 г. х. (867 г.) (Корзухина 1964). К 1971 г. удалось собрать 73 монеты из этого сокровища. Датировка клада не изменилась (Кропоткин 1971: 81 (№ 34); Noonan 1998: 107 (№ 58)).

Находки арабских монет на оз. Зеликовье и равноплечной скандинавской фибулы в кургане Торопецкого 2 могильника служат некоторым исследователям основанием для рассмотрения группы памятников VIII–X вв. на правом берегу р. Торопы как предшественника древнерусского городского поселения (Корзухина 1964). Действительно, эти детали указывают, с одной стороны, на глубокое проникновение североевропейских традиций в местную культуру (в такую консервативную ее область, как праздничный женский убор), с другой — на активное обращение среди местного населения восточного монетного серебра. Очевидно, уже для этого времени можно говорить об особой роли торопецкого микрорегиона на торговых путях, связывавших Северную и Южную Русь.

В то же время какие-то поселения в VIII–IX вв. существовали и на месте будущего города на левом берегу Торопы. На такую возможность в первую очередь указывают некоторые архаические черты в *Торопецком 1 курганном могильнике*. Этот некрополь, расположенный к западу от Большого городища, насчитывал некогда более 100 погребальных насыпей, видимо, в нескольких группах. К 1949 г. сохранялось всего 30 курганов, среди которых имелись круглые, удлиненные, подпрямоугольные и один сопковидный курган (Станкевич А-1949: л. 37). Часть курганов, как выяснилось, хранила в себе погребения по обряду трупосожжения (Фоняков А-1992). Все это сближает могильник с древностями культуры смоленских длинных курганов, т. е. с Торопецким 2 курганным могильником. В 1979 г. Ю. М. Лесман зафиксиро-

вал на левом берегу 15 курганных насыпей (Лесман А-1979: л. 5, 6). В настоящее время здесь сохраняется один сопковидный курган и 4 небольших полусферических насыпи².

В 2012 г. И. В. Ислановой удалось зафиксировать на левом берегу р. Торопы напротив селища Торопец 2 на первой надпойменной террасе поселение второй половины I тыс. н. э. (с нетронутыми участками культурного слоя), которому было дано название *селище Торопец 5* (Исланова А-2012: л. 58–60)³. Видимо, это селище и связано с начальным этапом функционирования Торопецкого 1 могильника.

Первый период истории микрорегиона датируется X–XI вв., и для него характерны некоторые элементы раннегородской древнерусской культуры. К периоду относятся несколько памятников.

Скандинавский могильник (?) предположительно находился на вышеупомянутой возвышенности северного берега оз. Зеликовье. В 1961 г. здесь при осмотре карьера найдено несколько предметов, связанных с культурой Северной Европы: скорлупообразная двусоставная позолоченная фибула типа P52A (согласно типологии норвежского археолога Я. Петерсена), датирующаяся X в., сломанный железный стержень (вертел?) с крупными гранчатыми бронзовыми бусинами X — начала XI в., имеющий параллели в Скандинавии (Швеции, Норвегии и Исландии), и богато орнаментированное блюдо восточной работы из медного сплава, датирующееся X–XI вв. Сочетание предметов, встречающихся в скандинавских женских захоронениях X в., указывает на совершение на холме по крайней мере одного богатого погребения (Еремеев, Дзюба 2010: 494). Разумеется, мы не можем исключать вероятности существования на берегу озера отдельной усадьбы выходцев из Скандинавии с небольшим кладбищем, но, скорее всего, следует рассматривать захоронение такого рода как индикатор какого-то

² Большая часть могильника уничтожена или сильно повреждена карьерами и застройкой. В архиве ИА РАН имеется информация от 2012 г. о том, что курганная группа полностью уничтожена, за исключением одного кургана высотой около 2 м (Артакин А-2012: л. 140). Наш осмотр могильника в ноябре 2023 г. выявил, кроме вышеупомянутой большой насыпи (сопковидный курган № 14), еще как минимум 4 сохранившихся кургана на бровке коренного берега оз. Зеликовье (насыпи 1–4 по нумерации Ю. М. Лесмана) (рис. 52, 53, 82).

³ От селища сохранился на тот момент участок размерами примерно 65 × 180 м.

расположенного поблизости значительного административно-торгового поселения.

Группа сопок (Торопецкий 4 курганный могильник) располагается на мысу восточного берега оз. Зеликовье. Изначальное количество насыпей точно не известно. По картографическим данным начала XVIII в. (рис. 5, 6) их было здесь не менее шести (Фоняков 1985: 95). До настоящего времени сохранились две эффектные насыпи высотой 3,5 и 4,5 м, диаметром 20 и 23 м. Датировка таких памятников определяется обычно в рамках IX–X вв.

Торопецкий 1 курганный могильник в этот период является главным некрополем микро-региона. Один из его самых поздних языческих курганов содержал гончарную урну второй половины X или начала XI в. Именно этот курган, судя по типу сосуда, может являться свидетелем рождения и детства известного по Повести временных лет инока, подвизавшегося около середины XI в. в Киево-Печерской лавре под именем Исакия, «родом торопчанина». Иными словами — перед нами самый древний археологический объект, который мы можем достоверно связать с городом по имени Торопец.

Несколько более поздним временем датируется еще один интересный погребальный комплекс, раскопанный здесь Я. В. Станкевич. Курган содержал труположение в могильной яме, сопровождавшееся наборным поясом, ножом, подковообразной фибулой и двумя наконечниками стрел (Станкевич 1960: 140, рис. 93; Фоняков 1986). Погребение датируется XI — началом XII в., т. е. захороненный в нем воин был младшим современником Исакия Торопчанина⁴.

Еще одна группа курганов (**Торопецкий 3 курганный могильник**) располагалась к югу от Большого городища и насчитывала первоначально не менее 6 насыпей (Фоняков 1985: 95). Раскопок здесь не было. К 2012 г. сохранялся один курган (Арташкин А-2012: л. 142).

По времени с вышеупомянутым погребением мужчины-воина соотносится **денежно-вещевой**

клад, найденный в 1968 г. на огороде в черте современного города (точное место неизвестно). Определены 29 западноевропейских денариев. Младшие монеты клада: датский денарий Свена Эстридсена (1047–1075 гг.) и трирский денарий Эбергарда (1047–1066 гг.). В. Н. Потин датировал сокрытие клада временем около 1070 г. (Потин 1974: 150). Из вещевой части клада до нас дошли два серебряных браслета с завязанными концами. Время использования таких украшений, известное по другим источникам, предложенной датировке клада не противоречит.

Селище Торопец 3 располагается на левом берегу р. Торопы при истоке ее из оз. Соломено⁵. Культурный слой поселения содержит лепную керамику, и топографическая близость его к курганному могильнику X в. (Торопецкому 1 могильнику) позволяет датировать поселение тем же временем. Не исключена и более ранняя датировка. Археологи находили лепную керамику и к северо-западу от Большого городища на склоне надпойменной террасы (Воробьев А-1982: л. 2). Вероятно, можно говорить о цепочке поселений, располагавшихся в конце I тыс. н. э. по левому берегу Торопы от ее истока из оз. Соломено до селища Торопец 5, открытого И. В. Ислановой.

Большое городище и Привалье (Старый посад) — обширная возвышенная территория на левом берегу Торопы при истоке ее из оз. Соломено. Территория включает в себя высокую гряду с Большим городищем и террасированное всхолмленное пространство к востоку от него (Привалье или Старый посад), спускающееся к озеру Соломено (рис. 7–9). Раскопки Д. И. Фонякова выявили здесь находки X–XI вв.: лепную керамику, саманидские дирхемы, бусы-лимонки (Малевская, Фоняков 1991: 11; 2000: 167). Лепная керамика встречалась тут и в шурфах других исследователей (Лесман А-1978: л. 4; 1990: 79). Известны на Большом городище также находки следов железоделательного производства (Станкевич А-1950: л. 75).

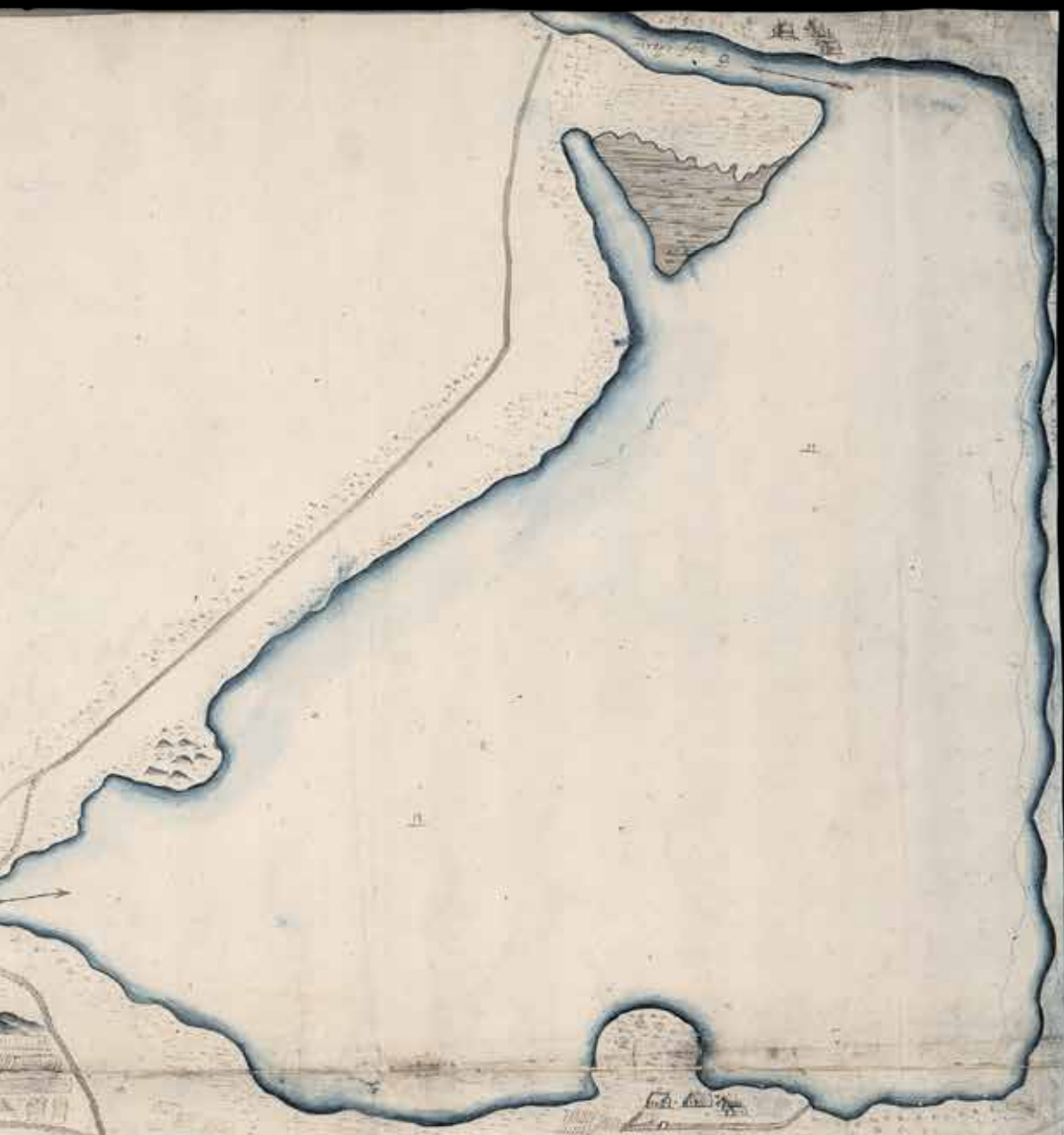
⁴ В. В. Мурашева отмечает параллель торопецкому поясу в кургане Ц-191 Гнёздова (Мурашева 2000: 76).

⁵ Иногда этот участок древнерусского посада называют «селище Лодейница». Некоторые авторы указывают, что Лодейницей называли урочище у западного подножия Большого городища, где его нижний эскарп образовывал в Броснинском болте мыс, напоминающий пристань (рис. 9, 21–23). Каких-либо научных оснований считать Броснинское болото судоходным в средневековье — пока не имеется.

Plan Oppidi Toropes et Arcubum et
Duchus de Rzeva (Toropescz)

Рис. 5. План города Торопца, 1720-е гг. БАН. ОРРК. Р0266/3. Л. 40

- A - S'paga Topaga
- B - Mola pa
- C - S'paga Topaga, Topa H' Canna, S'paga M' in S'paga up'pa
 m'paga S' K'upa C'pa X' ca S'paga S'paga S'paga
 C' K' ca S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
- D - Topa S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 m'paga S' K'upa C'pa X' ca S'paga S'paga S'paga
 pa S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
- E - S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
- F - S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
- G - S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
- H - S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
- I - S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
- J - S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
- K - S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
- L - S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
- M - S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
- N - S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
- O - S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
- P - S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
- Q - S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
- R - S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga
 S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga

0 100 200 300 400 500 Miles

Feit par S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga S'paga

Селище Торопец 5 выявлено И. В. Ислановой в 2012 г. на первой надпойменной террасе левого берега Торопы при впадении ее в оз. Зеликовье. Обнаружен культурный слой мощностью до 1,1 м, содержащий средневековую лепную и раннегончарную керамику, а также фрагмент глиняного диска, возможно, от средневекового ткацкого станка (Исланова А-2012: л. 60, А-2012а: рис. 415–418).

Малое городище — древнерусский город Торопец располагается на возвышении западного берега оз. Соломено (рис. 6, 10). Хотя основные культурные напластования городища относятся к более позднему времени, ряд находок позволяет предполагать, что неукрепленное (?) поселение возникло где-то неподалеку еще в X — первой половине XI в. В первую очередь это фрагменты лепной керамики с городища (Раппопорт 1959: 87; Малевская, Фоняков 1985: 63; 1991: 13), а также некоторые находки архаичного облика из верхних напластований, возможно перетолженные при земляных работах XII–XIII вв. К таким находкам можно отнести ланцетовидные наконечники стрел (Малевская, Фоняков 2000: рис. 113: 1). Возможно, на Малом городище археологам удалось зафиксировать периферийную часть единого обширного поселения (вероятно, с гнездовой, а не сплошной застройкой), включавшего и территорию Большого городища, и Привалье, и западный берег оз. Соломено.

Несмотря на крайнюю фрагментарность источников, относящихся к первому периоду в истории Торопца, они позволяют предположить, что в X в. и на протяжении большей части XI в. он представлял собой агломерацию поселений с городищем-убежищем (Большим городищем) в центральной своей части. С запада и юго-запада к этой селитебной структуре подступал внушительный по площади курганный некрополь, остатками которого являются могильники 1 и 3. Торопец, несомненно, уже в этот период представляется важным военно-административным центром на пути из варяг в греки. Но классический древнерусский город сформировался позднее — на рубеже XI и XII вв.

Второй период в истории Торопца датируется XII–XIII вв. и является эпохой его расцве-

та. К этому времени относится ряд археологических объектов, степень изученности которых значительно выше, чем памятников предшествующих столетий.

Малое городище возникает именно в этот период, в конце XI или начале XII в. (Малевская, Фоняков 1991: 35). В озерной пойме строится небольшая, но очень сильная крепость с кольцевой планировкой. Как отмечал П. А. Раппопорт, по высоте валов (не менее 8–9 м) Торопецкое городище — одно из самых мощных древнерусских укреплений этого типа (Раппопорт 1961: 15). Малое городище — наиболее подробно исследованная часть средневекового города, на которой археологами вскрыто, по суммарным подсчетам, около 820 м² культурного слоя (АКР 2007: 303). Раскопки 1950–1990-х гг. открыли здесь несколько ярусов деревянной застройки, укладываемой в хронологический промежуток от рубежа XI–XII вв. до первой половины XIV в. Хорошая сохранность древесины в слоях Малого городища позволила выстроить его хронологию с опорой на дендродаты. Раскопками открыто 9 горизонтов застройки. В верхнем горизонте 2 расчищен бревенчатый настил, шедший вдоль вала по периметру площадки городища, и две узкие улицы — одна вдоль вала в 10 м от него, вторая — от вала к центру площадки. Выяснилось, что древнерусский город пришел в упадок после уничтожения в пожаре горизонта 2, датировка которого определяется 1250–1270-ми гг. (Малевская, Фоняков 1991: 25). В одной из построек этого времени, погребенной под рухнувшими с вала обугленными бревнами оборонительной стены, найдены останки сгоревшей женщины, обгорелая одежда, разнообразные украшения и створка креста-энколпиона (Малевская 1963: 76; Малевская, Фоняков 1991: 28). Исследователи связывают пожар Торопца с каким-то набегом литовцев, не нашедшим отражения в русских летописях. О военных причинах пожара говорят не только брошенное непогребенным тело, но и тот факт, что после этого пожара дерево-земляные укрепления торопецкого детинца и плотная застройка внутри него больше не возобновлялись.

Привалье (Старый посад) приобретает в XII в. характер настоящего городского посада, а с XIII в. — обносится валом и рвом. Вероятно, совершенствуется и система эскарпов **Большого городища**, возникшая в более раннее время. Прорезка вала была сделана Ю. М. Лесманом в 1980 г. и остается главным источником по стратегической укреплений Старого посада. Первоначальная высота вала составила около 2 м при ширине примерно 8 м (Лесман 1981: 63; 1990: 77, 78; Малевская, Фоняков 1991: 35). Территория превращается в обширный укрепленный окольный город (Фоняков 1985: 95)⁶. Городская застройка, датированная домонгольским временем, была здесь единственный раз вскрыта в 1939 г. в раскопе Н. П. Милонова (ему удалось найти и исследовать срубную постройку XII–XIII вв. с глинобитной печью) и с тех пор не изучалась, хотя культурный слой этого времени неоднократно фиксировался различными исследователями в шурфах (Лесман 1990: 78–79).

Кроме Большого городища и Привалья находки древнерусской гончарной керамики XII–XIII вв. фиксируются на селище 2 на северном берегу оз. Зеликовье, на острове в истоке Торопы из оз. Соломено и напротив этого острова на северном берегу Торопы. Поселения на этих территориях можно расценивать как **пригородные слободы** (Малевская, Фоняков 1991: 13).

Грунтовые могильники конца XI — XV в. обнаружены и изучены археологами на вершине Большого городища и на его восточном склоне в Привалье (Станкевич 1960: 145; Фоняков 2000: 166–185; АКР 2007: 312–313). Раскопки проводились на нескольких участках, всего обнаружено более 80 труположений в могильных ямах. Очевидно, в древнерусское время здесь располагались несколько христианских некрополей, продолжавших функционировать и в последующее время⁷. Вероятно, существовали и другие средневековые кладбища, но информация о них пока не подтверждена раскопками (АКР 2007: 313).

⁶ Неясным остается вопрос об укреплениях со стороны озера и Торопы. Здесь должны были находиться деревянные стены, иначе окольный город оставался совершенно беззащитным со стороны пологой береговой кромки, протяженность которой внутри валов и эскарпов составляла около 1,5 км.

⁷ Улица Горная, идущая по рукотворной террасе склона Привалья, по воспоминаниям старожилов, носила до революции название «Кладбищенская».

Таким образом, в период своего расцвета Торопец демонстрирует сложную городскую селитебную структуру, состоящую из детинца (мощной цитадели в центре поселения), укрепленного окольного города с несколькими храмами и расположенными близ них некрополями, а также с пригородными слободами, располагавшимися вдоль дорог, выходящих из Торопца на север (на Новгород), на запад (на Луки) и на юг (в Полоцк и Смоленск).

Третий, литовский, период в истории средневекового Торопца обеспечен археологическими источниками значительно хуже, чем древнерусское время.

На **Малом городище** в конце XIII — середине XIV в. продолжает еще теплиться жизнь. Раскопки открыли несколько жилых построек этого времени, весьма бедных находками (Малевская 1963: 72; 1967: 62), и сооружения, связанные с железоделательным производством и кузнечным делом (Малевская, Фоняков 1991: 31). Плохая сохранность дерева в верхнем горизонте 1 не позволяет получить для этого периода дендродаты. Для ориентировки во времени здесь важна находка пражского гроша Карла I (IV) (1346–1378 гг.) (Малевская, Фоняков 1991: 56). Надо полагать, сторевшие деревянные укрепления Малого городища в литовский период не восстанавливались, а земляной «рингфорт» был превращен в производственную зону, изолированную валом от жилой застройки города.

Слабая изученность не позволяет давать подробную характеристику литовскому периоду истории Торопца. Очевидны изменения территориальной структуры и ее упрощение, хотя можно говорить об определенной инерции древнерусской городской культуры. Обитаемым пространством оставалась территория **Привалья и Старого посада**. Эти участки города исследованы значительно хуже, но, несомненно, предоставляют в руки археологов материал XIV–XV вв. (Станкевич 1960: 145; АКР 2007: 307).

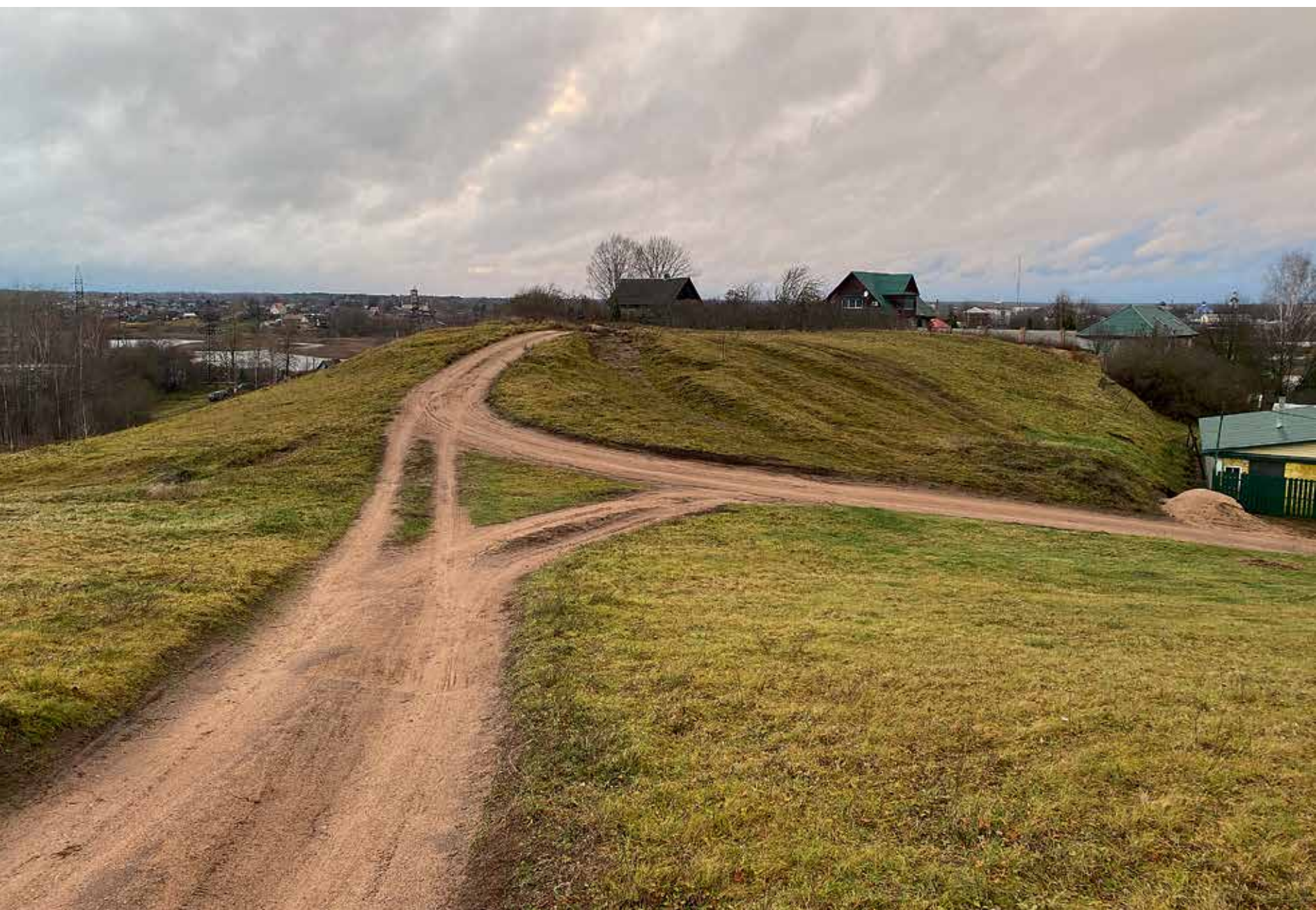

Рис. 6. План города Торопца, 1720-е гг. Фрагмент. БАН. ОРРК. Р0266/3. Л. 40

*Рис. 7. Большое Торопецкое городище и Броснинское болото. Вид с юго-запада.
Фото И. И. Еремеева. Ноябрь 2023 г.*

Рис. 8. Северная площадка Большого Торопецкого городища. Вид с юга. Фото И. И. Еремеева. Ноябрь 2023 г. Хорошо видна эскарпировка восточного (внутреннего) склона городища, отраженная еще на фотографии Н. П. Милонова 1938 г. (рис. 34). Наличие эскарпа со стороны древнерусского посада указывает на то, что в период, предшествовавший существованию этого посада (т.е. до конца XI в.), Большое городище (возможно, лишь северная его площадка) функционировало как отдельное укрепление

*Рис. 9. Эскарп западного склона южной части Большого Торопецкого городища. Вид с юго-запада.
Фото И. И. Еремеева. Ноябрь 2023 г.*

В XIV в. были реконструированы и усилены и фортификационные сооружения, окружавшие эту часть города. Высота вала возросла до 3 м, причем общая высота земляных укреплений (от дна рва) составила не менее 7 м (Лесман 1981: 63; 1990: 77, 78; Малевская, Фоянков 1991: 71). Несмотря на запустение детинца, Торопец продолжал быть грозной крепостью, так как укрепления Большого городища очень удачно дополняли особенности рельефа, чрезвычайно ограничивая возможности организации штурма города в теплое время года, когда водоемы не были покрыты льдом (Раппопорт 1961: 20).

В литовский период, как установлено раскопками, продолжают захоронения на городском кладбище в Привалье (Малевская, Фоянков 2000: 184). К этому времени, по всей ви-

димости, относится и культурный слой, зафиксированный под укреплениями городища Красный вал в островной части Торопца (Раппопорт 1961: 16).

Четвертый, московский, период в торопецком археологическом материале представлен пока также фрагментарно. Активная жизнь перемещается к северу, по отношению к древнерусскому городу. Радикальные изменения его облика в XVI в. связаны с переходом под юрисдикцию Московского государства и превращением в крупный военный и экономический центр на русско-литовском пограничье. Новые укрепления возникают на вышеупомянутом острове в истоке Торопы из оз. Соломено.

Торопецкий кремль (городище Красный вал) представляет собой трапециевидную

в плане крепость, в общих чертах повторяющую форму острова в истоке Торопы из оз. Соломено. Новые укрепления подступали почти к самой воде, поэтому рвов при них не было. Высота валов, там, где они сохранились до наших дней, достигает 2,5 м. В письменных источниках XVII в. имеются сведения о 9 башнях (Раппопорт 1961: 16–17). Земляные бастионы, на которых они были возведены, отмеченные на плане 1720-х гг. (рис. 5, 6), читаются в рельефе и в настоящее время. Сложно сказать — насколько эта планировка изначальна. Динамика и этапность перестроек укреплений требуют специального археологического изучения. Построенная в начале XVI в. крепость неоднократно реконструировалась и подновлялась на протяжении двух столетий. По мнению А. Н. Кирпичникова, бастионы крепости появились в 1586 г. (Кирпичников 1979: 492). В этот период Торопецкий кремль получает сходство с укреплениями Корелы и Заволочья.

Кремль имеет мощный (до 2 м) культурный слой, хорошо сохраняющий древесину. Раскопки Д. И. Фонякова выявили здесь 9 ярусов бревенчатой мостовой, деревянные постройки и многочисленные находки XVI–XVIII вв. (АКР 2007: 307–308).

Новый Торопецкий посад лежит к северу от кремля за протокой р. Торопы. Посад также был окружен укреплениями, которые известны лишь по документальным описаниям XVII в. (Фоняков 1990: 122, 123). Следов от них на современной поверхности не сохранилось. Археологически укрепления нового окольного города не исследовались и лишь однажды попали в поле зрения археологов, открывших в одном из раскопов остатки бревенчатых клеток, предположительно принадлежавших острогу (Малевская, Фоняков 1991: 73). Раскопки жилых кварталов на новом Торопецком посаде велись в 1980-е гг. В культурном слое, хорошо сохраняющем

органику, открыты остатки деревянных построек XVI–XVIII вв. (Малевская, Фоняков 1991: 82–84).

Грунтовый могильник Красный вал располагался на территории кремля и подвергался археологическим раскопкам в 1989 г. Исследовано 19 погребений, датирующихся XVI–XVIII вв. (Малевская, Фоняков 2000: 185–188).

Характеризуя состояние источниковой базы по археологии Торопца, можно заключить, что она остается неупорядоченной и содержит множество белых пятен. Не изучались систематически напластования X–XI вв., слабо изучен литовский период истории города. Наконец, неплохо сохранившаяся московская дерево-земляная крепость XVI–XVII вв. — также не подвергалась раскопкам.

Рис. 10. Малое Торопецкое городище — детинец древнерусского города. Современный вид с юга. Фото И. И. Еремеева, 2015 г.

Глава 2

Историко-археологические исследования древнерусского Торопца и общие вопросы раннесредневековой археологии Европейской России

Торопецкие древности привлекли внимание науки сравнительно поздно — в самом конце XIX в. Некоторые данные о них использовал в своей работе Иван Иванович Побойнин¹. Первая часть его капитального краеведческого труда «Торопецкая старина» была опубликована в 1897 г. в «Чтениях» Императорского Общества истории и древностей Российских (Побойнин 1897). В 1902 г., уже в бытность ее автора членом-соревнователем Общества, книга вышла отдельным тиражом (Побойнин 1902).

И. И. Побойнин относил расселение славян-кривичей в верховьях Западной Двины к концу VII — началу VIII в. В своих рассуждениях об этом он следовал за ПВЛ, полагая, что кривичами были заняты пустующие земли, отделенные от «соседей-иноземцев» лесами и болотами. И. И. Побойнин вполне разделял общую для всей русской исторической географии рубежа XIX и XX вв. концепцию славянской колонизации с опорой на небольшие городки:

«Уцелевшие до настоящего времени в Торопецком уезде городища, т. е. городки, оказавшиеся неудобными в хозяйственном отношении и потому переставшие быть жилыми местами еще в древности, своими весьма значительными размерами доказывают, что они не могли быть обиталищем одной семьи. Вместе с тем почти все необитаемые в настоящее время городища своим видом ясно свидетельствуют, что они никогда не могли иметь важного значения в военном отношении. Видно, что они были устроены кривичами для поселения еще в то время, когда им не нужно было заботиться об укреплении своих городков, так как страна никем, кроме них, не была занята <...>. Позднее, когда умножалось население городка, некоторые из обитателей его, с целью с большим удобством заниматься земледелием и эксплуатировать лесные богатства окрестного края, распространялись из городка по всей прилегающей к городку местности, постепенно покрывая ее своими дворами» (Побойнин 1902: 2).

¹ И. И. Побойнин мало известен нашим современникам. Имеются сведения, что ученый служил преподавателем географии и истории 2-го Московского кадетского корпуса (Рабинович 2017: 12). В списках ИОИДР И. И. Побойнин числится принятым в московские члены-соревнователи 24 января 1898 г. (Чтения 1902: 7), см. также протокол соответствующего заседания ИОИДР (Чтения 1899: 3). О статусе члена-соревнователя ИОИДР и об издательской деятельности последнего см.: Демидов, Ишутин 1978; Шахназарова 2009.

Русские летописи, повествуя о военных и политических событиях, уделяли большое внимание роли в них укрепленных поселений — *городов, городков*, или, как их иногда называли, *твердей*². Укрепления эти могли носить самый разный характер — от простых даже не окопанных рвами пригорков (в европейской научной литературе есть термин *defensive hill* — *оборонительный холм*) до настоящих небольших крепостей с эскарпами, рвами, валами и с мощными рублеными из бревен стенами, сооружение которых требовало серьезного инженерного опыта. Вероятно, некоторые городища первого рода могли быть укреплены засеками, практически не оставляющими археологических следов. Здесь следует упомянуть свидетельство Ипатьевской летописи, описывающей места, в которых еще в 1256 г. укрывались ятвяги во время набега на них русских князей, как некий *хворост*: «Данилови же и Лвови онех вяжуще, иныя же ис хвороста ведущоу, сечахуть я» (ПСРЛ, т. II. 1998: 834).

Самое раннее достоверное упоминание о временном древнерусском земляном полевом укреплении-городке содержит ПВЛ. Такое укрепление, состоявшее из рва, в 980 г. построили варяги и новгородцы на Дорогожиче для Владимира Святославича, осадившего своего брата Ярополка в Киеве (ПВЛ 1996: 36).

Концепция славянской колонизации лесной зоны Восточной Европы с опорой на малые укрепленные поселения, или временно обитаемые городища-убежища, возникнув в XIX ст., благополучно пережила весь XX в. и продолжает разрабатываться историками и археологами (Барсов 1873; Середонин 1916: 154, 155; Спицын 1917: 18; Ключевский 1923: 135, 136; Любавский 1996: 119, 120, 138; Станкевич 1960; Фроянов 1992; Фурасьев 1995; Еремеев, Дзюба 2010; Лопатин 2017; 2018; Еремеев 2023). Глав-

ной сложностью на пути этих исследований является проблема начального этапа освоения славянами своих городков.

Дело в том, что, как выяснилось, славяне-кривичи не были все-таки «первыми насельниками» на Северо-Западе. На протяжении многих столетий, предшествовавших появлению славян, здесь обитали многочисленные финно-угорские и балтские племена. Большинство из них были близки славянам по хозяйственному и культурному развитию, а балты — и по языку. Именно этим дославянским населением и основано большинство городищ, которые к моменту появления славян уже имели позади многовековую историю. Повсеместно под напластованиями раннеславянского времени залегают более древние культурные слои первых веков н. э., а то и более давних времен. Археологи выяснили, что «исход» этих аборигенов Северо-Запада с незащищенных поселений на городища начинается на рубеже эпохи бронзы и раннего железного века — около середины I тыс. до н. э.

С ранними славянами археологи соотносят северный вариант киевской археологической культуры, которая распространяется к северу от Днепра чуть ранее середины I тыс. н. э.³ В последующие два-три столетия, вплоть до VIII в. из Верхнего Поднепровья и Белоруссии в сторону оз. Ильмень выплеснулись еще несколько волн колонизации, о хронологии и обстоятельствах которых идут споры. Встретились ли славяне, занимая издавна обжитые городки, с прежним населением — это вопрос, который волнует уже не одно поколение археологов-славистов. Он до сих пор окончательно не решен, но сама скудость материала, накопленного по этой теме за столетний период археологических раскопок, позволяет предполагать, что славяне скорее изгнали аборигенов с их городков, нежели каким-то образом с ними смешались.

² «Тое же зимы ходи Роман Мстиславичь на Ятвягы отомыщиваться: бяхуть бо воевали волость его. И тако Роман вниде в землю их, они же не могучи стати противу силе его и бежаша в свои тверди, а Роман пожоу волость их и отомыщився, возвратися во свояси» (ПСРЛ, т. II. 1998: 702).

³ *Киевская археологическая культура* — совокупность древностей, распространенных в III–V вв. н. э. в Белоруссии, Верхнем Подвинье, в Среднем и Верхнем Поднепровье, а также в некоторых сопредельных с ними областях. Археологические памятники киевского типа в настоящее время принято считать древнейшей достоверно славянской восточноевропейской культурной общностью. На ее основе в V в. формируются более поздние культурно-исторические объединения Северо-Запада: банцеровская культура, культура псковских длинных курганов и многочисленные родственные им локальные культурные группы между Днепром и озером Ильмень.

В пользу этого говорит и такое соображение. Ландшафт Северо-Запада однообразен и состоит из бесконечного числа речных мысов и лесных холмов, пригодных для сооружения примитивных дерево-земляных укреплений-городков. Ничто не мешало новому населению, начавшему проникать на Северо-Запад во второй четверти I тыс. н. э., строить свои крепостцы на новых местах, например, соседних с теми, где много ранее возвели свои городки аборигены. Даже если допустить, что славян привлекали те же, удобные для ранних форм земледелия, ландшафты, что использовались финнами и балтами, — могли же кривичи, хоть на первых порах, селиться «особе» в бескрайних русских лесах. Тем не менее случаи сооружения новых городищ в V–IX вв. археологи фиксируют исключительно редко.

Таким образом, концепция «городищенской колонизации», сформулированная в XIX — начале XX в., трудами археологов оказалась существенно откорректирована. Не новые городки основывали славяне-кривичи, а захватывали старые, окруженные уже освоенными и давно расчищенными земледельческими угодьями. Правда, разумеется, прежнее население, потревоженное первыми набегами, могло к тому времени и покинуть насиженные места. Во многих случаях, вероятно, происходило именно так. Но, конечно, славяне застали городки не совсем заброшенными, не поросшими вековым лесом, а еще хранящими следы былой, точнее недавней, окультуренности. Иначе не стали бы они с таким постоянством селиться именно на обжитых ранее местах⁴.

Еще одна причина устойчивости систем городков во времени и пространстве кроется в их связи с постоянно действовавшими коммуникациями. В отечественной исторической науке издавна существует странная недооценка роли сухопутных дорог. Считается, что путями в ле-

сах (зимними или летними) служили главным образом реки. Сухопутные пути — волоки — функционировали, как часто думают, лишь на небольших отрезках водоразделов в верховьях рек. Поискам таких волоков русские историки посвятили немалое время, и мы их здесь повторять не будем (Барсов 1873: 19–22; Голубовский 1895: 9–15; Побойнин 1902: 4–8; Бернштейн-Коган 1950; Алексеев 1980: 64–66; Микляев 1992а; Буров 1975; 1994; Воробьев 2001; 2019). Между тем расположение поселений и особенно курганных групп начиная с середины — третьей четверти I тыс. н. э. указывает на вполне развитую дорожную сеть, в первую очередь в сухих и легкодоступных для людей, а также тяглогового и вьючного скота сосновых и сосново-широколиственных лесах⁵. Поскольку формирование дорожной сети во второй половине I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. происходило одновременно со становлением городков, последние превращались в важные узлы расселения на перепутьях.

Есть у затронутой проблемы и нематериальный, мифический аспект. Городки были, конечно, не только местами обитания, но и сакральными языческими центрами населенных округ. Овладеть новой землей *вполне* мифическое древнее сознание могло, не только лишь завладев имуществом и женщинами, но и укрепленными жилищами побежденного народа, поправ и лишив таким образом силы обитающих в них чужих богов. Важно было овладеть и путями, особенно перепутьями, перекрестками дорог, обладавшими, помимо понятного стратегического и экономического значения, еще и особыми волшебными качествами⁶. Это свойство мифического мировосприятия тоже стоит за упорной многовековой устойчивостью систем городков в разных регионах лесного славянского мира — не только в Верхнем Подвинье, но и в Приильменье и Верхнем Поднепровье.

⁴ Ипатьевская летопись упоминает о значительно более поздней (относящейся к середине XIII в.) практике русской колонизации ятвяжских земель — подчиненные племена обязаны были строить укрепления для завоевателей: «Ятвязи <...> послаша послы своя и дети своя и дань даша и обещавахоуся работе быти ему (князю Даниилу Романовичу. — И. Е.) и города рубити в земле своей» (ПСРЛ, т. II. 1998: 835).

⁵ Могильники культуры длинных курганов нередко располагаются длинными цепочками вдоль современных дорог, указывая тем самым на их глубокую древность.

⁶ В традиционной культуре европейских народов, в частности у русских, перекресток дорог служит, как известно, местом контакта человека с потусторонними силами.

И последнее, что нужно сказать — городки не были у славян универсальной и повсеместной формой обитаемого пространства. Большинство раннеславянских поселений в Подвинье было неукрепленным. Селища располагались на легких супесчаных почвах, обычно близ широких пойменных участков речных долин, представлявших богатые луговые угодья для выпаса скота. Чуть ниже мы рассмотрим группу таких селищ, известных у д. Речане, неподалеку от Торопца.

Вернемся, однако, к книге И. И. Побойнина, которая содержит великолепный очерк исторической топографии Торопца. Особенно ценна его характеристика укреплений: Малого городища и сильно поврежденного в XX в. Большого городища. В частности, он впервые отметил эскарпировку его склонов: «к юго-западной части города непосредственно примыкала широкая, гладкая дорога, искусственно устроенная в самом откосе, посредством выемки громадного количества земли. Дорога, начинаясь от залива реки Торопецы (так у И. И. Побойнина. — *И.Е.*), от самого основания откоса, поднималась вверх с правильной постепенностью. Она была устроена таким образом, что по мере того, как она поднималась вверх, поднималась выше и стена откоса, при которой она была устроена, так что враги, поднимаясь по этой дороге, все время подвергались бы со стороны горожан действию различных употреблявшихся в древности орудий обороны» (Побойнин 1902: 24). Этот участок укреплений сохранился, и сейчас можно убедиться в замечательной точности описания (рис. 9).

Другая важная для археологии тема, контуры которой разработал И. И. Побойнин, — локализация древних торопецких храмов на основании позднесредневековых письменных источников. Логическая конструкция, выстроенная им, может быть дополнена, но в основе своей она выглядит достаточно убедительно. По мне-

нию ученого, древнерусских храмов в Торопце было четыре.

Георгиевский собор. По предположению И. И. Побойнина, был главным и древнейшим из торопецких храмов, поскольку в XVI в. уже новый, возведенный на городище Красный вал, Георгиевский храм традиционно имел право через особых старост собирать пошрины с проезжих купцов (Побойнин 1902: 27, 28). Кроме того, княжеские церкви XI–XII вв., посвященные Св. Георгию, известны во многих древнерусских городах. Наконец, именно в Георгиевском соборе Торопца хранилась главная его святыня — Корсунская икона Божьей Матери⁷. Проблема локализации этой церкви (если допустить, что храм существовал в XI–XII вв.) заключается в том, что по документу 1617 г. торопчане пожертвовали в пользу причта Георгиевского собора Старый посад за вычетом участков, принадлежавших трем другим торопецким церквям — Борисоглебской, Параскевы Пятницы и Иоанно-Предтеченской (Побойнин 1902: 28). Это означает, что именно у Георгиевского собора и не было до 1617 г. своего земельного участка на Старом посаде, т. е. в древнерусском окольном городе. И. И. Побойнин вышел из этого затруднения, предположив, что древнейшая Георгиевская церковь находилась на Малом городище⁸. Но мы знаем сейчас, что оно возникло не ранее конца XI в., т. е. более чем через 100 лет после крещения Руси. Все это время княжеский город не мог, разумеется, стоять без церкви, когда еще Владимир Святославич «заповѣдавъ по всеи земли и крѣститися въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, и ясно и велегласно въ всѣх градѣх славитися Святѣи Троици, и всѣм быти христианомъ» (БЛДР 1997: 44)⁹. Иначе и быть не могло в граде, без остановки в котором после 1021 г. (т. е. после передачи Полоцку князем Ярославом Усвята и Витебска) не могло обойтись ни одно княжеское путешествие из Новгорода в Киев и обратно.

⁷ О происхождении, судьбе и датировке этого древнего образа: Шалина 1995; 2015.

⁸ И. И. Побойнин опрометчиво считал неровности поверхности культурного слоя на Малом городище холмиками могил, бывших при храме. Эти холмики, кстати, хорошо видны на фотографии 1930-х гг. (рис. 29). Сейчас нам известно, что захоронений в материке на территории Малого городища не найдено.

⁹ Митрополит Иларион, который создал свое сочинение между 1037 и 1050 гг. (Молдован 1997: 480), и далее подчеркивает первенство «градов» в распространении христианства на Руси: «Капища разрушаахуса, и церкви поставляахуса, идоли съкрушаахуса, и иконы святых являахуса, бѣси пробѣгааху, крестъ грады свящаше» (БЛДР 1997: 44).

Если мы считаем Торопец княжеским городом эпохи Ярослава Владимировича, следует признать, что древнейший городской храм находился в ином месте. Где же, если не на посаде и не на территории детинца? Полагаю, что наиболее приемлемым выходом из этой дилеммы будет выдвижение гипотезы о расположении Георгиевского собора XI в. в северной части Большого городища, а именно там, где Я. В. Станкевич в 1950 г. открыла кладбищенские погребения XI–XII вв. (Станкевич А-1950: л. 75, 76)¹⁰. Один из древнейших христианских городских некрополей, безусловно, располагался при церкви.

Северная оконечность Большого городища представляет собой самую защищенную часть торопецких укреплений (рис. 7, 8), соперничая в этом с Малым городищем. Особенно интересно рассмотреть Большое городище на известном плане Торопца 1720-х гг. из БАН (рис. 6). Оно изображено на нем очень подробно (обозначено литерой D). Отметим несколько деталей.

Во-первых, Большое городище имеет трехчастную структуру (это подчеркнуто на плане тем, что литера D повторена на нем трижды). В центральной части длинной гряды, отсекая ее южную часть, находится седловина, в которую со стороны Старого посада поднимается въезд. Северная часть Большого городища, в свою очередь, разделена на две части перемычкой, являющейся рвом или эскарпом. В настоящее время здесь, на северном склоне гряды, продолжает сохраняться уступ. Такие протяженные городища на длинных, ледникового происхождения, грядах, площадки которых поделены на отдель-

ные части поперечными валами, рвами и эскарпами, — хорошо известная форма раннесредневековых оборонительных сооружений¹¹.

Во-вторых, на плане из БАН отмечен большой уступ (эскарп) на восточном склоне гряды со стороны Старого посада. Этот эскарп, как и трехчастная структура, свидетельствует о том, что городище было первоначально самостоятельным укреплением и лишь в древнерусское время вошло в оборонительную систему окольного города.

Площадки Большого городища далеко превышают по абсолютным отметкам находящееся в низине укрепление Малого городища конца XI — начала XII в. Вероятно, именно на Большом городище находился центр княжеского Торопца X–XI вв., и передача в XI в. церкви этого участка князем выглядит вполне правдоподобно.

Борисоглебская церковь. Храм этот, согласно тому же документу 1617 г., имел значительный участок земли на Старом посаде и был, вероятно, вторым по значению в городе (Побойнин 1902: 29). Строительство храмов, посвященных Борису и Глебу, развернулось на Руси с начала XII в.; в 1145 г. Борисоглебская церковь была поставлена в Смоленске на Смядыни, на месте убийства Глеба (Земскова 2022). О локализации этого храма на посаде Торопца трудно сказать что-то определенное.

Церковь Параскевы Пятницы. Храму принадлежала в начале XVII в. земля на Старом посаде. И. И. Побойнин, по аналогиям с другими древнерусскими церквями Параскевы Пятницы «на торгу», локализует ее на торговой

¹⁰ К сожалению, точно место раскопа 1950 г. Я. В. Станкевич на Большом городище (она называла его тогда Привалье) неизвестно. В полевом отчете за этот год (Станкевич А-1950) нет ни ситуационного плана, ни плана самого раскопа. Не удалось мне их пока отыскать и в Архиве ИИМКа. Добавлю, что ранее не смог их найти и Ю. М. Лесман. На его плане Торопца, опубликованном в 1990 г. (рис. 74), раскоп 1950 г. не обозначен. Единственная иллюстрация, относящаяся к этому раскопу (фотография погребения № 3), приложена к отчету Я. В. Станкевич и имеется в ИА и ИИМКе (рис. 48). Локализовать раскоп она не позволяет. Я. В. Станкевич говорит, что могильник и раскоп расположен «в г. Торопце на северном конце возвышенности, занятой селищем Привальем» (Станкевич А-1950: л. 75). То, что Я. В. Станкевич называла «селищем Привалье» именно Большое городище, явствует из ее полевого отчета 1949 г. Там исследовательница пишет: «Городище (селище?) Привалье расположено в $\frac{3}{4}$ км к западу от городища «Кривит». Оно занимает центральную возвышенную часть мощной моренной гряды овальной формы, значительно господствующей над озером Соломенным. Площадка, занятая селищем, до 200 м в длину, с сев.-вост. и юго-вост. сторон крутым спуском обрывается к прекрасно выраженной старице р. Торопы» (Станкевич А-1949: л. 36). Из всего этого можно заключить, что погребение XI–XII вв. с лировидной пряжкой и двумя ременными разделителями найдено либо в северной части южной площадки Большого городища (там, где позднее копал Ю. М. Лесман), либо где-то на северной его площадке.

¹¹ По такому же принципу построена оборонительная система, например, на Сарском городище (Эдинг 1928: план) и на городище Выжегша (Леонтьев 2017; 2018). А. Е. Леонтьев указывает, что подобная фортификация во второй половине I тыс. н. э. характерна для поволжских финнов (Леонтьев 1988: 96).

МИНИСТЕРСТВО
ИМПЕРАТОРСКАГО
ДВОРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОММИССИЯ.

16^е Мая 1902 г.

№ 265

С.-Петербургъ.

Здание ИМПЕРАТОРСКАГО Зимняго Дворца.

Открытый листъ.

На 190 второй годъ.

Выданъ этотъ листъ г. Члену ИМПЕРАТОРСКАГО
Русскаго Археологическаго Общества В. Н. Глазову

Императорскою Археологическою Коммиссiею на
право производства археологическихъ раскопокъ въ
теченіи 1902 года на земляхъ казенныхъ, обществен-
ныхъ и принадлежащихъ разнымъ установленiямъ
въ предѣлахъ Холмскаго и Торопецкаго уѣздовъ,
Псковской губерніи.

съ обязательствомъ доставить въ Коммиссiю отчетъ
или Дневникъ по произведеннымъ раскопкамъ, а
также, при особой описи всѣхъ находокъ, наиболее
цѣнные и интересные изъ найденныхъ предметовъ,
для представленiя ихъ на Высочайшее Государя
Императора воззрѣніе.

Подписаль:

Предсѣдатель Императорской
Археологической Коммиссiи Графъ А. Бобринской.

Скрѣпилъ:

Дѣлопроизводитель

В ѣ р н о:

Листъ этотъ действителенъ на одинъ годъ и, по истѣканiи надежности, долженъ быть
представленъ обратно въ Коммиссiю.

на обратъ.

Рис. 11. Открытый лист В. Н. Глазова, выданный Императорской Археологической комиссией на раскопки в Торопецком уезде Псковской губернии в 1902 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1902. Д. 99. Л. 3). По этому документу произведены были первые официальные научные раскопки в окрестностях Торопца

площади близ Малого городища, где находимы были в XIX в., по его сведениям, человеческие кости (Побойнин 1902: 29). Эту гипотезу поддержал и Д. И. Фояков, полагавший, что раскопанное им кладбище XII–XIII вв. относится именно к этому храму (Фояков 2000: 166). Действительно, исследованное им место представляет собой ровную площадку, которая вплоть до 1930-х гг. не застраивалась. Мимо этой площадки проходит, несомненно, древнейшая улица города, ведущая от въезда на Малое городище к седловине-въезду в центральной части Большого городища. Эта незастроенная ровная площадка хорошо видна на фотографии Н. П. Милонова 1938 г. и отчасти сохраняется до сих пор (рис. 34, 35). Но как называлась церковь, которая тут стояла? На мой взгляд, это могла быть любая из трех посадских церквей. Например, ее топография, как увидим ниже, совпадает с описанием И. И. Побойнина топографии остатков Иоанно-Предтеченского храма. Хронология же погребений из раскопа Д. И. Фоякова, среди которых присутствуют захоронения XIII в., указывает, скорее, на вторую по древности Борисоглебскую церковь. Пока загадка эта не нашла решения.

Церковь Рождества Иоанна Предтечи также обладала в 1617 г. участком в пределах окольного города. В конце XIX в. в южной части Старого посада указывали еще место «на обрывистом выступе» восточного склона Большого городища, где якобы видны были в земле ее контуры и порог (Побойнин 1902: 29). К сожалению, сейчас рельеф изменился, и совершенно непонятно — какое место имел в виду И. И. Побойнин, публикуя такое описание.

Никольский монастырь. И. И. Побойнин отметил, что Никольскому Торопецкому монастырю, упоминаемому в документах XVII в., принадлежал участок, называвшийся «Гольцов наволоок» (Побойнин 1902: 30). Наволоком на Руси и поныне зовут мыс, выступающий низкий пойменный берег, заливаемый паводком. Деревня Гольцово (Игальцова), судя по карте XVIII в., стояла на восточном берегу оз. Зеликовье между Торопецким 1 могильником и широкой озерной поймой (рис. 4). Видимо, некий

монастырь в Торопце в XII–XIII вв. действительно существовал, ибо в город в 1211 г. был сослан князем Мстиславом Мстиславичем новгородский архиепископ Митрофан. Такая ссылка духовного лица высокого ранга подразумевала и наличие подходящего места заточения. Верна ли догадка И. И. Побойнина относительно локализации Никольской обители в Гольцово, сказать пока сложно, поскольку позднесредневековый монастырь мог, разумеется, владеть землей и на ином основании, помимо того, что сам он некогда на этой земле размещался.

Таков круг проблем древнерусской истории города, затронутых в первой профессиональной исторической работе, посвященной Торопцу, И. И. Побойниным. Он же произвел в городе и первые археологические раскопки. В Торопецком 1 могильнике им был изучен один курган с трупоположением, причем найдены были серебряная серьга с зеленой стеклянной бусиной и «светло-желтый шарик с шестью на нем разноцветными пятнами и с отверстием для продевания шнура», т. е. мозаичная бусина, два ножа и гвоздь (Побойнин 1902: 79, 85). Очевидно, московский ученый раскопал подкурганное погребение XI–XII вв. в гробовище. Коллекция из этих раскопок до нашего времени не дошла.

Первые сведения об исследованиях (пока еще любительских) средневековых археологических памятников в окрестностях Торопца относятся к 1888 г. Известно, что в этом году местный помещик Михаил Иванович Бакунин раскопал около 20 курганов не менее чем в двух могильниках близ деревень Понизовье и Масловка Понизовской волости. Судя по опубликованному перечню находок: «медный бубенчик, круглые тонкие кольца, перстень, бусы, топорик, и глиняный горшочек», курганы относились к XI–XII вв. (Окулич-Казарин 1914: 264). Несколько иной список находок из курганов в имении М. И. Бакунина приводит В. Н. Глазов: «медные витые и пластинчатые браслеты, бусы, мелкие и крупные, перстни, наконечники копий, топоры, горшки» (Глазов 1903: 63). Память об этих работах сохранялась у крестьян, живших в окрестностях города, еще в конце 1940-х гг. (Станкевич 1960: 236). Раскопки,

которые велись помещиками в своих имениях, были в то время довольно распространенным явлением и даже приветствовались некоторыми археологами. «Всякий помещик может без особенного труда и с небольшими затратами обследовать район, примыкающий к его имению», — писал один из первых исследователей Северо-Запада, профессор Харьковского университета Л. Ю. Лазаревич-Шепелевич (Лазаревич-Шепелевич 1900: 15). Однако в печать сведения о таких «научных» предприятиях попадали редко, а коллекции быстро терялись.

Настоящее первенство в археологическом исследовании древностей бассейна Торопы принадлежит Владимиру Ниловичу Глазову (1862–1933) — одному из лучших полевых археологов дореволюционной России (Медведева, Соболев 2014). Исследователь этот и поныне пользуется большим уважением ученых за добросовестность и качество работ и экспедиционной документации, к которой мы еще не раз обратимся (рис. 11). Его коллекции, находящиеся в образцовом порядке, хранятся сейчас в Государственном Эрмитаже.

В. Н. Глазов в 1901–1902 гг. раскопал около 20 курганов в бассейне р. Торопы (рис. 12–14) и обследовал несколько городищ (рис. 15, 16). Исследовались как захоронения культуры длинных курганов середины — третьей четверти I тыс. н. э. (рис. 12–14, 17), так и курганные могильники древнерусского времени (Глазов А-1902; Глазов 1903: 58–66). Особого внимания заслуживает открытие грунтового могильника XII–XIII вв. у деревни Селяне. Исследователем сделана одна из первых фотографий Малого Торопецкого городища (рис. 15), на которой с южной его стороны виден как будто еще ров с водой, как о том и писал И. И. Побойнин, приводивший слова старожилов о воде, окружавшей валы (Побойнин 1902: 26). Существенный интерес представляют также раскопки В. Н. Глазова на реке Кунья, на западной границе древней Торопецкой волости с Новгородской землей, выявившие яркие курганные древности XI–XII вв. (рис. 18).

Существенный вклад в исследование Торопецкой округи внесло Псковское археологическое общество. В 1914 г., в преддверии так

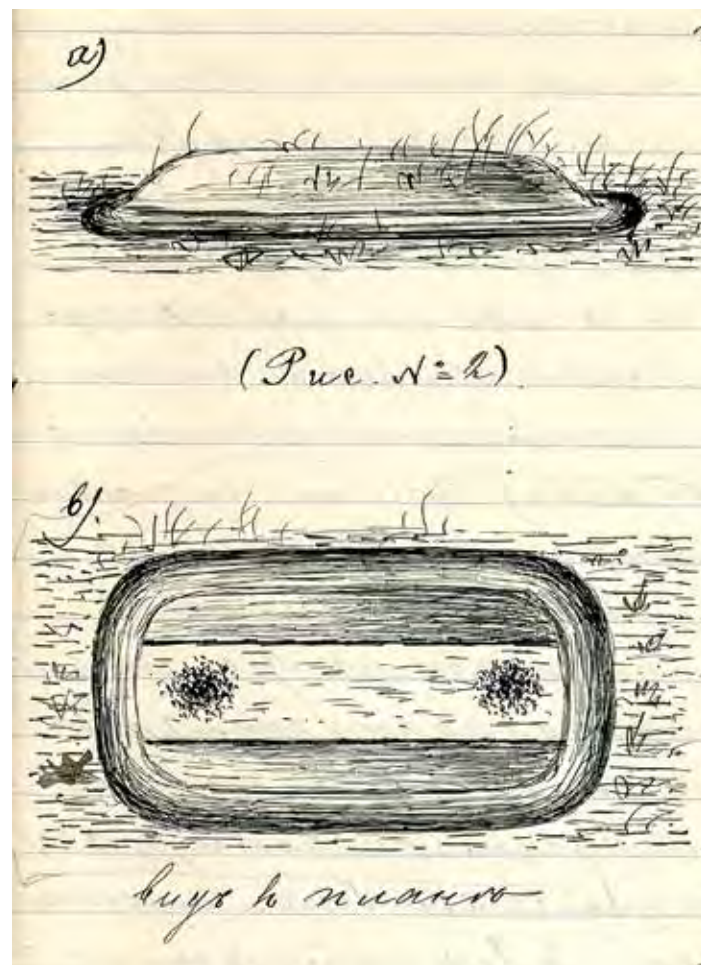

Рис. 13. Курган № 4 у д. Пески, раскопанный В. Н. Глазовым. Рисунок из полевого отчета В. Н. Глазова за 1902 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 99. Л. 12). В длинном кургане, раскопанном траншеей, открыты два скопления кальцинированных костей, собранных для захоронения с погребального костра. Курганный насыпь датируется, по найденному в ней фрагменту бронзового браслета, VI–VII вв. н. э.

Рис. 14. Фрагмент орнаментированного бронзового браслета VI–VII вв. н. э. из погребения в кургане № 4 у д. Пески (ГЭ, ОАВЕС, колл. 853/4). Литье, гравировка

Рис. 15. Малое Торонецкое городище в 1902 г. Фото В. Н. Глазова (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 99. Л. 9). Вид с юга

и не состоявшегося тогда из-за начавшейся мировой войны XVI Всероссийского археологического съезда, Обществом были изданы материалы для археологической карты Псковской губернии (в состав которой входил тогда Торопецкий уезд), привязанные к листам трехверстной карты (Окулич-Казарин 1914)¹². Огромную работу по суммированию информации из многочисленных опросных листов, заполнявшихся местными учителями, представителями духовенства и разного рода уездными чиновниками, выпол-

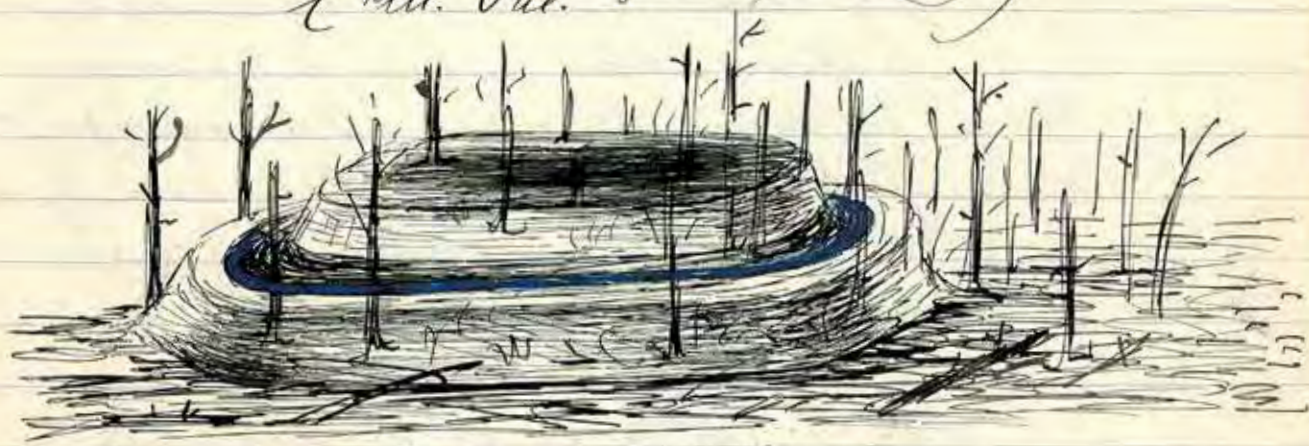
нил знаменитый псковский краевед Николай Фомич Окулич-Казарин (1849–1923) (рис. 19)¹³. Назвать его так, конечно, можно лишь условно, поскольку научный уровень его трудов значительно превосходил современные представления о краеведческих сочинениях¹⁴. Артиллерист по специальности, окончивший Военно-юридическую академию, отставной генерал-лейтенант, секретарь ПАО, Н. Ф. Окулич-Казарин создал прекрасный источник для археологической карты, не утративший значения и в наши дни.

¹² Сама карта, к сожалению, была утрачена, что ничуть не умаляет достоинств свода памятников.

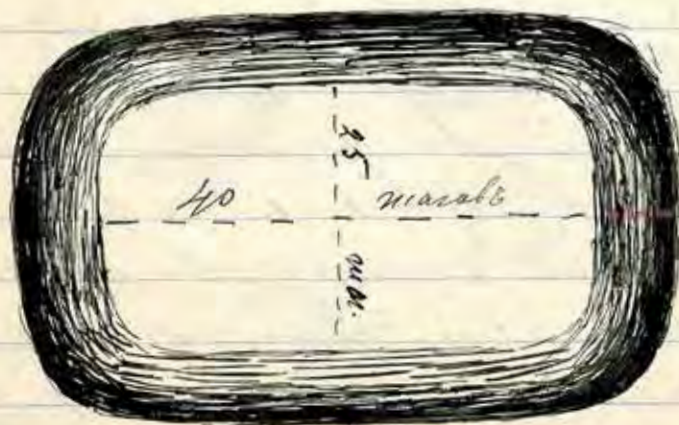
¹³ О деятельности псковского ученого см.: Медников 2001. Хотя революционные события прервали труды Н. Ф. Окулич-Казарина, последние годы его жизни прошли вполне спокойно. Служба (пусть и давняя) по окончании Академии в должности военного следователя Петербургского военного округа (Военно-юридическая академия 1891: 66, 67) после 1917 г. неизбежно должна была привести его на плаху. Ему, однако, удалось эмигрировать в Эстонию, где он и скончался в возрасте 73 лет.

¹⁴ В сводке Н. Ф. Окулич-Казарина есть, между прочим, ссылки на дела Императорской археологической комиссии, свидетельствующие о том, что он работал не только с уездными опросными листами, но и с археологическими полевыми отчетами (Окулич-Казарин 1914: 268).

Дамы днѣсь называють
 городищемъ, а рвовъ довольно
 многочисленныхъ военныиъ окоповъ
 и всея поверхности площадки
 похорана днѣми мѣстами
 каюды. Площадка мѣстѣ
 въ длину 40 шаговъ а въ ширину
 25 шаговъ. Ровъ въ ширину до 2 саж. въ
 ширину и глубина до 1 саж. въ
 ширину около саженей
 (см. Рис. 8^ю)

а) въ нѣтъ нѣй видѣ

(Рис. 18^ю)

Р. 8^ю

б) видъ въ планѣ

За недостаткомъ времени
 мы не рѣшились измерить
 это городище, при нащѣ

Рис. 16. Изображение городища у д. Ермаки, расположенного в 8 верстах от Торопца, из полевого отчета В. Н. Глазова (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 99. Л. 29). Природный холм укреплен кольцевым эскарпом (В. Н. Глазов называет его рвом) высотой около сажени и шириной до двух саженей. Подобная фортификация характерна была для городищ второй — третьей четверти I тыс. н. э.

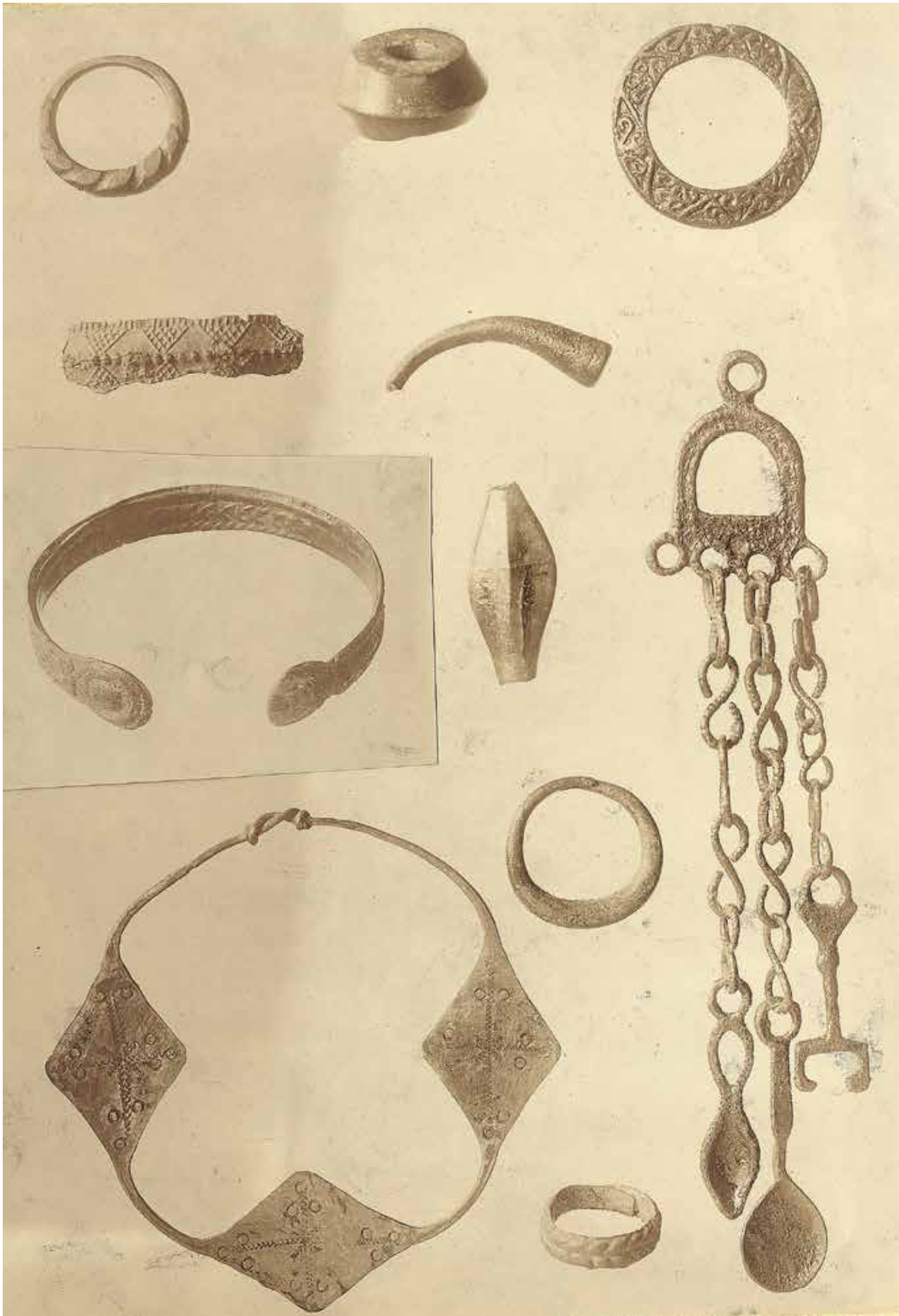

Рис. 17. Фотографии вещей из курганных раскопок и сборов В. Н. Глазова 1901–1902 гг. из архива А. А. Спицына (ФО НА ИИМК РАН. Отп. Q.463/54). Фрагмент браслета из свинцово-оловянистого сплава, перстни, браслеты, орнаментированный разделитель ремня из медного сплава, серебряное ромбоцитковое височное кольцо, флаконовидная стеклянная бусина. Справа – бронзовая древнерусская арочная подвеска с набором амулетов (копоушка, ложка и ключ) из разрушенного кургана в могильнике у д. Низинки Торопецкого уезда, полученная В. Н. Глазовым от крестьян-эстонцев (Глазов 1903: 64)

Рис. 18. Находки из раскопок курганов XI–XII вв. и сборов В. Н. Глазова в Двинско-Ловатском междуречье в собрании Государственного Эрмитажа. 1 – фрагмент ромбоциткового височного кольца из сплава серебра (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 859/20); 2 – ланцетовидное железное копье (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 859/23); 3 – бронзовая подвеска с набором амулетов, та же, что и на рис. 17 (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 857/53); 4 – ожерелье из сердоликовых, стеклянных и золотостеклянных бус (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 859/4)

Рис. 19. Николай Фомич Окулич-Казарин.
Фото из открытых источников

Следующий этап полевых исследований торопецкого региона относится к 1920–1930-м гг. и связан уже с советским краеведческим движением с его совсем иной сословной базой. Впрочем, на первых порах в движении присутствовал искренний энтузиазм и образованные люди, искавшие, на фоне окружавших их революционных катаклизмов, респектабельное поле для приложения сил и знаний. В 1922 г. было основано Торопецкое общество краеведения, одним из учредителей которого стал руководитель уездного архивного бюро, учитель Павел Иванович Петров, бывший псаломщик Михаило-Архангельской церкви г. Торопца (Попов 2014). С именем этого человека связаны первые научные, неплохо для своего времени документированные раскопки кургана в Торопецком 1 могильнике. Ему же наука обязана некоторыми ценными сведениями о кладах куфических монет, найденных в окрестностях города¹⁵. В 1924 г. был открыт

Торопецкий музей краеведения, директором которого и стал П. И. Петров. В музее был создан историко-археологический отдел, куда начали поступать археологические находки с территории уезда.

В июне 1924 г. членами Торопецкого общества краеведения под руководством директора музея был раскопан курган в Торопецком 1 могильнике. Отчет об этих работах был направлен П. И. Петровым в ГАИМК, благодаря чему научная информация не была утрачена (рис. 20). П. И. Петров отмечает расположение курганов в могильнике отдельными группами, ориентированными вдоль нескольких дорог, шедших на юг от берега Торопы. Это хорошо видно на послевоенных фотографиях могильника и даже на современных аэрофотоснимках (рис. 21–23). Раскопанный курган («А» по нумерации П. И. Петрова) насчитывал в окружности 18 саж. (ок. 36 м), т. е. имел диаметр примерно 11,5 м при высоте 2 арш. 2 вер. (ок. 1,5 м), и был окружен ровиком. Краеведы раскопали курган колодцем размерами 4,2 × 2,8 м. В основании насыпи обнаружен был «слой коричневой, почти черной земли», расцененный как погребенная почва (рис. 24). Близ вершины кургана с южной стороны насыпи найдена была гончарная урна с кальцинированными человеческими костями и пеплом (Дело А-1926)¹⁶. В архиве ИИМК сохранилась фотография этого сосуда, датирующегося X в. (рис. 25, 26). К сожалению, П. И. Петрову не удалось продолжить свои изыскания; имеются сведения о том, что после столкновения с местными властями, произошедшего в результате попытки сохранить для музея предметы из разоряемых храмов, «социально чуждому» новой политике директору музея пришлось покинуть Торопец (Попов 2014). Ситуация была характерной для 1930-х гг. — повсеместно краеведческое движение было насильственно подавлено, так и не став тогда полноценной частью академической науки (Формозов 1998; Платонова 2010: 250–253).

¹⁵ Речь идет о двух кладах дирхемов — из д. Пальцево (Фасмер 1929: 292 (№ 42); Янин 1956: табл. II; Кропоткин 1971: 80 (№ 33); Ковалев 2002) и Набатово (Фасмер 1929: 292 (№ 41); Кропоткин 1971: 80 (№ 32); Ноопан 1998: 91 (№ 20)). Что касается известных статей П. И. Петрова по истории Торопца, то они содержат конспективный пересказ монографии И. И. Побойнина и не представляют самостоятельного интереса (см., например: Петров 1926).

¹⁶ Сосуд был реставрирован П. И. Петровым, а кости осмотрены местным врачом (!), засвидетельствовавшим их принадлежность человеку.

4
Торопецкое Общество Краеведения
Тисоветской уд.

Акт

об археологической раскопке на
участке „Могилы“ 11 июня 1924 г.

II. Участок „Могилы“ по данным
двух раскопок. Доклад П. Петрова

г. Торопец, Тисов. уд.
1924 г.

Рис. 20. Титульный лист отчета Торопецкого общества краеведения в ГАИМК о раскопках кургана в ур. Могилы (Торопецкий 1 могильник) 11 и 12 июня 1924 г. под руководством П. И. Петрова (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1926. Д. 108. Л. 4)

Рис. 21. Торопецкий 1 курганный могильник (урочище Могилы), вид с юга. Фото Я. В. Станкевич, 1950 г. (совмещенное). Хорошо видна «аллея» из двух рядов крупных насыпей, и идущая через нее на северо-запад дорога к переправе или мосту через р. Торопу. На расположение курганов вдоль этой дороги специально обратила внимание Я. В. Станкевич. В стороне прослеживаются кучно расположенные невысокие курганы (ФО НА ИИМК РАН. Нег. I 33949–33951). В 1950 г. были выполнены зачистки нескольких разрушенных насыпей, выявившие кальцинированные кости и обломки легкой керамики, что подтвердило данные о возникновении могильника не позднее X — начала XI в. (Станкевич А-1950: л. 76). На втором плане за Броснинским болотом виднеется Большое городище и урочище Лодейница — врезанный в склон городища эскарп, спускающийся к болоту (см. рис. 23)

Рис. 22. Современная космическая съемка территории древнерусского Торопца. Очерчена площадь, занятая курганным могильником. Стрелка указывает на место раскопок П. И. Петрова в 1924 г.

Еще одной трагической и противоречивой фигурой того времени был новгородский археолог В.С. Пономарев. В своей известной неопубликованной рукописи о новгородских сопках (Пономарев А-1938) он упоминает о раскопках в 1932 г. большого кургана близ станции Гладкий Лог неподалеку от Торопца. Со знакомства с рукописью В.С. Пономарева, сохранившейся в архиве ИИМК РАН, в течение почти уже столетия начинают работу над проблемой сопки все археологи-слависты. Из этого неопубликованного текста мы узнаем, что раскопками сопки под Торопцем руководил выпускник Московского археологического института, известный смоленский археолог и краевед, директор Смоленского городского музея, председатель Ученого совета музеев Смоленска и Смоленской области Андрей Федорович Палашенков (1886–1971). На следующий год Андрея Федоровича арестовали и сослали, в итоге отчет об этих раскопках так и не был написан. Вторую половину жизни, после освобождения из лагеря в 1936 г., А.Ф. Палашенков прожил в Омске (Лосунов 2011; Безродная, Лосунов 2012; Лейфер 2013; Жук 2016). Документы и библиотека, относившиеся к его довоенной деятельности, погибли, но второй богатый архив, хранящийся ныне в Государственном архиве Омской области, возможно, еще позволит восстановить или хотя бы уточнить историю этих раскопок. Не лучшим образом, как известно, сложилась и судьба самого В.С. Пономарева и его рукописи, так и не доведенной до публикации¹⁷.

Интересный проект по изучению Верхнего Подвинья был начат сотрудниками Института истории Белорусской академии наук в 1933 г. Археологи Александр Николаевич Лявданский (1893–1937) и Александр Дмитриевич Коваленя (1895–1937) за два года исследовали

на лодке берега Западной Двины от озера Охват до Полоцка. В работах принимал участие также Константин Михайлович Поликарпович (1889–1963). По масштабам это был уникальный замысел, предвосхищавший послевоенные работы Л.В. Алексеева, Я.В. Станкевич и А.М. Микляева. На берегах Двины было найдено 72 поселения I тыс. н. э., 45 курганных групп (около 700 курганов), грунтовые могильники с труположениями (Лявданский, Поликарпович 1936). Исследования давали возможность в перспективе включить торопецкий регион в общий контекст культурной истории Подвинья. Разгром белорусской науки в 1937 г. не позволил осуществить эти планы.

Археологическое изучение собственно города Торопца было открыто Николаем Петровичем Милоновым (1896–1975). Личность его тоже примечательна¹⁸. Получив отличное специальное образование (Историческое отделение Петроградского историко-филологического института, 1916–1921 гг.) и степень кандидата исторических наук (присуждена в 1938 г. ученым советом МГУ), на момент работ в Торопце он оставался, по сути дела, музейным краеведом-любителем¹⁹. Имея к 1938 г. значительный опыт раскопок (только на Радонежском городище и посаде в 1931–1932 и 1936 гг. им раскопано около 900 м²), он, однако, так и не смог выйти на приемлемый для своего времени методический уровень исследований²⁰. Характерным инструментом, свойственным в то время немногим археологам, был металлический щуп (как он пишет, «почвенный зонд»), с помощью которого он орудовал в культурном слое Торопецкого городища, пытаясь нащупать древние объекты (видимо, с этим своим орудием он запечатлен на известной фотографии раскопок Радонежа в 1936 г. — рис. 27).

¹⁷ Василий Сергеевич Пономарев (1907–1978) репрессирован в 1933 г. Отбыв пятилетний срок наказания, пытался продолжить научную деятельность, подготовив новаторскую для своего времени научную работу о погребальных древностях новгородских словен (Пономарев А-1938), но поддержки со стороны коллег не получил. В начале войны, оказавшись в захваченном немцами Новгороде, вступил на путь сотрудничества с оккупантами. Ушел вместе с немецкими войсками; после войны жил и скончался в Германии (Формозов 1998; Передольский и его семья 2013).

¹⁸ О нем см.: Николай Петрович Милонов 2001.

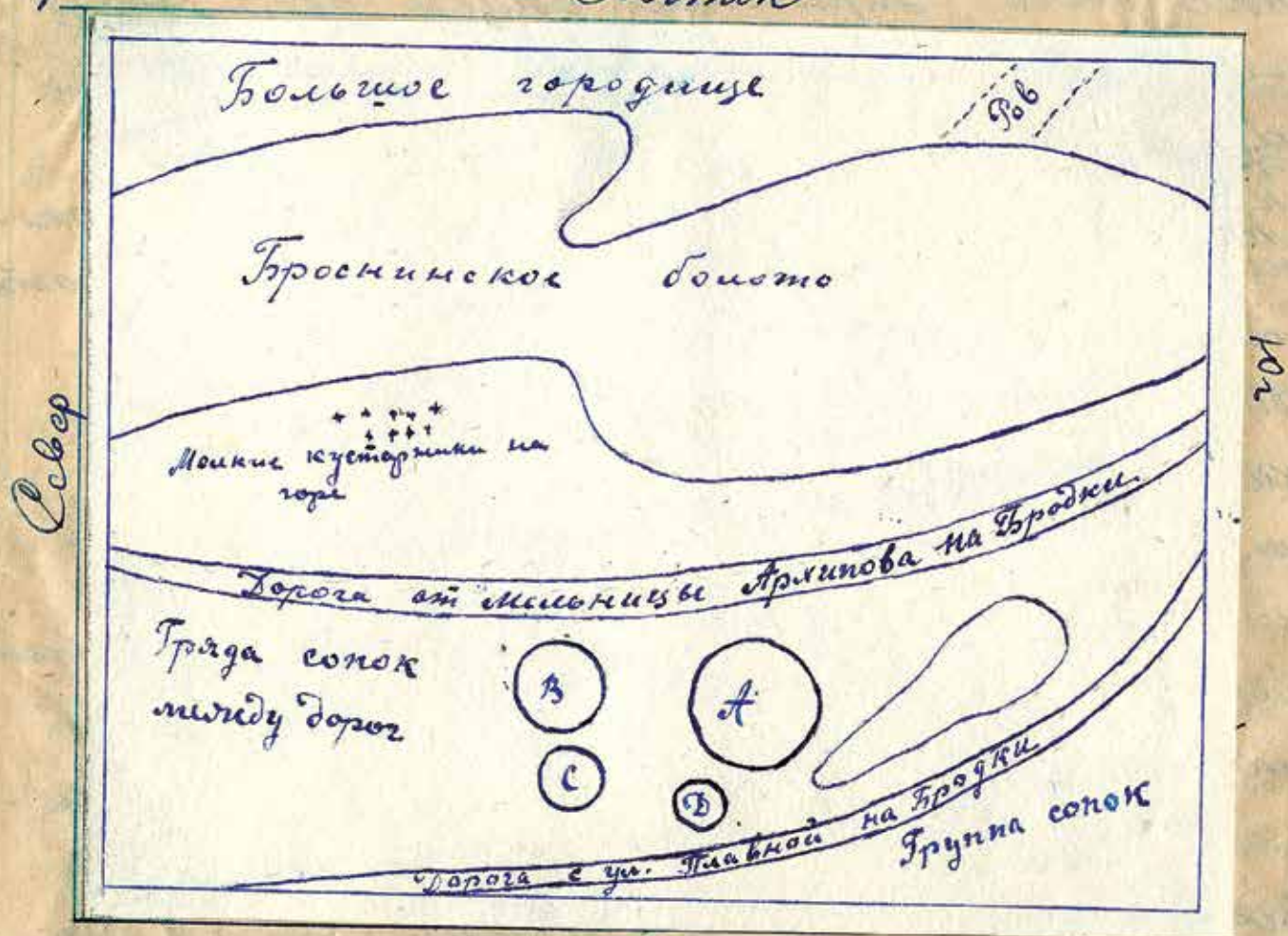
¹⁹ О семье Н.П. Милонова и его опасном (якобы из потомственных дворян) социальном происхождении интересно вспоминает Н.Я. Мерперт (Белозерова, Кузьминых 2012: 173). По другим данным Н.П. Милонов происходил из семьи священнослужителя и учился до поступления в университет в Рязанской духовной семинарии (Николай Петрович Милонов 2001: 3).

²⁰ В.С. Тарасенко, упоминая раскопки 1938 г., пишет, что ими руководил профессор Калининского пединститута А.Н. Вершинский (Тарасенко 1965: 59).

По берегу оз. Зашиковья сопок нет. Каждая курган имеет в середине одну большую сопку, а по сторонам несколько сопок поменьше. Все могильники круглой формы, вроде раскопанного. Северная часть застроена постройками ул. Ткавкой, там несутся большие огороды, поэтому меньше сопки в этом месте раскопаны и разрушены до основания. До сих пор времени раскопки расширялась и делалась. Но времени настоящей раскопки на всем участке сохранилось: не тронутых совершенно 26 сопок, потревоженных 3, раскопанных около 20 и разрушенных (?) 3. Взбранная сопка представляется в группе центральной и самую большую из них расположенных вокруг ее по окружности с север-запад. стороны в 5-6 шагах. Две из оставшихся сопок, (черт. 1, В. С) немного меньше раскопанной, а третья (Д) совсем маленькая, тронутая на вершине. Вокруг центральной сопки идет следом углубление в виде рва, образовавшееся от взятых на нем земли. Каменик вад, носит камни и

Рис. 23. План южной части Горопецкого 1 могильника с курганами, находившимися напротив описанного И. И. Побойниным эскарпа в южной части Большого городища (см. рис. 10, 19) и городищенского рва. Из отчета Горопецкого общества краеведения о раскопках кургана в ур. Могила (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1926. Д. 108. Л. 6 об., 7). Расположение курганов точно привязывается на местности благодаря нанесенному на план вдающемуся в Броснинское болото характерному выступу склона Большого городища. Этот выступ без изменений сохранился до наших дней (см. рис. 21, 22)

других памятников, вокруг сопок не было и
 около других сопок их нет.
 Черт. №1. 6
 Восток

Запад

Цель раскопки. Главной целью раскопки было, установить время и происхождение этих микромонументов на предмет их охраны. Названные "Тройничья, славянские кладбища" (Поропецкая Страница стр. 83), микромонументы эти все же имеют много неизвестностей, как и сотни других разбросанных по уезду.

поверхности. Отсюда возникло предполо-
жение, что этот черный слой земли предстает
из себя остаток древнего поверхностного,
почвенного слоя. При проглатии траншейного
шва (черт. 2, Г) ничего не найдено. Далее, для
выяснения состава нижележащих слоев земли
была вырыта в центре выемки Яма Длинного
в 2, шириною в 1 арш. (черт. 2 и 3, Д), при чем
обнаружилось, что под черным слоем земли на
6-8 вершков залегает слой песка, положенный на
вышележащий / это древняя подпочва на
месте сопки, а далее вглубь идет крупный
гравий (черт. 3, Е) с большим количеством ши-
ших камней, белых, белого цвета, представ-
ляющий материковый грунт. Однако глыб,
следовательно, не представлялось никаких.
Далее были начаты частичные проглатия
(со стороны выемки) верхних слоев почвенного склона
Сопки и здесь вскоре обнаружилось несколько ши-
ших черепков, положенных на выкопанные накону-
ки. Все произведение тысячаминой семотр имеет
выпавшая черепков, при этом была замечена
в песке масса серовато-белого цвета, в кото-
рой не трудно было признать куски пепла. С
возможной осторожностью удаляя землю вскоре
обозначилась ясно форма небольшого, глиняного

Рис. 25. Находки из кургана «А» Торпецкого 1 могильника: угли, фрагменты гончарной керамики, гончарная погребальная урна и содержащиеся в ней кальцинированные человеческие кости. Фото из отчета Торпецкого общества краеведения о раскопках кургана в ур. Могилы (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1926. Д 108. Л. 13 об.)

О щупе этом не упустил возможность напомнить руководящим инстанциям Н. Н. Воронин, рецензировавший его отчет по Торпцу²¹. Конечно, несмотря на все чудачества и небрежности, наше нынешнее отношение к работам 1930-х гг. может быть лишь сугубо почтительным — ряд наблюдений Н. П. Милонова и сейчас служит путеводной нитью для дальнейших исследований. Кстати, использование во время раскопок ручных буров для контроля над стратиграфией и отбора различ-

ных образцов — в наши дни стало повсеместной практикой.

В 1938–1939 гг. Н. П. Милонов ознакомился с коллекцией Торпецкого музея (рис. 28), а также провел довольно значительные раскопки на Большом городище и на территории Малого городища (рис. 29–31)²². Взгляд исследователя на последнее был оригинален — он полагал, что кольцевой вал возведен на подрезанном со всех сторон моренном холме. В соответствии с этим предположением он

²¹ Различные металлические щупы использовали ученые уже на заре археологической науки. Например, исследователь Нижнего Подвинья Ф. Крузе путешествовал с таким орудием по Прибалтике в 1838 г. (Kruse 1842: 3). Н. Н. Воронин поспешил посчитать подобную методику анахронизмом.

²² Используя материалы Н. П. Милонова, следует учитывать путаницу, которую он внес в названия торпецких городищ, видимо, невнимательно прочтя труд И. И. Побойнина. Малое городище Торпца он упорно именует «городище Кривит», в то время как микротопоним *Кривитеск* в документах XVII в. относится к «Старому Большому городищу» возле Броснинского болота, т. е. к Большому городищу и отчасти, вероятно, к Привалью (Побойнин 1902: 18). Вслед за Н. П. Милоновым эту ошибку повсюду в своих трудах повторяет и Я. В. Станкевич. Надо, правда, заметить, что вина археологов здесь невелика, ибо неправильная локализация микротопонима *Кривитеск* появляется в трудах ученых уже в конце XIX в. (Голубовский 1895: 61).

реконструировал и размеры вала — всего 1,8–2,5 м высотой и до 15 м ширины (Милонов А-1938: л. 3)²³. На Малом городище Н. П. Милонов прорезал вал и заложил на нем раскоп к востоку от северных ворот (рис. 32). Были зафиксированы два периода строительства вала. И в первом, и во втором периодах, как удалось проследить, вал формировался на основе городней (квадратных бревенчатых срубов), заполненных грунтом. Изначально они имели размеры 1,5 × 1,5 м (таких городней отмечено 4 ряда), на втором же этапе совершенствования укреплений городни стали больше — 1,9 × 1,9 м (отмечено 2 ряда). Нововведением на последнем этапе существования укреплений стала какая-то каменная стенка, зафиксированная на внешнем краю вала под дерном (рис. 33). Высота ее составила 0,7 м, а ширина до 0,6 м. Валунная кладка скреплялась глиняным раствором. Кроме того, на вершине вала зафиксированы следы деревянной стены (тына?). Надо сказать, что описание, при всей его кажущейся логичности, не лишено противоречий, а полевая документация не вполне подтверждает предложенную реконструкцию вала (рис. 33). Тем не менее обоснованная Н. П. Милоновым датировка начального укрепления (XI–XII вв.) вполне выдержала проверку временем.

В торопецком архивном наследии Н. П. Милонова, хранящемся в ИИМК РАН (Милонов А-1938; А-1938а; А-1939), особую ценность представляют немногочисленные фотографии южной части довоенного Торопца. Дело в том, что жизнь городка на то время давно уже кипела в островной его части и на северном, правом берегу Торопы, где находились улицы с каменными домами, рынками, церквями и монастырями. Все известные фотографии конца XIX — первой половины XX в. (их немало) относятся именно к этой части города. Его древнейшая левобережная сторона представляла собой в то время сельскую окраину с огородами и неказистой деревянной застройкой. Внимания фотографов она не привлекала, а каждая фотография, сделанная до войны в южной ча-

²³ Полагаю, что в этом вопросе Н. П. Милонов был совершенно прав. В основе Малого городища действительно лежит подрезанная прибрежная гряда. Ее останцы и сейчас хорошо заметны в рельефе к северу и югу от Малого городища. Впрочем, впервые это обстоятельство заметил еще очень наблюдательный И. И. Побойнин (Побойнин 1902: 25).

Рис. 26. Гончарная погребальная урна из кургана «А» Торопецкого 1 могильника после реставрации, произведенной директором Торопецкого музея краеведения П. И. Петровым. Фото из отчета Торопецкого общества краеведения о раскопках кургана в ур. Могилы (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1926. Д 108. Л. 13)

сти Торопца, важна для археологов, поскольку дает представление о древнем рельефе местности, связанном с планировкой древнерусского города (рис. 34–36).

В 1938 г. Н. П. Милоновым был заложен раскоп на площадке Малого городища (рис. 37), размерами 14 × 14 м, доведенный до глубины 3,5 м. Были выявлены ярусы деревянной застройки, постройки с глинобитными печами (рис. 38–40). Культурные напластования датированы были автором раскопок XI–XIII вв.

Рис. 27. Николай Петрович Милонов на раскопках в Радонеже. Июнь 1936 г. В руках у него — «почвенный зонд». Фотография из открытых источников

Рис. 28. Зарисовка случайных археологических находок из Торопца, приложенная к полевому отчету Н. П. Милонова за 1938 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. 1938. Д. 175. Л. 4). 1 — заготовка костяного топорика древнерусского времени; 2 — фрагмент неолитического сосуда; 3 — неолитическое каменное тесло; 4 — каменный топор эпохи бронзы

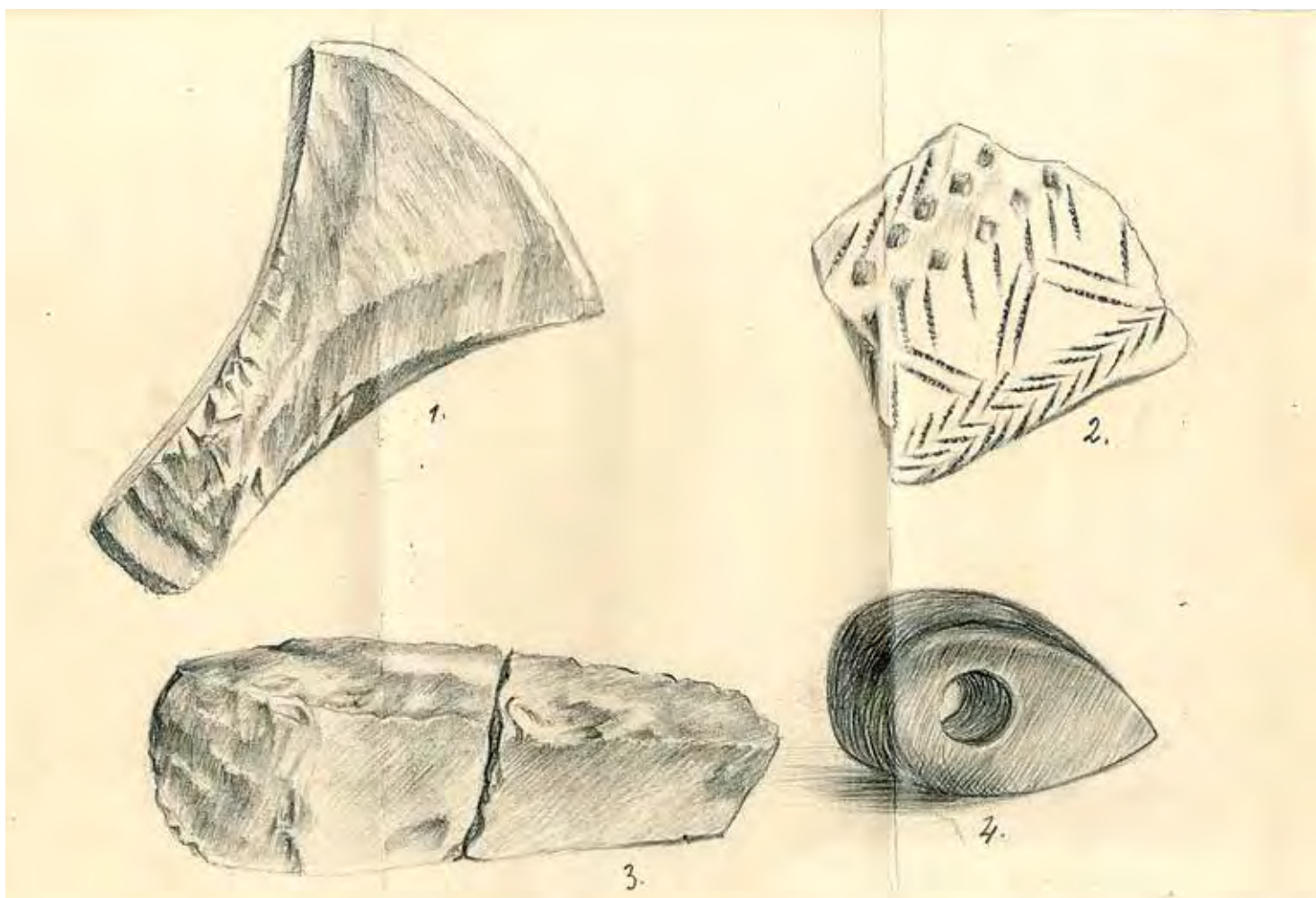

Рис. 29. Детская экскурсия на Малое Торопецкое городище в 1930-е гг. Фото из фондов Торопецкого краеведческого музея. Хорошо видно место будущих раскопок 1949–1993 гг. с характерными буграми на местах построек XIII–XIV вв. На втором плане видна вершина Большого городища

Рис. 30. Малое Торопецкое городище. Современный вид с северо-востока. Хорошо виден прямоугольник раскопа 1949–1993 гг. в западной части площадки

Рис. 31. Заплывший ров у южного подножия Малого Торопецкого городища. Слева виден останец природной возвышенности, на подрезке которой построено Малое городище. Вид с востока. Фото И. И. Еремеева. Ноябрь 2023 г.

В 1939 г. раскопки Н. П. Милонова в Торопце велись у северного подножия Большого городища (рис. 41, 42), где была вскрыта площадь 7×6 м (Милонов А-1939: л. 5–11). Как известно из более поздних раскопок Я. В. Станкевич, на вершине холма располагалось древнерусское кладбище, следов которого Н. П. Милонов в своем раскопе не обнаружил. Это тоже важный результат — благодаря ему мы теперь знаем, что на Большом городище кладбище не захватывает его северный, обращенный к Торопе склон.

Оказалось, что мощность культурного слоя в раскопе 1939 г. достигает 1,55 м. Открыта была срубная постройка с подложенными под углы валунами. В углу дома располагалась печь-каменка (рис. 43). Планировка постройки выдает ее жилой характер. Остались необъясненными многочисленными находки в культурном слое железных шлаков, видимо, относящихся к более раннему периоду освоения участка. Постройка погибла в пожаре, о чем свидетель-

ствует, помимо углистого горизонта толщиной 0,17 м, слой «ошлаченной» (т. е., по терминологии Н. П. Милонова, побывавшей в очень сильном огне) керамики (Милонов А-1939: л. 7). Находки из культурного слоя, в общем, указывали на XI–XIII вв. (рис. 44–45). Один предмет не удалось точно атрибутировать, и о нем мы поговорим в своем месте (рис. 46).

В раскопе был сделан ряд датирующих вещевых находок, наиболее интересной из которых является фрагмент неорнаментированной (?) ажурной зооморфной подвески, вероятно, группы I типа III, вариант 1 по Е. А. Рябинину (рис. 44: 7). Подвеска-амулет, от которой сохранилась только передняя часть, изображает фантастическое существо с рожками и выпяченной грудью. Украшения этого типа были распространены на территории Юго-Восточной Прибалтики и Северо-Западной Руси вплоть до Верхнего Поволжья (Кузнецова 2018: 18, рис. 2: 4, 5; 2019: рис. 1: 10).

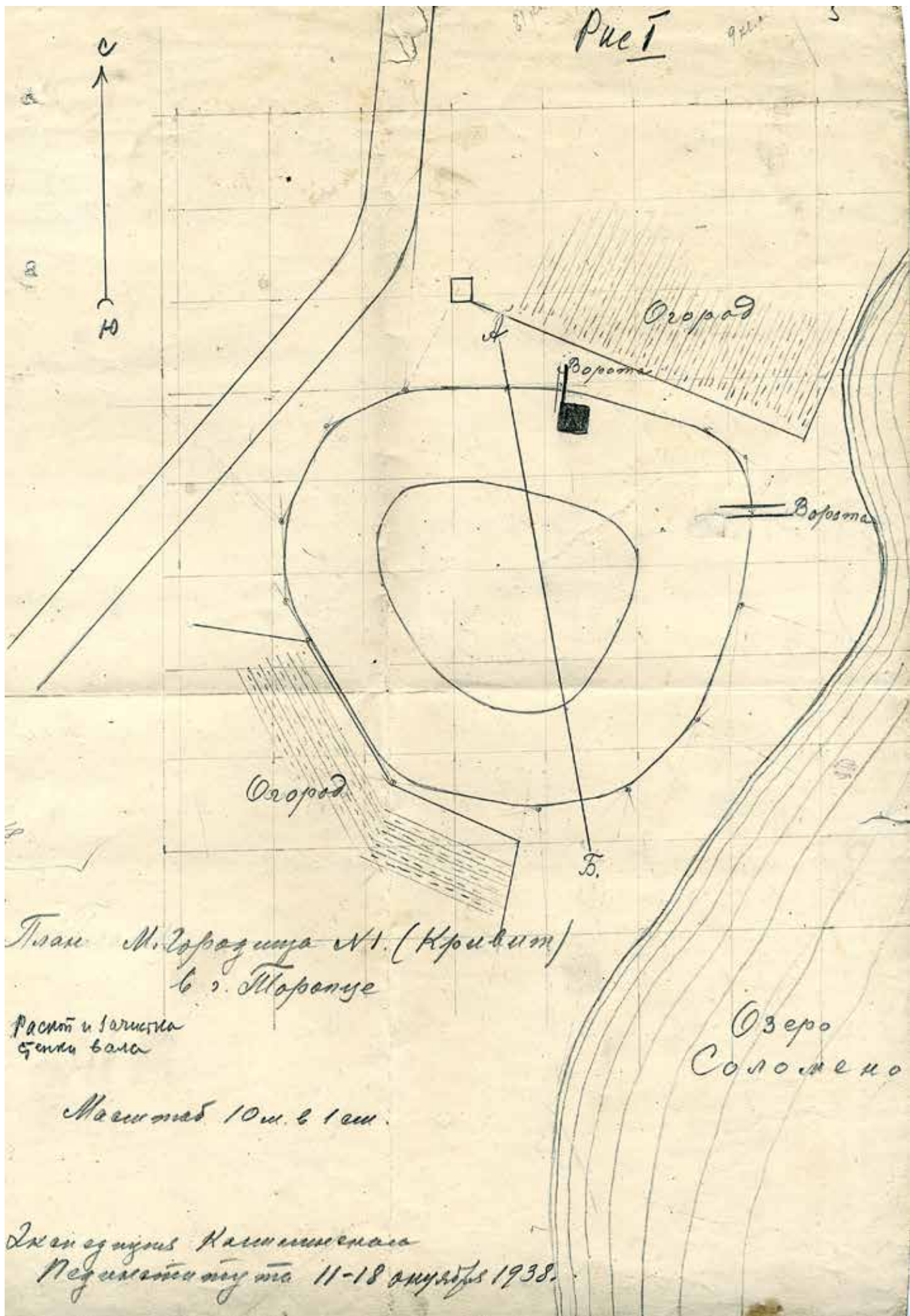

Рис. 32. Первый глазомерный план Малого Торопецкого городища, выполненный Н. П. Милоновым в 1938 г., с обозначением места его траншеи и раскопа близ северного въезда на площадку (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 175. Л. 3). Расположение раскопа показано самым приблизительным образом – в реальности он располагался на площадке внутри вала городища

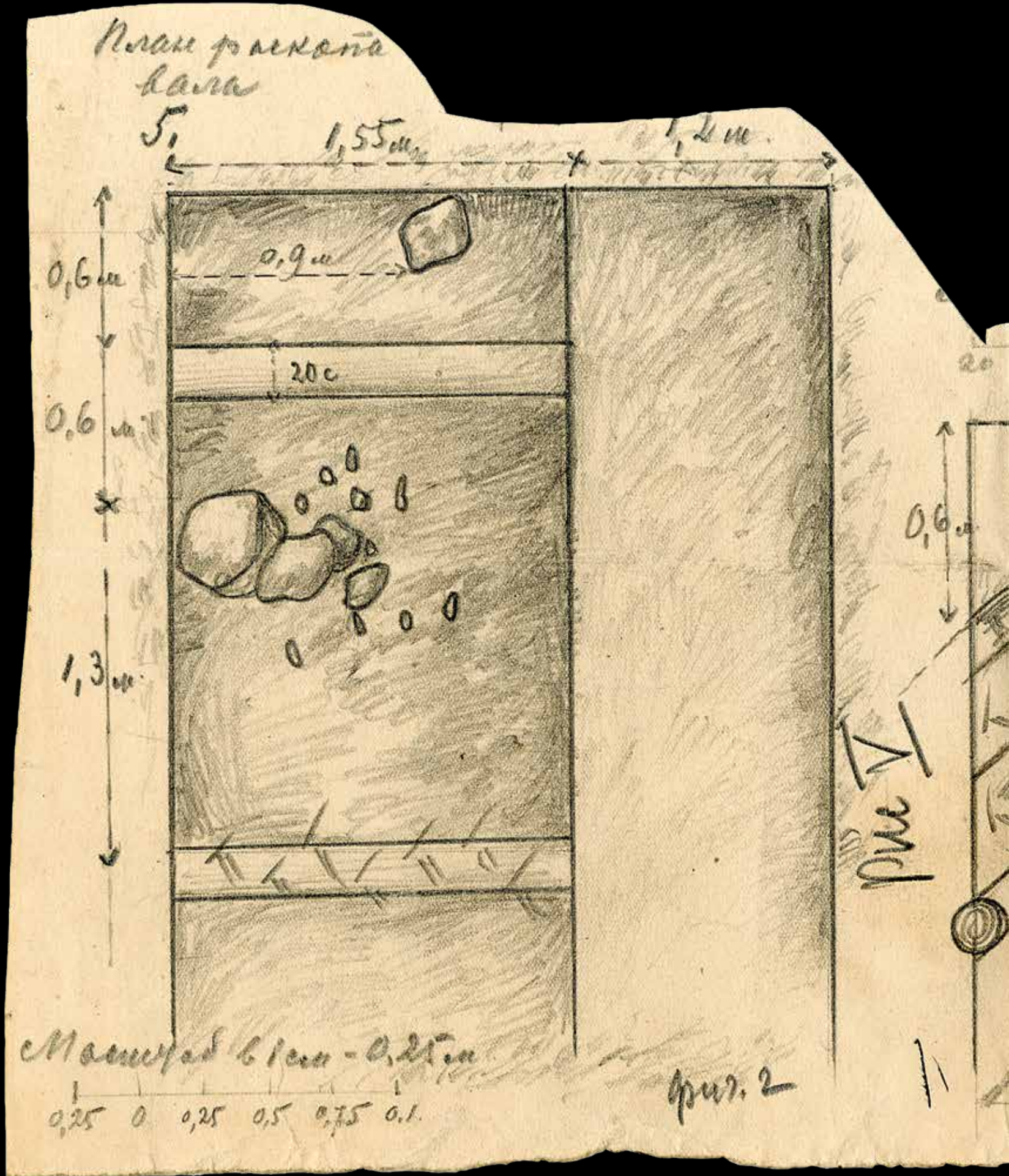

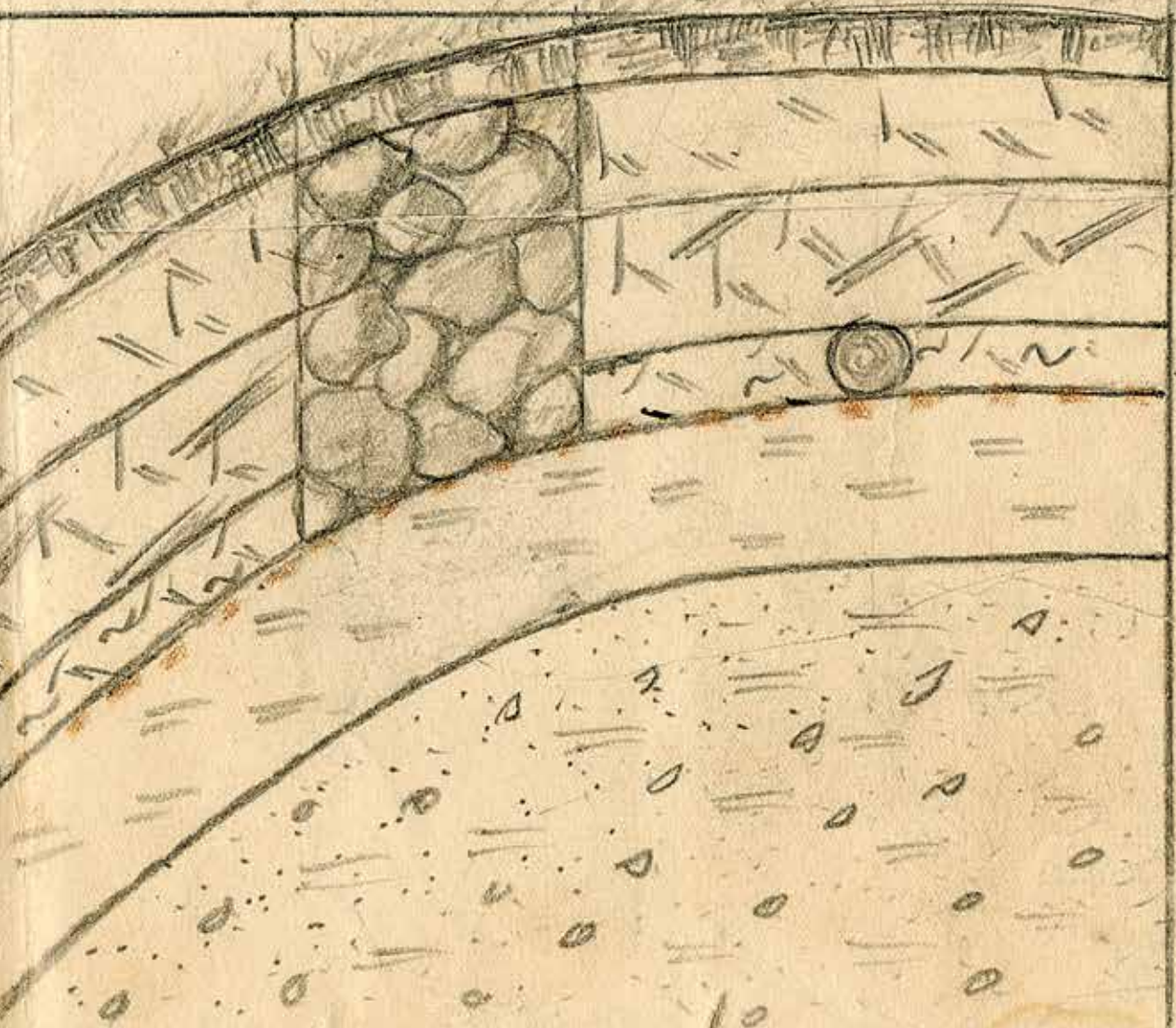
Рис. 33. Профиль разреза вала, выполненный Н. П. Милоновым в 1938 г.
(РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 175. Л. 5)

Прориски стени
разнона вама.

Рис V

масштаб 1 см - 20 см

0 20 40 60 80
0,6 м 0,6 м

15 см
25 см
30 см
15 см
35 см

прим. 1

С. 100

Рис. 34. Вид Малого Торопецкого городища с Большого городища. Фото Н. П. Милонова 1938 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 175. Л. 21). Желтой стрелкой обозначена площадка, на которой в XII–XIII вв. предположительно располагался деревянный храм. На краю этой площадки в 1988–1992 гг. Д. И. Фояков провел раскопки древнерусского христианского кладбища (рис. 83–85). Красная стрелка указывает на эскарп с внутренней восточной части склона северной оконечности Большого Торопецкого городища. Эскарп свидетельствует о том, что Большое городище некогда представляло собой отдельное укрепление с кольцевой системой оборонительных сооружений

Рис. 35. Современный вид с той же точки съемки, что и на фото Н. П. Милонова 1938 г. (рис. 34). Видна по-прежнему незастроенная площадка, на которой располагалась предполагаемая церковь, и эскарп на восточном склоне Большого городища. Теперь на террасе этого эскарпа стоит дом. Фото И. И. Еремеева. Ноябрь 2023 г.

Рис. 36. Вид Малого Торопецкого городища. Фото Н. П. Милонова 1938 г.
(РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 175. Л. 22)

Рис. 37. Раскопки на Малом Торопецком городище (на площадке у въезда) в 1938 г. Справа в шляпе с рулеткой в руке — Н. П. Милонов. Фотография из довоенной экспозиции Торопецкого краеведческого музея (ТКМ КП 4536-1)

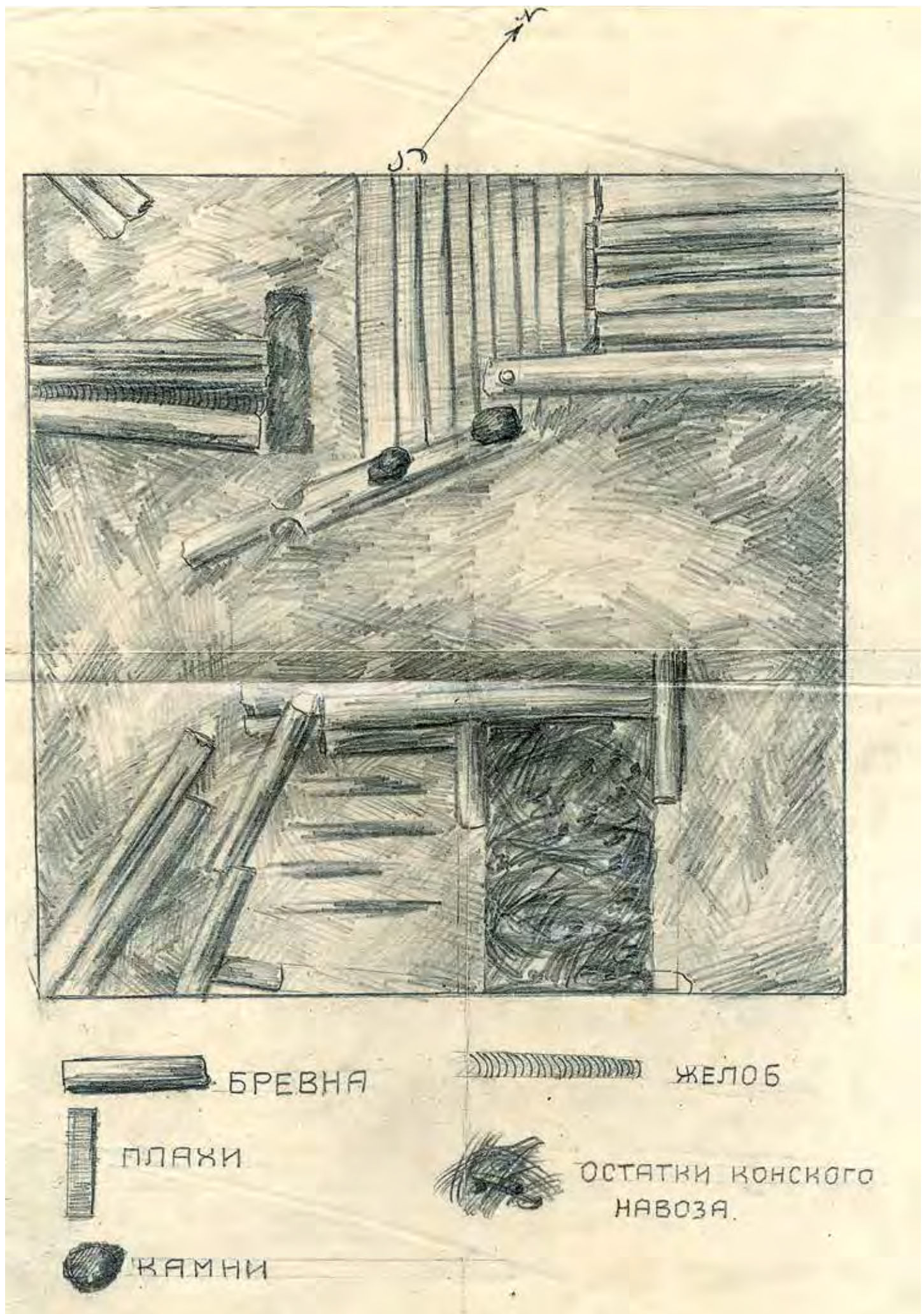

Рис. 38. Полевой чертеж раскопа Н. П. Милонова на площадке у въезда Малого Торопецкого городища 1938 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 175. Л. 14)

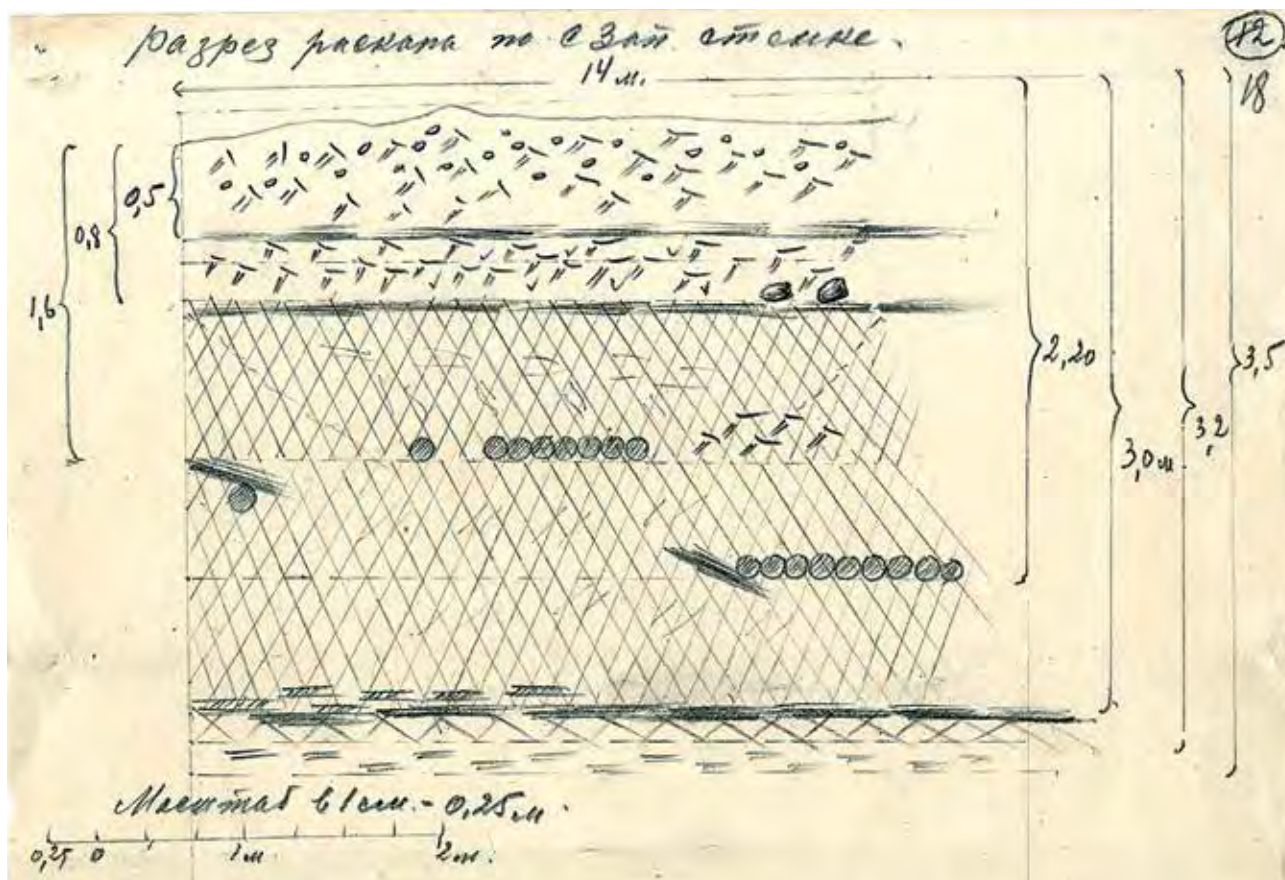

Рис. 39. Стратиграфия раскопа Н. П. Милонова на площадке у въезда Малого Торопецкого городища 1938 г. Чертеж из полевого отчета (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 175. Л. 9)

По древнерусскому материалу Е. А. Рябинин датирует их XII в. (Рябинин 1981: 17), указывая, однако, на то, что в Нижнем Подвинье, откуда этот тип украшений, возможно, происходит, допустима и более ранняя датировка, т. е. XI в. (Рябинин 1974: 58)²⁴. По новгородской хронологии украшения относятся ко второй — третьей четверти XII в. (Седова 1981: 30). Еще одна находка из раскопа — железный ключ от навесного замка типа А по Б. А. Колчину (рис. 44: 2). По новгородской хронологической шкале предмет относится к X — первой четверти XIII в. (Колчин 1959: 78–80; 1982: 162, рис. 3). Это один из древнейших типов замка и ключа на Руси. Как видим, находки допускают довольно раннюю датировку культур-

ных отложений на северных отрогах Большого городища. Коллекцию дополняет трапециевидный роговой гребень XII–XIV вв., обычный для древнерусской городской культуры (рис. 44: 1).

Работы Н. П. Милонова в 1938 г. продолжались всего 10 дней — с 11 по 21 октября, а в 1939 г. — 9 дней — с 11 по 19 октября (не самое благоприятное время для раскопок). Сопоставление сроков, времени года и объема работ, количества участников, общего вида сохранившейся документации определенно указывает специалисту-археологу на то, что раскопки велись в спешке и полученные результаты можно было расценивать как сугубо предварительные (Милонов 1940)²⁵.

²⁴ В Центральной Швеции, в Туреберге (Uppland, Sollentuna sn., Tureberg, RAÄ 277) в 1966 г. найдено погребение с похожей подвеской, совершенное по обряду сожжения в лодье под каменной кладкой, т. е. вряд ли произошедшее позднее XI в. (SHM 29783: 56). Подвеска выполнена с некоторыми отличиями. Видимо, это прототип или один из ранних вариантов данной группы украшений. На место их начального появления указывает найденный в той же могиле держатель, попавший в Швецию из области Нижнего Подвинья.

²⁵ К отчету 1939 г. в архиве ИИМК приложен весьма скептический отзыв Н. Н. Воронина, датированный 04.06.1940 и заканчивающийся словами «эту практику надо пресечь» (Милонов А-1939: л. 1). Действительно, полевая документация Н. П. Милонова носит порой фантастический характер. Например, он сообщает, что в раскрытой им в Торопце постройке «в отдельных местах» найдены сосуды с кусками болотной руды, на основании чего заключает — руду обжигали в печи в горшках (Милонов А-1939: л. 9). Однако ни одного такого сосуда на плане постройки, имеющемся в отчете, не отмечено. В ноябре того же 1939 г. Н. П. Милонов провел еще и раскопки на Соборной горе Смоленска, так что его можно в некотором смысле назвать основоположником отечественной зимней городской археологии.

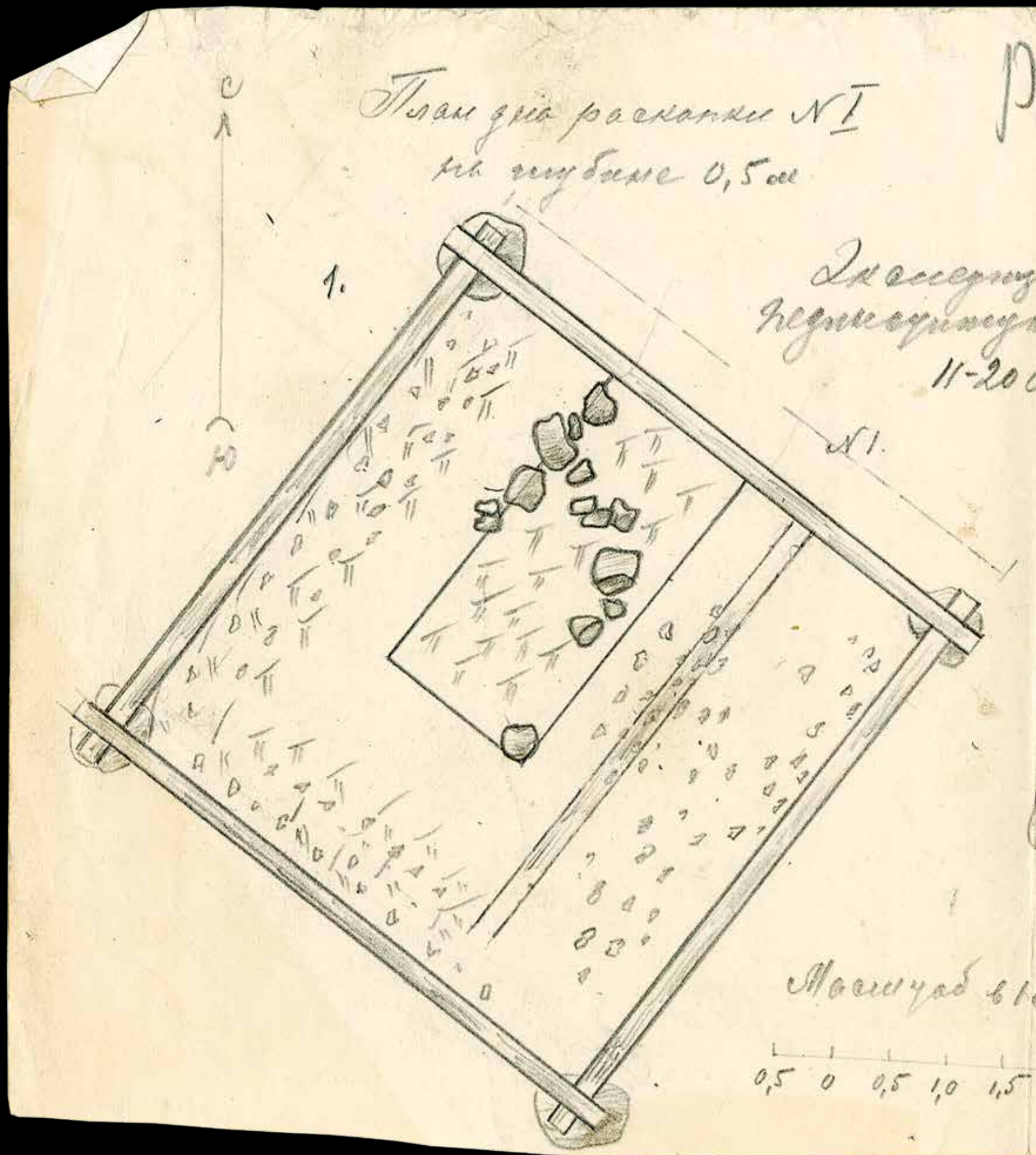

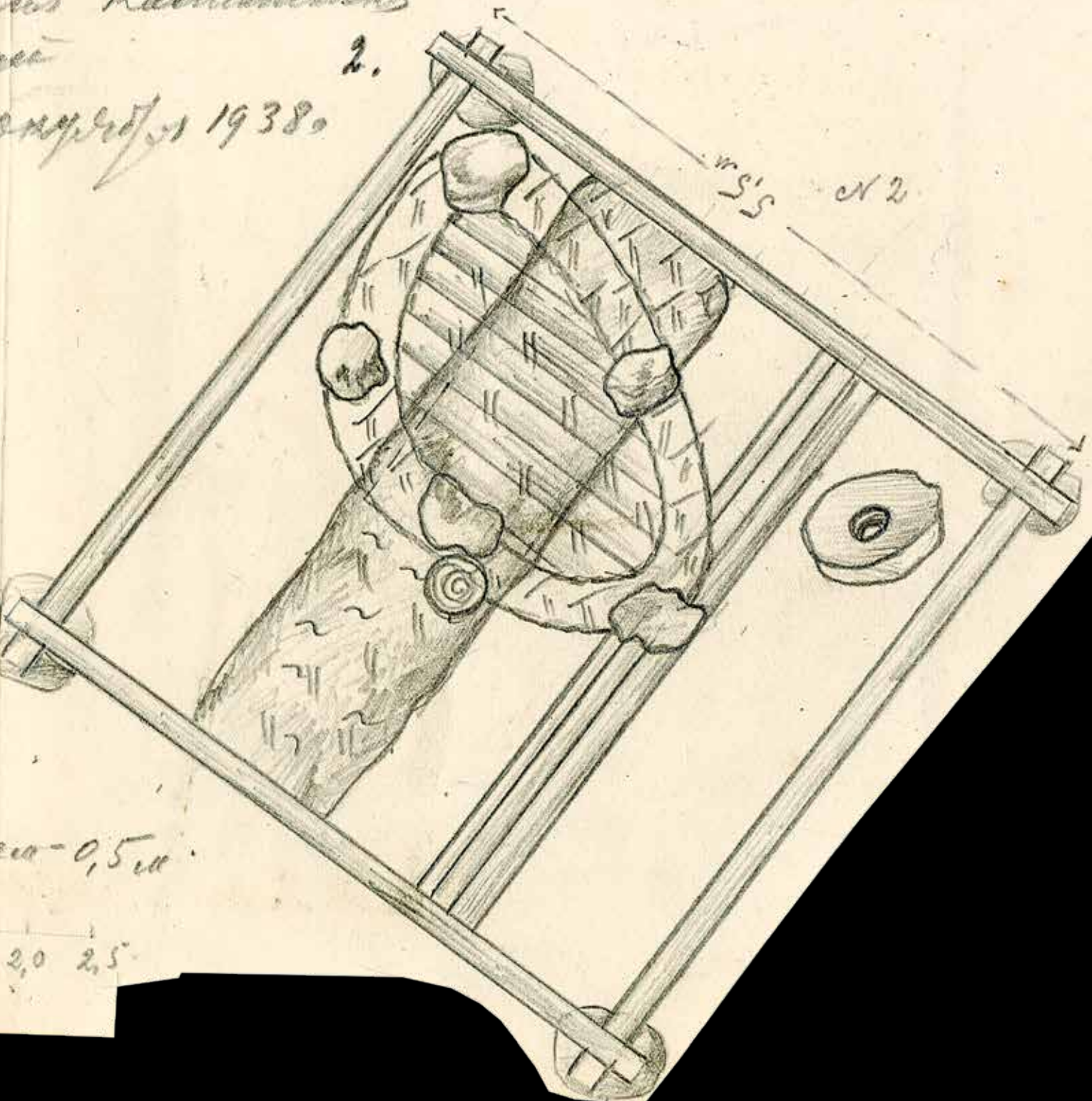
Рис. 40. Чертеж постройки из раскопа Н. П. Милонова у въезда на площадке Малого Торонецкого городища 1938 г. Иллюстрация из полевого отчета (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 175. Л. 11)

№ XI

20

Плануа гна рачнава №1
на рачнава 0,6-0,8

на рачнава
2.
1938.

№ 2

0,5 м

2,0 2,5

Рис. 41. Большое Торопецкое городище. Вид с юго-запада. Фото И. И. Еремеева. Ноябрь 2023 г.

Необходимы были дальнейшие исследования, новый цикл которых начался уже после Великой Отечественной войны.

Первое место в археологических исследованиях не только Торопца, но и всего Верхнего Подвинья принадлежит Ядвига Вацлавне Станкевич (1909–1959), чей титанический научный труд до сих пор не оценен должным образом из-за ее преждевременной смерти (рис. 47)²⁶. Для всех исследователей, работавших в Верхнем Подвинье, Ядвига Вацлав-

на служит предметом восхищения, а ее труды — примером тщательно спланированного, целеустремленного, скромного и самоотверженного служения науке (Воробьев 1998: 98, 99). Торопецкая археологическая экспедиция ЛОИИМК (с 1950 г. — Западно-Двинский отряд Славянской экспедиции ИИМК) под руководством Я. В. Станкевич, при поддержке Торопецкого музея краеведения, начала работать в Верхнем Подвинье в 1949 г.²⁷ Только в первый год был пройден маршрут в 120 км. Найдено до 20

О методике Н. П. Милонова есть маленькая статья (Жукова 2021). Небольшая, но содержательная (и тоже с критическим оттенком) заметка об археологической деятельности Н. П. Милонова опубликована на сайте Сергиево-Посадского музея-заповедника заведующим археологическим отделом музея В. И. Вишневым: <https://vk.com/@spmuseum-nikolai-petrovich-milonov-pervye-raskopki-v-radonezhe>.

²⁶ Научные биографии Я. В. Станкевич и других сотрудников Отдела славяно-финской археологии ИИМКа, в разные годы работавших в Торопце (Г. Ф. Корзухина, П. А. Рапопорт, М. В. Малевская, В. А. Назаренко), кратко описаны в статье: Платонова, Кирпичников 2013.

²⁷ Поддержка музея была значительной. В отдельные годы работы велись в основном на его средства. В свою очередь Я. В. Станкевич много сделала для формирования археологической коллекции музея и его архива. Остается только сожалеть о том, что ныне музей, по решению вышестоящего начальства, полностью лишен археологических коллекций.

неолитических стоянок и до 40 памятников раннего железного века и средневековья (Станкевич А-1949: л. 8, 9; А-1949а; Станкевич 1951). Тогда же, с зачисток старого раскопа Н. П. Милонова, продолжились исследования Малого Торопецкого городища. К юго-западу от него выявлен был посад (Станкевич А-1949: л. 36). Культурный слой обнаружился на Большом городище, где отмечено было и существование христианского кладбища (рис. 48, 49). Зафиксированы укрепления позднесредневекового города — «Красные валы». Наконец, еще раз описан был Торопецкий 1 курганный могильник, на котором исследовательница раскопала один круглый курган, давший известный богатый комплект инвентаря (рис. 50–53) с наборным поясом (Станкевич А-1949: л. 37–38).

На следующий год было пройдено уже 200 км и обследовано до 80 археологических памятников (Станкевич А-1950: л. 3). В 1951 г. выявлено уже 120 памятников на маршруте более 200 км, причем, как отмечает Я. В. Станкевич, машина у экспедиции отсутствовала (Станкевич А-1951: л. 2; А-1951а).

Я. В. Станкевич обладала не только потрясающей работоспособностью, но, что очень важно для археолога, — полевой удачей и умением выделить ключевые памятники для раскрытия выбранной научной проблемы. Если говорить об интересующей нас теме — ею были введены в научный оборот четыре древнерусских раннегородских центра (Усвят, Городок на Ловати, Жижец и Торопец). Объем сделанного ею за десять послевоенных лет поражает.

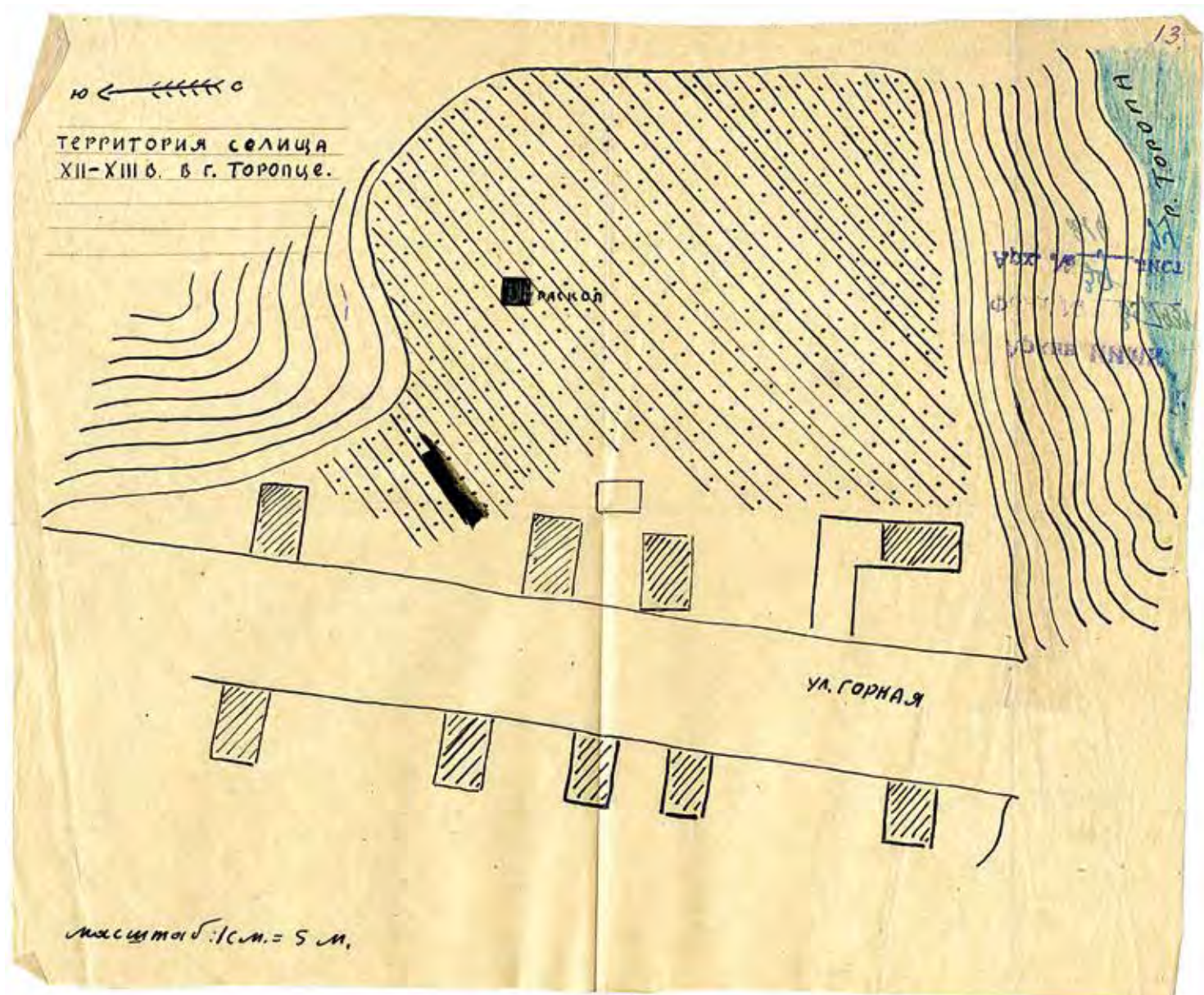

Рис. 42. Раскоп Н. П. Милонова 1939 г. на северных отрогах Большого Торопецкого городища. Ситуационный план из полевого отчета (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1939. Д. 216. Л. 17)

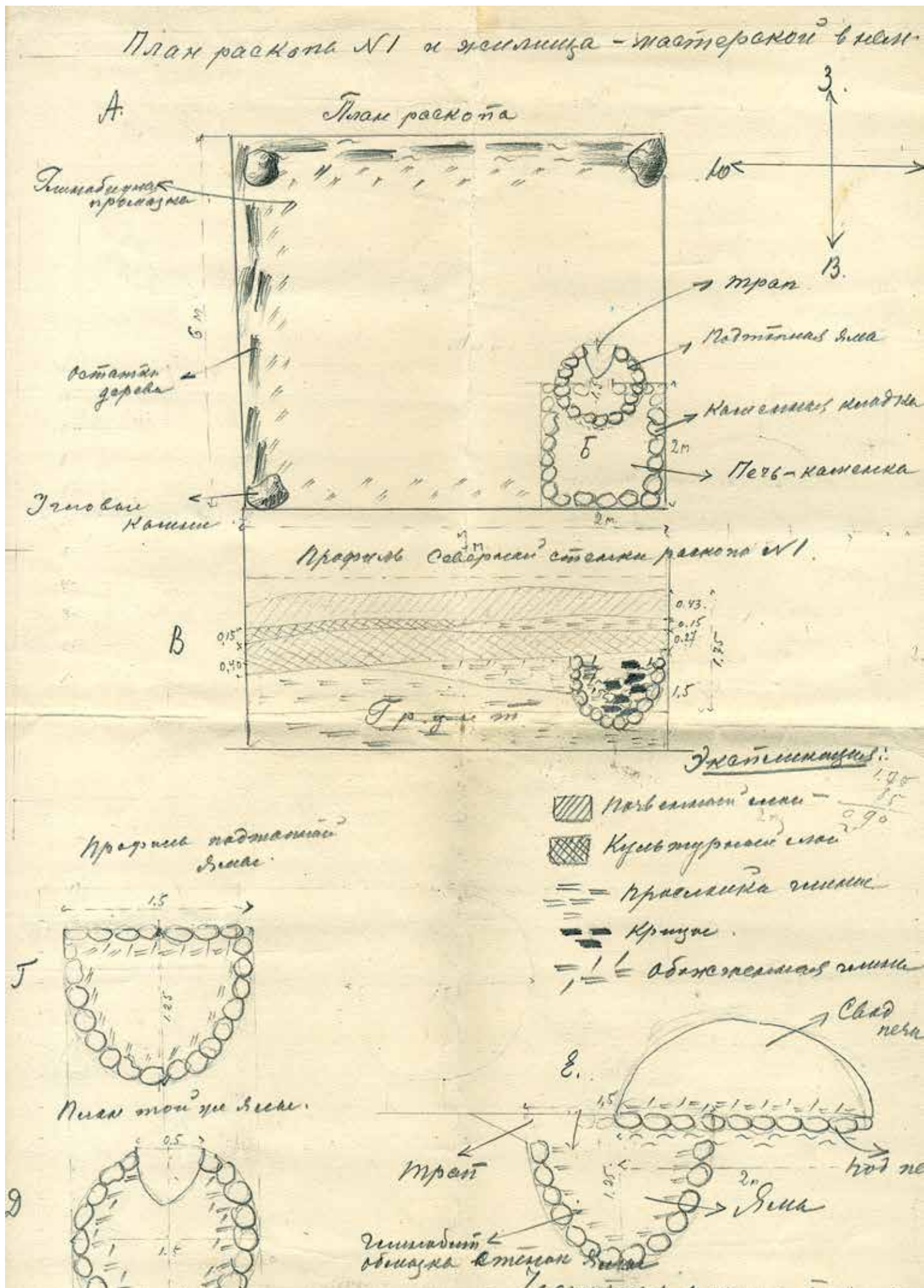

Рис. 43. План постройки из раскопа Н. П. Милонова 1939 г. на северных отрогах Большого Торопецкого городища (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1939. Д. 216. Л. 12)

При этом уже на уровне полевого отчета Я. В. Станкевич старалась систематизировать материал, выделять в нем культурно-хронологические группы, намечать и осмысливать их ландшафтную приуроченность. Замысел исследовательницы состоял в том, чтобы дать картину культурных трансфор-

маций от древностей раннего железного века до древнерусской городской культуры. Обычно исследователи ограничиваются в таком случае небольшим микрорегионом, например, округой одного города. Здесь план был грандиозен — охватывалось все Двинско-Ловатское междуречье.

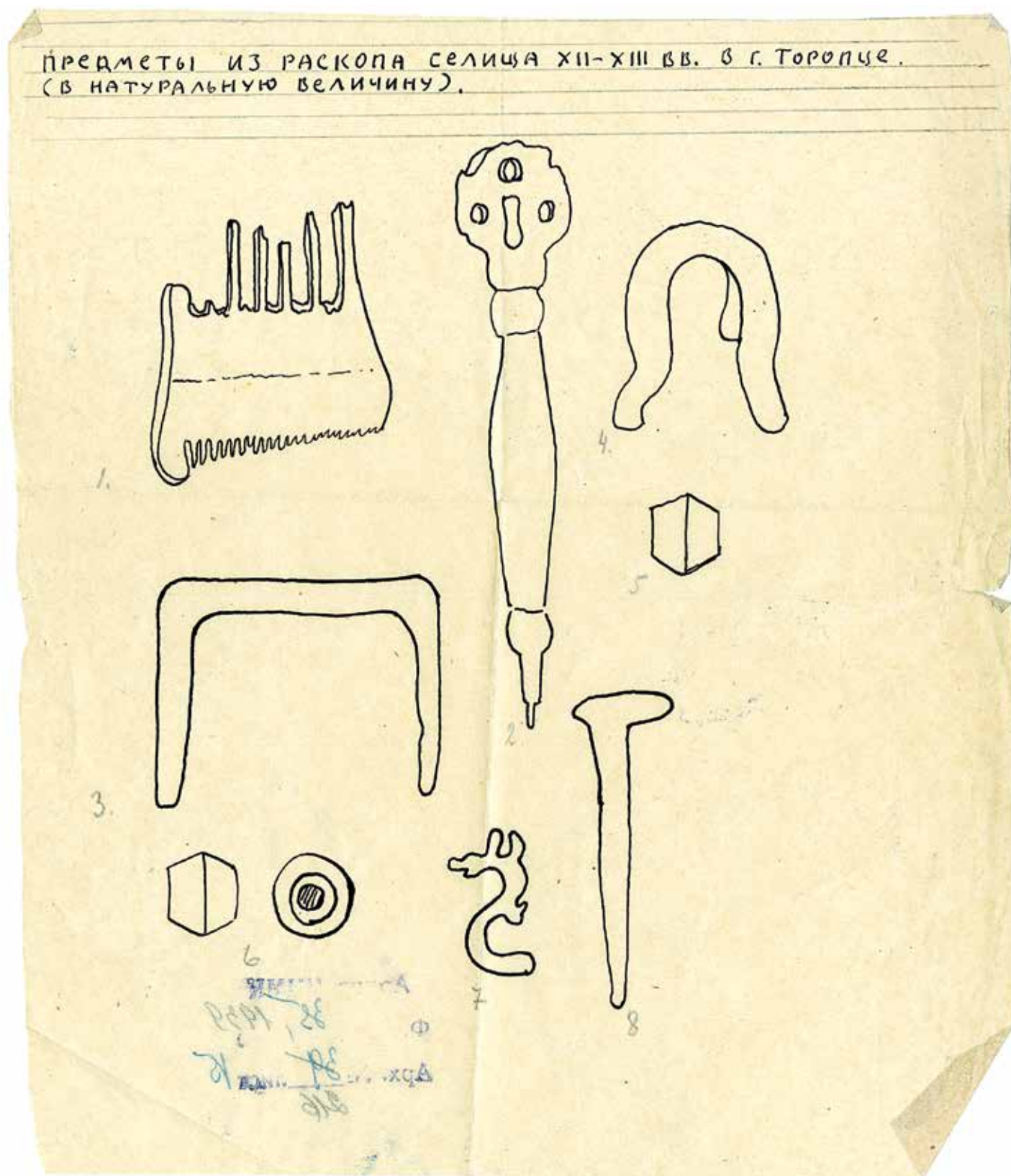

Рис. 44. Находки XII–XIII вв. из раскопа Н. П. Милонова 1939 г. на северных отрогах Большого Торопецкого городища (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1939. Д. 216. Л. 15). 1 — костяной трапецевидный гребень; 2 — железный ключ от замка; 3, 4, 8 — предметы из железа; 5, 6 — шиферные пряслица; 7 — фрагмент ажурного зооморфного украшения из сплава меди

Рис. 45. Древнерусская гончарная керамика XI–XIII вв. из раскопа Н. П. Милонова 1939 г. на северных отрогах Большого Торопецкого городища (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1939. Д. 216. Л. 13)

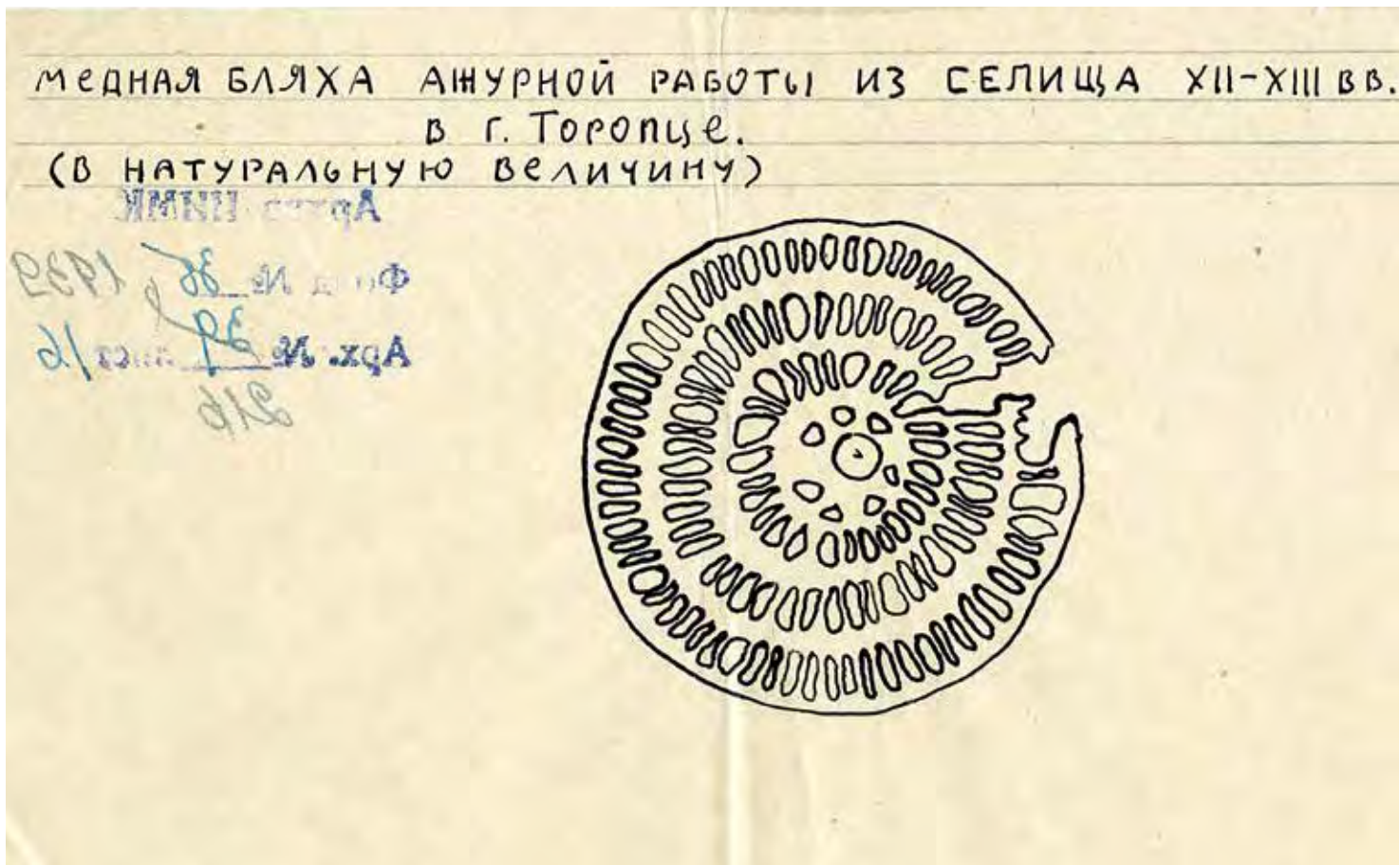

Рис. 46. Ажурная бляха (фибула?) из медного сплава из раскопа Н. П. Милонова 1939 г. на северных отрогах Большого Торопецкого городища (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1939. Д. 216. Л. 16)

Нельзя забывать, что все это происходило в разоренном войной крае в труднейшее послевоенное время. Помимо бытовых и финансовых сложностей, имелась и особая специфика — Великолукская область, в которую входил тогда Торопец, три года была ареной боевых действий. Еще в 1991 г. нам, впервые попавшим в Северо-Западную экспедицию Эрмитажа студентам, А. М. Микляев предлагал первым делом ознакомиться с послевоенной отчетной картой разминированных участков, хранившейся у усвятского краеведа и археолога А. Т. Смирнова²⁸. Густо раскрашенная цветной тушью карта производила сильное впечатление. Нам-то никакие опасности уже не грозили, но зато можно было представить, сколько их выпало в 1940-х гг. на долю Я. В. Станкевич. Памятью о них в архиве ИА РАН остался не вошедший в публикацию 1960 г. план изрытого окопами известного памятника днепро-двинской культуры — городища Подгай (рис. 54). Сама Ядвига Вацлавна в полевых отчетах коротко, но со знанием дела описывает противотанковые рвы, орудийные площадки, «индивидуальные окопы» и траншеи, стенки которых ей многократно приходилось зачищать в разведках (в том числе и на валах Малого Торопецкого городища). Доводилось ей и захоранивать найденные останки солдат, иногда оказывавшиеся прямо в раскопе.

Завершив цикл разведок, Я. В. Станкевич приступила к планомерным раскопкам, начав с более ранних памятников Верхнего Подвинья (рис. 54–58). Тем временем весьма интересные исследования древнерусских оборонительных сооружений Малого Торопецкого городища в 1956 г. провел другой ленинградский археолог, П. А. Раппопорт (рис. 59).

Исследования Павла Александровича Раппопорта (1913–1988) являлись частью масштабной программы по изучению древнерусской фортификации (рис. 60–66). Это тоже был характерный для своего времени гигантский замысел, по продуманности, последовательности исполнения и фундаментальности результатов ничуть не уступавший изысканиям Я. В. Станкевич (Раппопорт 1961а; 1965; 1967). Однако микро-

Рис. 47. Ядвига Вацлавна Станкевич. Послевоенная фотография (ФО НА ИИМК РАН. Нег. к. 1816-2).

гиональный подход, столь характерный для исследовательницы, был П. А. Раппопорту не свойствен. Стремясь к масштабным обобщениям, он соколом пролетел над древнерусским Торопцем, точнее над его укреплениями, оставив после своих раскопок больше вопросов, чем ответов.

Прорезав вал Малого городища траншеей (рис. 64–66), П. А. Раппопорт сделал несколько выводов:

1. Поселение на данном месте возникает впервые в раннем железном веке (найден фрагмент текстильной керамики) на небольшом (до 4 м высотой) всхолмлении на берегу озера (Раппопорт А-1956: л. 10).
2. Под насыпью вала обнаружены «тонкие прослойки угля», т. е. какие-то ранние культурные напластования.
3. Вал сооружен как минимум в два приема (подтвердилось, таким образом, наблюдения Н. П. Милонова) и, видимо, затем неоднократно подновлялся.
4. Основные фортификационные работы здесь были произведены в XII–XIV вв.
5. Укрепления не имеют внутри деревянных конструкций (Раппопорт А-1956: л. 7).

²⁸ Сейчас карта хранится в Усвятском краеведческом музее.

Рис. 48. Погребение № 3 в грунтовом могильнике в северной части Привалья, исследованное Я. В. Станкевич в 1950 г. (ФО НА ИИМК РАН. Нег. I 35316). Рядом с костяком видны массивные железные шлаки, собранные в более раннем культурном слое

Рис. 49. Лировидная пряжка из медного сплава из погребения № 1 в грунтовом могильнике, открытом Я. В. Станкевич в 1950 г. в северной части Привалья (Малевская, Фоянков 2000: рис. 129: 5)

Вряд ли следует оспаривать первые четыре тезиса П. А. Раппопорта, но категорический вывод об отсутствии в валу древнерусского города деревянных конструкций выглядит в наши дни, конечно, сомнительно²⁹. С технической точки зрения можно допустить возведение девятиметровой насыпи без каркаса. В конце концов, в Верхнем Подвинье в IX–X вв. известны огромные сопки, строительство которых велось при помощи систем концентрических дерново-земляных валиков, позволявших делать земляные сооружения поразительной крутизны и высоты.

Рис. 50. Торопецкий 1 курганный могильник. Фото Я. В. Станкевич, 1950 г. (ФО НА ИИМК РАН. Нег. I 33949)

²⁹ В настоящее время практически на всех известных древнерусских фортификационных сооружениях выявлены деревянные конструкции. Споры идут лишь вокруг их конструктивных и функциональных особенностей (Моргунов 2009; 2019).

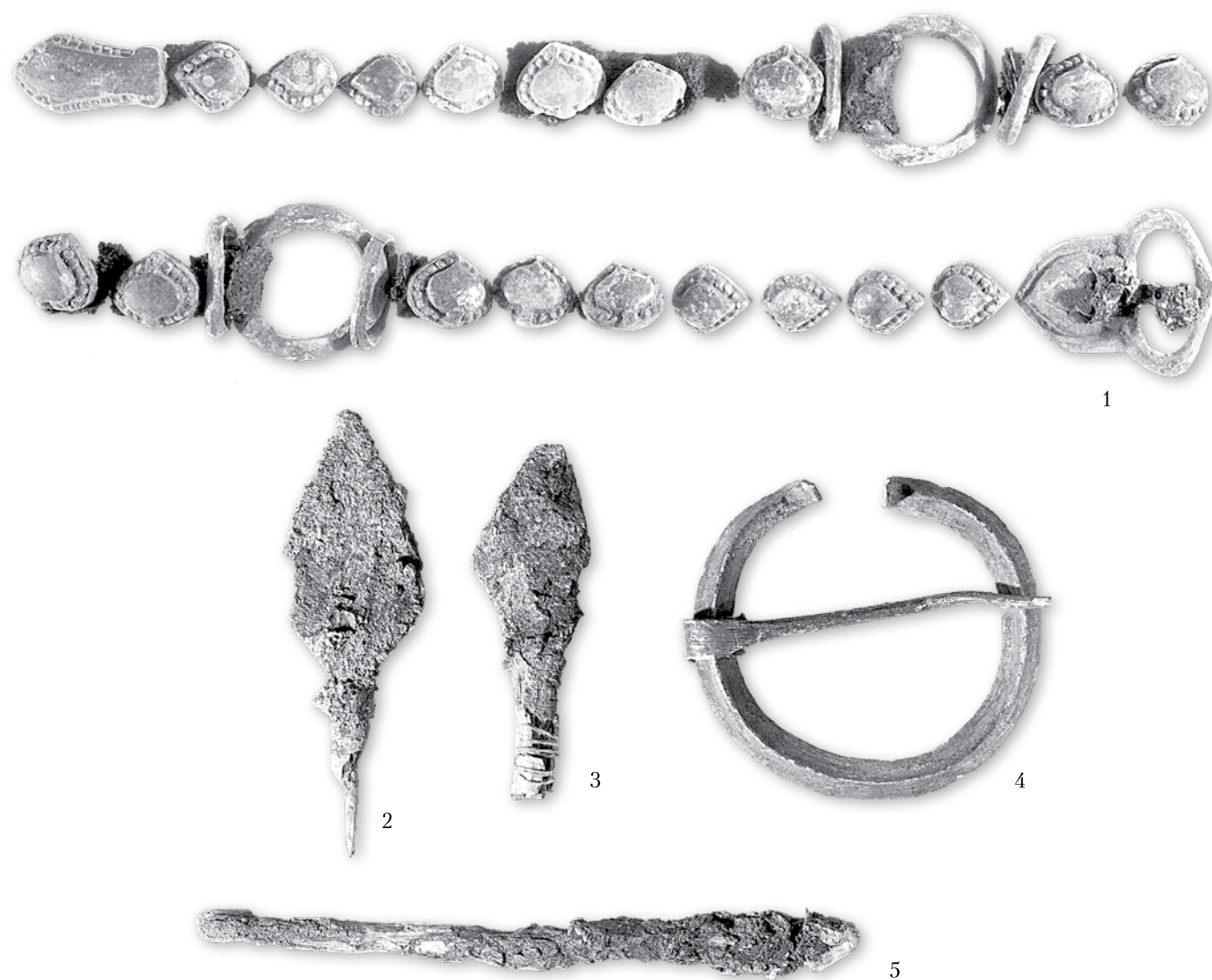

Рис. 51. Находки из кургана, раскопанного Я. В. Станкевич в Торопецком 1 могильнике (ФО НА ИИМК РАН. Нег. II 51111, 51112). 1 – пояс с бронзовыми украшениями; 2, 3 – железные наконечники стрел; 4 – бронзовая подковообразная фибула с завитками на концах дужки (не сохранились); 5 – железный нож. Погребение принадлежало зажиточному горожанину, жившему во второй половине XI – начале XII в., т. е. бывшего младшим современником Исакия Торопчанина

Рис. 52. Сохранившиеся полусферические курганы в северной части Торопецкого 1 могильника (урочище Могилы). Фото И. И. Еремеева. Ноябрь 2023 г. Номера курганов по Ю. М. Лесману (справа налево): 1–4

Рис. 53. Сохранившиеся курганы в северной части Торопецкого 1 могильника (урочище Могилы) на современном космическом снимке. Отмечена точка, с которой производилась фотосъемка курганов осенью 2023 г. (см. рис. 52)

Но сопки — погребально-мемориальные сооружения, а здесь требовалось создать насыпь, которая не только производила бы внушительное впечатление, но несла бы на себе нагрузку деревянных стен и могла бы противостоять вражеским подкопам. Да, собственно, и подобных упомянутым мною дерново-земляных элементов П. А. Раппопорт в валу тоже не обнаружил. И так, требовались дальнейшие исследования.

В 1957 г. В. Я. Станкевич находилась на пике своей творческой деятельности. Она завершила очень интересные исследования торгово-ремесленного и административного поселения X–XI вв. Городка на Ловати и приступила, наконец, к полномасштабным раскопкам на Малом городище Торопца (Станкевич А-1957; А-1957а; А-1957б). В 1958 г. раскопки были продолжены. Панорамная картина культурогенеза в Двинско-

Ловатском междуречье (от раннего железного века к домонгольской Руси), казалось, будет написана в самом скором времени. Однако после исследований 1958 г. полевой отчет уже не был сдан из-за скоропостижной смерти Я. В. Станкевич, последовавшей 19 мая 1959 г. на 49-м году жизни. В архиве ИИМКа хранятся лишь рукописные наброски отчета за 1958 г. и его краткое резюме, которое Ядвига Вацлавна успела подготовить (Станкевич А-1958)³⁰. Информация о полевом сезоне 1958 г. как об отдельном этапе исследований сохранилась только в полевых дневниках его участников (Станкевич А-1958а; А-1958б; Станкевич, Шевченко А-1958; Станкевич, Малевская А-1958; Станкевич, Драйцель А-1958).

После года смятения, последовавшего за смертью начальника экспедиции, раскопки в Торопце были возобновлены в 1960 г. под руководством Гали Федоровны Корзухиной (1906–1974) (рис. 67–70), которой удалось сохранить исследовательский коллектив и пополнить его. Помимо Марианны Владимировны Малевской (1918–2011), в нем оказался ученик В. И. Равдоникаса и участник его раскопок в Старой Ладогe Константин Демианович Лаушкин (1917–1994), занявшийся топографической съемкой Малого городища (рис. 69)³¹. Произошел некоторый сдвиг тематики экспедиции в сторону более ранних древностей Торопца — помимо изучения Малого городища, исследования затронули Торопецкий 2 курганный могильник, в одном из курганов которого найдена была скандинавская равноплечная фибула IX в. (Корзухина, Малевская А-1960; Корзухина, Малевская А-1961; А-1961а). Именно в те годы начинала разворачиваться дискуссия о роли варягов в древнерусской истории, и торопецкая находка вызвала заметный резонанс, тем более что скандинавские древности на Руси относятся преимущественно к X в., а находки IX в. были и остаются немногочисленными.

³⁰ Через несколько лет короткая заметка о полевом сезоне 1958 г. была опубликована Василием Сергеевичем Тарасенко (1919–1976), руководившим в этот год на раскопках студенческой практикой Калининского педагогического института (Тарасенко 1965). В 1958 г. В. С. Тарасенко заведовал в институте кафедрой всеобщей истории. Он серьезно интересовался археологией и возглавил в свое время несколько студенческих археологических экспедиций (Воробьева 2009). Книга, посвященная Верхнему Подвижью, была опубликована через два года после смерти исследовательницы (Станкевич 1960). Как всегда бывает в таких случаях, в части, посвященной Торопцу, она содержит множество не исправленных мест и неточностей.

³¹ обстоятельный очерк о судьбе К. Д. Лаушкина опубликован в журнале «История Петербурга» (Сотникова 2008). Указанием на этот источник я обязан О. А. Щегловой.

Городище у д. Подгай

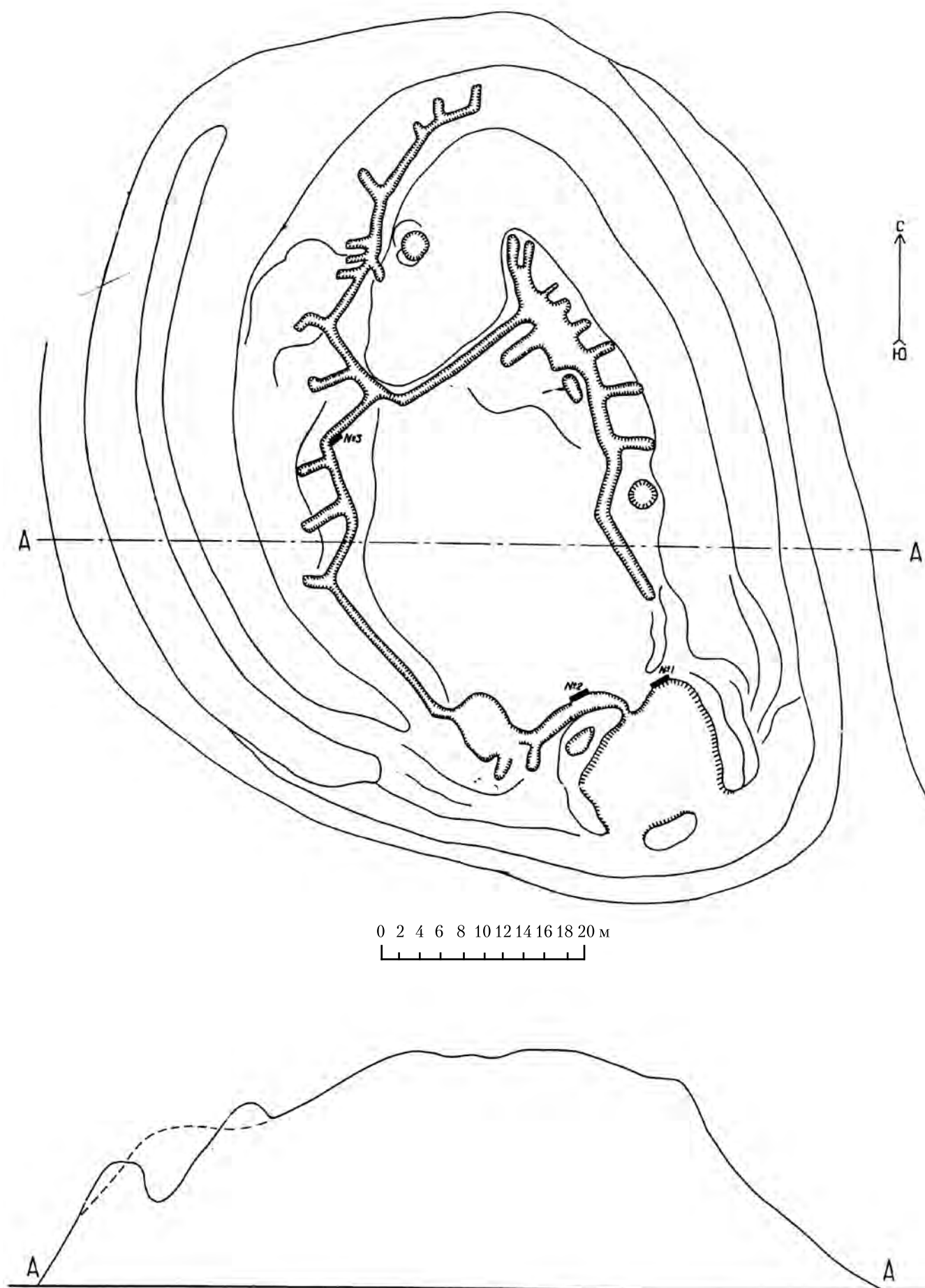

Рис. 54. Чертеж городища Подгай с окопами военного времени, не вошедший в публикации Я. В. Станкевич. Из полевого отчета за 1949 г. (НА ИА РАН. Р-1. № 327а. Л. 4)

Рис. 55. Сотрудники экспедиции ИИМК РАН на раскопках городища Подгай (ФО НА ИИМК РАН. Нег. I 35314)

Рис. 56. Ядвига Вацлавна Станкевич (на фото слева) на раскопе за упаковкой находок. Городище Подгай (ФО НА ИИМК РАН. Нег. I 33946)

Рис. 57. Ядвига Вацлавна Станкевич ведет экскурсию по раскопу на городище Подгай для воспитанников детского дома (ФО НА ИИМК РАН. Нег. I 33945)

Рис. 58. Торопецкие школьники на раскопках городища Подгай. Фото из фондов Торопецкого краеведческого музея (ТКМ КП 4535-5)

Вскоре, однако, произошел двухлетний перерыв в работах Торопецкого отряда. Древнерусский город XII–XIII вв. Г.Ф. Корзухину не очень интересовал, а перспективных для изучения культурных напластований более раннего времени сразу обнаружить не удавалось. Второй Старой Ладоги на Малом городище Торопца найти не получилось. В результате Г.Ф. Корзухина собрала и блестяще проанализировала скандинавские древности Торопца (Корзухина 1964), но этим и ограничилась.

Тематика экспедиции теперь сузилась до проблемы изучения участка городской застройки на Малом городище. От грандиозного замысла Я.В. Станкевич не осталось и следа. Лишь в середине 1960-х гг. идея Ядвиги Вацлавны (с характерной для эпохи географической спецификой) будет подхвачена эрмитажным археологом Александром Михайловичем Микляевым (1934–1993), но и он не успеет создать обобщающей работы (Микляев 1992; 1995). Не написана она и до сих пор.

В 1965 г. Торопецкий отряд возобновил работу на Малом городище под руководством М.В. Малевской (рис. 71), но и в этом формате экспедиция просуществовала всего один

Рис. 59. Павел Александрович Раппопорт, младший научный сотрудник ЛОИИМК. Снимок 1949 г. (ФО НА ИИМК РАН. Нег. I 65737)

Рис. 60. Малое Торопецкое городище. Вид с запада, с Большого городища. Послевоенное фото

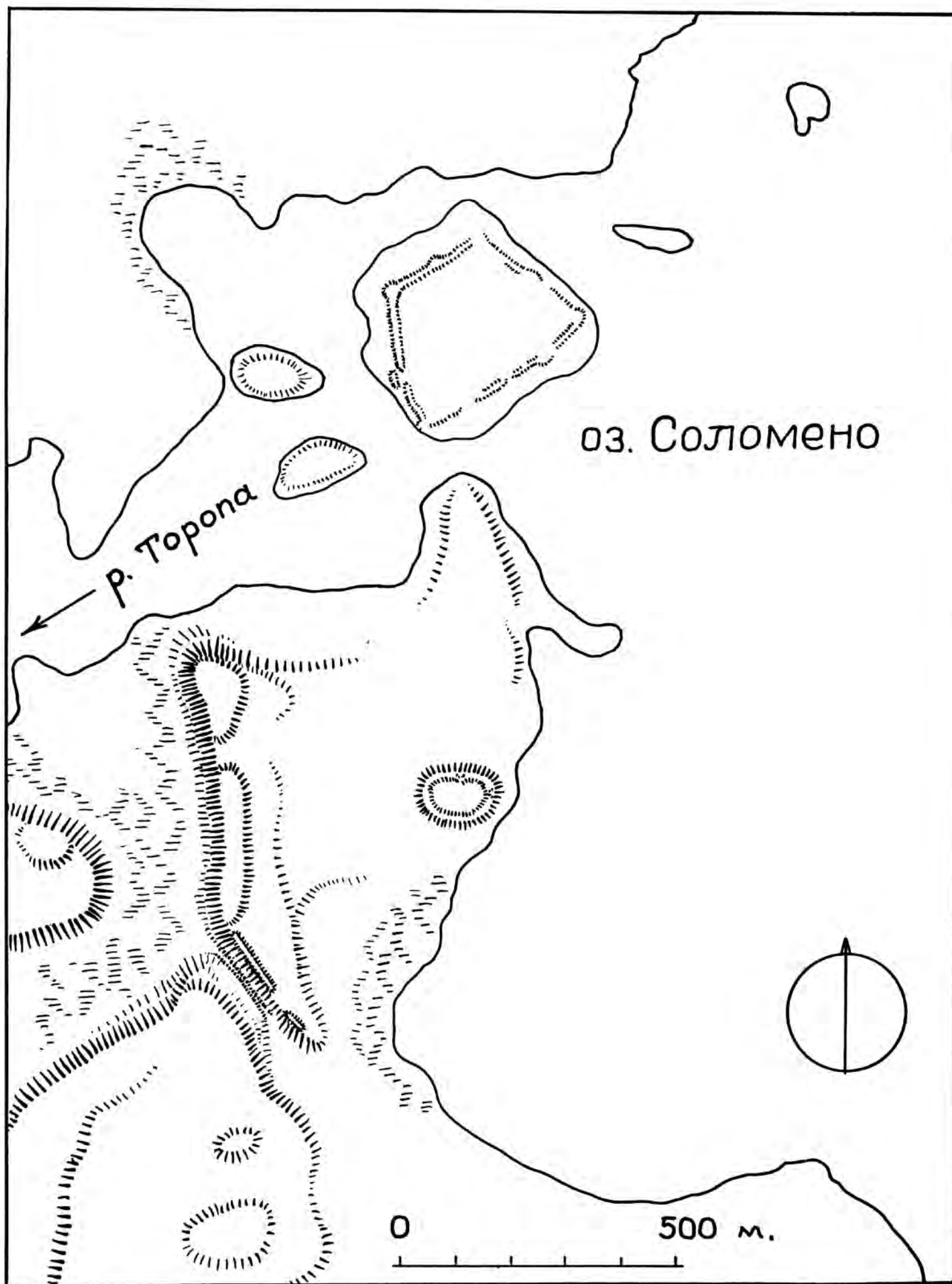

Рис. 61. План торопецких городищ из полевого отчета П. А. Раппопорта (НА ИА РАН. Р-1. № 1216)

Рис. 62. Малое Торопецкое городище. Вид с озера Соломено. Фото П. А. Раппопорта, 1956 г.
(ФО НА ИИМК РАН. Отп. О. 2047/4)

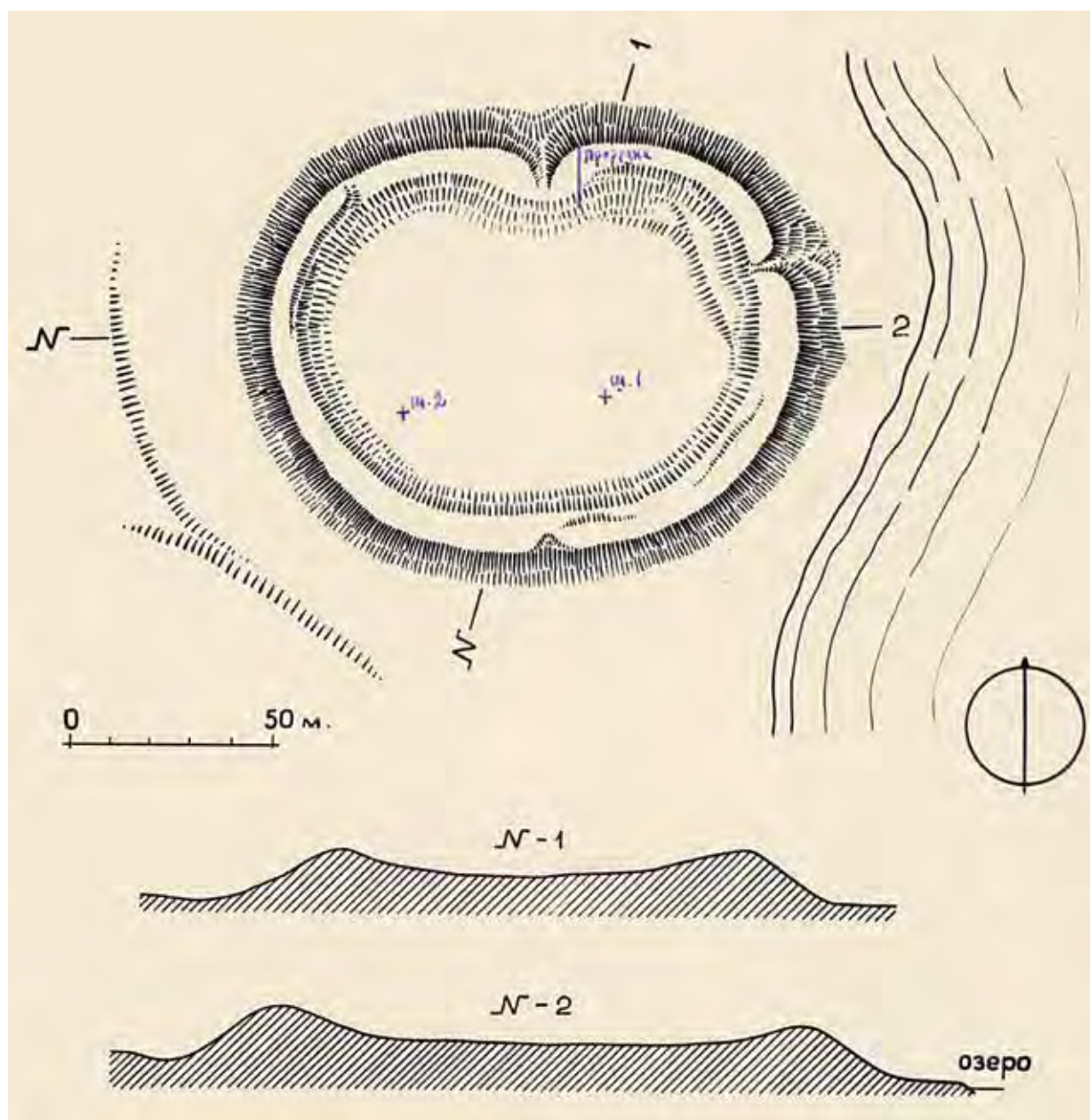

Рис. 63. План и разрезы Малого Торопецкого городища из полевого отчета П. А. Раппопорта 1956 г.
(НА ИА РАН. Р-1. № 1216)

Рис. 64. Прорезка вала Малевого Торопецкого городища в 1956 г. (ФО НА ИИМК РАН. Отп. О. 2047/13)

полевой сезон (Малевская А-1965). В это время в древнерусской городской археологии произошло важное событие — в методику датировки культурного слоя вошел дендрохронологический анализ (Черных 1972). Для 5-го строительного горизонта Малевого городища были получены даты, указывающие на 1170-е гг.;

6-й горизонт датирован 30–40-ми гг. XII в., 7-й горизонт отнесен примерно к 1120 г. (Малевская А-1965: 7, 11, 16). Соответственно, для нижнего, 9-го горизонта застройки следовало ожидать датировку около конца XI в. (Малевская А-1965: 21). Этому не противоречил и керамический материал, сочетавший лепную

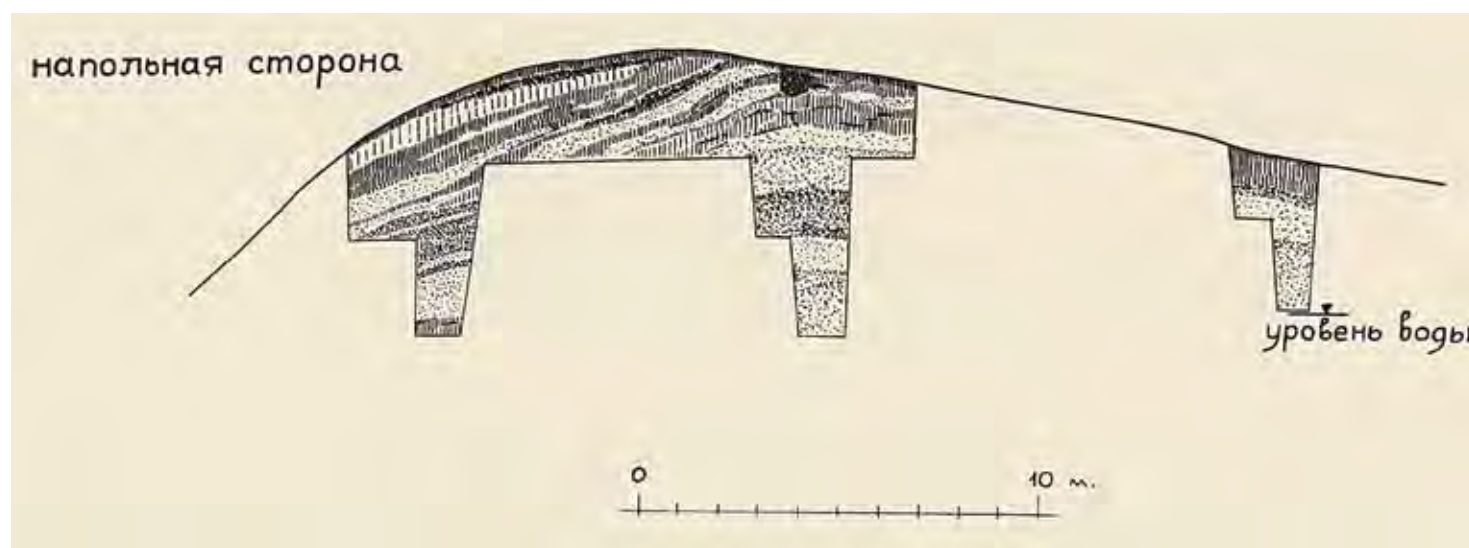

Рис. 65. Разрез вала из полевого отчета П. А. Раппопорта 1956 г. (НА ИА РАН. Р-1. № 1216)

и ранние формы гончарной керамики, а также некоторые находки архаичного облика — например, ланцетовидные стрелы.

К сожалению, масштабные раскопки культурного слоя Торопца на этом завершились. Стратифицированных напластований IX — середины XI в. обнаружить не удалось (Фоняков 2000: 154), не говоря уже о культурном слое более раннего времени. Не решена эта проблема и по сей день.

Параллельно с исследованиями на территории Торопца продолжала дополняться и совершенствоваться археологическая карта окрестностей города. Этому способствовали разведочные работы И. Г. Портнягина (Портнягин А-1972; А-1972а), Г. В. Харитонова и Е. В. Бодунова (Харитонов, Бодунов А-1974; А-1974а), А. Д. Максимова (Максимов А-1979), П. Д. Малыгина (Малыгин А-1979), В. М. Воробьева (Воробьев А-1981; А-1982; А-1985), Ю. М. Лесмана (Лесман А-1976; А-1977; А-1978; А-1979), А. В. Мирецкого (Мирецкий А-1990; А-1990а; А-1996; А-2000; А-2001), А. П. Ланцева (Ланцев

А-1990; А-1995), Н. А. Сарафановой (Сарафанова А-2002), Г. А. Лавровой (Лаврова А-2002).

Огромный труд, вложенный учеными в археологическую карту Верхнего Подвинья, в научно-популярной форме описан в книге тверского археолога Вячеслава Михайловича Воробьева (1950–2022) (Воробьев 1998). Итоги всех этих работ были суммированы в своде древностей Тверской области В. С. Нефедовым (АКР 2007). За последние полтора десятка лет данные о торопецкой округе несколько пополнились, чему способствовали в основном различные хозяйственные работы (Исланова А-2012; Бодрякова А-2012; Попов А-2014; Веселов А-2014; А-2016).

Вернемся, однако, к истории изучения древнерусского города. В середине 1970-х гг. исследованиями Торопца занялся Валдайский (позднее — Торопецкий) отряд кафедры археологии ЛГУ. Руководитель отряда Юрий Михайлович Лесман (1954–2013) стал следующим исследователем, внесшим существенный вклад в изучение торопецких древностей (рис. 72, 73).

Рис. 66. Фотография прорезки вала из полевого отчета П. А. Ранпопорта 1956 г. (НА ИА РАН. Р-1. № 1216)

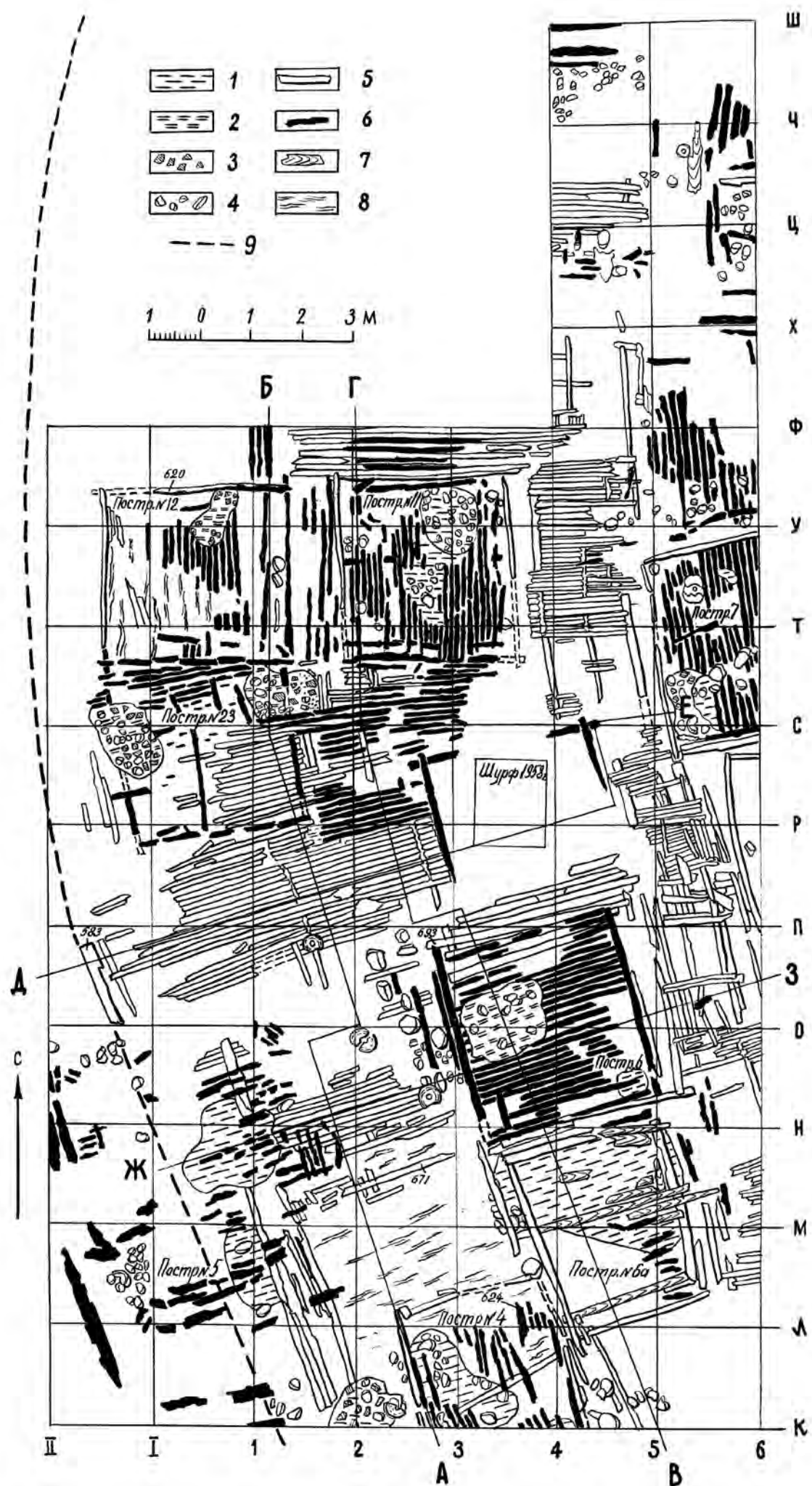

Рис. 67. Раскоп на Малом Торопецком городище. Сводный план сооружений горизонта 2 (1250–1270-е годы) в западной части раскопа, близ вала. 1 – необожженная глина; 2 – обожженная глина; 3 – куски глиняной обмазки; 4 – камни; 5 – дерево; 6 – горелое дерево; 7 – доски; 8 – гнившее дерево; 9 – линия вала (ФО НА ИИМК РАН. Рег. П 74974)

Рис. 68. Полевая зарисовка остатков погибшей в огне постройки XIII в. (горизонт 2) с растрескавшимся от жара каменным жерновом. Раскопки Малого Торопецкого городища 1958 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1958. Д. 44. Л. 48)

Ю. М. Лесмана, вслед за Г. Ф. Корзухиной, в первую очередь интересовала эпоха VIII–X вв. (рис. 74)³².

Работы Ю. М. Лесмана сосредоточились на Торопецком 2 могильнике, где он раскопал 4 кургана культуры смоленских длинных курганов (рис. 75), и на селище Речане. Были также предприняты попытки отыскать поселение, с которым связывались знаменитые скандинавские находки и торопецкий клад куфических монет. Исследователю действительно удалось выявить на северном берегу оз. Зеликовье следы поселения с лепной и раннегончарной керамикой. В окраинной части этого поселения была заложена довольно значительная по размерам траншея — 20 × 1 м, в которой обнаружен был участок

сохранившегося культурного слоя и немногочисленные фрагменты раннекруговой посуды (Лесман А-1978: л. 6, рис. 19; Лесман 1990: 73). Результаты, однако, показались исследователю слишком скромными, и работы не были продолжены.

Еще одним важнейшим результатом работ Ю. М. Лесмана стало обнаружение на вершине Большого городища, в его центральной части, материалов раннего железного века и новых погребений христианского могильника (рис. 76, 77). Ранее древнерусские погребения были известны по раскопкам Я. В. Станкевич только на северном участке Большого городища и у его южного подножия.

Исследования Ю. М. Лесмана дали очень важные ориентиры для дальнейшего изучения

³² Некоторые биографические сведения о раскопках Ю. М. Лесмана в Торопце можно почерпнуть в статье Н. И. Платоновой (Платонова 2014).

Рис. 69. Сотрудники экспедиции ЛОИА в Торопце в 1960 г. Слева направо: Марианна Владимировна Малевская-Малевич, Екатерина Борисовна Вилинбахова, Татьяна Константиновна Ратнер, Гали Федоровна Корзухина, Константин Демьянович Лаушкин (ФО НА ИИМК РАН)

Рис. 70. Гали Федоровна Корзухина в Торопце с местными жителями и сотрудниками экспедиции на Большом городище. Шурф № 3. 1960 г. (ФО НА ИИМК РАН. Нег. I 44685)

Рис. 71. Марианна Владимировна Малевская-Малевич (ФО НА ИИМК РАН. Нег. л. 1819-4)

структуры поселения. Самым существенным достижением стала общая картина зарождения города, впервые прорисованная Юрием Михайловичем на археологическом материале. По мнению Ю. М. Лесмана, раннесредневековые древности Торопца распадаются на два комплекса.

Ранний комплекс, располагавшийся на правом берегу Торопы в VIII–X вв., включал в себя курганный Торопецкий 2 могильник (Ю. М. Лесман считал его одним из самых больших в Верхнем Подвинье), предполагаемое городище — холм на северном берегу оз. Зеликовье, где найдены были скандинавские вещи и иранское или сирийское бронзовое блюдо, и примыкающее к нему селище (рис. 74). Все это автор предложил считать укрепленным населенным пунктом «второго порядка» на пути из варяг в греки, вроде городищ Городка на Ловати или Новых Дубовиков на Волхове (Лесман 1990: 81). Поздний комплекс, возникающий

лишь в XI в., Ю. М. Лесман поместил на левый берег (Малое и Большое Городища, Привалье и Торопецкий 1 могильник). Налицо, таким образом, оказывался «перенос» раннегородского поселения на новое место где-то в первой половине XI в. Все это вполне соответствовало идеям уже упоминавшейся мною выше программной статьи (Белецкий, Лесман 1979).

Надо заметить, что идею подобного перемещения раннегородского центра трудно назвать удачной. Во-первых, Торопецкий 2 могильник не представляет собой ничего специфического, говорящего о нем как о статусном некрополе. Курганные группы по 50 насыпей не такое уж редкое явление в культуре длинных курганов (как в ее более раннем «псковском», так и в более позднем «смоленском» вариантах)³³. Могильники этой культуры, насыщенные скандинавскими украшениями, известны в Верхнем Подвинье достаточно хорошо, например, Заозерье и Шугайлово (Шмидт 2008; 2013). Своеобразная скандинавская вуаль в погребальном инвентаре определяется их расположением на торговых путях и географической близостью к военно-экономическим и административным центрам (в упомянутых случаях их расположением на пути между Гнёздово и Усвятом), но не означает обязательную принадлежность могильников к каким-то пред- или раннегородским поселениям.

Во-вторых, большое сомнение вызывает ключевой тезис Ю. М. Лесмана о якобы бесследно уничтоженном в 1960-е гг. холмовом городище близ Торопецкого 2 могильника. Культурные слои неукрепленных поселений, не имеющих внешних признаков, могут долго оставаться невыявленными, но с городищами дело обстоит иначе. До появления Ю. М. Лесмана в Торопце, исследования в городе и районе вели такие высококвалифицированные археологи, как Я. В. Станкевич, П. А. Раппопорт, Г. Ф. Корзухина, М. В. Малевская, К. Д. Лаушкин. Наконец, как мы видели, археологией интересовались краеведы, прекрасно знавшие свои родные пенаты. Маловероятно, чтобы все они, как один,

³³ Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно познакомиться с довоенными сводками (Окулич-Казарин 1914 и пр.), когда механизированное совхозное сельское хозяйство еще не внесло радикальных изменений в исторические ландшафты.

не обратили бы внимания на городище практически в черте города. Эти археологические памятники, как правило, не только хорошо выделяются в ландшафте сами по себе. Местное население обычно прекрасно опознает их, издавна наделяя соответствующими названиями (Городок, Городец, Городище, Церковище и т. п.) и присваивая им строго определенный мифический статус, чаще всего в нашем регионе — связывая с ними легенду о провалившейся церкви. Рассказывали эту легенду и про Малое городище (Побойнин 1902: 28). Ничего из этого, применительно к скрытому в 1960-е гг. холму на берегу оз. Зеликовье, мы не знаем, хотя И. И. Побойнин очень подробно рассмотрел в своем сочинении торопецкую микротопонимику начиная с XVII в.³⁴ Даже городища, лишённые внешне заметных укреплений, редко ускользают от людского внимания (примером является городище Селяне, речь о котором будет в главе 9).

В-третьих, раннесредневековые материалы обнаружались и на левом берегу Торопы, как мы видели в обзорной главе 1. Позже, по итогам раскопок и разведок 1990–2000-х гг., выяснится, что древности VIII–X вв. на обоих берегах Торопы являются частью однородного комплекса поселений и могильников, представляющих единую поселенческую агломерацию. Подобные гнезда поселений предшествуют не одному лишь Торопцу, но составляют подоснову многих древнерусских городов. Но не станем пока забегать вперед в нашем повествовании.

В 1986 г. ЛОИА возобновил Торопецкую археологическую экспедицию, которую на этот раз возглавил молодой археолог Дмитрий Ильич Фояков (рис. 78)³⁵. Экспедиция работала до 1993 г. Раскопки изначально носили спасательный характер и велись на территории посада XVI–XVII вв. (Фояков А-1987),

Рис. 72. Юрий Михайлович Лесман (стоит в центре) на заседании Кафедры археологии Исторического факультета ЛГУ. Фото 1974 г. Предоставлено И. Л. Тихоновым. Присутствуют (слева направо): М. А. Тиханова, А. Д. Столяр, Л. С. Кухарева, неизвестная девушка, Ю. М. Лесман, М. В. Рождественская, М. Б. Щукин, неизвестная девушка, О. В. Овсянников, Д. Г. Савинов

³⁴ И. И. Побойнин отметил любопытную деталь — как раз в районе холма, на котором найдены были известные скандинавские предметы X — начала XI в., в первой половине XVI в. располагалась деревня Чернь, напоминающая об имени печерского инокa середины XI в. — Чернь (Побойнин 1902: 80).

³⁵ Возобновлению работ предшествовала защита Д. И. Фояковым под руководством А. Н. Кирпичникова кандидатской диссертации по материалам раскопок В. Я. Станкевич, Г. Ф. Корзухиной и М. В. Малевской (Фояков 1986а; А-1986а).

Рис. 73. Юрий Михайлович Лесман на раскопках усадьбы поздневендельского времени/эпохи викингов в Юльсте, приход Спонга, Упланд, Швеция. Ноябрь 2007 г. Фото И. И. Еремеева

где древнерусские напластования отсутствовали или были незначительны (рис. 79). Тем не менее экспедиция сразу же втянулась в аварийные исследования разрушающегося Торопецкого 2 курганного могильника (Фоняков А-1986: л. 17–19; Фоняков А-1988: л. 8–11).

Среди всех раскопок торопецких курганов особняком стоят исследования Владимира Александровича Назаренко, проведенные в 1992 г. по открытому листу Д. И. Фонякова в Торопецком 1 могильнике. Раскопан был курган № 15 — самая западная насыпь группы, располагавшаяся на озерном мысу у подножия большого сопковидного кургана № 14. В. А. Назаренко, специалист по древностям Юго-Восточного Приладожья, был хорошо знаком с тематикой «домов мертвых», и его раскопки отличались особой внимательностью к деталям.

Курган № 15 имел подпрямоугольную форму и размеры на момент раскопок примерно 10×10 м при высоте до 0,6 м (рис. 80, 82). В верхней части насыпи была обнаружена россыпь кальцинированных костей, среди которых собрано несколько фрагментов маленького лепного сосуда. Как выяснилось, в основе кургана лежала подпрямоугольная площадка размерами $3,7 \times 2,9$ м, сооруженная на небольшом мысовом песчаном всхолмлении, склоны которого вокруг нее были подрезаны.

На этих склонах В. А. Назаренко расчистил около 200 материковых ямок, как посчитал исследователь, — столбовых (рис. 81). Насколько можно судить по полевому отчету, ни одной находки при этом сделано не было. Автор раскопок заключил, что ямки остались от кольев, которые забивались в грунт, а затем отпиливались. Так кропотливо был создан не имеющий аналогий на Руси, по мнению В. А. Назаренко, объект — «гульбище», служившее местом поклонения «приравненному к богам умершему сородичу» (Фоняков А-1992: л. 33). Возникающее у современного читателя полевого отчета подозрение относительно принадлежности западин норам неких животных не умаляет главного итога раскопок — подтвердилось, что в западной части Торопецкого 1 могильника находятся погребения, близкие по облику древностям культуры длинных курганов. Иными словами, Торопецкий 1 могильник в своей культурной основе имел то же происхождение, что и Торопецкий 2 могильник.

В 1990 г. Д. И. Фоняковым и М. В. Малевской были возобновлены раскопки на Малом Торопецком городище. Целью было продолжение работ В. Я. Станкевич на незавершенном ею раскопе. Исследования здесь продолжались до 1993 г. (Фоняков А-1990; А-1991; А-1992; А-1993). Полученные в результате этих раскопок коллекции еще ждут своих исследователей.

Более существенные результаты в 1980-х гг. дало изучение Торопецкой экспедицией ЛОИА христианского древнерусского городского некрополя, расположенного на восточных отрогах Большого городища в Привалье. Д. И. Фоняков исследовал здесь около 80 погребений

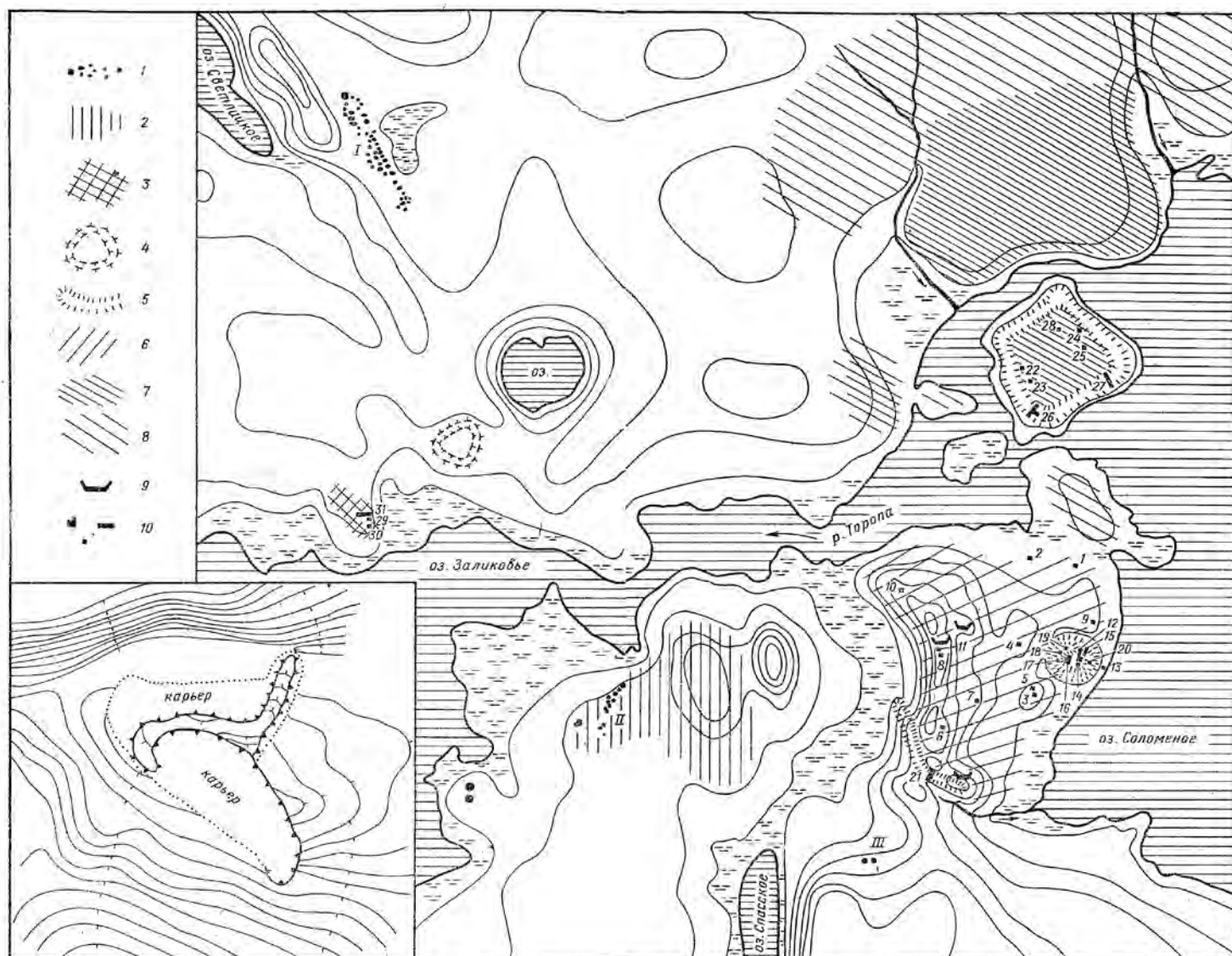

Рис. 74. Схема расположения археологических памятников г. Торопца (Лесман 1990). На врезке — план остатков холма — места находки кладов 1960 г. перед окончательной нивелировкой (1965 г.). I, II, III — курганные могильники в г. Торопце. 1–4 — шурфы 1960 г.; 5–8 — шурфы 1978 г.; 9 — шурф 1980 г.; 10 — раскоп 1939 г.; 11 — шурф 1949 г.; 12 — траншея и раскоп 1938 г.; 13, 14 — шурфы 1956 г.; 15, 27 — прорезки валов 1956 г.; 16 — раскоп 1957–1958, 1960–1961, 1965 гг.; 17–20 — шурфы 1961 г.; 21 — траншея 1980 г.; 22–25 — шурфы 1938 г.; 26 — прорезка вала 1938 г.; 28 — шурф 1972 г.; 29 — шурф 1975 г.; 30 — шурф 1977 г.; 31 — траншея 1978 г.

Условные обозначения: 1 — курганный могильник; разрушенная часть 2-го Торопецкого курганного могильника; 3 — селище на берегу оз. Заликовье; 4 — холм — место находки кладов 1960 г. (городище?); 5 — валы; 6 — распространение древнерусского культурного слоя XI–XIV вв.; 7 — территория Торопца середины XVI в. (реконструкция); 8 — территория Торопца по плану 1778 г.; 9 — грунтовые могильники; 10 — раскопы, траншеи, шурфы

(часть оказалась переотложена), среди которых выделяется группа захоронений XII–XIV вв. (рис. 83–85).

В 1991 г. была опубликована итоговая монография по результатам работ экспедиции ЛОИА в Торопце (Малевская, Фоняков 1991). К сожалению, 1990-е гг., развал страны и обнищание Академии наук сказались на судьбе книги самым неприятным образом. Альбом к монографии вышел из печати лишь в 2000 г., на 9 лет обесценив значение текстовой части исследования (Малевская, Фоняков 2000), читать которую без иллюстраций было, разумеется,

невозможно. Однако в конце концов специалисты все же получили двухтомник, ставший основой наших современных знаний об археологии города.

В последующее время археологические объекты на территории Торопца неоднократно обследовались и описывались археологами (Артюкин А-2012; Исланова А-2012), но систематических раскопок на участках древнерусского города больше не проводилось. Исследования сместились в сторону его окружи. Большое значение для понимания предыстории города и его становления имеют спасательные исследования

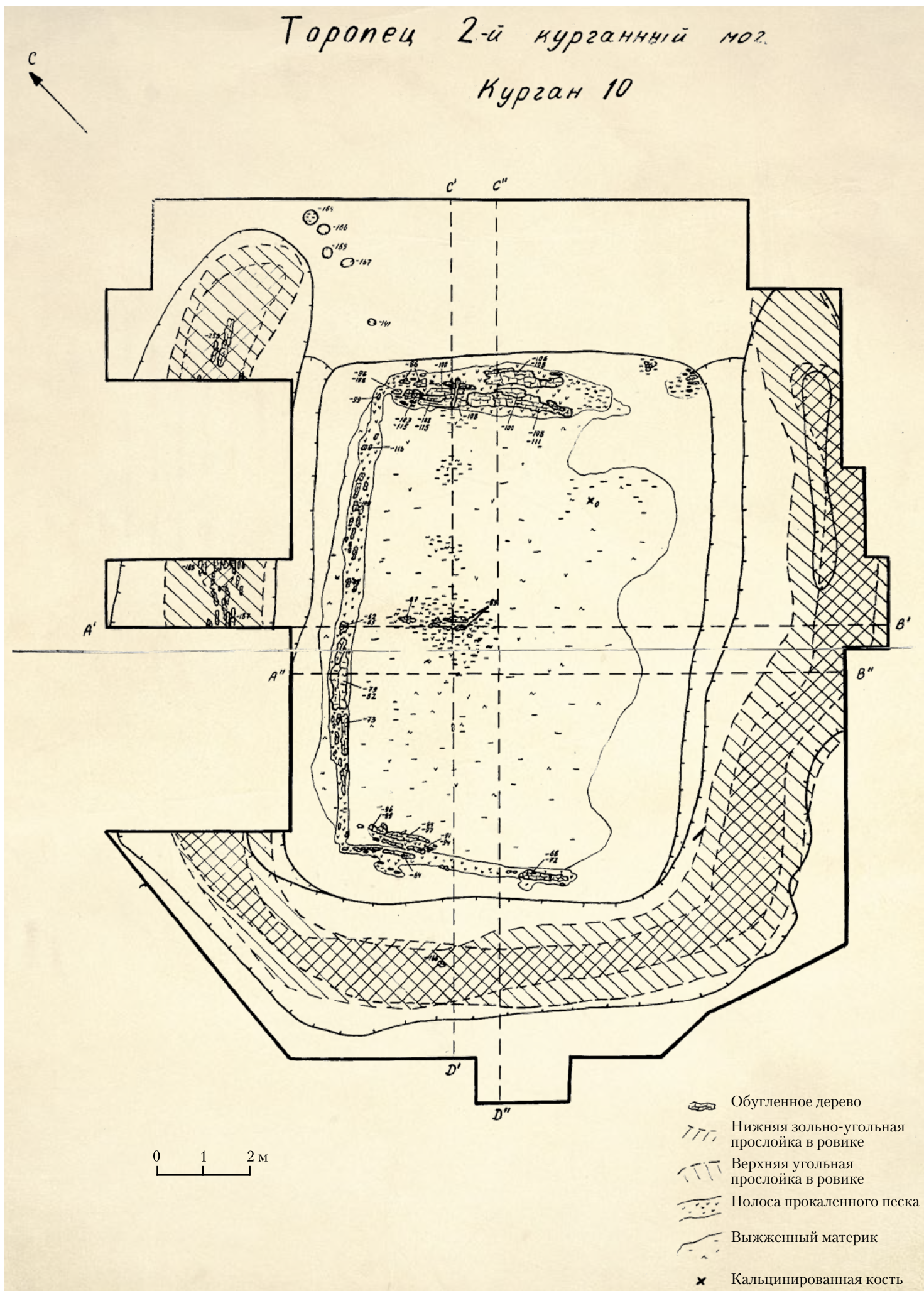

Рис. 75. Чертеж кургана № 10 с остатками деревянной конструкции из Торопецкого 2 могильника.
Из полевого отчета Ю. М. Лесмана (НА ИА РАН. Р-1. № 6453. Рис. 30)

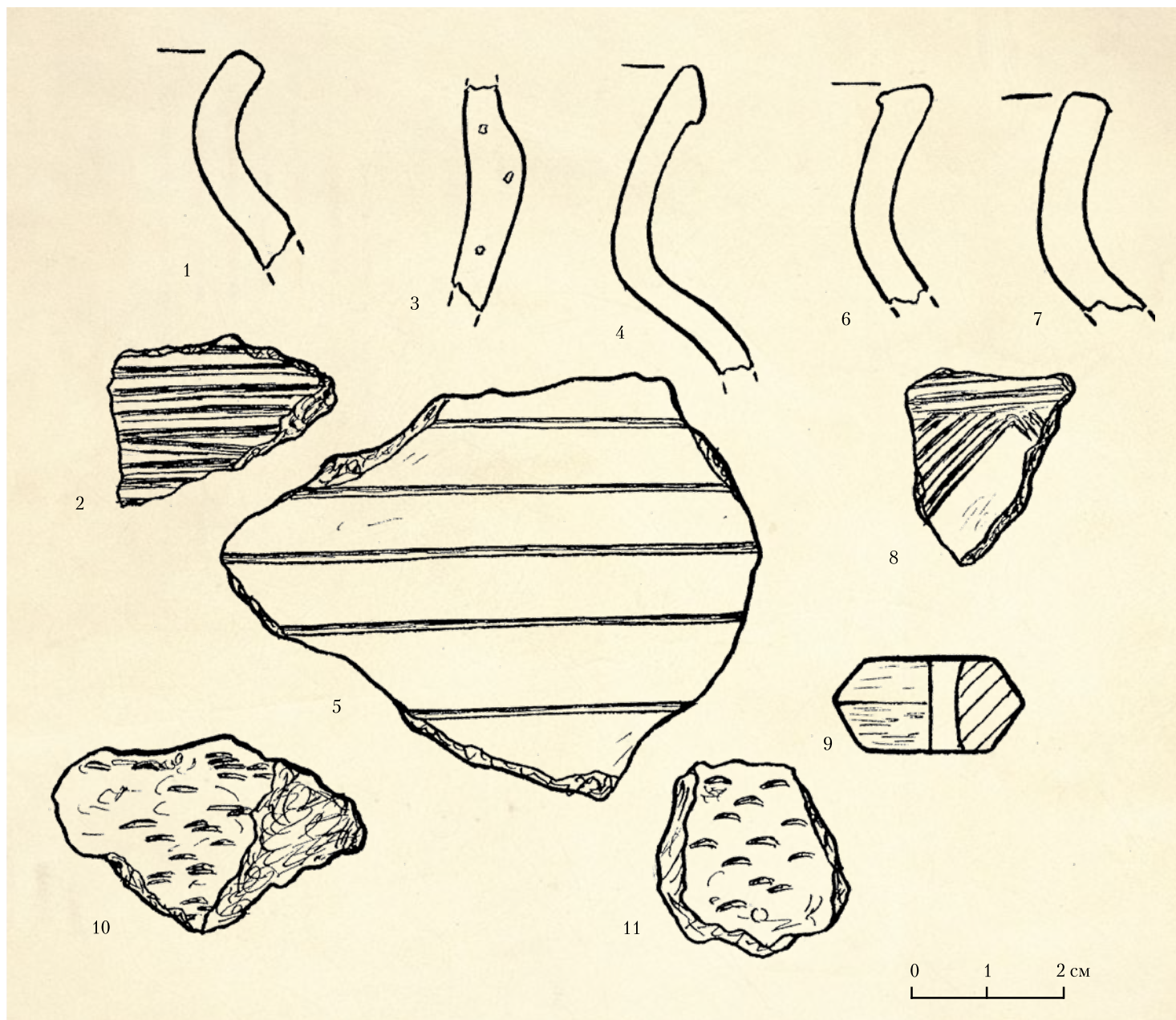
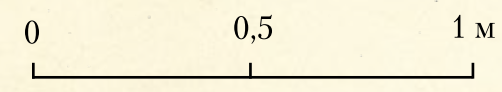
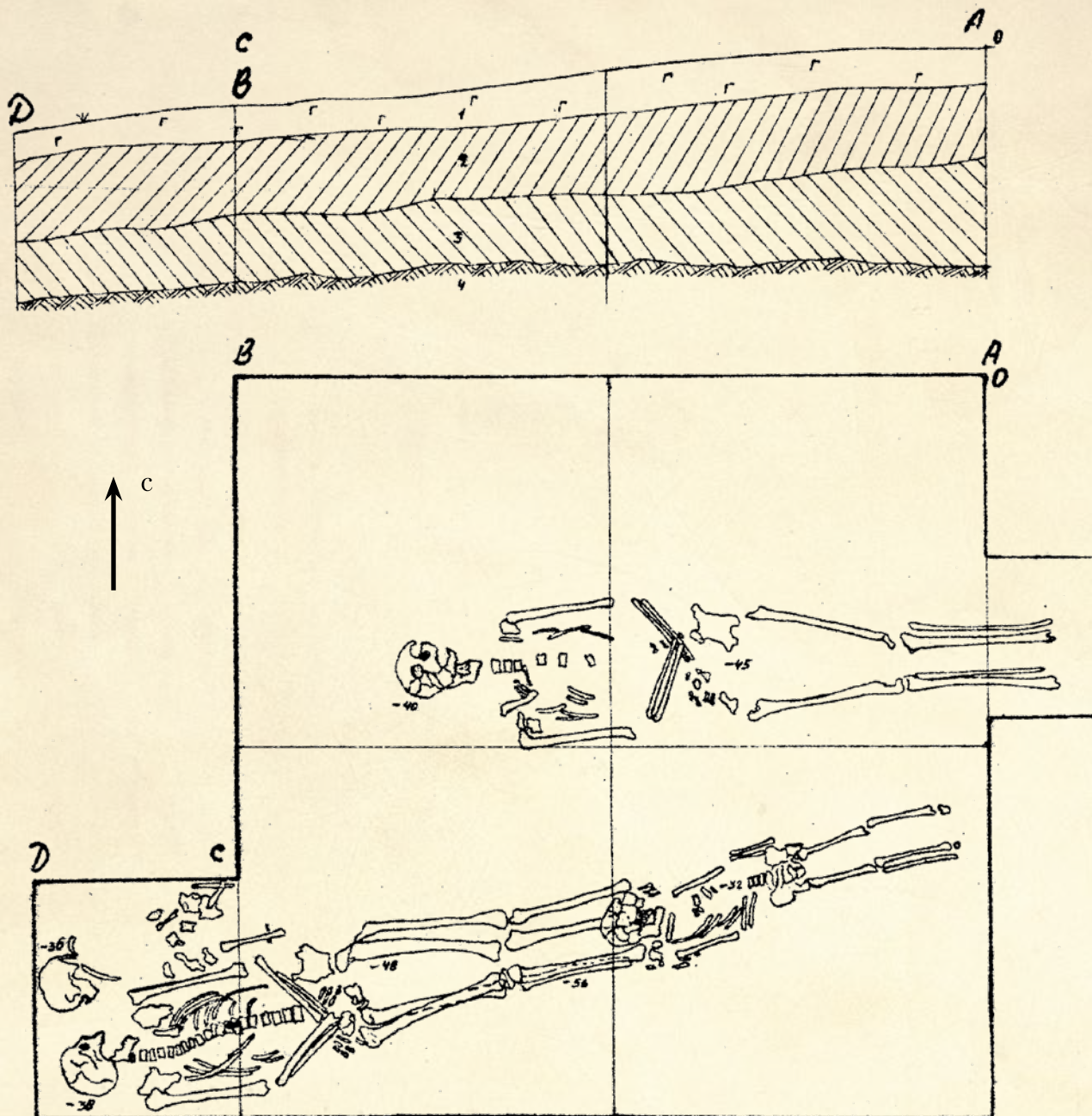

Рис. 76. Находки из шурфов Ю. М. Лесмана 1989 г. на территории Торопца. 10, 11 — фрагменты лепной керамики с текстильной поверхностью, происходящие с Большого Торопецкого городища (НА ИА РАН. Р-1. № 8509. Л. 18)

Д. Г. Баринава 2013–2014 гг. на поселении Речане 4, расположенном в 8 км к югу от Торопца, в том месте, где древняя дорога из города на Смоленск, Усвят и Витебск пересекает Торопцу (Баринов А-2014; А-2014а; А-2014б; А-2014в). Несмотря на то, что масштабные раскопки (изучено 3100 м²) были проведены в неблагоприятное время года на сильно поврежденной строительством части поселения, с которой к началу работ был снят культурный слой до материка (Баринов А-2014: л. 2), был получен очень интересный материал, относящийся к раннеславянскому периоду истории микрорегиона и к древнерусскому времени.

Особенно нужно отметить исследованный в Речанах древнерусский могильник с ингумациями XI–XII вв., который, видимо, следует рассматривать как кладбище христианизированного населения городской округи³⁶. Всего здесь изучено 40 могильных ям. Часть из них оказалась связана с разрушенными курганами, ровики которых местами удалось проследить (исследователь насчитал в некрополе до 24 исчезнувших курганов). Правда, несожженные костные остатки в песке не сохраняются, однако, в отличие от городского христианского некрополя Торопца, могилы в Речанах 4 сопровождалась довольно разнообразным погребальным инвентарем.

³⁶ *Ингумация (труположение)* — археологический термин, относящийся к формам погребальной обрядности, при которых тело умершего целиком помещается в землю несожженным.

- Условные обозначения:
- 1 — дерновой слой;
 - 2 — серо-желтый песок;
 - 3 — серо-коричневый песок;
 - 4 — желтый материковый песок.

Рис. 77. Раскоп Ю. М. Лесмана (шурф 8) на верхней площадке Большого Торпецкого городища 1989 г. (НА ИА РАН. Р-1. № 8509. Л. 21)

Особую ценность имеет собранная в погребениях коллекция гончарной древнерусской посуды.

Могильник Речане 4, при том что оставившее его население было явно крещено, являет собой яркий контраст с христианским кладбищем Торопца того же времени, в котором не только не могло быть никаких курганов, но почти нет и погребальной посуды и инвентаря. Раскопки Д. Г. Баринаова, как некогда менее масштабные курганные раскопки Я. В. Станкевич, еще раз убедительно показали, что полный переход к христианскому обряду погребения в XI–XII вв. в Верхнем Подвинье произошел преимущественно в городах, где существовали кладбища при церквях. Уже на совсем небольшом удалении от торопецких церквей, в тех местах, где не было своих храмов и церковнослужителей, сельское население городской округи в XI–XII вв. продолжало хоронить умерших хоть и в могильных ямах, но под курганными насыпями и с погребальным инвентарем.

*Рис. 78. Дмитрий Ильич Фоняков. Фото 1980-х гг.
Предоставлено С. В. Красиенко*

*Рис. 79. Раскопки Д. И. Фонякова на позднесредневековом посаде Торопца в 1988 г. Зарисовывается горизонт 2 в раскопе 1.
Фото Д. И. Фонякова*

Рис. 80. Курган № 15 Торопецкого 1 могильника в процессе раскопок. Фото из полевого отчета Д. И. Фоякова за 1992 г. (НА ИА РАН. Р-1. № 17207. Л. 72). На втором плане — сопкавидный курган № 14, сохранившийся до наших дней (см. рис. 82)

Рис. 81. Раскопки кургана № 15 Торопецкого 1 могильника. В. А. Назаренко возле расчищенных им материковых ямок. Фото из полевого отчета Д. И. Фоякова за 1992 г. (НА ИА РАН. Р-1. № 17207. Л. 74)

*Рис. 82. Сопковидный курган № 14 Торонецкого 1 могильника. Современное состояние.
Фото И. И. Еремеева. Ноябрь 2023 г. Вид с севера*

*Рис. 83. Раскоп Д. И. Фонякова на древнерусском христианском кладбище в Привалье.
Фото Д. И. Фонякова*

Рис. 84. Место раскопа Д. И. Фоякова на древнерусском христианском кладбище в Привалье. Современный вид с востока. Фото И. И. Еремеева. Ноябрь 2023 г. Хорошо видна ровная незастроенная площадка на террасе, где предположительно располагался один из древнерусских деревянных храмов XII–XIII вв., окруженный кладбищем

Рис. 85. Погребение 18 в древнерусском могильнике Привалье. Фото Д. И. Фоякова. На черепе видны окислы от несохранившихся бронзовых бляшек очелья

Исключения составляли немногие густонаселенные и стратегически важные сельские микрорегионы (вероятно, княжеские погосты), где храмы стояли уже в XII в. (к одному из таких микрорегионов мы обратимся ниже). Подобную же картину мы видим и в окрестностях соседних с Торопцем древнерусских городов — Усвята и Витебска.

В заключение этой главы нужно упомянуть о нескольких обобщающих работах, без которых невозможно продолжение изучения города. Речь идет в первую очередь о трехтомном труде Л. В. Алексеева, подводящем итоги его много-

летнему изучению Смоленской и Полоцкой земель (Алексеев 2006; 2006а; Алексеев, Богданов 2009). Труд базируется на десятках публикаций автора, сделанных на протяжении его 50-летней научной работы, носит энциклопедический характер, охватывая все стороны жизни западных областей Древней Руси.

Еще одной монографией, совершенно необходимой для понимания средневекового Торопца, является труд В. С. Нефёдова 2007 г., собравший все современные на тот момент данные об археологической карте Торопецкой округи (АКР 2007).

Глава 3

Древние обитатели Верхнего Подвинья. Культуры раннего железного века

Верхнее Подвинье входит в ареал балтской топонимики, то есть до появления славян на этой территории обитали балтские племена. С ними принято соотносить днепро-двинскую археологическую культуру и культуру штрихованной керамики раннего железного века, существовавшие примерно с середины I тыс. до н. э. вплоть до первых веков н. э.¹ Это было земледельческое население, близкое по хозяйственным занятиям и по уровню материальной культуры славянам, но, видимо, значительно уступавшее им по двум другим важнейшим параметрам: по развитости военно-политических институтов и по численности. Люди, оставившие после себя эти археологические культуры, вели замкнутый образ жизни в составе небольших родовых коллективов, мало участвуя в дальней торговле. С востока, через верховья Волги, в Верхнее Подвинье проникали и носители более динамично развивавшейся дьяковской культуры, связанной с финно-уграми.

Характеризуя быт и культуру дославянского населения, археологи обычно обращаются к материалам городищ, хотя, конечно, тогда существовали и обычные селища. Вне городищ штрихованную керамику и керамику днепро-двинской культуры часто находят на селищах в виде незначительной примеси к более поздним мате-

риалам уже славянской эпохи. В большинстве случаев трудно сказать — связано ли это с тем, что славяне в своем движении на север перемещивались с аборигенным населением, или же они просто селились на некогда уже освоенных местах, покинутых прежними обитателями (при этом археологические находки смешивались уже в земле, и когда археологи фиксируют их совместное залегание, они фиксируют лишь последствия механических перемещений почвы). По-видимому, какие-то контакты имели место (рис. 93), но вопрос пока остается открытым.

Что касается городищ, то для днепро-двинской культуры характерны были небольшие укрепления, обычно холмового типа (рис. 16, 54). По периметру площадки городища часто шла постройка или ряд построек, внешняя стена которой (которых) служила оборонительной стеной городка (Шмидт 1992: 30–33). Уже на ранних этапах культуры возводились невысокие эскарпы, рвы и валы (Короткевич, Саблин 2019: 264–269). Однако нередко укрепления состояли из простой изгороди. Площадка застраивалась наземными домами преимущественно столбовой конструкции. Отапливались такие сооружения очагами. На позднем этапе существования культуры появляются срубные постройки (Шмидт 1992: 47).

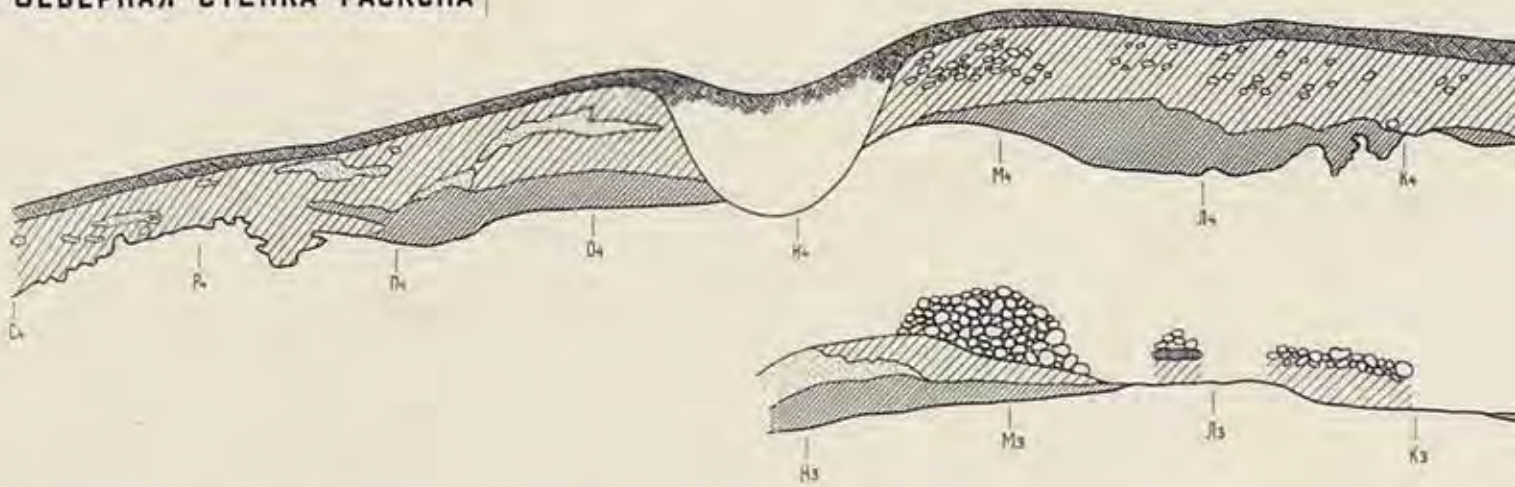
¹ Хронология финальной фазы культур раннего железного века является в археологии предметом острой дискуссии.

- 1 - стены
- 2 - нежи
- 3 - глины
- 4 - жила нагнетанной степи
- 5 - жила степи и др. ископанности
- 6 - остатки с изразцов
- 7 - толки
- 8 - точильные камни
- 9 - зернотерки
- 10 - костяные остовы
- 11 - костяные ручки
- 12 - костяные орудия
- 13 - костяные гребни
- 14 - костяные пластины
- места обитания диавы
- глины
- песок
- гравий
- камни

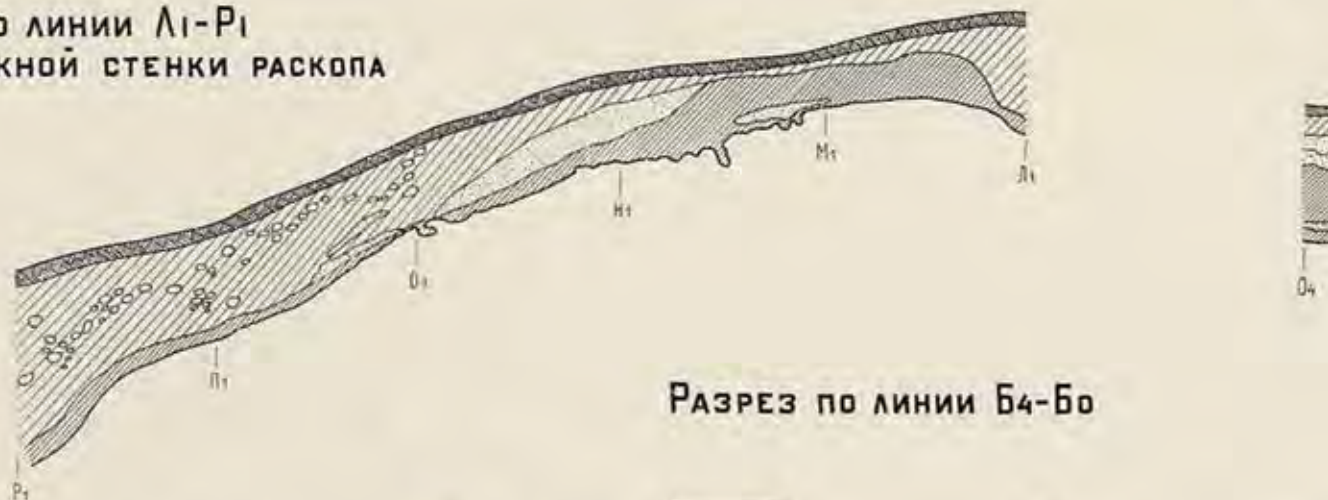

ГОРОДИЩЕ В УРОЧИЩЕ ПОДГАЙ. РАСКОП 1950 Г.

**РАЗРЕЗ ПО ЛИНИИ С4-Д4
СЕВЕРНАЯ СТЕНКА РАСКОПА**

**РАЗРЕЗ ПО ЛИНИИ Л1-Р1
ЧАСТЬ ЮЖНОЙ СТЕНКИ РАСКОПА**

РАЗРЕЗ ПО ЛИНИИ Б4-Б0

**ГОРОДИЩЕ В УРОЧИЩЕ ПОДГАЙ
РАСКОП 1950 Г.**

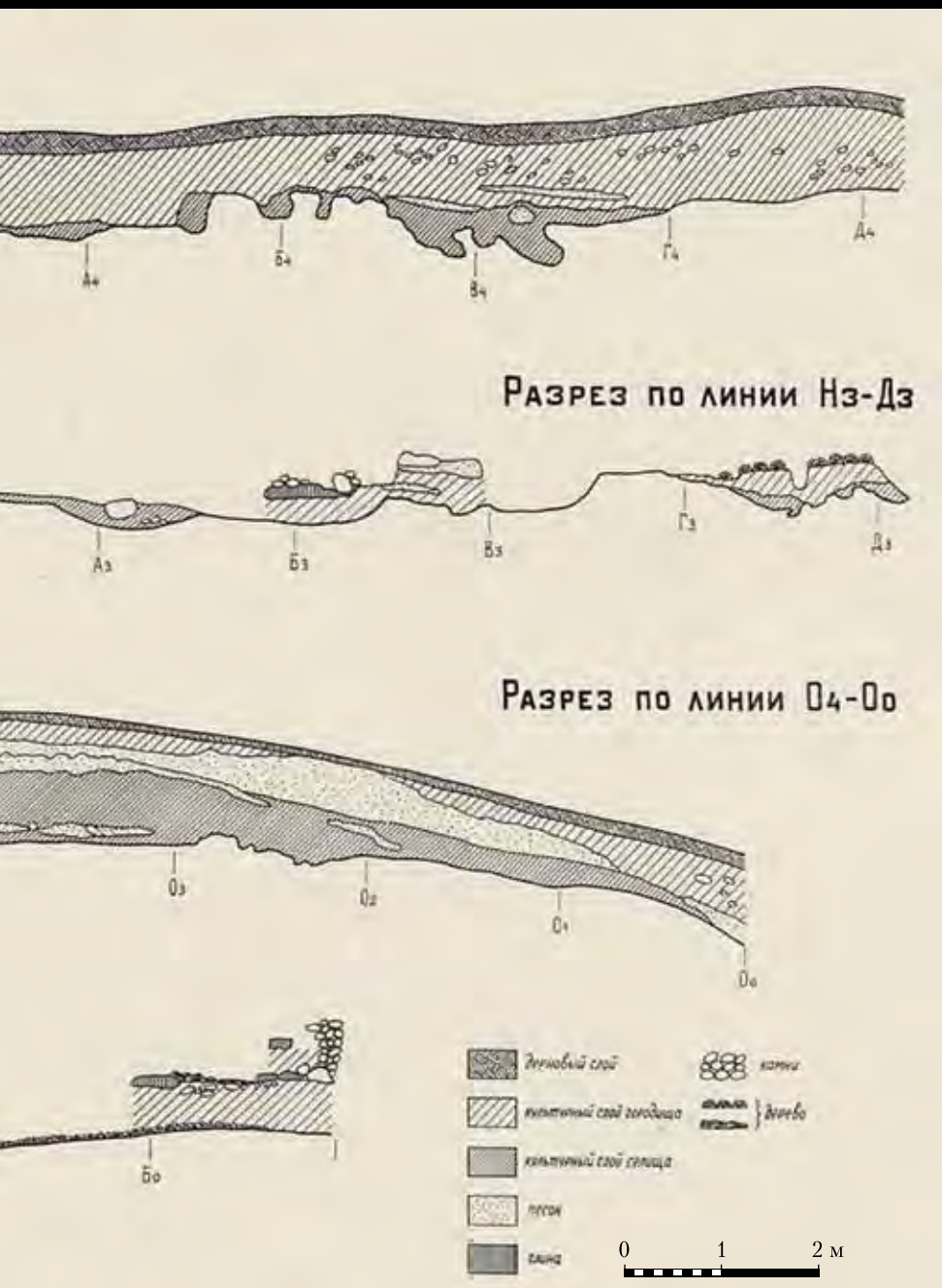

Рис. 86. Чертежи раскопа Я. В. Станкевича на городище Подгай из полевого отчета за 1950 г. (НА ИА РАН. Р-1. № 467. Л. 14). Стрелкой отмечена постройка, в которой найдено скопление обугленного зерна

Рис. 87. Жатвенные железные ножи с городища Подгай (ФО НА ИИМК РАН. Нег. II 53532)

Ближайшим к Торопцу (находится в 10 км к югу от него) памятником днепро-двинской культуры является городище Подгай, раскопанное в 1950–1951 гг. Я. В. Станкевич (рис. 54–58, 86). Как и большинство городков, Подгай — многослойное поселение с широкой датировкой. Финальный период его существования Я. В. Станкевич, на основании находки железного топора-кельта и некоторых иных железных предметов (рис. 87), отнесла к II–IV вв. н. э. (Станкевич 1960: 68, 176). Керамика городища — баночных форм, слабопрофилированная, гладкостенная и штрихованная. В интересующий нас поздний период это было холмовое городище с эскарпированными склонами и шедшим по краю площадки невысоким кольцевым валом, шириной до 5 м и высотой не более 1,5 м.

К валу изнутри примыкало так называемое каменное кольцо — наброс обожженных и колотых очажных камней мощностью до 0,6 м и шириной 2–4 м (Станкевич А-1951: л. 12; 1960: 46, 47, рис. 28). Была ли в этом случае кольцевая постройка, шедшая по периметру городка, или же, как думала В. Я. Станкевич, здесь было открытое пространство, куда выбрасывались отслужившие свой срок очажные камни, — неясно.

Обитатели городка были оседлыми земледельцами. Доля домашних животных среди найденных в раскопе костных остатков составляет 74% (Станкевич 1960: 176). В одной из построек — № 14 (по полевой нумерации № 5), представлявшей собой сооружение довольно неопределенных форм размерами примерно 4 × 4 м с многократно перекладывавшейся печкой-каменкой (или очагом?), от которой остались большие набросы обожженного камня (рис. 86), найдена яма с запасами карбонизированного зерна — мягкой пшеницы (*Triticum vulgare*) с примесью зерен голозерного ячменя (*Hordeum sativum*) (Станкевич А-1950: л. 21, рис. 26; 1960: 172)². Судя по отсутствию сорняков, это либо зерно, отсортированное для посева, либо часть урожая, собранного с подсеки (рис. 88). Здесь же в жилище оказались две каменные зернотерки и серп.

Подобные городки, характерные для поздних этапов днепро-двинской культуры, возможно, еще застали в этих краях славяне, расселявшиеся во второй четверти I тыс. н. э. в Верхнем Подвинье. Во всяком случае, первые славянские городища Северо-Запада в точности копируют своей планировкой и характером фортификаций эти небольшие родовые укрепления предшествующего времени.

На территории Торопца городок раннего железного века существовал, видимо, на Большом городище. В шурфе Ю. М. Лесмана, заложенном здесь в 1978 г. на самом высоком участке, были найдены фрагменты текстильной керамики (Лесман А-1978: л. 4, 5) (рис. 76: 10, 11)³.

² Карбонизация — обугливание растительных остатков, может происходить как под воздействием огня, так и естественным образом в сухом культурном слое. В данном случае не очень понятно — каким образом зерно обуглилось, сохранив свои морфологические особенности.

³ Текстильной (сетчатой) керамикой археологи называют лепную посуду, распространенную в лесной зоне Восточной Европы в эпоху бронзы — раннем железном веке. Появляясь во II тыс. до н. э., текстильная керамика присутствует в домашнем обиходе в некоторых регионах до первых веков н. э. Для текстильной керамики характерна шерохова-

К городищу с восточной стороны примыкало синхронное ему селище, поскольку еще один фрагмент подобной керамики был найден П. А. Раппопртом в 1956 г. при прорезке вала Малого городища (Раппопорт А-1956: л. 10).

Еще одна любопытная находка, которую можно предположительно отнести к городку раннего железного века, происходит из раскопа Н. П. Милонова 1939 г. на северном отроге Большого городища, — это бронзовая круглая ажурная бляха с тремя рядами радиально ориентированных прорезей (рис. 46) Предмет найден на глубине 1,10 м в древнерусском культурном слое под постройкой XII–XIII вв., на границе с «подстилающим слоем» (Милонов А-1939: л. 9, рис. 4). Вещь, видимо, пропала, но в архиве ИИМКа сохранился ее рисунок. В той или иной степени похожие вещи известны на дьяковских городищах, а также в древностях круга выемчатых эмалей⁴.

Датировать предполагаемый ранний культурный слой на Большом городище сложно, но, исходя из общих соображений, текстильная керамика на этой территории должна относиться к более раннему времени, чем вышеописанный верхний слой городища Подгай. Следует также указать на обнаружение на северной оконечности Большого городища следов железодельного производства в виде «скопления массивных кусков железного шлака». Этот объект был найден в небольшом раскопе Я. В. Станкевич 1950 г. (Станкевич А-1950: л. 75). В 1939 г. находки шлаков на этом участке, несколько севернее и ниже, отмечал Н. П. Милонов, причем в контексте несомненно древнерусского культурного слоя (Милонов А-1939: л. 5).

Рис. 88. Карбонизированное зерно из раскопок городища Подгай из фондов Торопецкого краеведческого музея. Фото предоставлено директором Торопецкого краеведческого музея Е. Н. Покрашенко (ТКМ КП-464/19)

Таким образом, вопрос о начале металлургического производства на Большом Городище остается открытым. В любом случае он не моложе XII в., поскольку его прорезает найденное исследовательницей погребение с древнерусским поясным набором. К этому очень важному раскопу мы еще вернемся.

тая поверхность, покрытая мелкими отпечатками, напоминающими следы сети или текстиля. Способы, которыми создавался этот эффект, были весьма разнообразными и менялись на протяжении столетий. Традицию изготовления подобной керамики часто приписывают финским народностям.

⁴ Под термином *выемчатые эмали* археологи подразумевают группу украшений из сплавов меди с эмалевыми вставками, бытовавшую у народов Восточной Европы во II–IV вв. н. э. В Верхнем Подвинье находки предметов этого круга единичны.

Глава 4

Загадка кривичей. Проблемы изучения славянского расселения в бассейне Западной Двины

Географическое введение ПВЛ помещает верхнее течение Западной Двины в область Оковского леса:

«Днѣпръ бо потече из Оковьскаго лѣса, и потечеть на полѣдне, а Двина ис того же лѣса потечет, а идетъ на полунощье и внидетъ в море Варяжское. Ис того же лѣса потече Волга на вѣсток...» (ПВЛ 1996: 9).

Летописное описание Оковского леса таит в себе известную загадку. Наличие подобного объекта на средневековой воображаемой или даже реальной географической карте подразумевает негативность его восприятия современниками. Лес должен быть окружен открытыми пространствами. Между тем, конечно, в близком нам в наши дни понимании ландшафтных реалий — никакого отдельного леса на очерченной летописью территории в раннем средневековье быть не могло. Все пространство Подвинья, Белорусско-Смоленского Поднепровья и области далее к востоку — все это сливалось в огромный нерасчлененный лесной массив с отдель-

ными, очень небольшими рощистями, окружавшими скопления поселений. Таким образом, лес в ПВЛ — это не реальная, а мифическая чаща. Надо полагать, его описание понадобилось летописцу затем, чтобы подчеркнуть «зверинский» образ жизни кривичей до приобщения их к христианству. Ведь язычник, по мысли летописца, и должен прозябать «живяху в лѣсе, яко же и всякий звѣрь». Область же славян-кривичей буквально совпадает с областью Оковского леса — «на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра» (ПВЛ 1996: 10). Что же мы знаем об этом «зверинском» периоде в истории северной ветви восточных славян?

Историки давно обратили внимание на то, что в торопецких земельных документах XVII в. фигурирует «Старое Большое городище Кривитеск» возле Броснинского болота (Побойнин 1902: 18). Связь этого топонима с летописным этнонимом *кривичи* — именем племени, живущего «на верх Двины», кажется очевидной. И все же в древнерусских письменных источниках топоним не упоминается, и существование города с таким именем остается недоказанным.

Но как бы там ни было, кривичи на Горопе в X–XI вв., несомненно, жили.

Изучение славянского расселения в областях Верхнего Поднепровья, Поволжья и Подвинья сталкивается с проблемой полного отсутствия письменных сведений по данной теме. Все, что достоверно известно историкам об особенностях языческой славянской колонизации, связано с византийскими и латинскими источниками VI–VIII вв., описывающими события, происходившие на Дунае и в византийских провинциях Балкан и Малой Азии.

Эти источники совершенно недвусмысленно рисуют славянские перемещения как многолюдные вооруженные предприятия сельского земледельческого населения¹. Военные походы, совершаемые лишь молодыми воинами, достаточно быстро превращались в миграции многочисленных родовых коллективов с оседанием на землю и образованием славиний — племенных объединений, управлявшихся выборными военными вождями. При этом славянам на Балканах был совершенно чужд городской образ жизни, и интеграция славиний в политическую и экономическую жизнь Византийской империи происходила не по пути создания каких-либо автономных славянских политий (хотя на первых порах имело место и это), а по пути ассимиляции и военно-политического подчинения более экономически и политически развитому византийскому обществу.

Несколько иначе складывалась ситуация в первой половине VII в. в Подунавье, где славяне были интегрированы в политико-экономическую структуру Аварского каганата. На периферии его возникло государство Само, свидетельствующее о том, что за пределами сильного влияния Византии и каганата славяне начали создавать протогосударственные структуры, которые, видимо, следует рассматривать в рамках известной концепции «вождества». Правда, явных следов социального расслоения в виде усадеб знати, богатых построек, элитных захоронений с драгоценным инвентарем — всего этого в славянском мире V–VIII вв. мы не найдем. Надо полагать, славянское общество носило еще

эгалитарный характер, и власть вождей ограничивалась преимущественно военными и сакральными функциями.

Насколько возможно проецировать знание о юго-западных славянах на Восточную Европу — один из главных вопросов раннесредневековой восточноевропейской славистики. Существует предположение о том, что «славяне были разные». Если на юго-западе они совершали многотысячные военные экспедиции, осаждали, используя передовую военную технику, крупнейшие европейские города (например, Фессалоники), периодически держа в страхе одну из самых могущественных империй своего времени, то в лесах Восточной Европы (т. е. на своей прародине) вплоть до X в. они представляли собой некие аморфные разобщенные сообщества, распространение которых на север и восток происходило путем археологически и исторически неуловимой инфильтрации.

Эту точку зрения следовало бы считать обоснованной, если бы можно было наблюдать существенные различия в материальной культуре и языке на юго-западе и северо-востоке славянской Европы. Между тем материальная культура славян в Подунавье в VI–VIII вв. и их восточноевропейских собратьев в лесах Белоруссии и Верхнего Поднепровья отличается поразительным единообразием, что не раз отмечалось археологами даже с некоторым изумлением. Культуру славян на Балканах мы знаем хуже, но и те памятники, которые известны, дают схожую картину с Подунавьем и Восточной Европой. Различия в домостроительстве, хозяйственно-бытовом инвентаре и вооружении в пределах всей этой огромной территории настолько незначительны, что в рамках обзорной работы о них не стоит и говорить. Еще одним важным фактором является отмечаемая лингвистами общность праславянского языка, распад которой относят уже к VIII–IX вв.

Другая позиция, обозначенная в ряде трудов представителей русской школы исторической географии (Любавский 1996; Середонин 1916), историков, специализировавшихся в самых

¹ Судя по связи раннеславянских регионов расселения (по всему ареалу расселения славян — от Эльбы до Поволжья) с пойменными лугами, пойменное скотоводство было очень значительной составляющей хозяйства, видимо, пока недостаточно оцененной историками и археологами.

разных областях (Шахматов 1919; Зеленин 1929; Фроянов 1992), и археологов (Спицын 1917; Артамонов 1990; Еремеев 2023), заключается в том, что в начальном славянском заселении областей, лежавших к северу от Днепра, на первом месте стояло завоевание новых территорий. Речь идет, разумеется, не об отрицании возможности локальных смещений славян с иноэтничным населением, а об общем понимании тех исторических событий, которые к XI в. привели к этнополитической картине, зафиксированной в начальном разделе ПВЛ. Что же касается ассимиляционных процессов и культурного взаимодействия, отразившихся в археологическом материале, то их активизация относится преимущественно к X–XI вв. и набирает темпы в последующее время.

Исходный импульс движения славян на север, к оз. Ильмень и Южному Приладожью был тем же, что и при славянском расселении за Дунаем — пришедшийся на IV–VII вв. непрерывный демографический подъем. Разница заключалась в той среде, в которой происходили военные вторжения, и в тех результатах, к которым они приводили. На востоке отсутствовали движимые объекты грабежа — здесь не было еще в IV–VIII вв. ни городов, ни торговых путей, контроль над которыми давал бы большие доходы, ни богатств, накопленных поколениями развивавшейся цивилизации. Одной из существенных статей экономики рассматриваемого времени в Европе и на Ближнем Востоке была работорговля. Однако источники говорят скорее о патриархальном характере рабства у славян. Военные полоны, захватываемые ими во время походов, предназначались для выкупа и частью — для использования в домашнем хозяйстве, где трудились и другие члены семей. Поэтому промышленная работорговля также не могла быть двигательной силой колонизации.

Существует гипотеза, что славян влекло на север стремление завладеть его пушными богатствами. Эта точка зрения уязвима для критики.

Во-первых, мы не видим на раннеславянских памятниках Северо-Запада археологических следов торговли пушниной (в первую очередь импорта с территорий, эту пушнину потреблявших)². Даже если мы сочтем славянским поселением древнейшую Старую Ладугу (что весьма рискованно), то у нас все равно не окажется возможности удрежить славянскую пушную торговлю хотя бы до первой половины VIII ст. Во-вторых, славяне не достигли в своем движении IV–VIII вв. таежных территорий — главных областей, поставлявших меха в страны Европы и Азии. Повсюду между славянами и тайгой оставалась некоторая «прослойка» финно-угорских племен, инициативу эксплуатации которых и контактов с которыми в сфере пушного промысла с вендельского времени (VII–VIII вв. н. э.) постепенно перехватывали скандинавы³.

Главной ценностью на востоке Европы были столетиями расчищавшиеся при помощи примитивных узколезвийных топоров и огня земельные угодья, позволявшие возделывать пшеницу и ячмень (основные выращивавшиеся славянами злаки), и заливные луга, на которых можно было пасти скот. Ценностью был, конечно, и сам этот скот. Всем этим в первые века н. э. обладало балтское население, представленное в археологическом материале поселениями вроде описанного мною выше городища Подгай.

Как показывают начиная с 1980-х гг. многочисленные палеогеографические исследования (Микляев 1992), природные условия Северо-Запада и Центра России второй — третьей четверти I тыс. н. э. несколько отличались от современных. Различия в режиме увлаженности создавали ситуацию, когда для культивации злаков и выпаса скота были доступны пойменные участки в озерно-ледниковых ландшафтах, сформировавшихся в полосе валдайского оледенения. Именно эти ландшафты в первую очередь осваивались раннеславянским населением, вытеснявшим оттуда аборигенов.

² Все находки драгоценных импортных серебряных изделий второй — третьей четверти I тыс. н. э. в северных лесах Восточной Европы, которые принято рассматривать как плату за меха, происходят с неславянских территорий. Главными поставщиками мехов в этот период были финно-угорские охотники-промысловики (Маршак 2017: 425).

³ *Вендельским временем* (по названию известного могильника Вендель в Упланде) в скандинавской археологии называют период примерно с середины VI до конца VIII в. н. э. В это время в Восточной Европе начинают проследиваться первые следы проникновения скандинавских купцов и воинов. В конце вендельского времени (ок. 753 г.) они селятся в Поволховье, в Старой Ладуге.

Великий курган д-58г.

Сосуд в кургане №1

Могильник Полибино

Эуд. Полибино

Рис. 89. Деревянный сосуд из кургана № 1 в могильнике Полибино. Раскопки Я. В. Станкевич 1958 г. Полевые зарисовки, сделанные в процессе раскопок и реставрации (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1958. Д. 44. Л. 57)

На Северо-Западе это, собственно, два крупных региона, которые как бы «вписаны» один в другой.

Во-первых, это Ильменская озерная котловина с поймами впадающих в нее рек (Шелонь, Ловать, Пола, Мста и пр.) и вытекающего из нее Волхова. Именно здесь ПВЛ фиксирует оседание славян (словен новгородских) на землю в первую очередь. Во-вторых, это так называемый Озерный край — полоса водно-ледниковых ландшафтов вдоль главного моренного вала валдайского оледенения. Озера непрерывной цепью тянутся от Селигера до Браславского Поозерья. Этим краем овладевает, согласно ПВЛ, другое восточнославянское племя — кривичи. Именно в Озерном крае, образующем как бы гигантскую подкову, охватывающую озеро Ильмень и прилегающую к нему низменность с запада, юга и востока, фиксируется и археологическая культура, наиболее убедительно связываемая с кривичами, — культура длинных курганов.

Торопецкая округа составляет часть Озерного края, и ее исторические судьбы в I тыс. н. э. связаны с кривичской «подковой». Нужно, конечно, сразу рассмотреть вопрос о курганном обряде захоронения умерших. Как известно, до расселения в Озерном крае славяне совершали бескурганные погребения по обряду трупосожжения. Фрагменты пережженных (кальцинированных) костей собирали с погребального костра и в определенных местах близ поселений захоранивали в неглубоких ямках или рассыпали по поверхности земли. Придя в Верхнее Подвинье во второй четверти — середине I тыс. н. э., славяне продолжали обустривать такие могильники (Лопатин, Фурасьев 2007; Еремеев, Фурасьев 2021). Вскоре, уже, видимо, в V в. н. э., здесь появляются первые курганы (рис. 12–14, 89), и в последующее столетие курганный обряд с невероятной скоростью разносится по всему кривичскому ареалу. В VIII в. курганный обряд распространяется в Верхнем Поднепровье, а затем в Белоруссии.

Как было ясно еще по работам Я.В. Станкевич, эта погребальная традиция в VI–X вв. была воспринята далеко не всем населением Верхнего Подвинья (Еремеев, Дзюба 2010: 17, 383). Сельские общины, насыпавшие курганы, и общины, практиковавшие бескурганные формы

погребения, располагались чересполосно вплоть до времени крещения Руси. Как нужно исследователям расценивать эту ситуацию? Курганы длительное время рассматривались археологами как некий элемент *археологической культуры* с этническим наполнением, наравне с керамикой, жилищами и т. д. (Седов 2002а; Носов 1982). Это, конечно, было очень ограниченное восприятие предмета. Были также попытки трактовать курганный обряд как феномен «социально-экономического развития» (Шмидт 1968: 225), т. е. явление стадияльное, но это предложение было скорее схоластическим отголоском марксистской социологии, повсюду искавшей следы смен социальных формаций, нежели жизнеспособной идеей.

Курган — это в первую очередь элемент мифической картины мира, отражение особой формы культа предков, в котором запечатлелся ответ на самый главный вопрос религиозного сознания — каково существо смерти и загробного бессмертия человека. Рассматривать распространение курганного обряда в одном ряду с распространением типов керамики, украшений или иных элементов материальной культуры — крупная ошибка, сформировавшаяся под влиянием материалистически-позитивистской философии истории XX в.

Принятие курганного обряда есть в первую очередь распространение определенных мифических представлений, результат духовных поисков тысяч людей (а такие поиски всегда драматичны) и, нетрудно догадаться, своего рода идеологической борьбы. Можно быть уверенным, что языческое население Северо-Запада в середине — второй половине I тыс. н. э. жило очень динамичной религиозной жизнью, в известной степени подготовившей почву для христианизации (с XI в. христианский обряд здесь в своей основе неизменен). Мы не знаем, что заставляло членов той или иной группы принимать или отвергать курганный обряд. Но при взгляде на археологическую карту достаточно ясно, что он распространялся в среде кривичей, там, где они занимали территории, наиболее плотно заселенные дославянским земледельческим населением. Иными словами — курганы возникают в зоне наиболее интенсивных

Рис. 90. Браслет VII в. из сплава меди, украшенный гравировкой. Случайная находка из района Верхнего Подвинья. Хранится в фондах Витебского областного краеведческого музея (Беларусь). ВОКМ КП 23940. Фото Н. Ю. Шарковской. Подобные браслеты были распространены у славянского населения Верхнего Поднепровья

контактов новых поселенцев со своими иноязычными предшественниками в Озерном крае. Напротив, славяне, осевшие в Ильменской котловине, к северу от Озерного края и Западной Двины, полностью отвергли курганный обряд в VI–VIII вв. (Еремеев 2023: 415). Но именно здесь в предшествующее время аборигенное население было очень немногочисленным (Еремеев 2023: 239). Возникли ли курганы как результат этого противостояния, или напротив — как синтез мифических представлений и погребальных традиций достаточно близких по культуре народов? Два эти взгляда отнюдь не противоположны, но дополняют друг друга.

Рассялаясь около середины I тыс. н. э. в областях к северу от Днепра, славяне приносили на новые земли свой бытовой инвентарь (в первую очередь грубую лепную керамику) и некоторые типы украшений. Наиболее презентабельно среди последних выглядят различные бронзовые браслеты с расширяющимися концами (рис. 14, 90).

В округе Торопца наиболее изученным памятником раннеславянского круга является погост Речане (селище Мокряково по Я. В. Станкевич)⁴. Это, собственно, целая группа из девяти раннесредневековых неукрепленных поселений, приуроченная к пойменным ландшафтам Торопы при истоке ее из озера Зеликовье (рис. 91). Кроме того, старинная дорога, ведущая от Торопца на юг и юго-запад (через Великие Луки и Смоленск), пересекала здесь Торопу, и обойти это место при подъезде к Торопцу с юга было невозможно (рис. 4).

Группа селищ в Речанах представляет собой агломерацию поселений при водной преграде, аналогичную, существовавшей на месте самого города Торопца во второй половине I тыс. н. э. В археологической литературе такие микрорегионы принято называть «гнездами поселений» (Тимощук 1990: 96–107). Разница заключалась в том, что поселения на территории Торопца существовали под прикрытием городища-убежища на Большом Городище, в то время как в Речанах своего городка не было. Еще одно различие между двумя этими скоплениями поселений состояло

в том, что торопецкая группа селищ оказалась в X–XI вв. «перекрыта» городом и сохранилась очень фрагментарно, в то время как Речане — так и остались группой селищ, хотя и расположенной на важном участке торной дороги.

Обитатели этого микрорегиона относятся к одной из тех групп кривичей, которая вплоть до X в. отвергала курганный обряд, по крайней мере курганы VI–IX вв. близ селищ неизвестны. В X в. здесь был насыпан сопковидный курган (речь о нем будет далее), а в XI в. начал функционировать древнерусский курганный могильник с трупоположениями, исследованный в 2013–2014 гг. Д. Г. Бариновым. Археологический комплекс в Речанах интересен тем, что на нем представлены материалы всей второй половины I тыс. н. э. и, возможно, более раннего времени. То есть памятник отражает динамику материальной культуры кривичей на всем протяжении их племенной истории.

Центральное поселение этой группы найдено и впервые описано Я. В. Станкевич (Станкевич А-1949: л. 31, 32). Раскопки и разведки здесь производили Ю. М. Лесман (Лесман А-1976; А-1977), А. Д. Максимов, И. Н. Черных, И. Г. Портнягин (Максимов А-1979) и другие археологи (Бодрякова А-2012; Исланова А-2012: л. 60–64). В 2013–2014 гг. на селище Речане 4 Д. Г. Бариновым были проведены достаточно масштабные археологические раскопки (на площади 3100 м²) (Баринов А-2014; А-2014а; А-2014б; А-2014в). Раскопки дали материал второй половины I тыс. н. э., представленный в основном лепной керамикой, распадающейся на две хронологические группы. К первой из них относится слабопрофилированная посуда (рис. 92: 1–5; рис. 93: 2, 3), предположительно второй-третьей четверти I тыс. н. э. (Баринов А-2014б: рис. 696). Характерными для этой эпохи предметами являются (найденные на других объектах комплекса) железное стамесковидное кресало (Еремеев, Дзюба 2010: рис. 333: 7), нож с прямой спинкой (Бодрякова А-2012: рис. 53), фрагмент пламенивидного двушипного наконечника дротика (Баринов А-2014в: рис. 1014) (рис. 93: 1).

⁴ К сожалению, этот археологический памятник очень сильно разрушен промышленным строительством (Бодрякова А-2012: л. 34–37).

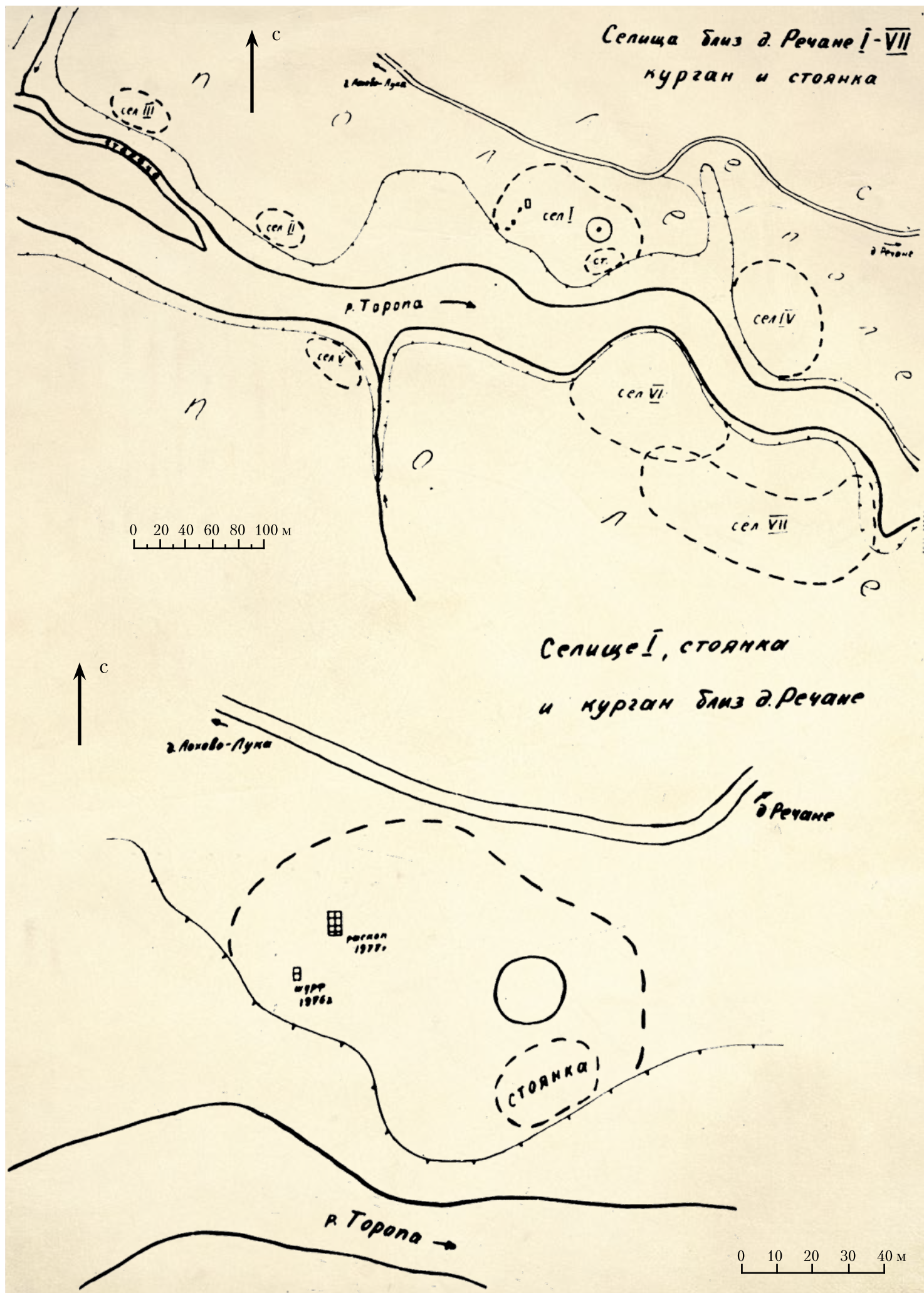

Рис. 91. Ситуационные планы раннесредневековых селищ у д. Речане. Из полевого отчета Ю. М. Лесмана за 1977 г. (НА ИА РАН. Р-1. № 6550. Рис. 15, 16)

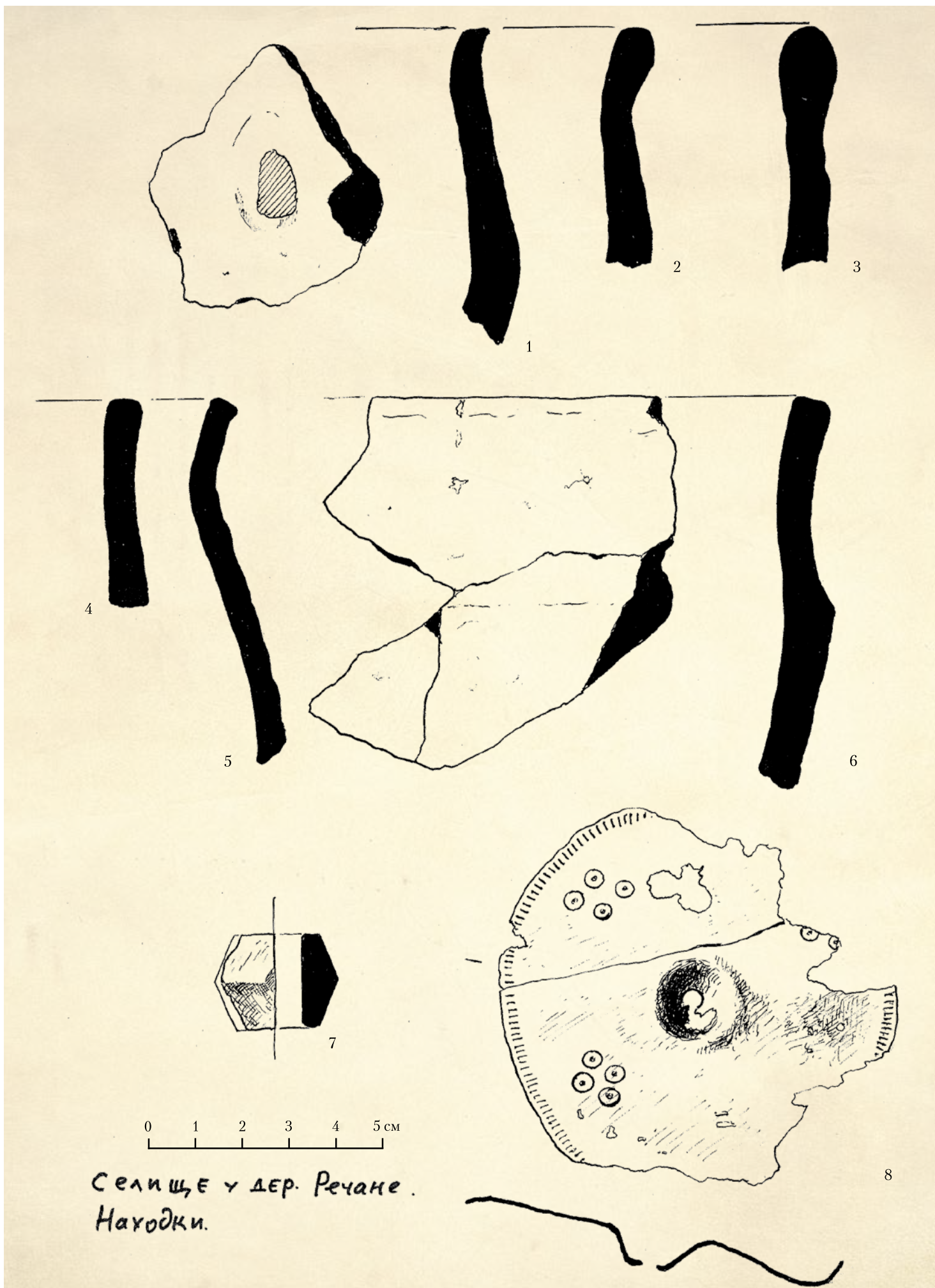

Рис. 92. Находки из раскопок Ю. М. Лесмана на селище Речане 1 в 1976 г. Иллюстрация из полевого отчета (НА ИА РАН. Р-1. № 6453. Л. 16). 1-6 — фрагменты лепной керамики второй — четвертой четверти I тыс. н. э.; 7 — глиняное пряслице; 8 — бляха с пуансонным орнаментом из медного сплава IX-X вв.

Вторую группу образует профилированная керамика, реберчатая (рис. 92: 6) и керамика с округлым плечиком, близкая посуде культуры смоленских длинных курганов VIII–X вв. (Станкевич 1960: рис. 85: 3, 4; Еремеев, Дзюба 2010: рис. 334: 7–9; Баринов А-2014а: рис. 67: 2; А-2014: рис. 271: 2; А-2014в: рис. 933: 2, рис. 955: 1, 4, рис. 977: 2). К этому же кругу древностей относится и пластинчатая круглая бронзовая бляха с тисненым орнаментом, найденная на селище Речане 1 в раскопе Ю.М. Лесмана (рис. 92: 8). Бляха имеет параллель в материалах Старой Ладоги, что служит археологам дополнительным аргументом для рассмотрения Торопецкой округи в I тыс. н. э. в качестве своеобразных ворот из Верхнего Поднепровья в Ильмень-Волховский регион (Мачинский, Мачинская 1988; Еремеев, Дзюба 2010: 420). С жилищами в раскопках Д.Г. Баринова связаны иногда довольно большие (например, яма 1 на участке III–С размерами 6,53 × 2,66 м) овальные подпольные котлованы — обычные для построек второй половины I тыс. н. э. на Северо-Западе. Имеется на поселениях в Речанах и древнерусская раннегончарная керамика (Станкевич 1960: рис. 85: 5; Бодрякова А-2012: л. 36, 39, 42).

Ранняя датировка группы поселений (IV–V вв. н. э.) определяется наличием среди лепной слабопрофилированной керамики фрагментов посуды с характерными расчесами (нанесенными предположительно гребнем), относящейся к группе Заозерье-Узмень (рис. 93: 2, 3, 5), первоначально выделенной на значительно более южных раннеславянских поселениях Белорусского и Смоленского Подвинья (Лопатин, Фурасьев 2007). На присутствие в Речанах 1 лепной керамики этой группы в материалах исследований А.Д. Максимова и Ю.М. Лесмана, наряду с реберчатой подлощенной посудой, мы обратили внимание достаточно давно (Еремеев, Дзюба 2010: 420). Раскопки Д.Г. Баринова 2013–2014 гг. дали еще более выразительные образцы лепной посуды этого круга (Баринов А-2014б: рис. 698: 1, рис. 699: 8, 9; А-2014в: рис. 845). Таким образом, древности в Речанах дают нам ос-

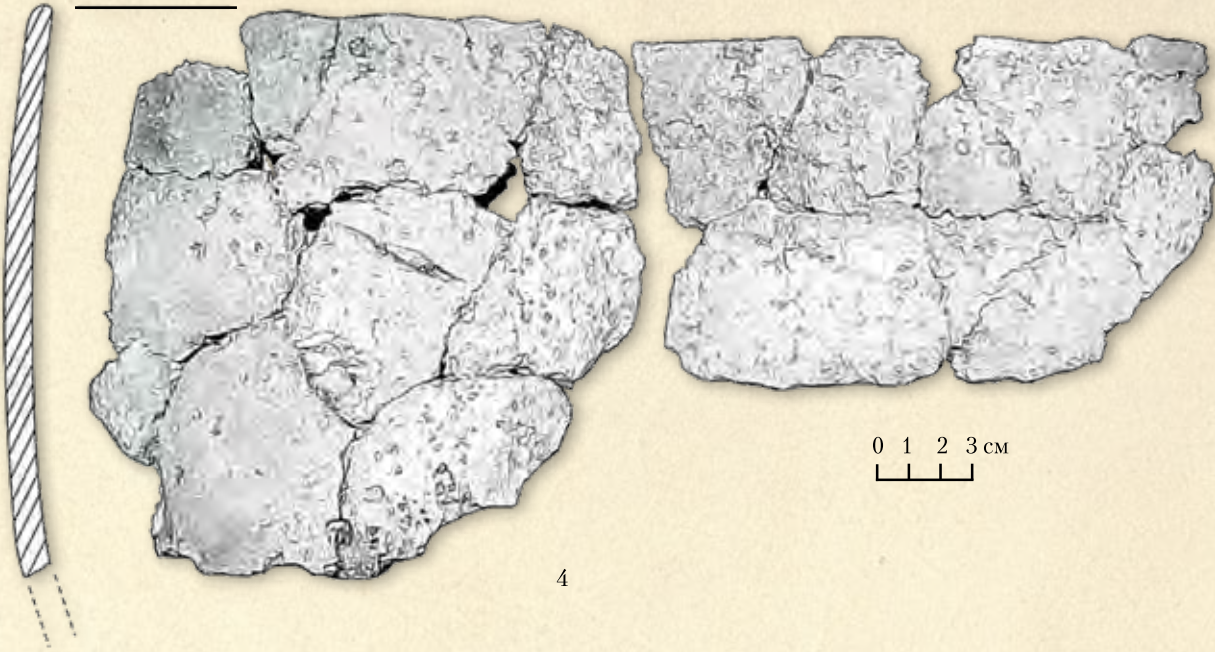
нование заключить, что раннеславянское население из области Верхнего Поднепровья и Северной Белоруссии появилось в этом ключевом регионе Двинско-Ильменского водораздела уже во второй четверти I тыс. н. э.

Любопытно обнаружение в раскопках развала лепного гладкостенного сосуда баночной формы с прямым венчиком (Баринов А-2014в: рис. 1096), который можно отнести к днепродвинской культуре (рис. 93: 4). Подобная посуда характерна для упоминавшегося выше городища Подгай. Следы взаимодействия представителей культурной группы Заозерье-Узмень с носителями днепродвинской культуры фиксировались ранее на памятниках Полоцкого Подвинья (Лопатин, Фурасьев 2007). В Речанах мы, возможно, видим еще одно свидетельство встречи славян с аборигенным населением Подвинья.

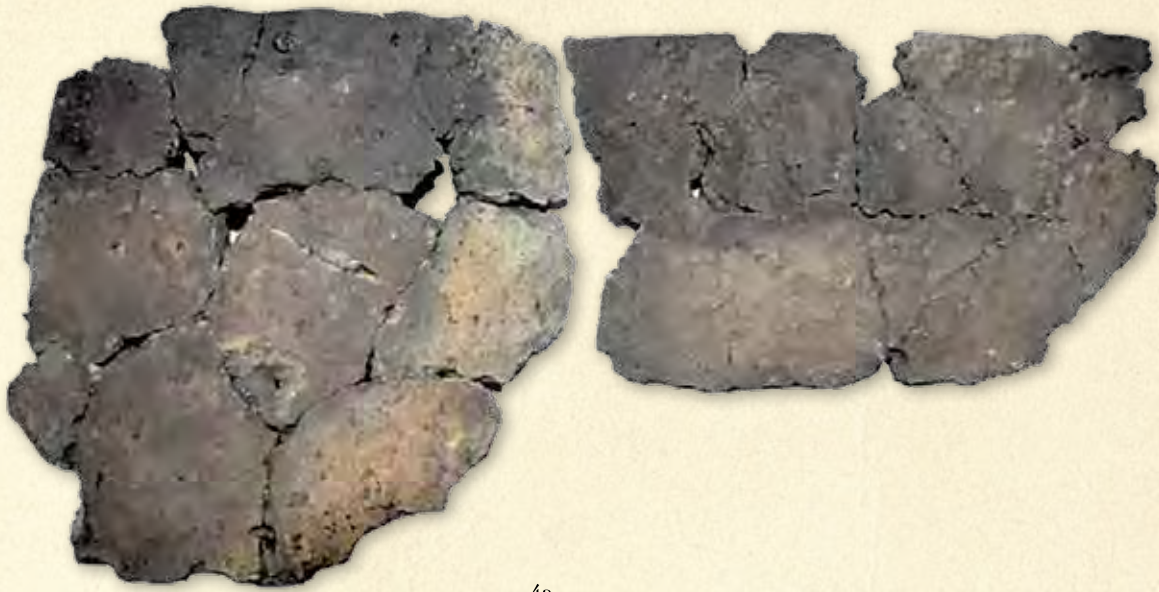
Здесь мы переходим к следующей теме — к эпохе пути из варяг в греки. В лесах Северо-Запада на этапе своего становления в середине — третьей четверти I тыс. н. э. это не был еще путь варягов. Система меридионально ориентированных дорог на Двинско-Ильменском водоразделе была сформирована волнами славянских миграций начиная, видимо, с конца второй четверти I тыс. н. э. К VIII в. эти пути уже сложились, а еще через столетие начали наполняться новым содержанием, превращаясь отчасти в транзитные торговые коммуникации, отчасти — в элементы системы административно-экономического и военного подчинения, то есть примитивной варварской государственности. Археологам известно несколько групп древностей, которые служат маркерами распространения этой новой системы отношений. К ним относят большие курганы/сопки, клады арабского монетного серебра и предметы восточного импорта, а также оружие и украшения скандинавских типов, которые отмечают места присутствия княжеских дружинников и купцов, чья деятельность выходила далеко за пределы микрорегионального торгового обмена (Еремеев, Дзюба 2010: 517; Нефёдов 2012: 101; Щавелев, Фетисов 2015: 278).

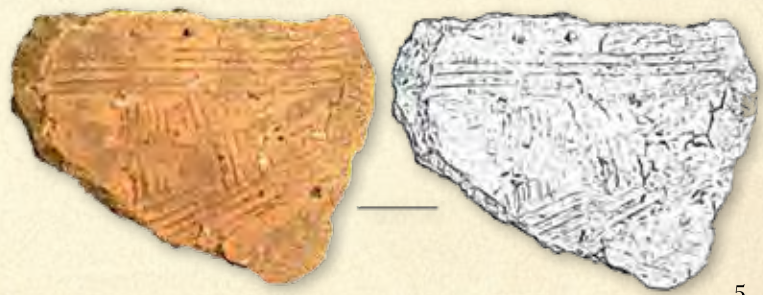
Рис. 93. Находки из раскопок Д. Г. Барина на селище Речане 4 в 2013–2014 гг. Иллюстрации из полевого отчета.
 1 – фрагмент железного двушпигного пламевидного наконечника дротика (НА ИА РАН. Р-1. № 44610. Рис. 1014);
 2, 3, 5 – фрагменты лепной керамики с расчесами, типа Заозерье (НА ИА РАН. Р-1. № 44609, рис. 698: 1, рис. 699: 9;
 № 44610, рис. 845); 4 – развал лепного сосуда, близкий по профилировке керамике днепро-двинской культуры раннего
 железного века (НА ИА РАН. Р-1. № 44610, рис. 1096)

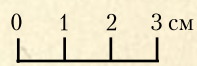
4

4a

5

Глава 5

Курганы, сопки, норманны и торговые пути.

Эпоха северных влияний в Верхнем Подвинье

Дальнейшему нашему движению в последовательности историко-археологических эпох требуется некоторое предупреждение. Как мы помним, нам необходимо отыскать в раннеславянском средневековье нового человека — того, который создал и населил древнерусские города. Этот новый человек, как мы решили в исходной точке нашего обзора, есть продукт «осевого времени», главным содержанием которого применительно к славянской Восточной Европе стало христианство. Это отнюдь не значит, что человек этот возник в результате крещения Руси Владимиром Святославичем. Сама молниеносность этого события говорит о предшествовавших ему длительных духовных поисках и подготовительных процессах в восточнославянской среде, которые акт крещения 988 г. лишь увенчал. Надо полагать, если бы этих поисков, причем в самом широком масштабе, не было, крещение Руси с момента инициативы Владимира растянулось бы на долгие столетия, пример чего дает обращение в христианство литвы, о котором мы немного поговорим в последнем разделе этой книги.

Мы подходим здесь к очень важной проблеме древнерусской историографии. Признавая вышеперечисленные обстоятельства распространения христианства среди восточных славян, мы оказываемся перед необходимостью рассматривать идею центральной роли королевской (княжеской) власти и аристократии (старой родовой или формирующейся новой феодальной) в принятии христианства, и далее — перед мыслью о навязывании элитой новой религии широким народным массам с целью легитимизации своего права на власть и насилие. Именно так смотрела на вещи советская историческая наука, достижения которой были сформулированы в большой серии трудов, увидевших свет в тысячулетнюю годовщину крещения Руси (Введение христианства 1987; Зубарь, Павленко 1988; Рапов 1988; Принятие христианства 1988; «Крещение Руси» 1988; Как была крещена Русь 1989, Брайчевский 1989; Щапов 1989 и пр.). Впрочем, эта точка зрения не является достоянием советской науки — она господствует в науке мировой и в современной отечественной историографии (Карпов 2019: 71–73),

и, кажется, что это господство подтверждено всем политическим опытом Европы последнего тысячелетия ее истории.

Эта тема оставляет в тени другую, не менее важную и не менее интересную проблему, которую можно сформулировать как загадку триумфа христианского мировоззрения на протяжении весьма короткого исторического времени. Эта загадка осознавалась на Руси с самого начала летописания — впечатляло отсутствие открытого сопротивления (Литаврин, Флоря 1988: 242–243). Понятно, что одним лишь принуждением невозможно было обратить в новую веру население огромных восточнославянских лесных пространств. Многочисленные попытки объяснить легкость обращения нестойкостью и нестройностью языческого мировоззрения дикаря, не привыкшего задумываться над устройством вселенной, жизнью и смертью, вряд ли могут нас удовлетворить. Образ такого дикаря, в своей наивности приносящего жертвы камням, источникам и деревьям, удовлетворенного жизнью в окружении леших, домовых и русалок, — производит впечатление какой-то нелепицы колониальной этнографии. Не стоит обманываться средневековыми поучениями против язычников, к которым восходят эти представления историков и этнологов. В этом этнографическом колорите мы не отыщем ни глубокой и трагической идеи вечной жизни, ни поисков ее смысла — того, над чем человеческое сознание трудится с момента своего появления и что составляет основу любого религиозного или мифического сознания.

Очевидно, что между язычеством и русской церковью XI в., с ее монастырями, аскетами и подвижниками, существовало некое пространство идей и мировоззрений, которое приуготовило триумф христианства в Восточной Европе. Здесь все неопределенно — в первую очередь хронологический интервал этого пространства, которое мы вслед за Карлом Ясперсом называем «осевым временем». Приобщение к последнему славян началось не позднее начала VI в., когда они вошли в активное соприкосно-

вание с христианской культурой Византийской империи. Крещение сербов и хорватов происходит уже в VII в. (Наумов 1988). Тогда же славянский мир широким фронтом соприкоснулся с христианской державой франков на Эльбе. Для следующего столетия имеются некоторые данные о начале христианизации славян южных областей Балканского региона (Иванова 1988: 14, 16). Конечно, не всегда верно рассматривать проблему распространения христианства в рамках дихотомии язычник/христианин. Дело не в том, что часто окрещенный язычник, пользуясь социальными или политическими благами нового статуса (или даже искренне считая себя христианином), сохранял языческое мировоззрение. Возможно, элементы христианского мировоззрения первоначально должны были распространяться в самой языческой среде, постепенно меняя ее качественно, но при этом не воспринимаясь как агрессивное вторжение чуждого мировосприятия, без участия политических или церковных институтов¹. Только такие процессы могли подготовить почву для стремительной официальной христианизации славян в IX–X вв., т. е. создать условия для восприятия монотеистических религиозных представлений и появления искомого нового человека. Для обозначения этого процесса уместно применить термин «низовая» христианизация (Иванова 1988: 22; Свердлов 1995: 74), хотя распространяемые таким образом идеи могли существенно расходиться с христианскими каноническими верованиями.

Какие же признаки появления нового человека, выделяющего себя и свою судьбу из родоплеменной стихии, можем мы увидеть в материальной культуре восточных славян? Первым и главным признаком должно стать, конечно, отношение человека к своему и своим близким посмертному существованию. Признаком появления человека «осевого времени» становится обособленная могила — дом и вместилище индивидуальной бессмертной души.

Когда-то, при нашем с коллегой-археологом посещении дома-музея А. Ф. Лосева на Арбате,

¹ Неоднократно высказывавшиеся мысли о необходимости выделения такого периода в истории славянства (Брайчевский 1989: 30–32) до сих пор не разработаны в силу сложности выработки методики, которая, очевидно, должна соединять в себе исторический, философский, археологический и лингвистический анализ.

после долгой экскурсии, почувствовав некоторую заинтересованность в предмете, сотрудник музея поинтересовался областью наших занятий. Следовало видеть его глубокое разочарование, когда он заключил — как бесконечно далеки посетители со своим субстанциальным предметом от темы мифа и знака, центральной в творчестве и жизни философа. В понимании образованного, даже глубоко образованного человека предмет археологии преимущественно представит неким сугубо материальным прахом. И нельзя сказать, чтобы петербургские археологи сами не подавали к тому повода. В 1918 г. Императорская Археологическая комиссия прекратила свое существование, и на ее месте возникла Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК), в 1937 г. переименованная в Институт истории материальной культуры (ИИМК). Послевоенные реалии привели к преобразованию его в Институт археологии (ИА РАН), филиалом которого стало Ленинградское отделение. В 1990-е отделившийся от ИА РАН петербургский ЛОИА принял имя ИИМКа, закрепив тем самым в имени (а значит, и в сознании сотрудников) давно ушедшее в прошлое и потерявшее актуальность революционно-материалистическое идеологическое наследие первых лет советской власти. Это наследие и донныне довлеет в трудах многих археологов, определяя то состояние методологического тупика, в котором оказалась историческая наука в последние 30 лет.

Оставив в стороне относящиеся к области философии вопросы о том, может ли культура быть материальной и может ли предмет материальный иметь историю, обратимся к более ясной теме — каково культурное содержание *погребальных* древностей минувших эпох? При полнейшей материальности предметных составляющих — человеческих останков, той или иной формы окружающего их грунта и камня, каких-то намеренно или случайно оказавшихся в могиле предметов — это содержание очевидно относится к совершенно нематериальной сфере — к области мифического (религиозного) сознания.

Вряд ли можно сомневаться, что, нанося могилы на чертежи, анализируя кости, беря про-

бы грунта или типологизируя находки, мы лишь в некоторой степени создаем предпосылки для приближения к этому сознанию, но никоим образом не можем сделать качественный шаг к осмыслению назначения и функций в культуре изучаемого нами объекта. Исследователя на этом пути не покидает ощущение, что чем более изоощренными становятся методики вышеописанных исследовательских процедур, тем далее он оказывается от своей цели.

Изменить ситуацию может смещение внимания с материальных остатков в область изучения древнего мифического сознания. Материальные же аспекты исследования, в какой бы области они ни лежали, должны составлять лишь самый начальный его этап. Этому, очевидно, должен предшествовать некий момент понимания того, что миф не есть только лишь нечто свойственное сознанию древнего человека, которое, будучи унесено смертью, лишило нас возможности контакта с ним и, таким образом, познания. Как писал А. Ф. Лосев, «миф *отождествляет* идейную образность вещей с вещами как таковыми и отождествляет вполне *субстанциально*» (Лосев 2014: 170).

Получается, изучаемые археологом погребальные древности являются не просто отражением навсегда угасшего мифического сознания или воплощением неких исчезнувших мифических представлений, но *самим мифом*. Мифическое осмысление мира субстанциально, т. е. создание *мифического объекта* (в нашем случае, как увидим ниже, кургана, а затем — большого кургана) содержит в себе прямое руководящее послание к мифическому субъекту, предназначенное к реальному воплощению и представляющее собой определенное руководство к поведению.

Таким образом, сам источник несет в себе некий универсальный смысл, транслируемый в пространство и время; и этот смысл, это послание *продолжает существовать*, по крайней мере, пока существует на поверхности земли *мифический объект*. В этом послании — непосредственное назначение мифа в его субстанциальном качестве. Поэтому ключ к пониманию мифа содержат не только письменные источники, относящиеся к изучаемой эпохе, но и наше

современное сознание, коль скоро его волнуют те же вечные вопросы жизни и смерти, насилия и обладания, назначения человека и его загробной участи, которые волновали человека прошедших эпох. Приблизиться к пониманию *мифических объектов*, древних погребальных памятников можно, таким образом, лишь на междисциплинарном уровне на стыке археологии, анализа письменных источников, философии и социальной антропологии.

Итак, если мы хотим отыскать на восточнославянских землях нового человека, нам следует искать следы материального воплощения представлений об *индивидуальном бессмертии*. Без этой идеи принятие христианского монотеизма невозможно, и никакие насильственные действия не могут укоренить ее в традиционном сознании. Такую идею мы наблюдаем в новой погребальной обрядности, распространяющейся в славянской среде в VI–VII вв. Самым заметным и хорошо изученным элементом этой обрядности является курган.

Как уже говорилось, до VI в. славяне погребали своих умерших, помещая сожженный прах в неглубокие ямки или высыпая его на поверхность земли. Если такие кладбища и имели внешние признаки в виде каких-то деревянных знаков (каменные археологи давно бы уже обнаружили, если бы таковые применялись), отмечающих отдельные могилы, то в очень скором времени после захоронения они бесследно исчезали. Массового стремления увековечить память об умершем в культурном ландшафте или хотя бы выделить его могилу из общего погребального пространства мы в этот период не наблюдаем.

Картина меняется в VI в. с появлением в лесах между Днепром и озером Ильмень так называемой культуры длинных курганов. Курганный обряд распространяется и в других регионах славянского мира. Курганы могут быть разными по форме и размерам, но идея, объединяющая их, одна — выделение индивидуального захоронения в ландшафте, т. е. появление индивидуальной мемориальной идеи, представления об индивидуальном бессмертии².

² Сказанному отнюдь не противоречит тот факт, что некоторые курганы содержат несколько погребений, ведь речь идет о родственниках. Подобные коллективные захоронения, которые воспринимаются как индивидуальные могилы, мы можем видеть и на современных кладбищах.

В дальнейшем эта мемориальная идея достигла своей вершины в сопках и больших курганах. Обычно считается, что сопки есть явление сельской жизни VIII–X вв., в то время как большие курганы входят в состав некрополей протогородских и городских центров X в. (таких как Гнёздово, Чернигов, Киев). Деление на сопки и большие курганы, которые не различаются между собой по внешнему виду, впрочем, весьма условно и, возможно, должно быть вовсе оставлено. Но это тема для отдельной дискуссии.

Мы вступаем в наше повествование в IX–X вв., когда на Северо-Западе распространяются новые формы погребально-поминальной обрядности, связанные с возведением больших курганов, получивших в научной литературе название «сопки». Впрочем, как языческое население именovalo эти сооружения — мы достоверно не знаем. ПВЛ указывает на то, что курганные захоронения первых рюриковичей в XI–XII вв. на Руси называли «могилами». Эта традиция сохраняется в Псковской, Новгородской и Тверской областях и по сей день, где курганы зовут «литовскими могилами» или связывают с ними иных, уже ставших мифическими врагов — шведов или французов. Что же касается названия «сопки», введенного в науку археологом А. А. Спицыным, то оно, кажется, пользовалось в народе гораздо меньшей популярностью.

Неподалеку от Торопца, к югу от него, известна самая большая в Подвинье курганная насыпь (около 9 м высотой) в д. Холм на оз. Усмынь. Поскольку деревня лежит в равнинной местности, нет сомнений, что она получила имя в связи с находящейся в ней сопкой. Не называли ли в старину некоторые сопки «холмами», добавляя к ним имена погребенных?

Наиболее убедительной версией возникновения на Руси традиции больших курганов является варяжская гипотеза (Спицын 1922: 4; 1929: 29, 30; Raudonikas 1930: 36, 37; Arbman 1955: 40; Тухтина 1968: 192; Еремеев 2007, 2023а; Еремеев, Янссон, Сёдерберг 2010; Callmer 2017: 143). Прототипами русских сопок в таком случае

выступают большие курганы Средней Швеции (преимущественно трех центральных ее провинций — Упланда, Сёдерманланда и Вестманланда) VII — начала IX в. Широкое распространение сопки на Северо-Западе заставляет задуматься о возможных механизмах трансляции столь своеобразного и ранее не свойственного ни славянам, ни соседствовавшим с ними финно-уграм обряда. География сопок подразумевает возможность двух путей их распространения — моноцентричного (из одного центра) и полицентричного.

В первом случае следует искать в Восточной Европе некий политический и экономический центр, куда традиция больших курганов была перенесена выходцами из Средней Швеции не позднее начала IX в. Дальнейшее распространение и заимствование обряда могло происходить по путям политического и экономического влияния этого центра. Таким местом могла быть Старая Ладога, где известны самые ранние сопки. Проблема в том, что, по итогам многолетних раскопок, поселение VIII–IX вв. на Земляном Городище Старой Ладogi представляется очень небольшим. На вопрос — какие именно сопки связаны непосредственно с поселением на Земляном Городище — ответить не так-то просто. Знаменитые сопочные могильники Ладogi (Плакун, Сопки, Победище и др.) кажутся скорее некрополями поселений, окружавших небольшой торгово-ремесленный центр в устье Ладожки и на Земляном Городище. Не было в Ладoge в это время и значительных укреплений, кроме, видимо, небольшого городка на Ладожском мысу. О весьма невыразительных следах этого предполагаемого городка идут довольно напряженные научные споры, что само по себе говорит не в пользу размещения «первой столицы Руси» IX в. в низовье Волхова.

Иными словами, вместо единого сильно укрепленного военно-политического центра мы видим в Нижнем Поволховье агломерацию в большинстве своем неукрепленных поселений, сопровождавшихся большими курганами. Правда, часть из них (Земляное Городище, Любша, Дубовики) располагалась под прикрытием весьма компактных городков. Но даже по мас-

штабам Приильменя, где известны такие большие городища, как Городок на Шелони, Бронница, Рюриково Городище, Яжелбицы I, Нижнее Поволховье выглядит довольно беззащитным. Идея норманнского происхождения сопок такой взгляд не противоречит. Сомнительно другое — чтобы эта группа поселений в Южном Приладожье имела столь мощный военно-политический потенциал, что смогла распространить свое идеологическое влияние на весь Северо-Запад.

В том, что это было именно идеологическое влияние — сомнений нет. Попытки рассматривать распространение сопок как результат миграции населения из Ильмень-Волховского региона (Лебедев 1999а: 190; Конечский 1989: 149, 150) не получили обоснований (Еремеев, Дзюба 2010: 516). Наоборот, стало понятно, что материальная культура населения, возводившего сопки (керамика в первую очередь), в разных регионах различается в зависимости от ее местной подосновы. Широкое распространение сопок — это распространение религиозного мировоззрения, распространение мифических представлений, а не результат миграции.

Итак, рассмотрение материалов Нижнего Поволховья заставляет подвергнуть сомнению гипотезу о распространении «идеи сопки» из одной лишь Старой Ладogi. Безусловно, она была одним из центров такого распространения в Приладожье и Поволховье. Но, несомненно, в Восточной Европе существовали и другие зоны, из которых шли аналогичные культурные импульсы. Что это были за центры?

По утвердившимся в науке представлениям, в Скандинавии большие курганы были связаны с наследственными земельными владениями, закрепленными за наиболее могущественными и знатными родами, в первую очередь — за родами королевской крови. Курганы, насыпанные из земли и дерна, символизировали права рода на земельные и скотоводческие угодья, служа осяю и центром образуемого ими мифического пространства. Памятуя о вышеупомянутой формуле А. Ф. Лосева, можно сказать, что большой курган был не просто символическим воплощением правообладания

родовым земельным участком, он в сознании мифического субъекта *был самым земельным участком*. Следует помнить, что многие сопки не имеют поблизости ни ровиков, ни сколько-нибудь заметных карьеров, откуда бы бралась земля для их насыпки. Это означает, что при сооружении такого кургана снимался только верхний, разрыхленный пахотными орудиями, плодородный слой почвы. Чем больше был курган, тем большую площадь ценной плодородной земли следовало потратить для его возведения.

Иными словами — большой курган — это в первую очередь элемент аграрного ландшафта. Сказанное объясняет, почему больших курганов нет в некоторых военно-административных и торгово-ремесленных центрах Восточной Европы, где присутствие скандинавов несомненно, — например, в Гробиня (Литва) или на Рюриковом Городище в Приильменье. Видимо, там, где у норманнов не было крупных земельных владений (и там, где королевская власть не получала окончательного перевеса над властью сельской земледельческой или городской купеческой общины), не возводились и большие курганы. Нет их, кстати, и в некрополях таких ключевых торгово-ремесленных центров Скандинавии VIII–X вв., как Бирка и Хельгё, тогда как при окружающих эти центры усадьбах родовой аристократии Упланда большие курганы повсеместны³. С другой стороны, наличие больших курганов, например, в Гнёздове или Чернигове говорит, видимо, о каких-то особых путях формирования землевладения внутри этих поселенческих комплексов.

Конечно, норманны иногда насыпали курганы и в походах (об этих случаях нам известно из Саги об Инглингах и из сочинения Ибн Фадлана). Но вряд ли такие сооружения, противопоставленные местному культурному контексту, могли оказывать какое-то глубокое влияние на религиозные воззрения аборигенного населения в условиях, когда это влияние не подкреплено было постоянным присутствием выходцев из Скандинавии. Одним словом, варяжская концепция генезиса традиции сопок приводит нас к мысли о существовании на Руси в VIII–

IX вв. очагов оседлого скандинавского земледельческого населения, что подтверждается и другими источниками (Янссон 1987: 131). Население это было немногочисленным, но достаточно богатым и влиятельным в политическом отношении, чтобы служить аборигенам образцом для подражания не только в области ювелирной моды, но и в области языческих ритуалов и мифического мировосприятия.

В Торопце и его округе известно несколько сопок. Две насыпи высотой 3,5 и 4,5 м, диаметром 20 и 23 м, не подвергавшиеся раскопкам (рис. 94–96), располагаются на восточном берегу оз. Зеликовье (**Торопецкий 4 могильник**). По некоторым данным, изначально здесь было не менее 6 курганов (Фоняков 1985: 95).

Примером еще одного большого кургана, связанного с культурой местного населения, является сопка в Речанах, раскопанная в 1979 г. Диаметр насыпи составлял около 15 м, высота — до 2,2 м. Поскольку вершина была повреждена, представляется несомненным, что курган изначально был выше. Впервые сопка (с привязкой к д. Мокряково) описана Я. В. Станкевич в 1949 г. Уже тогда она была разрушена ямой и имела диаметр до 18 м при высоте около 3 м (Станкевич А-1949: л. 32).

Насыпь содержала в разных местах 4 трупопожжения, совершенные на стороне. Вероятно, погребения были и в верхней, разрушенной части насыпи (Максимов А-1979: 62). Интересный объект был выявлен в юго-западном секторе кургана. Здесь в песке расчищены следы какого-то подпрямоугольного карбонизированного деревянного сооружения, внутри которого находилось одно из погребений, содержащее фрагмент браслета и ромбовидную подвеску на плетеной цепочке (Максимов А-1979а: рис. 317; Еремеев, Дзюба 2010: рис. 395: 1, 6). Размер сооружения примерно 2 × 2 м. Очевидно, перед нами следы бревенчатой домовины, того же типа, что зафиксированы при раскопках Торопецкого 2 курганного могильника (рис. 97).

Находки в сопке в Речанах (вышеупомянутая подвеска, фрагмент бронзового серповидного височного кольца, бронзовая спиралька,

³ В некрополе Бирки иногда отмечают один большой курган, никак не выделенный своей позицией в курганном поле.

Рис. 94. Сопки на восточном берегу оз. Зеликовье в Торопце (Торопецкий 4 могильник). Фото И. И. Еремеева. Ноябрь 2023 г. Вид с востока

Рис. 95. Сопки на восточном берегу оз. Зеликовье в Торопце (Торопецкий 4 могильник). Фото И. И. Еремеева. Ноябрь 2023 г. Вид с юго-запада, со стороны озера

Рис. 96. Сопки на восточном берегу оз. Зеликовье в Торопце (Торопецкий 4 могильник). Фото И. И. Еремеева. Ноябрь 2023 г. Вид с места раннесредневекового поселения на северном берегу оз. Зеликовья (селище Торопец 2). Несомненно, обитатели этого поселения были в числе «адресатов» зрительно-психологического воздействия монументальных насыпей

трапециевидная бронзовая подвеска с тисненым орнаментом, сферические сердоликовые бусы) характерны для культуры смоленских длинных курганов, а также для населения ранних древнерусских торгово-административных центров (Гнёздово, Витебск, Усвят, Городок на Ловати, Горожане и т. п.). Курган датируется X в. и прекрасно демонстрирует, как традиция возведения больших курганов усваивается местными группами кривичей (Еремеев, Дзюба 2010: 510–513, рис. 395).

Еще одна сопка неподалеку от Торопца близ ж/д платформы Гладкий Лог (Андреапольский район Тверской области) на берегу реки Доросколки (Дураковки?) исследована в 1932 г. А. Ф. Палашенковым. К сожалению, до нас дошло только словесное описание этого сооружения в неопубликованной рукописи В. С. Пономарева, хранящейся в архиве ИИМКа⁴. Насыпь высотой 5 м была окружена по основанию ровом шириной 1,5 м и глубиной 0,75 м с четырьмя перемычками, ориентированными по сторо-

нам света. На глубине 3,5 м от вершины был обнаружен «настил из валунов в один ряд» с рассыпанными по нему остатками трупосожжения. В насыпи были обнаружены две зольные прослойки, свидетельствующие, видимо, о многоярусности сооружения. В верхней части сопки была найдена бронзовая привеска, отнесенная А. Ф. Палашенковым к X–XI вв. (Пономарев А-1938). Судя по описанию, погребальная насыпь, раскопанная А. Ф. Палашенковым, была близка по конструкции ладожским сопкам.

Сейчас сложно сказать — мог ли район Торопца быть одним из тех регионов, где зарождалась традиция возведения больших курганов. Пока, несмотря на следы присутствия скандинавов, говорить о норманнской колонизации этого микрорегиона в полном смысле слова в VIII–IX вв. не приходится. Тем не менее в X в. норманны в Торопце проживали. Об этом говорят некоторые яркие находки, неоднократно привлекавшие внимание ученых.

⁴ Рукопись В. С. Пономарева лишена карты памятников. В своей известной работе Н. Н. Чернягин поместил место раскопок (ж/д пл. Гладкий Лог) северо-западнее Торопца (Чернягин 1941: 112, п. 176). Вслед за ним здесь же расположил этот пункт и В. В. Седов (Седов 1970: 34, таб. I, II, п. 17). Однако на указанном на схемах этих авторов месте не проходит железная дорога и населенный пункт с таким названием отсутствует. Очевидно, произошла ошибка и речь идет о находящейся северо-восточнее Торопца по ж/д линии Торопец — Андреаполь станции Гладкий Лог.

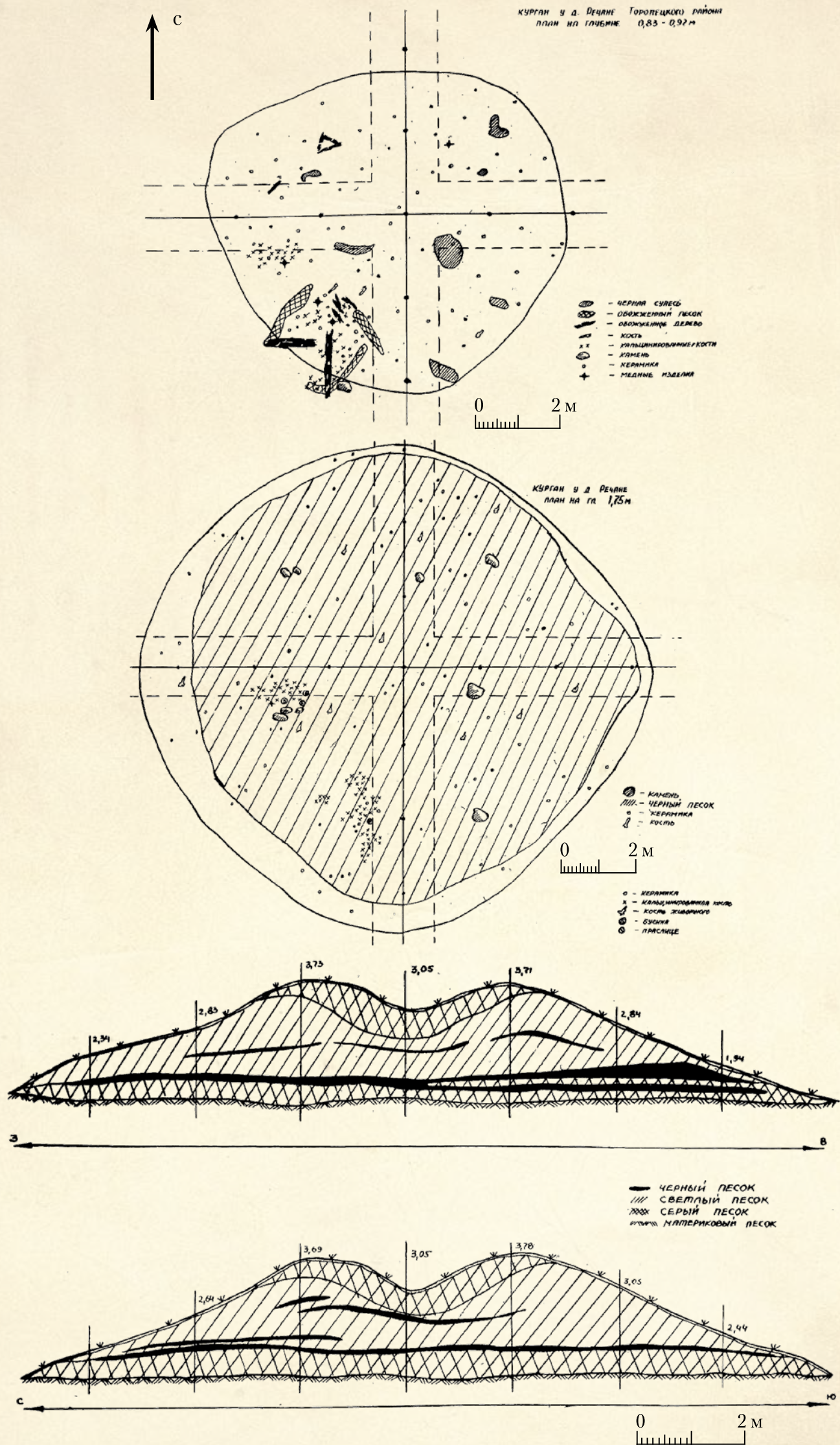

Рис. 97. Чертежи сопки, раскопанной А. Д. Максимовым на селище Речане 1. Иллюстрации из полевого отчета А. Д. Максимова за 1979 г. (НА ИА РАН. Р-1. № 75266. Л. 36)

Глава 6

О так называемом «Торопецком кладе» второй половины X — начала XI в.

Скандинавы на Восточном пути

В конце VIII в. в лесной зоне Европейской России сложилась система торговых коммуникаций, связавших Северную Европу и богатейшие рынки исламского мира. На протяжении двух столетий арабское монетное серебро и предметы роскоши, в обмен на меха, рабов и продукты лесных промыслов, поступали через Хазарию по Волге, Дону и Северскому Донцу на Русь и дальше по Волхову и Западной Двине — в Швецию и сопредельные балтийские страны. Крупнейшим перевалочным пунктом этих торговых маршрутов на Балтике стал остров Готланд, славящийся ныне огромным количеством кладов восточных монет и изготовленных из монетного серебра ювелирных изделий. Готландские ювелиры не только обеспечивали своей продукцией всю Восточную Прибалтику, но и стали в ней законодателями моды, в свою очередь усваивая и перерабатывая вкусы обитателей рынков сбыта своей продукции. Готланд с его ювелирными традициями нам еще придется далее упоминать.

В славянских лесах магистральные торговые пути дробились на бесчисленные волоки и речные маршруты. До той поры никому не ведомые реки, озера и развилки лесных троп в IX–X вв. неожиданно превращались в перева-

лочные базы оживленной транзитной торговли, где начинали накапливаться богатства далекого юга и севера. За контроль над этими узловыми пунктами, за перекрестки торговых путей, за возможность снаряжать лодьи в далекие плаванья и за перспективы брать с этих лодей пошлины на порогах и стоянках вспыхивали кровавые столкновения между различными племенами и вождями славянских, варяжских, литовских и финских дружин. Следы этих столкновений в виде пепелищ, усыпанных стрелами, археологи часто фиксируют на городищах и селищах Подвинья и Верхнего Поднепровья. Отдельную категорию свидетельств этой бурной эпохи составляют клады, зарытые хозяевами, которые так и не смогли вернуться за своим сокровищем. Совокупность коммуникаций, уводивших на восток, скандинавы называли *Austrvegr* — Восточный путь.

Торопецкий регион, с его крайне выгодным географическим положением, конечно, не остался в стороне от этих событий. Важность его возрастала по мере формирования другой восточноевропейской магистрали — пути из варяг в греки, который связал Северную Европу с Византией и Новгород с Киевом. Так волею судеб Торопец оказался на развилке двух великих

средневековых путей, что предопределило открытость его обитателей к самым разным культурным влияниям. Археология дает нам немногочисленные пока, но красноречивые тому свидетельства, среди которых на первом месте стоит совокупность находок, называемая иногда в литературе и в музейных документах «Торопецким кладом».

В 1960 г. при разработке песчаного карьера на холме на северо-западной окраине Торопца, на северном берегу оз. Зеликовье, был найден клад арабских дирхемов, из которого в руки ученых попало 73 монеты (Корзухина 1964: 305–307; Кропоткин 1971: 81 (№ 34); Noonan 1998: 107 (№ 58)). Младшая монета клада, как выяснилось, чеканена в 253 г. х. (867 г.), что дает основание относить дату его сокрытия к концу 860-х гг.¹ Монеты привлекли к холму внимание торопчанина А. П. Прудникова, который при осмотре карьера нашел еще ряд вещей, через Торопецкий музей попавших, в конце концов, на хранение в Государственный Эрмитаж². А. П. Прудниковым найдены были три предмета: овальная двусоставная фибула, сломанный на две части массивный четырехгранный железный стержень с гранеными бусинами из медного сплава и бронзовое блюдо.

Важно отметить, что дирхемы и вещи хотя и происходят вроде бы из одного карьера, но найдены были в разное время и в разных местах. Дирхемы обнаружены в переотложенном виде в песке из грузовика, курсировавшего между карьером и городом, а вещи — непосредственно на месте разработки (Корзухина 1964: 305, 306). Близость времени обнаружения монет и прочих предметов внесла определенную путаницу в трактовку совокупности находок — датировка монетного клада повлияла и на датировку вещей, хронологический диапазон которых был определен Г. Ф. Корзухиной в рамках

второй половины IX — второй половины X в. (Корзухина 1964: 312). Представляется, однако, очевидным, что вещи относятся к гораздо более позднему времени — они не менее чем на столетие моложе клада дирхемов и не имеют к кладу прямого отношения.

Фибула состоит из бронзовой позолоченной «чашки», орнаментированной по краю, и накладной ажурной крышки, несущей на себе звериный орнамент в стиле Борре и украшенной четырьмя полыми конскими головами (рис. 98, 99). Крышка тоже хранит следы позолоты и украшена серебряной сканой проволокой (рис. 100). В узловых точках орнамента сохранились гнезда штифтов, которыми на крышку крепились несохранившиеся круглые накладки-розетки. Роскошная двусоставная застежка является элементом скандинавского женского праздничного убора. Пара таких нарядных фибул скрепляла спереди бретельки женского платья. По общепринятой классификации фибула принадлежит к типу P52A (Petersen 1928: 68; Jansson 1985: 84) и датируется преимущественно «периодом поздней Бирки» (Jansson 1985: 174, 175), т. е. X в. Первые опыты изготовления этих украшений относятся как будто к первой половине столетия, а пик их производства — ко второй. В XI в. фибулы типа P52A не известны (Ениосова 2016: 538–543)³. Украшение имеет повреждение, причиненное, скорее всего, ковшом экскаватора.

Железный стержень, квадратный в сечении, достигающий толщины до 1 см, имел первоначальную длину не менее 57 см (рис. 101). Навершие его было уплощено (в образовавшейся пластине имеется два отверстия, в одном из которых Г. Ф. Корзухиной отмечен фрагмент железного кольца) и украшено двумя литыми из медного сплава гранчатыми бусинами. На Руси подобные стержни единичны — известна еще одна

¹ При определении восточных монет, год чеканки принято указывать по мусульманскому календарю. Мусульманское летоисчисление ведется от Хиджры, даты переселения пророка Мухаммеда из Мекки в Медину (622 г. н. э.).

² Г. Ф. Корзухина пишет о том, что А. П. Прудников был сотрудником Торопецкого музея. В самом учреждении, однако, память о нем в таком качестве не сохранилась. По имеющимся в музее документам (книге поступлений и актам приемки), А. П. Прудников известен лишь как даритель. В частности, именно он передал в музей интересующие нас археологические находки: «чашу бронзовую норманнского происхождения (ТКМ КП 702), фибулу-застежку норманнского происхождения (ТКМ КП 703), части железного стержня норманнского происхождения (ТКМ КП 704)». Информация об этом любезно предоставлена мне Е. Н. Покрашенко, заведующей Торопецким филиалом ТГОМ.

³ Торопецкая фибула и технология ее изготовления подробно изучены и описаны в монографии Р. С. Минасяна (Минасян 2014: 183–184, ил. 82).

Рис. 98. Скорлупообразная двусоставная скандинавская фибула из карьера на северном берегу оз. Зеликовье (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 2300/2). Бронза, позолота, серебро (литье, скань)

Рис. 99. Скорлупообразная двусоставная фибула из карьера на северном берегу оз. Зеликовье (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 2300/2). Детали

Рис. 100. Скорлупообразная двусоставная скандинавская фибула из карьера на северном берегу оз. Зеликовье (ГЭ, ОАВЕС, колл. 2300/2). Деталь

такая находка из Гнёздова. Стержень из Гнёздова сохранил заостренное окончание. Предмет этот найден в кургане Лб-1 и датируется X в. (Путь из варяг в греки 1996: 64). В Скандинавии железные стержни, в той или иной степени схожие с торопецкой находкой, встречаются довольно часто и неоднократно становились предметом исследований (Arbman 1940; Petersen 1951; Vøgh-Andersen 1999; Price 2002; Мусин 2012). По типологии, разработанной для них С. Бок-Андерсен, торопецкая находка ближе всего к типу IIIc, характерному преимущественно для территории Норвегии (Vøgh-Andersen 1999: 114). Две находки, принадлежа-

щие к этому типу, зафиксированы в Исландии, одна — в Средней Швеции (Price 2002: fig. 3.76).

Большинство таких изделий происходит из женских погребений IX–X вв., что указывает на то, что вещи как-то связаны с кругом занятий зажиточных женщин. Существует взгляд на нарядные металлические стержни как на жезлы, использовавшиеся в магических ритуалах (Price 2002: 186–191). Р.С. Минасян выдвинул более прозаическую версию о том, что мы имеем дело с рычагом весов-безмена (Минасян 2014: 183, илл. 164: 2). Правда, в таком случае непонятно, зачем нужен заостренный конец. Ближе к реальности мне представляется версия, что

Рис. 101. Фрагменты железного вертела с гранчатыми медными бусинами из карьера на северном берегу оз. Зеликовье (ГЭ, ОАВБС, колл. 2300/3). Литье по восковой модели, ковка

перед нами вертела (Корзухина 1964: 312; Vøgh-Andersen 1999), богатая орнаментация которых объясняется их использованием в праздничных и дружинных пиршествах (рис. 102).

Обращает на себя внимание орнаментация граней бусин из медного сплава, украшавших рукоятку вертела. Очевидно, они предназначались для ограничения какой-то обмотки, которая позволяла не обжигать руку при снятии массивного вертела с огня. Бусины отлиты по восковой модели, на которую пуансонами наносилась орнаментация⁴. То, что оттиски сделаны не по металлу, а по воску, видно по тому, что в некоторых местах уже после нанесения орнамента на поверхности модели появились мелкие деформации, отразившиеся и на итоговой отливке (рис. 103: Д, З; рис. 104: Ж; рис. 106). Кроме того, в некоторых местах пуансон глубоко вошел в поверхность воска, образовав вокруг оттиска вогнутую поверхность (рис. 107). Для орнамен-

тации использовались следующие инструменты:

1. Простое зубильце с линейной рабочей кромкой.
2. U-образный в сечении пуансон.
3. Пуансон в виде планки с четырьмя кружками.
4. Округлый пуансон с тремя кружками.
5. Круглый пуансон с одним кружком.

Нижняя, ближняя к острию бусина несет на своих гранях орнамент в виде свастик — древнего языческого солярного символа (рис. 103). Лопасты свастик завершаются оттиском округлого пуансона с тремя точками. Подобные знаки известны на боченовидных весовых гирьках, однако на последних — S-видные знаки соединяют обычно однократно нанесенные точки (Tallgren 1925: abb. 66; Thunmark-Nylen 1995: Abb. 388: 10; Жуковский 2018: 140, рис. 7). В Гнёздове известна целая серия разновесов X — начала XI в., несущих на себе подобные знаки. Такая же гирька найдена

Рис. 102. Фрагмент сцены пиршества нормандского герцога Вильгельма Завоевателя (ок. 1027–1087) и его приближенных в полевом лагере при Гастингсе (сентябрь – октябрь 1066 г.) на гобелене из Байё (изготовлен до 1082 г.).

Приготовление на вертелах, помещенных на металлическую жаровню, блюдо из мяса и птицы.

Слуги (*ministri*) на импровизированном столе из боевых щитов снимают готовое кушанье с вертелов, чтобы подать его на стол будущему королю Англии. Источник фотографии: <https://www.bayeuxmuseum.com/en/the-bayeux-tapestry/discover-the-bayeux-tapestry/explore-online/>

⁴ Пуансон — стальной инструмент, предназначенный для фигурной чеканки по цветному металлу. Разумеется, для создания оттиска в воске могла использоваться и имитация этого инструмента из более хрупкого материала. Однако в распоряжении ремесленника высокого ранга, конечно, находился набор разнообразных железных пуансонов, и изготавливать их имитации не было смысла. Оттиски пуансонов на бусинах торопецкого вертела соответствуют формам обычных железных инструментов, широко использовавшихся в раннем средневековье.

на Нижнем Замке Витебска в слое X–XI вв. (Бубенько 2004: 135, 136, рис. 100: 18; Археологическое наследие Беларуси 2012: 114). В Скандинавии можно указать аналогичные находки на о. Борнхольм (Thorsen 2009: 112: 2) и в Бирке.

Сложнее отыскать аналогии свастике, концы которой завершаются тремя точками. По публикациям такая вещь мне известна только одна. Примечательна ее сравнительно поздняя датировка. В курганном могильнике Дроздово

Рис. 103. Декор нижней медной бусины на железном вертеле (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 2300/3)

(Беларусь, Толочинский р-н Витебской области) гирька, помеченная свастикой с тройным точечным завершением, найдена в кургане 3, содержавшем труположение первой половины

XI в. (Левко 1989: 13, рис. 2; Ляўко 2009: 313, 314; Бектинеев 2011: 68, рис. 1: 4).

Кроме весовых гирек, свастики, оттиснутые по восковой модели перед отливкой, из-

Рис. 104. Декор верхней медной бусины на железном вертеле (ГЭ, ОАВБИС, колл. 2300/3)

вестны на готландских подковообразных фибулах с плоскими головками (Thunmark-Nylen 1995: Abb. 19: 1, 43: 1, 138: 1, 254: 1, 306: 1, 387: 1, 392: 1, 408: 1; Kivikoski 1973: Abb. 695). Такая же фибула найдена в Юго-Восточном Приладожье в могильнике Леоново на р. Паше, в кургане СХVI, содержавшем очень богатый скандинавский инвентарь (Бранденбург 1895: 129, табл. XIV: 33), и в Земгалии, в могильнике Дреньгери-Чункани, в погребении 6 (The Semigallians 2005: cat. 403). По-видимому, две последние находки обозначают область сбыта продукции готландских мастеров. Реже встречаются подковообразные фибулы с гранчатыми головками, украшенными подобными сва-

Рис. 105. Свастика на нижней бусине вертела (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 2300/3)

стиками. Такую фибулу можно указать в Хедэбю, куда она, как полагал Г. Янкун, также попала из материковой Швеции или с Готланда (Jankuhn 1956: 227, abb. 46-e),

Интересен орнамент на верхних бусинах — они украшены изображением простого равноконечного креста двух типов. У креста первого типа концы заканчиваются оттиском уже знакомого нам округлого пуансона с тремя глазками (рис. 107).

Крест второго типа имеет завершения в виде трех оттисков круглого пуансона с одним глазком (рис. 108). На Готланде подобная орнаментация изредка встречается, наряду со свастикой, на головках подковообразных фибул, причем

Рис. 106. Свастика на нижней бусине вертела (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 2300/3)

Рис. 107. Крест первого типа на верхней бусине вертела (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 2300/3)

Рис. 108. Крест второго типа на верхней бусине вертела (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 2300/3)

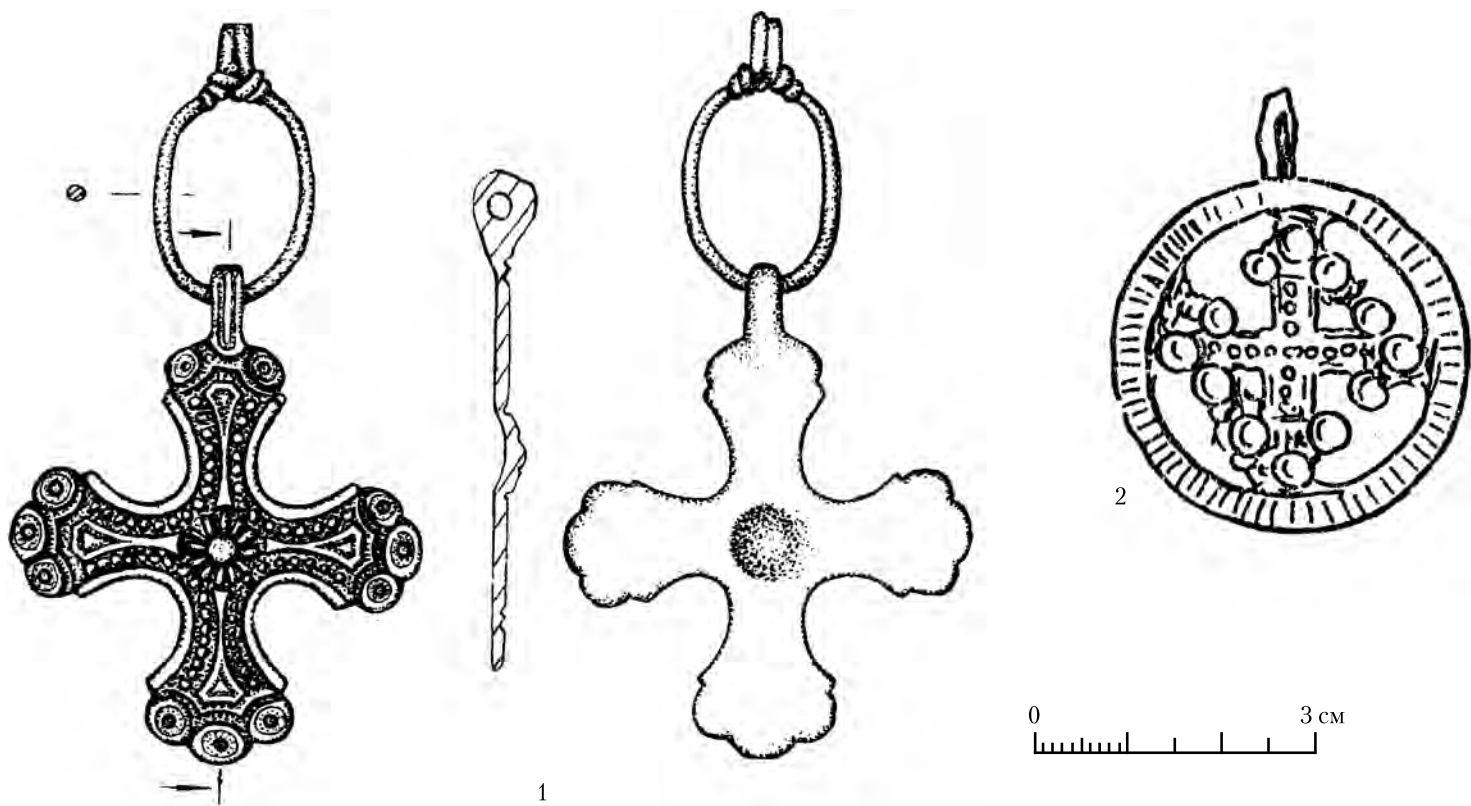

Рис. 109. 1 — крест «скандинавского типа» с тремя циркулярными элементами декора на завершении лопастей. Серебро, позолота, чернь. Вторая половина X в. (после 953/954 г.). Скандинавское камерное погребение 6 на Старовознесенском раскопе Пскова (Ершова 2016: 276, рис. 15); 2 — подвеска (случайная находка) с южных отрогов Большого Торопецкого городища (Лесман 1990: 79, рис. 36: 3)

попадают как кресты с одинарными глазками (Graham-Campbell 1980: Cat. 237), так и с тройными (Thunmark-Nylen 1995: Abb. 384: 1). Крестовидные знаки второго типа очень похожи на стилизованное изображение христианского символа с трехчастным завершением лопастей. Именно таким образом выглядят древнейшие типы нательных крестов, изготавливавшихся на Руси и в Северной Европе (так называемые кресты «скандинавского типа») (рис. 109: 1)⁵. На Готланде этот орнаментальный элемент был очень популярен и наносился на самые различные украшения (Stenberger 1947: 85, 172, 185, 231, Abb. 136: 4, Abb. 142: 1, Abb. 186: 4, Abb. 204). Позднее подобные композиции на ювелирных изделиях получают на Руси очень широкое распространение. Подвеска с изображением креста с тремя перлами на концах лопастей происходит и с Большого городища Торопца (рис. 109: 2).

Конечно, разного рода крестовидный орнамент известен в Европе задолго до появления христианства. Однако в эпоху крещения Скандинавии и Руси присутствие на ювелирных изделиях,

которые носились на одежде, композиций, включающих сложно оформленный крестовидный символ, заслуживает самого пристального внимания. Само по себе сочетание языческой и христианской символики не является чем-то необычным для эпохи крещения Северной Европы. При этом часто оно встречается именно на предметах, не связанных с христианской обрядностью. В переходную эпоху крест на какое-то время становится, видимо, амулетом, охранительным символом или элементом орнаментации, семантика которого во всей своей глубине не осознавалась средневековыми мастерами и их заказчиками. На первое место выходила охранительная функция священного. Таким образом, например, можно объяснить появление аналогичного орнамента (креста с одинарным или тройным глазчатым завершением лопастей) на щитках ременных пряжек (Нукшинский могильник 1957: табл. IV: 4). Нам наиболее интересен ремень из погребения № 126 Нукшинского могильника, датирующийся, по мнению латышских исследователей, периодом около 1000 г. (рис. 131: 6).

⁵ Гипотезу о крестах «скандинавского типа» как продукции русских мастеров см.: Петрухин 1995: 63.

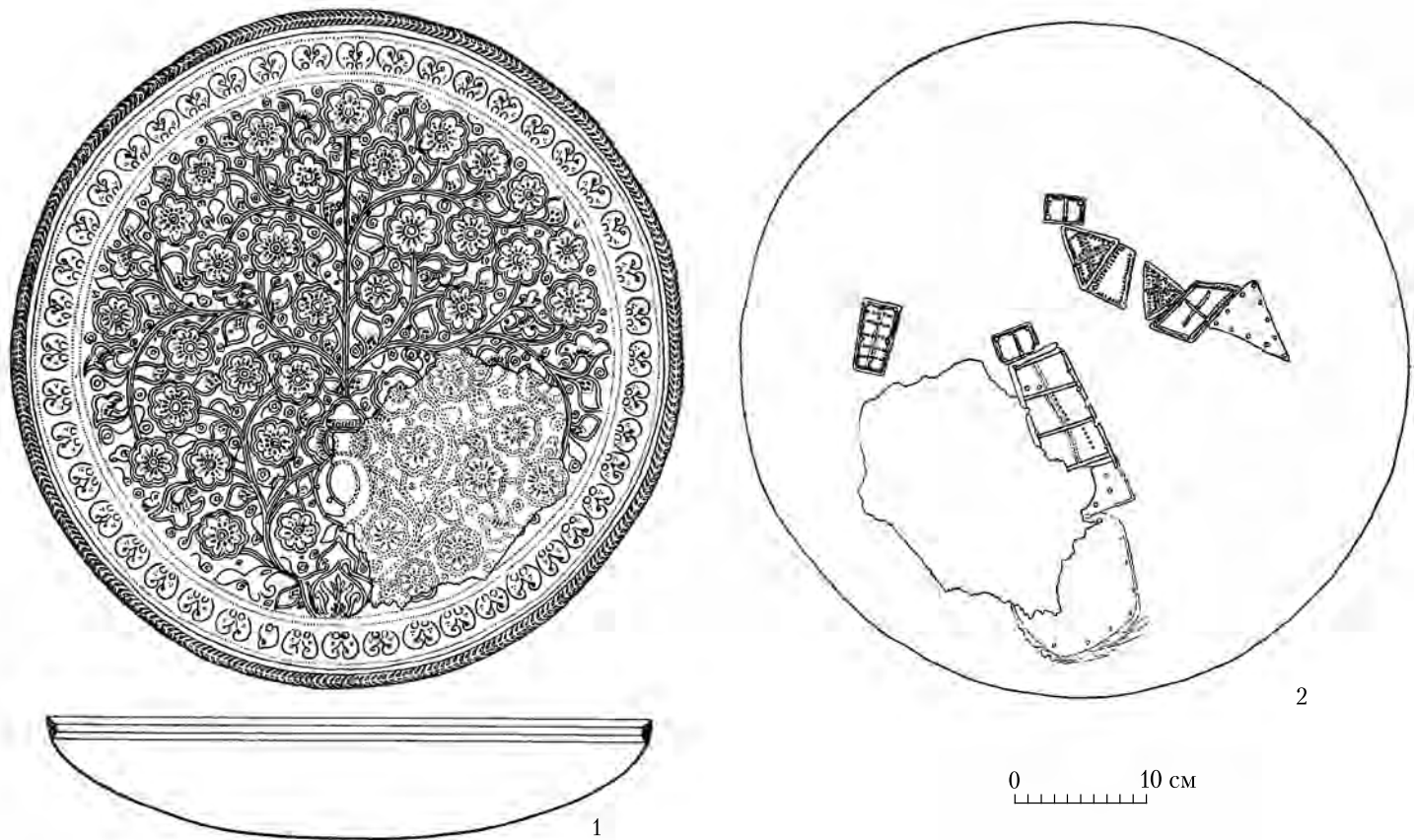

Рис. 110. Блюдо с северного берега оз. Зеликовье. 1 — лицевая сторона; 2 — оборотная сторона. Прорисовка Г. Ф. Корзухиной (Корзухина 1964)

Отметим подобную орнаментацию на головках самых дорогих и богато украшенных подковообразных фибул (Люцинский могильник 1893: табл. VI: 14), на пластинчатых застёжках гривен (Спицын 1903: табл. XXIII: 14; Корзухина 1954: табл. XIX), на трапециевидных подвесках (Спицын 1903: табл. XX: 6) (рис. 131: 8) и, наконец, на ромбоцитковых височных кольцах XI–XII вв. (рис. 158: 1, 2; рис. 160) и браслетах (Kruse 1859: Tab. 27: 4) (рис. 131: 9; рис. 169: 5). Присутствие знака, близкого христианскому символу (наряду с языческим), на вертеле — предмете, мифологическая семантика которого связана с благополучием и изобилием домашнего очага, не кажется мне невероятным. Кроме того, оно подтверждает датировку всего предполагаемого комплекса второй половиной X в., а может быть и началом XI в.

Третьим предметом предполагаемого комплекса, найденного в песчаном карьере, является блюдо из латуни (рис. 110–111, 116–118). Диаметр его составляет 47 см, глубина 7 см. Блю-

до выковано из круглого металлического листа и с лицевой стороны украшено гравированным растительным орнаментом, основу которого образуют три усыпанные цветами побега, исходящие из бутона, помещенного у края блюда. Центральный побег, заканчивающийся цветком, делит композицию на две равные части. Утолщенный бортик блюда украшен «елочным» орнаментом (рис. 112). На оборотной стороне блюда (отдельно хранящегося его фрагмента) сохранилось пятно полуды оловянистым сплавом (рис. 114). Блюдо дошло до нас в сильно поврежденном виде (рис. 111, 118).

Сейчас предмет отреставрирован и находится на экспозиции Отдела Востока Государственного Эрмитажа⁶. При реставрации сильно погнутое ковшом экскаватора блюдо было выправлено и скреплено с оборотной стороны накладками из ткани, пропитанной клеевым составом и покрашенной под цвет патинированной бронзы. Накладки выполнены в размерах и формах, близких тем, которые характерны для

⁶ Возможность изучить предмет появилась у меня благодаря любезности сотрудника Отдела Востока Государственного Эрмитажа А. Д. Притулы, которому я глубоко признателен.

0 10 см

Рис. 111. Восточное блюдо из медного сплава с северного берега оз. Зеликовье (ГЭ, ОАВБИС, колл. 2300/1). Лицевая сторона. Современное состояние. Литье, ковка, гравировка, пайка

пластинок, что использовались для починки блюда в средневековье. Все это может несколько дезориентировать читателя, рассматривающего современную фотографию вещи. Поэтому здесь приводится рисунок, где отражены следы лишь древних ремонтов (рис. 110, 116, 117).

Блюдо было изучено В. П. Даркевичем, который предположил его происхождение с террито-

рии современного Ирака и датировал IX–X вв. (Даркевич 2010: 51, 52). С датировкой изделия согласился также Б. И. Маршак, приведя ряд аналогий (довольно отдаленных) и подтвердив ближневосточное происхождение вещи (Маршак 1978: 34, 44, рис. 9, 10, 14; 2017: рис. 200).

В свое время археолог-эрмитажник, известная исследовательница Старой Ладogi,

О. И. Давидан обратила внимание Б. И. Маршака на то, что фрагменты восточного блюда с весьма близкой орнаментацией происходят из погребения в Средней Швеции (Маршак 1978: 34, 49, рис. 11). О. И. Давидан, в свою очередь, о находке проинформировал Х. Арбман. Действительно, в 1903 г. в Государственный исторический музей (Statens Historiska museet) в Стокгольме от мецената Хуго Тамма (Hugo Tamm) поступили находки из погребения, найденного в усадьбе Фянё, Упланд (Fånö, Löt sn., Uppland), расположенной на берегу оз. Меларен примерно в 25 км к северо-западу от Бирки. Комплекс находок из трупосожжения (SHM 11763) включал в себя, помимо обожженных обломков орнаментированного блюда из сплава меди (рис. 113), арабский дирхем (аббасиды, город Балх, чеканен в 809/810 г. н. э.), длинную бронзовую иглу от кольцевидной фибулы, два обломка меча, два фрагмента каменного оселка, полусферическую игральную шашку (Ekström 2023: 14, 15)⁷. Погребение датируется, судя по игле от фибулы, X в. Вплоть до настоящего времени блюдо из Фянё является самой близкой аналогией торопецкому блюду. Общими элементами являются украшенный елочным орнаментом плоский бортик и отделяющий его от основного декоративного поля пояс с монотонно повторяющейся растительной орнаментацией. И на одном, и на другом блюде пояс этот окаймлен линиями пунктирной чеканки. Имеются параллели и в других элементах орнаментации.

Итак, точное место и время изготовления, а также длительность использования блюда пока сложно указать определенно. Предметы такого рода высоко ценились (особенно, конечно, на Руси) и могли храниться в семьях на протяжении нескольких поколений. Этим объясняются и следы неоднократных ремонтов блюда с помощью металлических заплат, закрепленных заклепками. Пластины наложены на внешнюю сторону блюда, чтобы не перекрывать орнамент, и подогнаны очень тщательно. В качестве заклепок использованы отрезки проволоки из медно-железного сплава диаметром около 2 мм. Отверстия точ-

но соответствуют заклепкам. Надо полагать, все это связано с тем, что блюдо предназначалось, в частности, для жидкостей. Это подтверждает и тот факт, что некоторые заплатки наложены на совсем мелкие незаметные трещины, никак не влияющие на внешний вид изделия и его прочность.

Всего на оборотной стороне сохранившейся части блюда фиксируются 10 накладных пластинок (еще одна прослеживается предположительно). Одна или две из них утрачены, остальные сохранились на своих местах. Одна пластинка при ударе ковша экскаватора отлетела и была найдена отдельно. Она приклеена на свое место в процессе реставрации. Опишем все эти следы ремонта предмета по порядку.

Заплата № 1. Крупная (не менее 10 см в поперечнике) пластина округлых очертаний находилась в краевой части блюда (рис. 119). На его оборотной стороне сохранился контур этой наклейки, в виде пятна окисла более светлого тона. Сама пластина утрачена. Поскольку блюдо здесь повреждено, размеры и конфигурация пластины не могут быть определены с точностью. Сохранилось 5 отверстий, в которых уцелели 3 заклепки. Они аккуратны и миниатюрны и тем самым похожи на заклепки на треугольной неорнаментированной пластине № 2. Возможно, это следы ремонта, выполненного тем же мастером.

Заплата № 2. Треугольная гладкая пластина в виде равнобедренного треугольника (5 см по основанию и 6,2 см в высоту). К блюду ее крепили 11 заклепок, одна из которых утрачена (рис. 121). Острые углы пластины слегка сточены. На поверхности треугольника имеется множество мелких следов ударов металлическим молотком, которыми пластину подгоняли к плоскости блюда. Заклепки и внутри, и снаружи расклепаны более аккуратно, чем на остальных пластинах, и металл их более темного цвета (кроме № 1). Поверхность пластины несет на себе фрагменты какой-то процарапанной острым предметом примитивной композиции

⁷ Здесь и далее индекс SHM и цифровой код обозначают инвентарный номер предмета в собрании Государственного исторического музея (Statens Historiska museet) в Стокгольме.

Рис. 112. Блюдо с северного берега оз. Зеликовье (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 2300/1). Деталь. Оформление краевой части блюда

из concentрических кружков и кружка, разделенного крестообразной фигурой на четыре доли (рис. 121). Очевидно, это разметка орнамента какого-то крупного недоделанного изделия. Можно допустить, таким образом, что этот ремонт выполнен в мастерской ремесленника невысокого ранга, изготавливавшего металлическую посуду.

Заплата № 3. Накладка в виде вытянутой трапеции (?) в центральной части блюда (рис. 122). При ударе ковша экскаватора она отделилась и была найдена отдельно. Фрагмент в основании пластины утрачен, поэтому первоначальный ее размер не вполне ясен. Параметры уцелевшей части: в основании трапеции не менее 5,3 см, в высоту 10,3 см и в верхней части 4,3 см. В пластине сохранилось 14 отверстий. Еще три отверстия имеются в той части блюда, которую прикрывала утраченная часть пластины. Сохранилось 4 заклепки, связанные с этой пластиной, — все они в самом блюде. Они расклепаны грубее и визуально отличаются от заклепок на двух предыдущих накладках.

Пластина орнаментирована четырьмя разными пуансонами. По краю ряд отпечатков треугольного пуансона с точкой внутри. С помощью двойных рядов отпечатков того же пуансона, образующих орнамент «волчий зуб», пластина разделена на 4 сектора (сохранились три из них, четвертый оторван экскаватором). Каждый сектор в свою очередь был разделен надвое рядом отпечатков пуансона в виде планки, разделенной на три прямоугольных зубчика. Ряды отпечатков этого штампа были окаймлены лентами, составленными из отпечатков гребчатого пуансона. Кроме того, в нескольких местах на пластине имеются небрежно (на мягкой основе) сделанные отпечатки циркульного пуансона.

Заплата № 4. Прямоугольная пластина, подогнанная вплотную к предыдущей. Размеры ее 3,2 на 2,4 см. К блюду ее крепят 6 заклепок, расклепанных довольно грубо. Орнаментирована двумя пуансонами (рис. 123).

По трем краям пластина украшена линией отпечатков гребчатого пуансона, изнутри

Рис. 113. Фрагменты восточного блюда из медного сплава, найденного в погребении по обряду трупосожжения X в., в усадьбе Фяне, Упланд (Fånö, Löt sn., Uppland). SHM 11763. Фотография с сайта SHM. Прорисовка М. Г. Бодровой

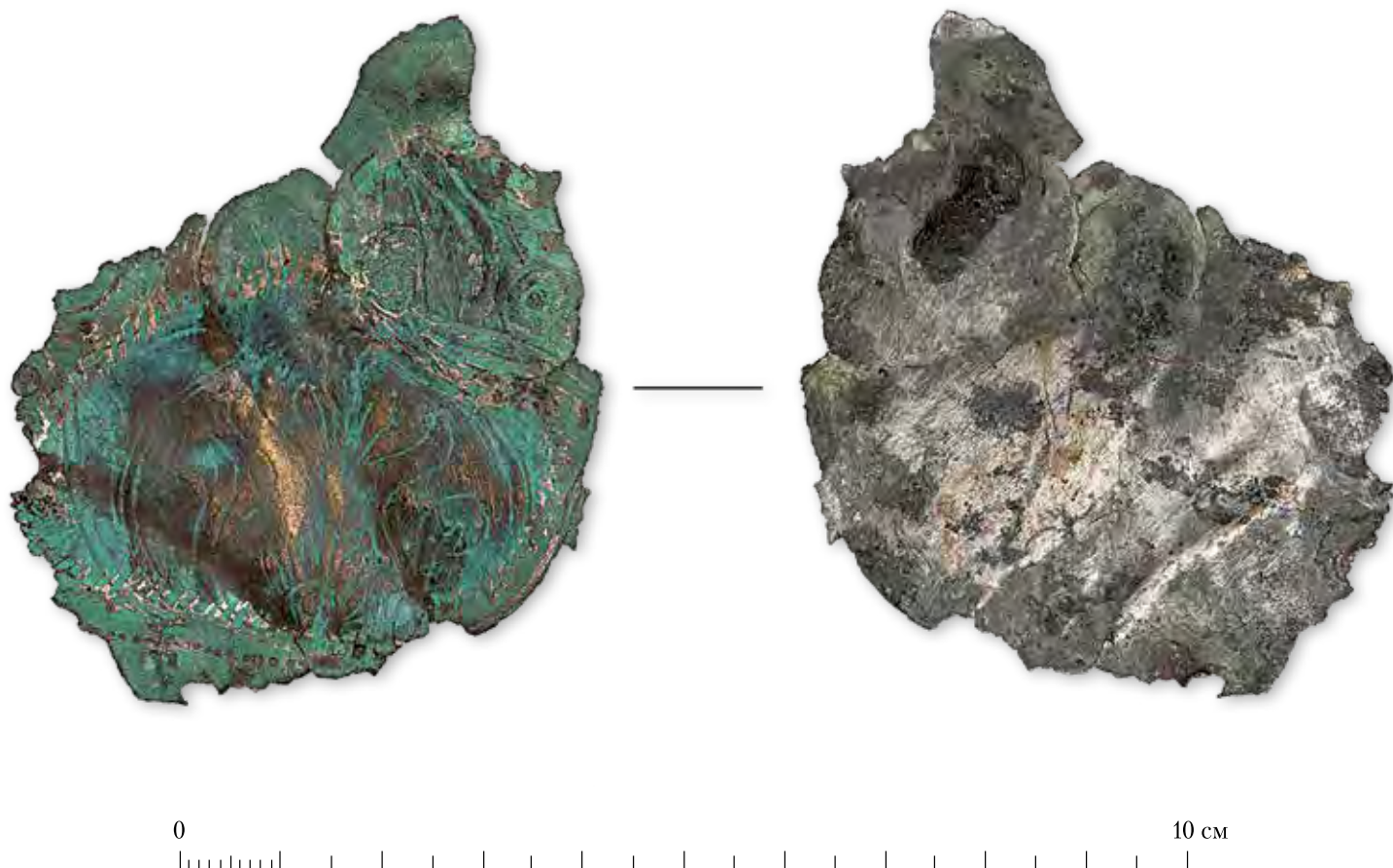

Рис. 114. Блюдо с северного берега оз. Зеликовье (ГЭ, ОАВЕС, колл. 2300/1). Отдельный фрагмент. На оборотной стороне блюда, расчищенной от патины хорошо виден слой оловянистого припоя/полуды, сквозь который проступает латунная основа

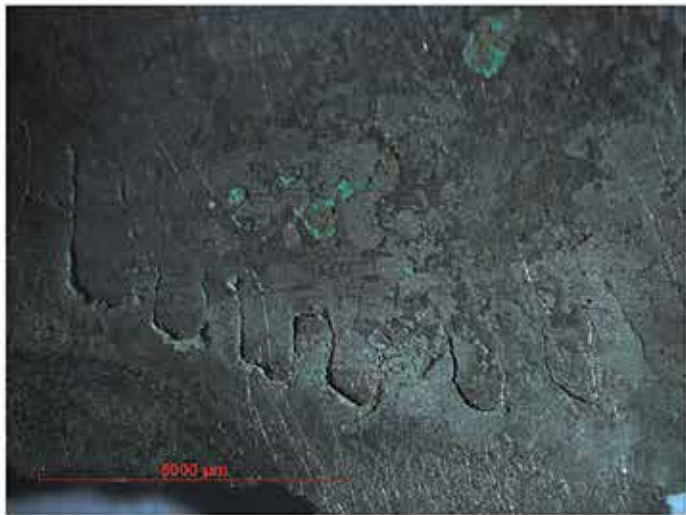
дополненной рядом отпечатков треугольного пуансона с точкой внутри. Полосой орнамента «волчий зуб» из оттисков того же треугольного пуансона пластина разделена надвое. С одного края оттиск гребенчатого пуансона отсутствует, и при внимательном рассмотрении на самом краю пластины здесь видны вершинки срезанных оттисков треугольного пуансона. Таким образом получается, что пластинка была аккуратно отрезана от какого-то более крупного изделия с уже нанесенной на него орнаментацией.

Заплатка № 5. Удлиненно-трапециевидная, слегка асимметричная пластина, наложенная на край блюда (рис. 124). Размеры по основанию 2,9 см, по вершине 2,4 см, высота 5,4 см. Прикреплена к блюду шестью заклепками, такими же, как и на предыдущей пластине.

Орнаментация состоит из окаймляющих пластину полос линейной гравировки (или разметки?), дополненной отпечатками треугольного пуансона с точкой внутри. По центру пластины расположена линия отпечатков выше-

упомянутого пуансона с тремя прямоугольными зубчиками. Как и на пластине № 1, эта линия окаймлена лентами, составленными из отпечатков гребенчатого пуансона. Композицию дополняют пять поперечных рядов отпечатков циркульного пуансона.

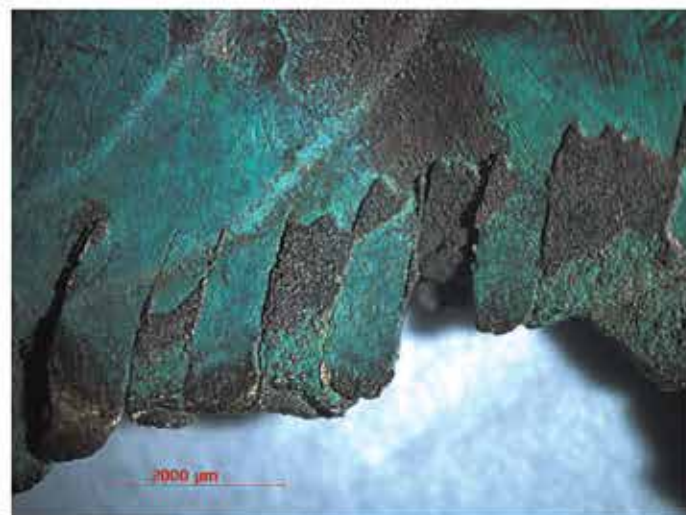
Заплатка № 6. Прямоугольная, слегка асимметричная пластинка размерами 3,1 см на 2 см. Крепится к блюду пятью грубыми заклепками (рис. 125). Орнаментирована по краям лентами из отпечатков гребенчатого пуансона. С одной из длинных сторон лента двойная. С трех сторон — одинарная лента дополнена рядом отпечатков треугольного пуансона с точкой внутри. Полосой орнамента «волчий зуб» из двух рядов оттисков того же треугольного пуансона пластина разделена надвое. Судя по тому, что стиль орнаментики одного из краев отличается от остальных, с этого края пластинка отрезана от какого-то более крупного изделия. Это предположение подтверждается тем, что край пластины здесь неровный, с крупным заусенцем.

А

Б

В

Г

Д

Е

Рис. 115. Блюдо с северного берега оз. Зеликовье (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 2300/1). Отдельный фрагмент. Детали.
 А, Б — вставка 1; фрагменты края вставки с обратной стороны блюда. В–Д — вставка 1; фрагменты края вставки с лицевой стороны блюда. Е — вставка 2; фрагмент края вставки с лицевой стороны блюда.
 Фотографии К. С. Чугуновой (Государственный Эрмитаж)

Рис. 116. Блюдо с северного берега оз. Зеликовье (ГЭ, ОАБЕиС, колл. 2300/1). Прорисовка лицевой стороны.
Рисунок М. Г. Бодровой

Заплатка № 7. Треугольная, слегка асимметричная пластинка, прикрепленная к блюду шестью грубыми заклепками (рис. 126). Углы пластины закруглены. Ширина по основанию (от него отходит перпендикулярная линия орнаментации) 5 см, высота 4 см. По краям пластина украшена отпечатками треугольного пуансона. Крестообразно размещенные два ряда отпечатков пуансона с расположенными в шах-

матном порядке мелкими ромбическими ячейками, окаймленные лентами, составленными из отпечатков гребенчатого пуансона, делят площадь треугольника на 4 сектора. Периметр каждого из секторов дополнительно окаймлен циркульными оттисками. Кажется, что, в отличие от вышеописанных «заплат», это законченное изделие — подвеска или цепедержатель. Похожее трапециевидные подвески с закругленными

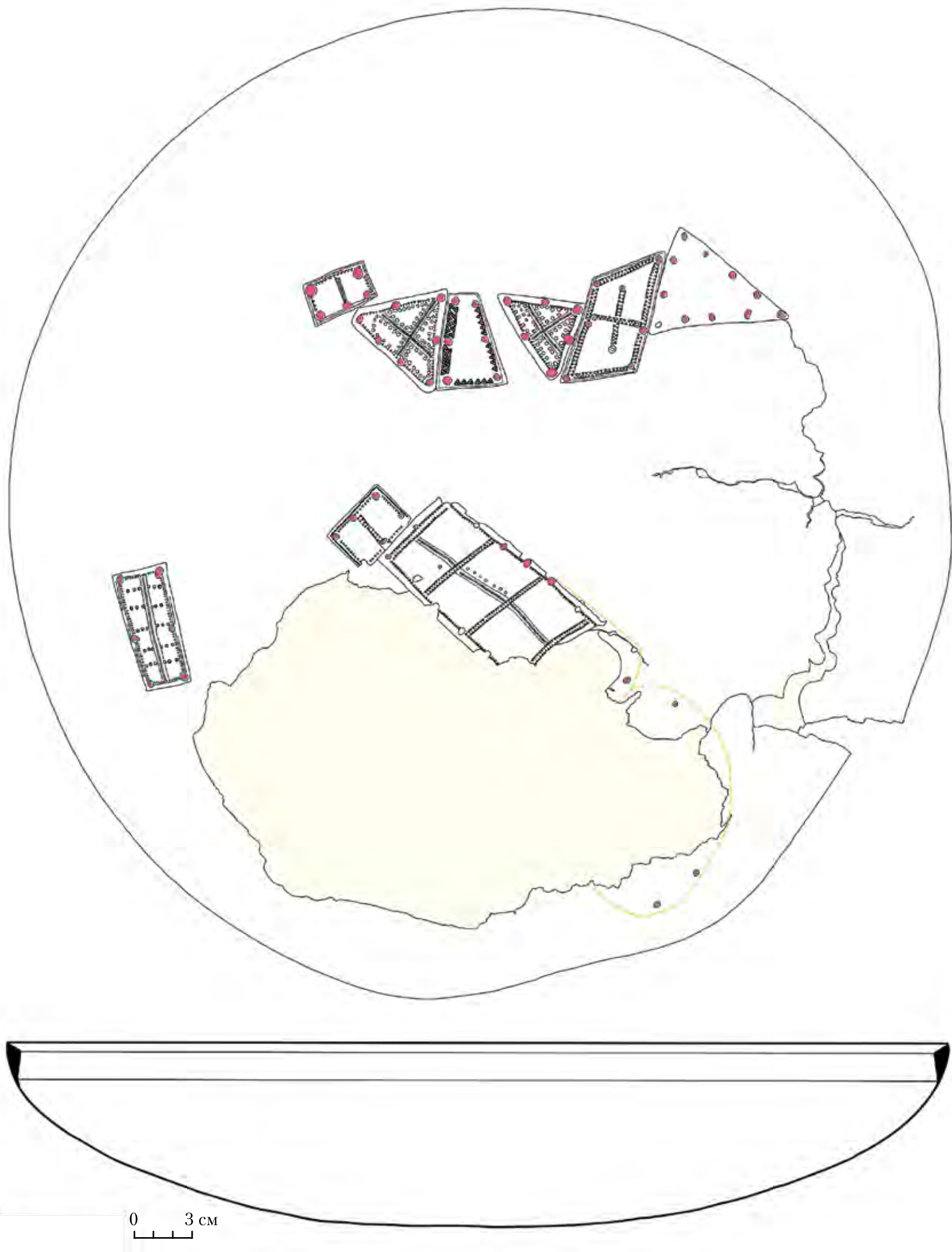

Рис. 117. Блюдо с северного берега оз. Зеликовье (ГЭ, ОАВЕС, колл. 2300/1). Прорисовка оборотной стороны.
Рисунок М. Г. Бодровой

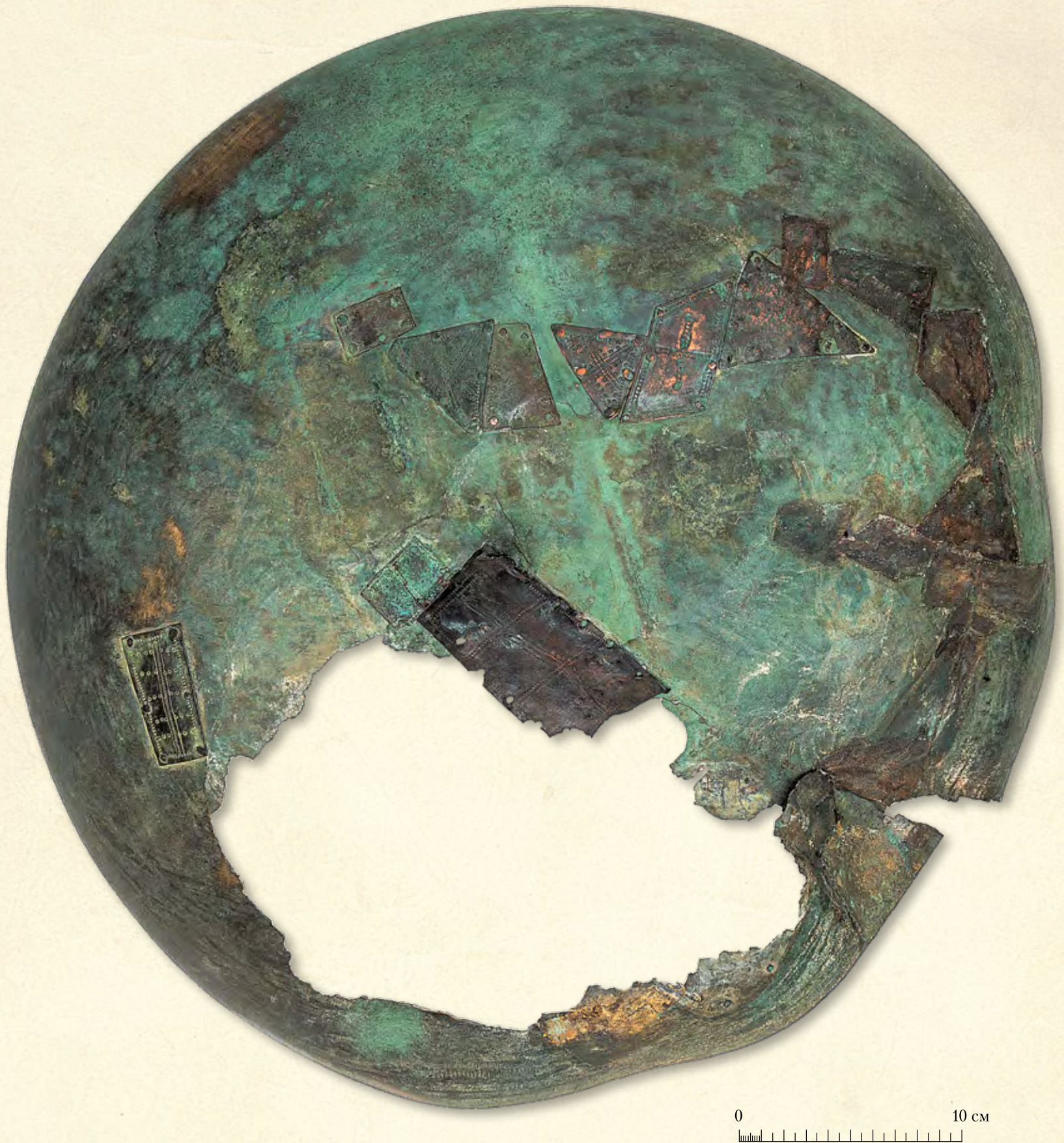

Рис. 118. Блюдо с северного берега оз. Зеликовье (ГЭ, ОАВЕС, колл. 2300/1). Обратная сторона. Современное состояние

углами известны в Люцинском могильнике (Люцинский могильник 1893: табл. VIII: 7).

Заплата № 8. Трапециевидная накладка, прикрепленная к блюду шестью грубыми заклепками (рис. 127). Размеры трапеции по большому основанию 3,3 см, по малому основанию 1,4 см,

высота 4,3 см. По краю пластина украшена лентами, составленными из отпечатков гребенчатого пуансона. Их дополняют ряды отпечатков треугольного пуансона с тремя точками внутри. С одного края эти отпечатки нанесены двойной линией, образующей орнамент «волчий зуб».

А

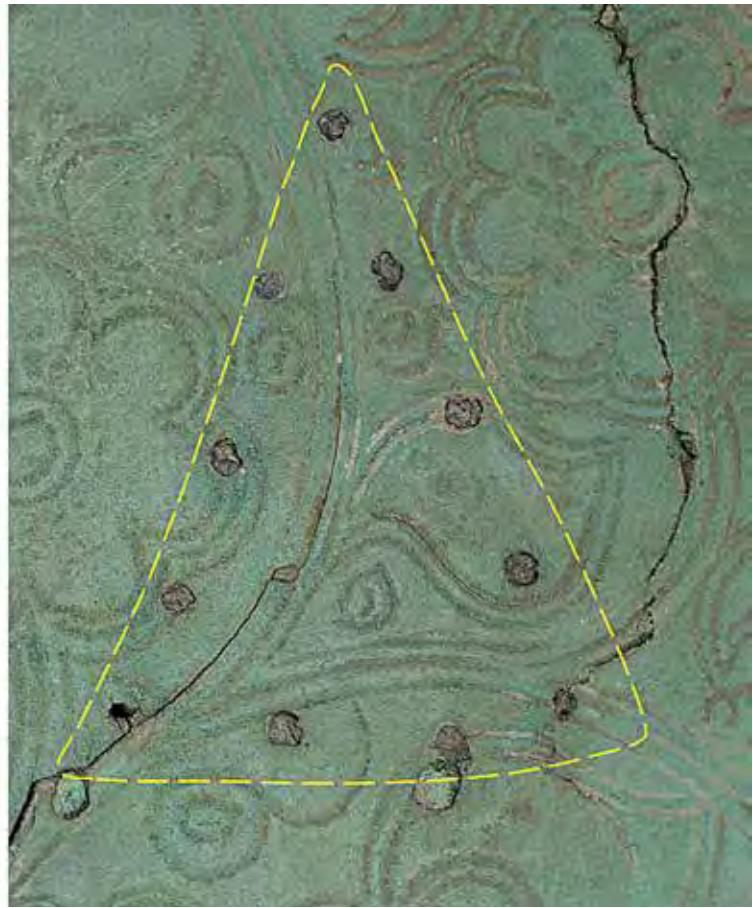

Б

*Рис. 119. Блюдо с северного берега оз. Зеликовье (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 2300/1). Заплата № 1.
А — вид с оборотной стороны блюда; Б — вид с лицевой стороны*

А

Б

Рис. 120. Блюдо с северного берега оз. Зеликовье (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 2300/1). Заплата № 2. А — вид с оборотной стороны блюда; Б — вид с лицевой стороны

Рис. 121. Блюдо с северного берега оз. Зеликовье (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 2300/1). Заплата № 2. Элементы разметки орнамента (?) на листе меди, из которого вырезана накладная пластина

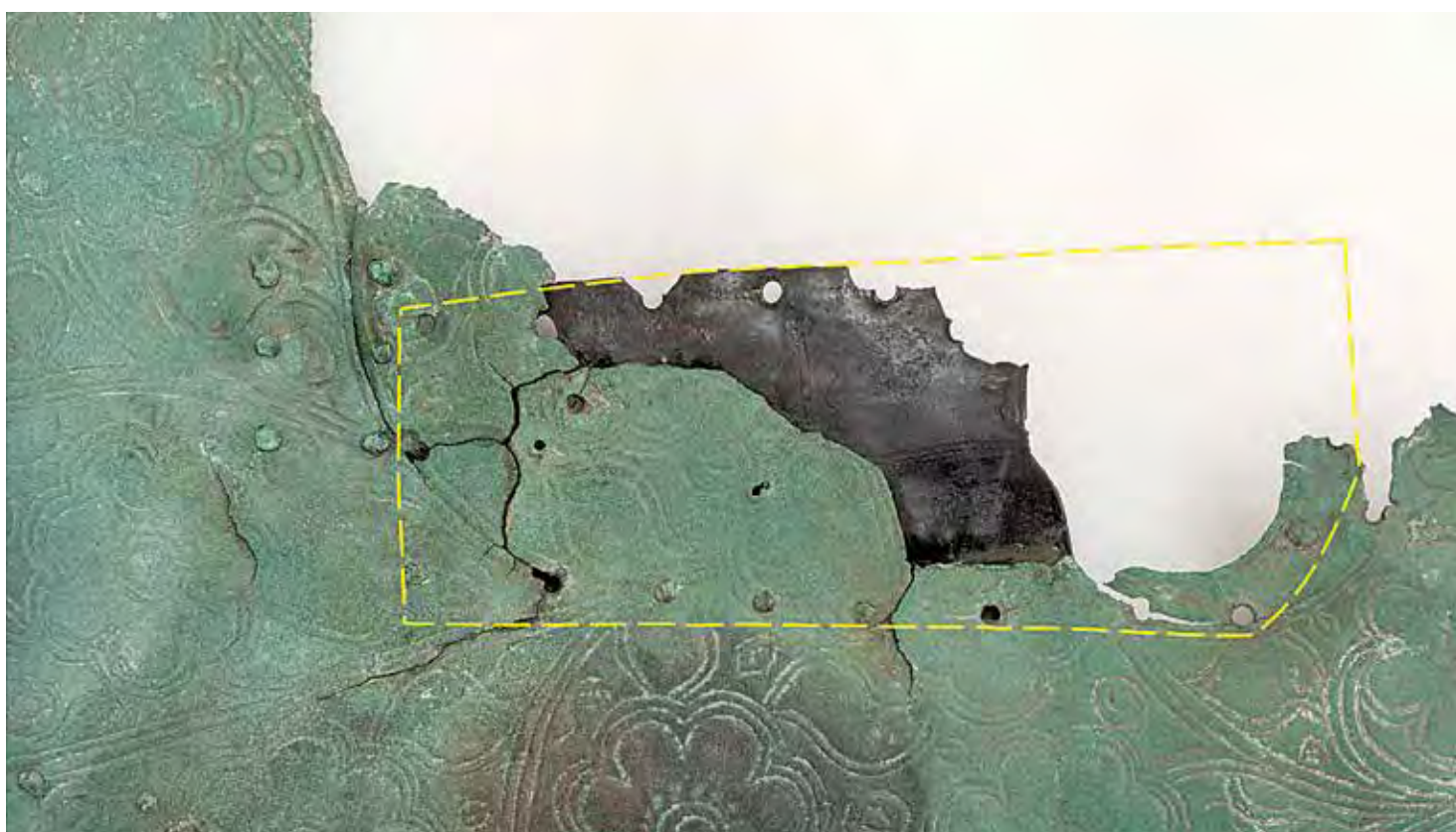
Возможно, что перед нами заготовка для женского украшения — трапециевидной подвески. Об этом говорят и острые, не скругленные углы пластинки. Это, однако, не те подвески, которые известны в древностях славян и балтов в VII–IX вв., а распространенные в X–XI вв. на древнерусских памятниках и в могильниках даугавских балтов более крупные и тяжелые подвески, предназначенные для крепления цепочек и подвесок более мелких.

Заплата № 9. Треугольная, слегка асимметричная накладка, прикрепленная к блюду шестью грубыми заклепками (рис. 128). Углы в основании скруглены. Ширина по основанию 4,6 см, высота 3,3 см. Орнаментация аналогична той, которая покрывает накладку № 7.

Заплата № 10. Ромбическая асимметричная пластина размерами по диагоналям 7,5 на 4,7 см. Прикреплена к блюду шестью грубыми заклепками (рис. 129). Пластина орнаментирована по краю сплошной линией, нанесенной гребенчатым пуансоном. С внутренней стороны ее дополняет двойная полоса отпечатков треугольного пуансона с точкой внутри, образующая

А

Б

*Рис. 122. Блюдо с северного берега оз. Зеликовье (ГЭ, ОАВЕС, колл. 2300/1). Заплата № 3.
А — вид с оборотной стороны блюда; Б — вид с лицевой стороны*

орнамент «волчий зуб». Внутри с помощью двух линий аналогичного орнамента «волчий зуб» нанесено изображение креста, лопасти которого завершаются отпечатком циркульного пуансона с кружком внутри. Несмотря на асимметрию пластины, изделие это является полностью за-

конченным и явно не вырезано из кого-то иного предмета.

Наличие у креста циркульных наверший позволяет считать, что мы имеем здесь дело не с орнаментальным членением пространства, как на пластинах № 7 и 9, а с отдельной

А

Б

Рис. 123. Блюдо с северного берега оз. Зеликовье (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 2300/1). Заплата № 4.
А — вид с оборотной стороны блюда; Б — вид с лицевой стороны

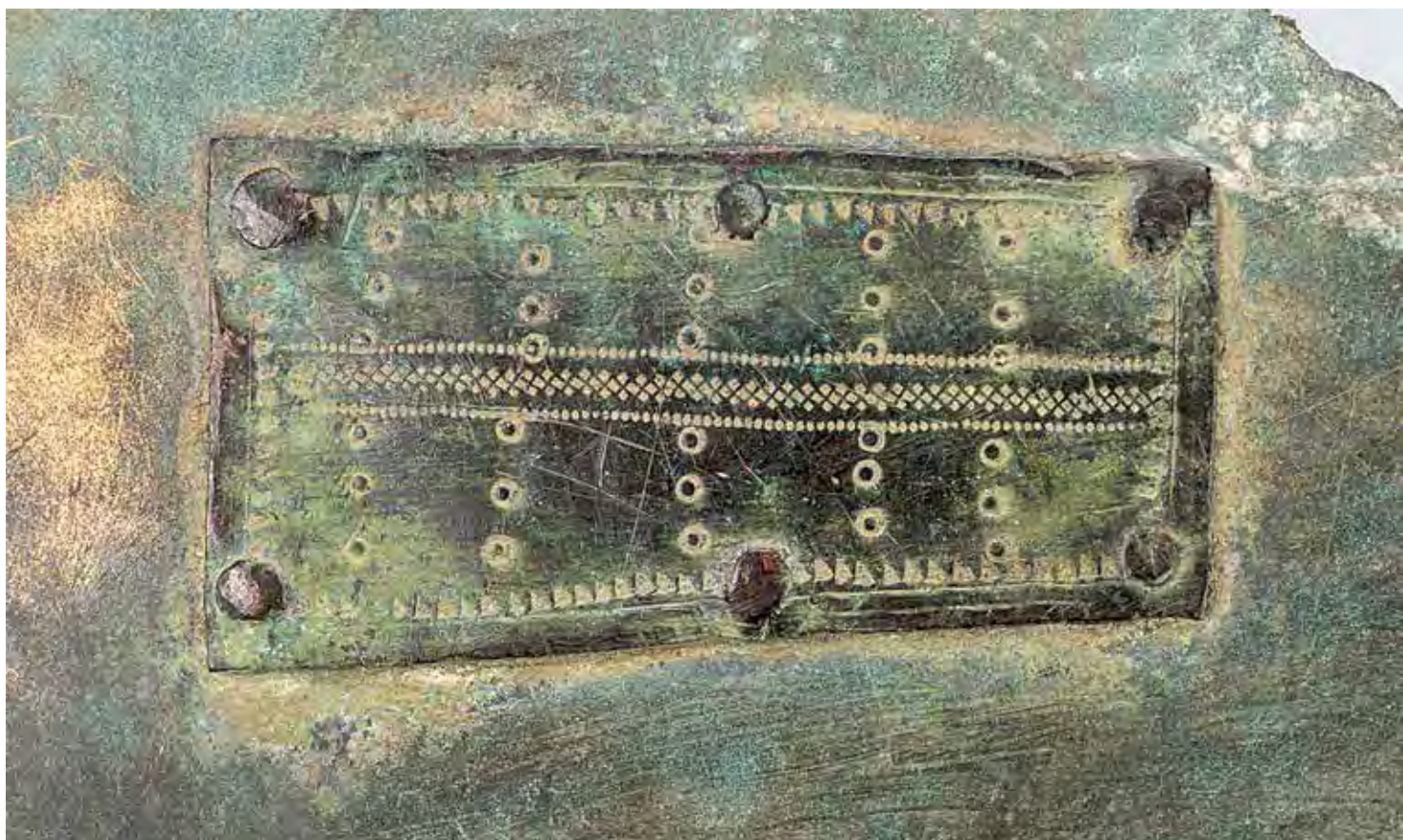
композицией, соотношение которой с христианской символикой видится мне вполне оправданным.

Надо сказать, что некоторые известные на Руси и в Прибалтике пластинчатые накладки X–XI вв. (это могут быть накладки на ремень или другие предметы) несут на себе изображение креста. Обычно это крест прорезной. Устроенная подобным образом оковка рога известна в большом кургане № 23 в Гнёздове (Спицын 1906: 190, рис. 37). В Нижнем Подвинье кресты, выбитые пуансоном, известны на щитках поясных пряжек (Нукшинский могильник 1957: табл. IV: 4) и на ножнах ножей (Zariņa 2006: att. 122: 6). Находки происходят из языческих погребений, но относящихся ко времени распространения на Руси христианства, поэтому пренебрегать гипотезой о связи нанесенного на предметы знака с возрастанием роли новой религии — не стоит.

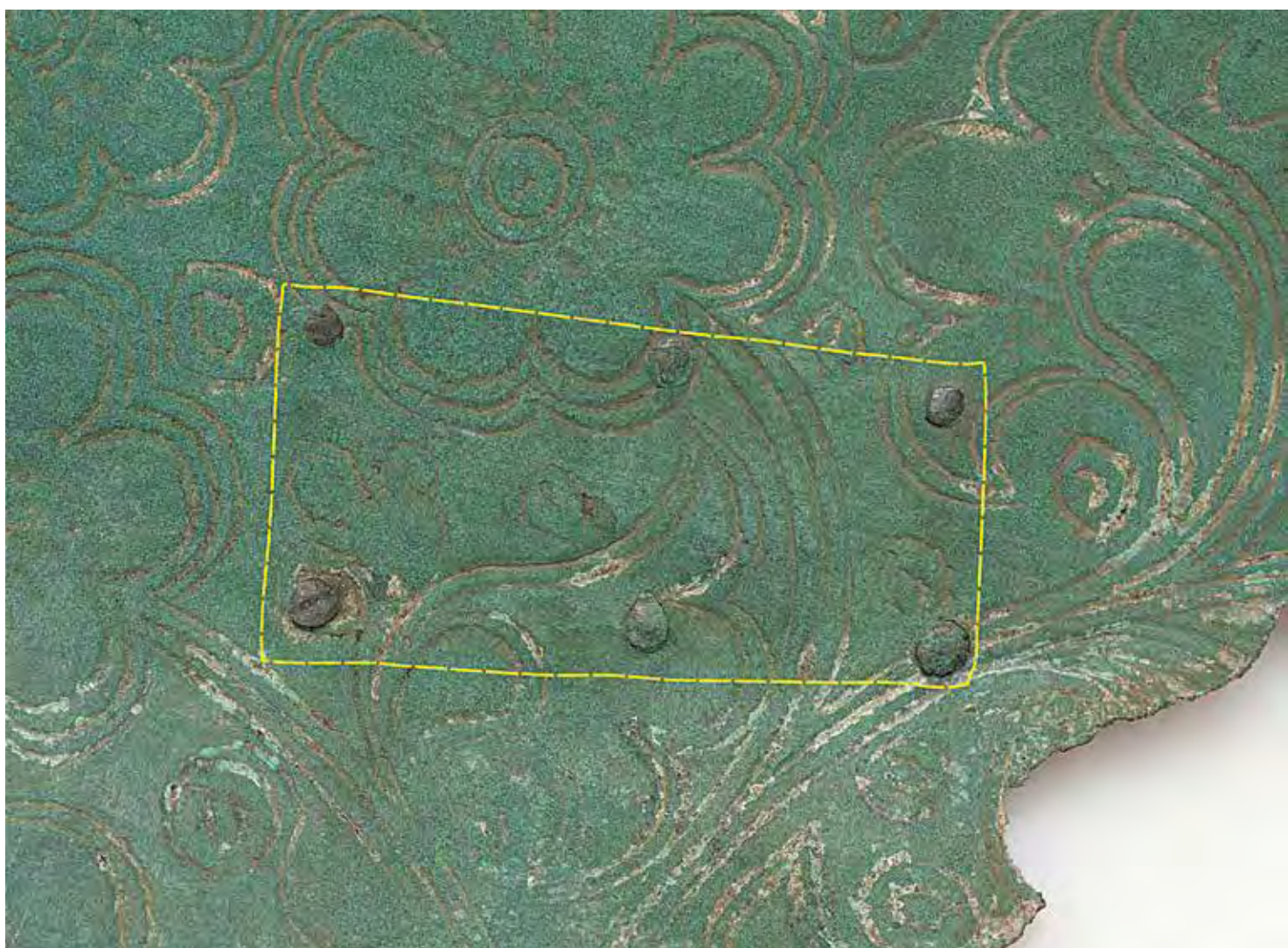
Важно отметить еще одно обстоятельство. Асимметричная пластина № 10 не находит себе

никаких параллелей среди элементов известных мне ювелирных изделий Руси, Прибалтики и Скандинавии. Остается предположить, что она была декорирована специально перед наложением ее на блюдо. Это значит, что и крест на пластине предназначен непосредственно для его украшения.

Отдельно от реставрированного блюда в коллекции Государственного Эрмитажа хранится фрагмент блюда, не нашедший себе места на восстановленном изделии (рис. 114). Г. Ф. Корзухина на своей реконструкции (неоднократно воспроизводившейся в публикациях В. П. Даркевича и Б. И. Маршака) помещает его в основание орнаментальной композиции. На фрагменте изображен бутон, из которого, по мнению исследовательницы, произрастают три побега, заполняющие поверхность блюда. Несмотря на небольшие размеры, фрагмент несет на себе следы трех ремонтов. Один из них был произведен по уже описанной выше технологии наложения заплата на обратную сторону блюда.

А

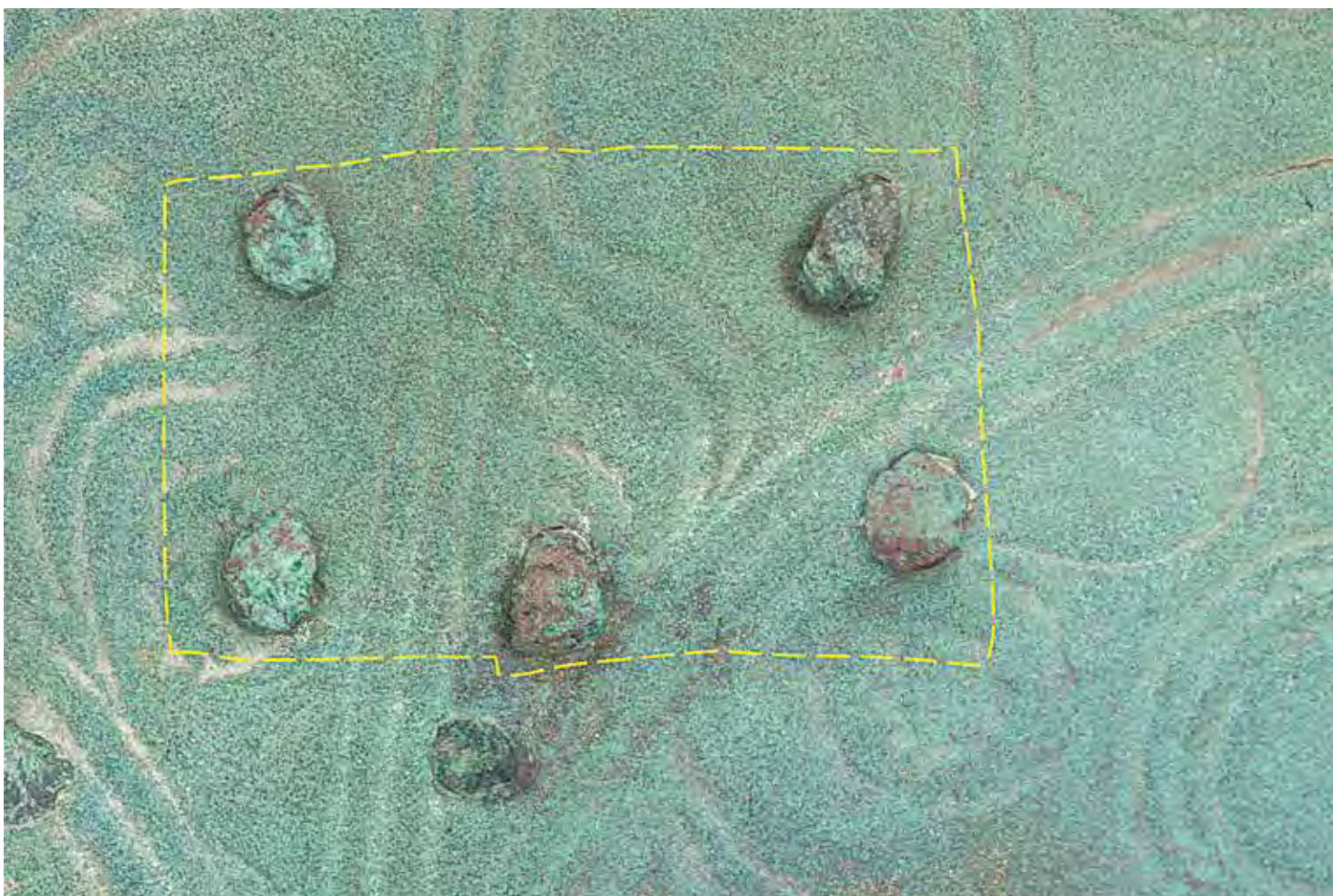

Б

Рис. 124. Блюдо с северного берега оз. Зеликовье (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 2300/1). Заплата № 5.
А — вид с оборотной стороны блюда; Б — вид с лицевой стороны

А

Б

Рис. 125. Блюдо с северного берега оз. Зеликовье (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 2300/1). Заплата № 6.
А — вид с оборотной стороны блюда; Б — вид с лицевой стороны

А

Б

Рис. 126. Блюдо с северного берега оз. Зеликовье (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 2300/1). Заплата № 7.
А — вид с оборотной стороны блюда; Б — вид с лицевой стороны

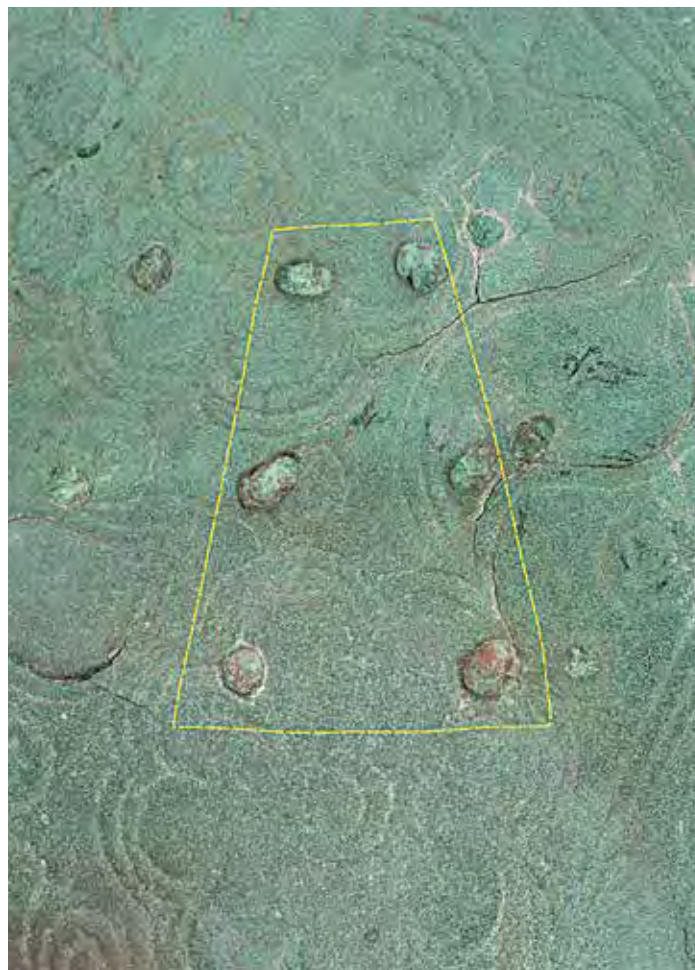
Заплата № 11. На краю отдельного фрагмента сохранилась заклепка. Скорее всего, она относится к вышеописанной заплатке № 1, размер и конфигурация которой не ясны (см. Приложение).

Два ремонта, зафиксированные на отдельном фрагменте блюда, резко отличаются по технологии от всего, что мы описывали до сих пор (рис. 115). Починки произведены не путем наложения пластинок на заклепки на обратную сторону блюда, а с помощью вырезания в нем отверстий и установки в них вставок с элементами орнамента на лицевой стороне. При таком ремонте в блюде вырезалось овальное отверстие, края которого тщательно проковывались, выравнивались и зачищались от заусенцев. Затем изготавливалась пластинка-вставка, чуть превышавшая по размерам отверстие. Края вставки нарезались, образуя лепестки шириной от 1 до 2 мм и длиной 2–3 мм. После этого пластинка-вставка еще раз проковывалась, в результате чего края лепестков достигали толщины листа бумаги и приобретали

скругленные очертания. После этого лепестки загибались попеременно один за другим по разные стороны пластинки-вставки. Далее она устанавливалась в отверстие, а лепестки загибались обратно по обе стороны блюда и заливались оловянным припоем. Затем поверхность шлифовалась. С лицевой стороны припой удалялся, оставаясь пятном только на обороте блюда. Не вполне ясно — в какой момент на вставки наносился орнамент. Судя по тому, что линии орнамента идут поверх стыков и продолжаются на основе (рис. 115: В–Е), орнамент на вставки наносился тогда же, когда орнаментировалось и все блюдо, что делало орнаментальное поле сплошным, а вставки — незаметными. В результате образовывалась водонепроницаемая поверхность, а саму вставку с лицевой стороны обнаружить невооруженным глазом становилось весьма сложно. Все это убеждает нас в том, что вставки установлены в той же мастерской, где блюдо было изготовлено.

А

Б

Рис. 127. Блюдо с северного берега оз. Зеликовье (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 2300/1). Заплата № 8.
А — вид с оборотной стороны блюда; Б — вид с лицевой стороны

Вставка № 1. Представляет собой овальную пластинку размерами $4,8 \times 4,5$ см. Лепестки, крепившие вставку, имеют ширину около 1 мм. На лицевую сторону пластины нанесен орнамент в виде бутона. Орнамент выполнен более тонким инструментом и как будто иной рукой, нежели орнамент, украшающий основную поверхность торопецкого блюда. Видимо, более ажурная орнаментация связана с тем, что мастер боялся повредить небольшой фрагмент-вставку. Использовать тот резец, которым украшалось само блюдо, здесь было технически невозможно.

Вставка № 2. Овальная пластина размерами 3×2 см. Лепестки, крепящие вставку, имеют ширину 2–3 мм. На лицевой стороне нанесен орнамент, близкий по толщине линий орнаменту на основной части блюда. Таким образом, на первый взгляд создается впечатление, что вставка № 2 сделана иной рукой, чем вставка № 1. Возможно, что это впечатление

ложное, поскольку обе вставки, судя по единой технологии, сделаны в одной мастерской. Может быть, мастер работал с учеником или подмастерьем.

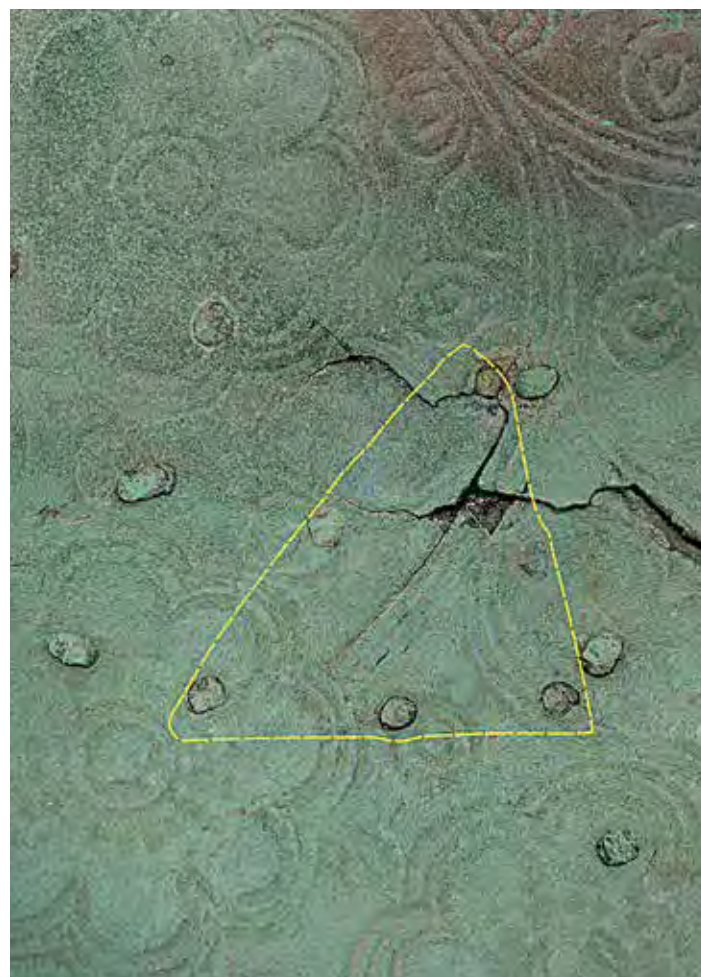
Итак, подведем итоги. Следы ремонтов говорят о том, что торопецкое блюдо многократно переходило из рук в руки и чинилось четырьмя разными мастерами в четырех мастерских. Перечислим их в хронологической последовательности.

Первый мастер. Ему принадлежат вставки № 1 и 2, наложенные на блюдо вскоре после (или даже в процессе) его изготовления (рис. 114, 115). Скорее всего, их появление связано с каким-то браком, возникшим во время проковки латунной заготовки (разрыв металла?) или при неаккуратном нанесении орнамента на уже сформированное изделие⁸. Таким образом, ремесленник, изготовивший блюдо где-то на Ближнем Востоке, похоже, стал и его пер-

⁸ Разрыв металла мог возникнуть при проковке листа латуни с внутренними раковинами, образовавшимися при некачественном литье (Минасян 2014: 74, 75, 118, 291). Автор благодарит Р. С. Минасяна и Е. А. Шаблаину за ценные кон-

А

Б

Рис. 128. Блюдо с северного берега оз. Зеликовье (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 2300/1). Заплата № 9.
А — вид с оборотной стороны блюда; Б — вид с лицевой стороны

вым реставратором. Описанная выше технология пайки латуни подробно описана Р. С. Минасяном, который называет ее пайкой «в ращеп». Этот способ соединения листов медного сплава использовался, например, при пайке стенок котелков из раскопок И. С. Абрамова 1905 г. в знаменитом Гнёздовском могильнике в окрестностях Смоленска. Подобные швы, только гораздо более грубые по сравнению с ювелирной работой «торопецкого торефта», имеются там на котелке из кургана № 24 в Ольшанской курганный группе (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 812/462) и на сосуде из кургана № 23 (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 812/43) (Минасян 2014: 336, 337, илл. 144: 4)⁹.

Второй мастер. Раннесредневековая металлическая посуда восточного происхождения, хранящаяся в Эрмитаже, часто несет на себе следы ремонта. Как правило, профессиональный ремесленник, работавший с крупными предме-

тами из сплава меди, старался наложить сразу большую заплату, чтобы предотвратить дальнейшее расширение образовавшихся трещин. Именно так поступил и мастер, закрепивший на торопецком блюде пластину № 1 (рис. 119). Надо полагать, что этот ремонт произошел еще там, где подобная бронзовая крупногабаритная посуда была не в диковинку — например, на арабском Востоке или в Византии. Это предположение как будто подтверждается и рентгено-флюоресцентным анализом металла заклепок, крепивших заплатку № 1 (см. Приложение в конце книги, написанное С. В. Хавриным, и табл. 1). Состав металла проволоки, из которого они нарезаны, близок металлу основы блюда. Итак, это второй мастер и вторая мастерская, в которой был произведен ремонт вещи.

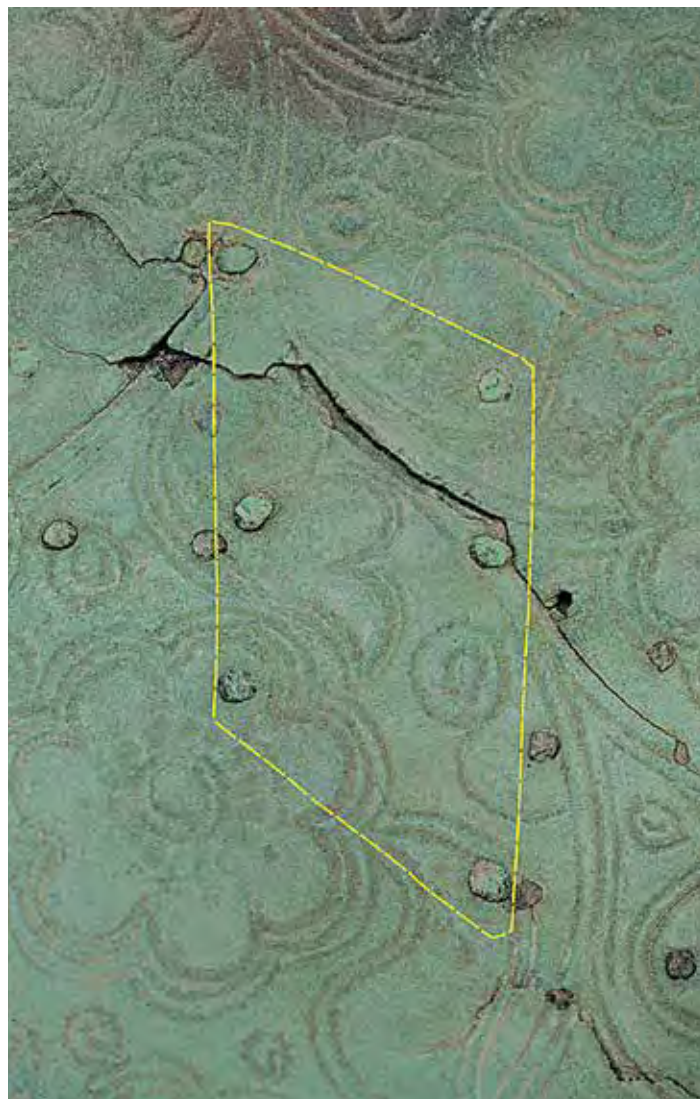
Третий мастер. Судя по сходству в манере применения крепежа, этому же мастеру могла

сультации в процессе работы над этой частью текста.

⁹ Курганы, отличающиеся огромными размерами, относятся ко второй половине X в. (Спицын 1906: 191, 192, рис. 31; Булкин 1975: 136, 137). Погребения в них принадлежали, вероятно, представителям верховной власти в регионе.

А

Б

Рис. 129. Блюдо с северного берега оз. Зеликовье (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 2300/1). Заплата № 10.
А — вид с оборотной стороны блюда; Б — вид с лицевой стороны

принадлежать и неорнаментированная (лишь со следами какого-то наброска разметки) заплата № 2 (рис. 120, 121). Однако состав металла этой заплаты и ее заклепок отличается от металла заплаты № 1 (Приложение, табл. 1), что позволяет предположительно выделить, таким образом, третьего мастера, ремонтировавшего блюдо.

Четвертый мастер. Остальные 8 накладных пластин явно образуют единый комплекс и принадлежат руке одного мастера, что подтверждается и данными рентгено-флюоресцентного анализа (см. Приложение). Это четвертый ремесленник, занимавшийся ремонтом блюда. Четвертый ремонт несет в себе наибольшее количество заготовок. Во-первых, странным выглядит использова-

ние множества близко посаженных мелких пластинок с большим количеством отверстий вместо того, чтобы поставить одну крупную накладку. Во-вторых, неоправданным выглядит использование для этого богато и профессионально орнаментированных пластин, на украшение которых ушло множество времени и сил высококвалифицированного ювелира. Очевидно, в распоряжении четвертого мастера не было крупных листов бронзы или возможностей для их получения. Эта ситуация характерна для Северной Руси, испытывавшей в раннем средневековье дефицит цветного металла¹⁰. Г. Ф. Корзухина предположила, что этот ремонт выполнен при помощи заготовок, предназначавшихся для украшения (в качестве накладок) каких-то других предметов.

¹⁰ Н. В. Ениосова, проанализировав следы ремонтов на металлических предметах из богатых камерных погребений Пскова, пришла к выводу, что у их обладателей «не было доступа к источникам, благодаря которым можно было легко получать новые престижные вещи» (Ениосова 2016: 559).

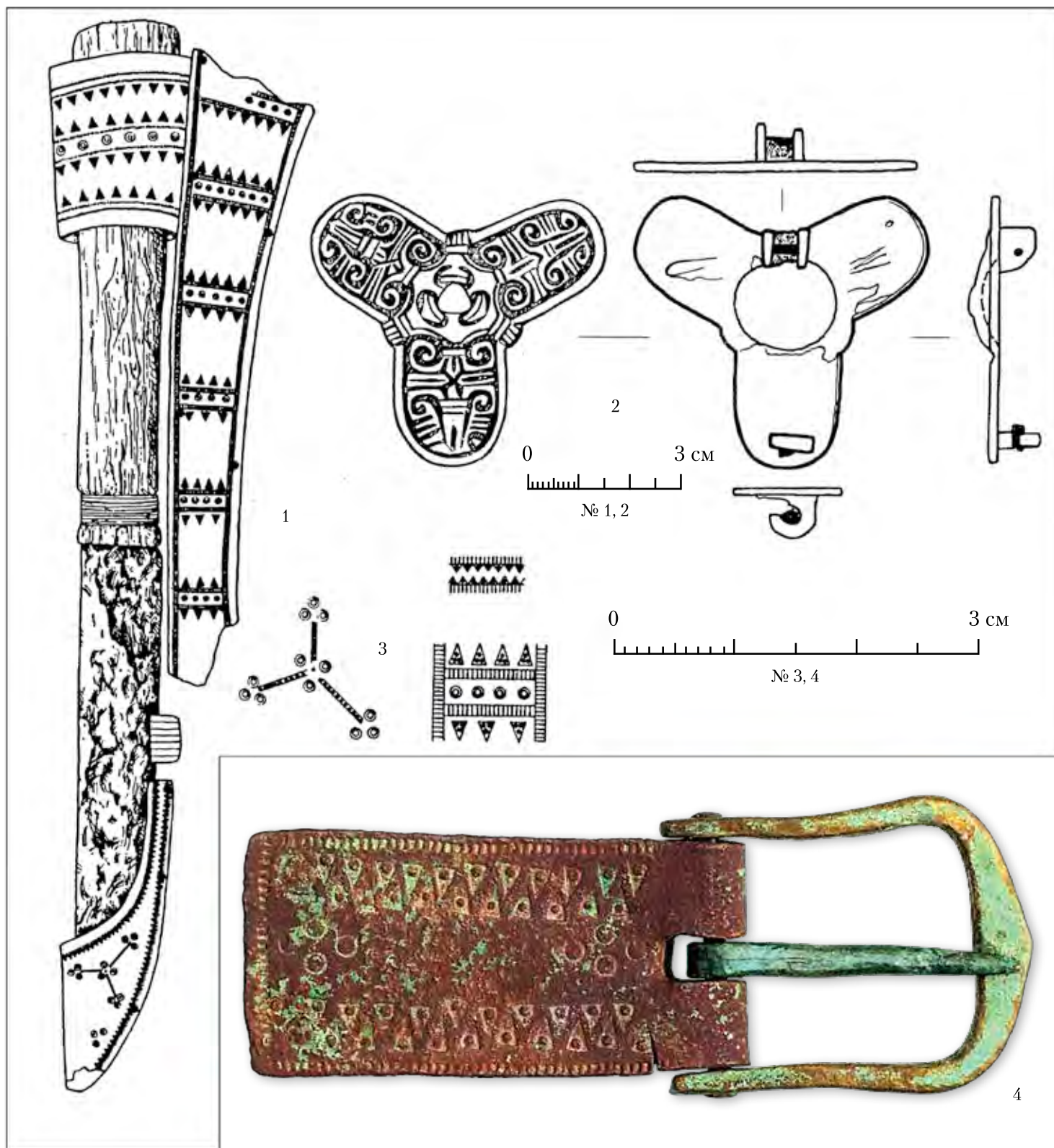

Рис. 130. 1–2 — находки из погребения № 324 могильника Дреньгери-Чункани в Земгалии, Латвия (Atgāzis 1992); 3 — образцы орнамента пластинчатых украшений ножен из погребения № 324; 4 — пряжка с обоймицей, украшенной пуансонным орнаментом из Вете (Готланд). SHM 12501. Фотография с сайта SHM

Какие именно изделия могли быть украшены столь разнородными по размеру и конфигурации элементами?

Вероятно, четвертый ремонт выполнен в мастерской ювелира, занимавшегося производством женских украшений, поскольку среди пластинок присутствует заготовка для трапециевидной подвески — традиционной детали женского

головного убора (пластина № 8). Остальные «заплаты» представляют собой обрезки бронзового листа, отходы или куски, предназначавшиеся для изготовления мелких украшений и разного рода оковок, — то, что находилось под рукой у ремесленника. Он вырезал фрагменты из готовых изделий, или украшал случайные по форме обрезки в соответствии с имеющимися

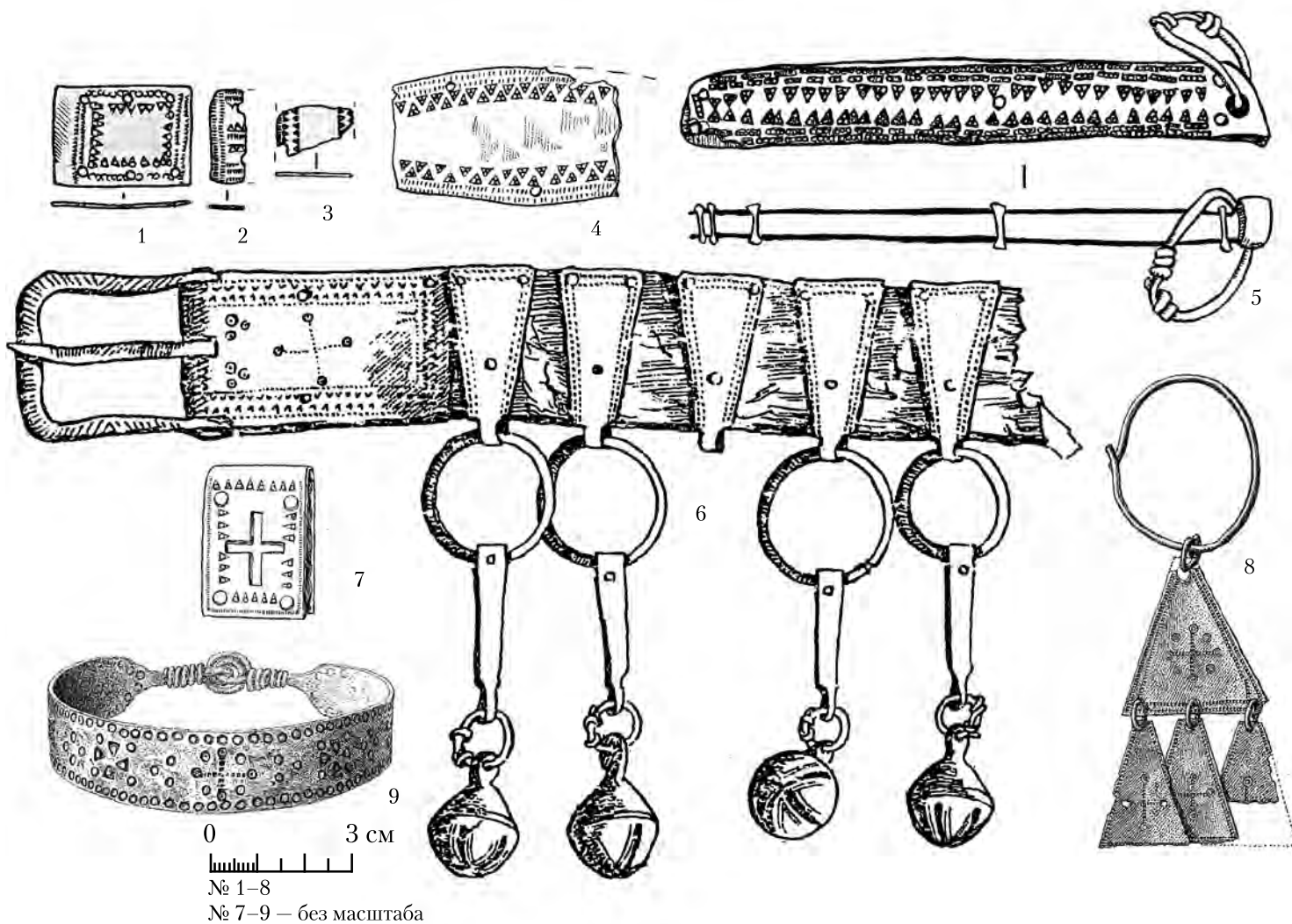

Рис. 131. Пластинчатые изделия из медного сплава (1–8) и серебра (9) второй половины X – первой половины XI в., орнаментированные отпечатками треугольного и гребенчатого пуансона. 1–3 – фрагменты обоймиц ременных пряжек; 4 – накладка на неизвестный предмет; 5 – фрагмент ножен ножа; 6 – фрагмент поясного набора; 7 – оковка питьевого рога; 8 – трапециевидные подвески; 9 – пластинчатый браслет с завязанными концами. 1–3 – поселение Кордон (Кенько, Дернович 2019: рис. 7: 2–4); 4 – Городок на Ловати, городище, постройка 6 (Горюнова 2016: рис. 83: 6); 5 – Городок на Ловати, селище (Горюнова 2016: рис. 156: 24); 6 – Нукинский могильник, погребение № 126 (Нукинский могильник 1957: табл. IV: 4); 7 – курган № 23 Гнёздовского могильника, раскопки И. И. Абрамова 1905 г. (Спицын 1906: 190, рис. 37); 8 – курган № 220 (2) в могильнике Павлов Погост в Причудье (Спицын 1903: 90, табл. XX: 6). Труположение в кургане № 220 (2) сопровождается 9 серебряными монетами, младшая из которых датируется в интервале 1022–1036 гг. (Спицын 1903: 90). 9 – Недоблицы, курганный могильник, раскопки Л. К. Ивановского 1883 г. (Спицын 1903: 30, табл. IV: 19)

инструментами и со вкусом заказчицы (торопецкое блюдо найдено вместе с предметами женской культуры) и использовал для ремонта дорогой «заморской» вещи. Таким образом, мы, между прочим, возвращаемся к мысли, что крест появился на блюде не случайно.

Украшения, для орнаментации которых применялись известные нам по Торопцу пуансоны, встречаются в X–XI вв. преимущественно в Скандинавии (рис. 130: 4) и Северной Руси, а также у народов Юго-Восточной Прибалтики. На южнорусских памятниках этого периода их обычно считают свидетельствами северных

культурных влияний. Схожие варианты композиций и наборов пуансонов можно встретить на оковках питьевого рога (Arbman 1940: Taf. 196; Андрощук, Зоценко 2012: 272, рис. 210; Яковлева 2016а: 151, рис. 5), браслетов и перстней (Arbman 1940: Taf. 86: 6, 8, 9, 11), ножен скрамасаксов и ножей (Zariņa 2006: att. 122; Яковлева 2016: 70, рис. 28), словом, почти везде, где использовалась листовая бронза и серебро¹¹.

Из опубликованных и тщательно препарированных археологами материалов, для датировки элементов ножен ножей с геометрическими композициями из отпечатков интересующих

¹¹ Типология чеканов рассмотрена Т. Г. Сарачевой для несколько более позднего времени – второй половины XI – XIII в. (Сарачева 1999).

нас пуансонов имеет значение, в качестве ориентира, погребение № 324 могильника Дреньгери-Чункани в Земгалии (Латвия). В могиле девочки, вместе с ножом, чехол которого был украшен бронзовыми пластинками с аналогичным торопецкому чеканным орнаментом (рис. 130: 1, 3), найдены две трехлистные фибулы скандинавского типа (рис. 130: 2). Хронология этих украшений, а также расположение погребения № 324 в рядной системе могильника позволяет датировать захоронение временем около 1000 г. или чуть позже (Atgāzis 1992: 26).

В качестве ближайших аналогий небольшим прямоугольным накладкам с торопецкого блюда можно указать пластинчатые обоймы ременных пряжек и разделителей, известные как в Скандинавии (Arbman 1940: Taf. 86: 13; Thunmark-Nylen 1995: Abb. 204a: 8, 349: 1, 367: 2, 408: 2, 412: 7; 1998: Taf. 126: 1) и в Нижнем Подвинье у ливов, селов и латгалов (Kruse 1859: Tab. 14: 2; Люцинский могильник 1893: табл. XIII: 10; Zariņa 2006: att. 128: 28), так и на Руси (Сизов 1902: табл. II: 21). В территориальном отношении ближайшими находками такого рода являются фрагменты ременных обойм или накладки ремней с поселения Кордон (рис. 131: 1–3) в Витебском Подвинье (Кенько, Дернович 2019: рис. 7: 2–4). Следует также отметить присутствие подобных пластинок на обоймах ножен (?) в Городке на Ловати (рис. 131: 4, 5) и в камерном погребении 1 Старовознесенского некрополя Пскова (Горюнова 2016: рис. 156: 24; Яковлева 2016: 70, рис. 28). Как и торопецкий комплекс, погребение содержит фибулы типа P52A и бронзовый таз. Богатый погребальный инвентарь позволяет датировать камерное погребение третьей четвертью — концом X в. (Яковлева 2016: 52). Псковское погребение содержало нательный крестик, т. е. принадлежало женщине-христианке.

Особую важность для определения времени третьего ремонта торопецкого блюда играют находки крупных трапециевидных подвесок/цепедержателей, разделенных линиями пуансонного орнамента на сектора, как пластинки на торопецком блюде (рис. 132). Отметим находку

подвесок, украшенных в этом стиле, в древнерусском грунтовом могильнике Жовнино в Посулье (Моця 1983: рис. 20: 6). Первые погребения в могильнике появляются в конце X — XI в. (Дяденко, Моця 1986: 90). Комплексы X—XI вв. с подобными подвесками известны в грунтовом погребении 32 Радзесского могильника на Даугаве в Селонии близ Кокнесе (Mugurēvičs 1977: tab. LIV), в Люцинском и Нукшинском могильниках в Латгалии (Люцинский могильник 1893: таб. IV: 4; Нукшинский могильник 1957: табл. III: 12), т. е. на землях, тесно связанных в тот период с древнерусским Полоцком (рис. 133: А).

К северу от Торопца следует обратить внимание на находку изделий такого типа в не очень понятном нам сейчас комплексе 1 (погребении по обряду трупосожжения, как полагает автор раскопок) кургана 46 в могильнике Боково в Маревском районе Новгородской области, в бассейне р. Пола (Миронова, Пронин 1980: 21; Пронин А-1979: л. 48–50; 1979а; 1979б; 1979в: л. 38, рис. 217: 1, 2). К найденным здесь крупным трапециевидным подвескам-цепедержателям, украшенным орнаментом «волчий зуб» из оттисков треугольного пуансона, крепились плетеные цепочки с ромбовидными подвесками (рис. 133: Б). В состав женского убора из этого комплекса входили также и пластина, украшенная точечными оттисками пуансона, витая поврежденная бронзовая гривна с маковидными головками (сохранилась одна из трех головок), набор обычных трапециевидных подвесок и спиралек с трехдырчатыми литыми цепедержателями. Погребение (?) в кургане 46 по составу своего инвентаря не характерно для Новгородской земли. Судя по гривне и трапециевидным цепедержателям, оно принадлежит женщине из кривичско-латгальского пограничья. Комплекс датируется X — началом XI в. Заманчиво было бы причислить обитателей Бокова к населению, выведенному из Полоцкой земли при разгроме ее Владимиром и Добрыней в 980-х гг. Наконец, аналогии трапециевидной подвеске с орнаментом «волчий зуб» можно указать и в курганных трупоположениях на Ижорском плато (Спицын 1896а: табл. VI: 1)¹².

¹² А. А. Спицын полагал, что они попадали на север Руси из Латгалии (Спицын 1896: 22).

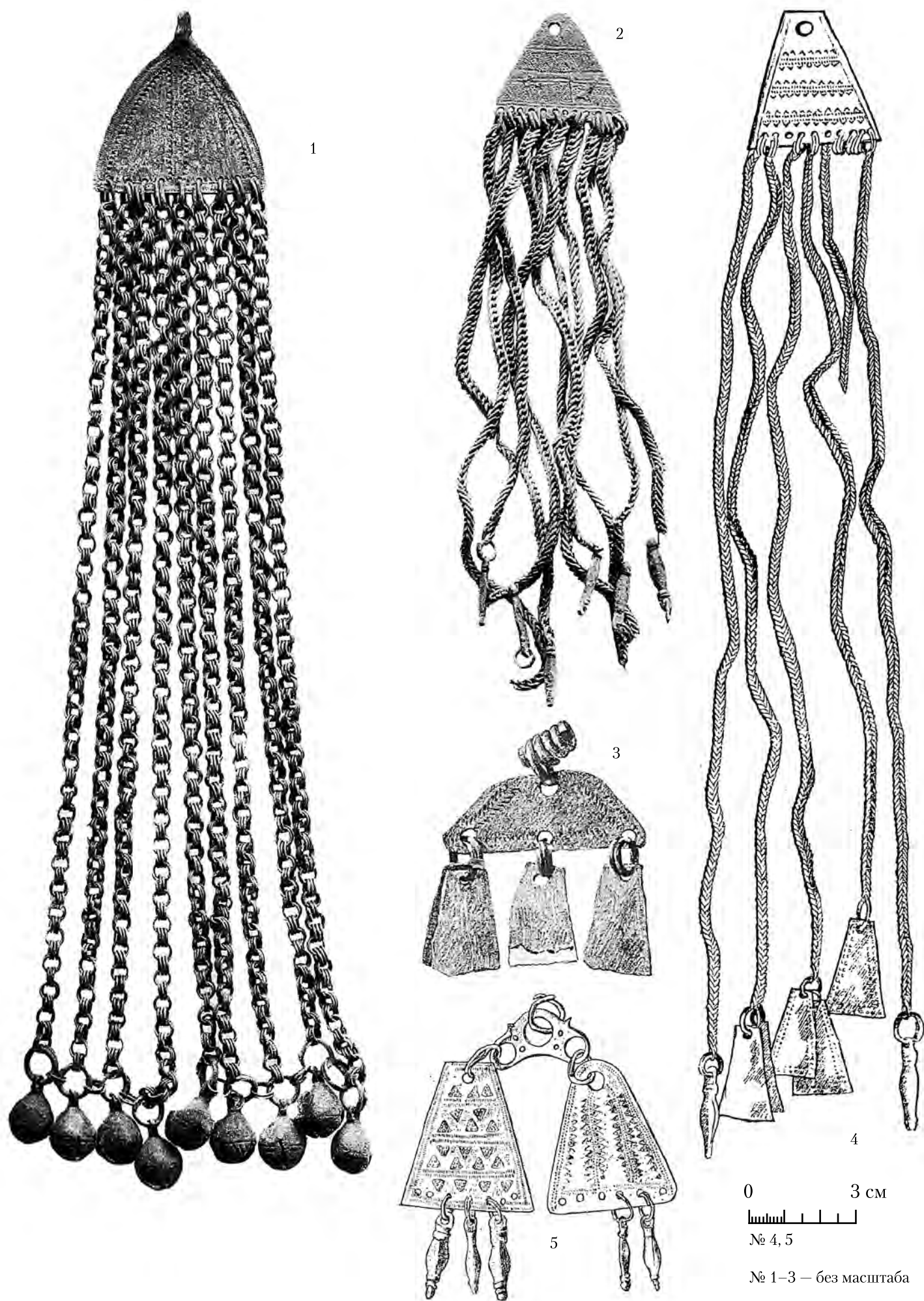

Рис. 132. Украшения из медного сплава X–XI вв. с использованием орнаментированных трапециевидных цепедержателей. 1–3 – Люцинский могильник (Люцинский могильник 1893: табл. IV: 4, табл. V: 3, табл. VIII: 7); 4 – Нукинский могильник, погребение № 67 (Нукинский могильник 1957: табл. III: 12); 5 – могильник Жовнино (Моця 1983: рис. 20: 6)

Набор пуансонов, использовавшихся для украшения пластин, весьма близок к инструментарию мастера, изготовившего торопецкий вертел. Первый включает в себя:

1. Резец или зубильце с линейной рабочей кромкой.
2. Циркульный пуансон.
3. Пуансон в виде планки, разделенной на три прямоугольных зубчика.
4. Гребенчатый пуансон с мелкими зубчиками.
5. Пуансон в виде треугольника с точкой внутри.
6. Пуансон в виде треугольника с тремя точками внутри.

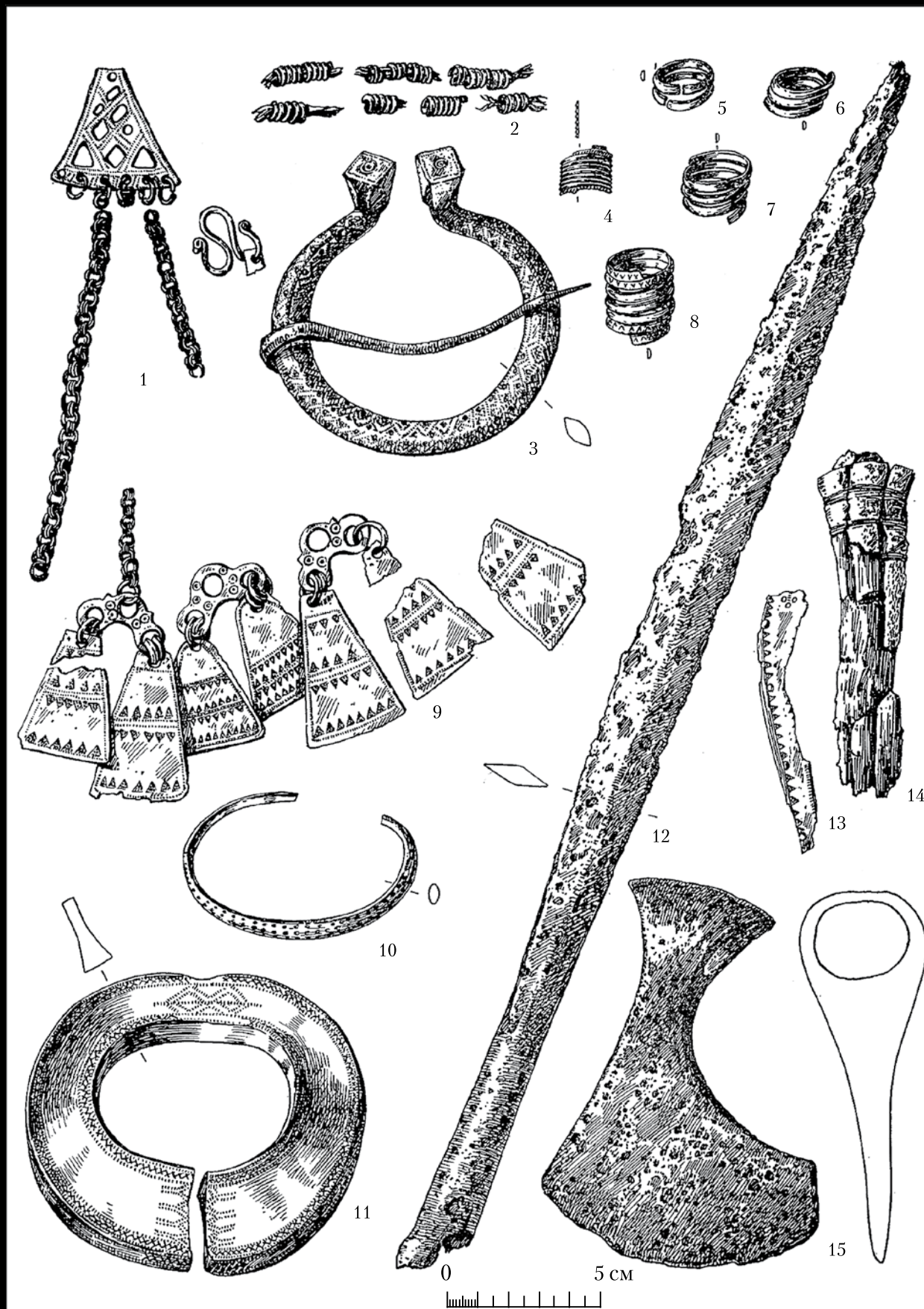
Из всего сказанного можно заключить, что четвертый ремонт торопецкого блюда, скорее всего, произведен мастером-ювелиром, ориентировавшимся в своей деятельности на скандинавскую, в первую очередь готландскую моду, а также на следовавшие за этой модой вкусы обитателей Подвинья. Надо заметить, что починка блюда выполнена им с тщательностью, выдающей руку мастера, привыкшего работать с мелкими ювелирными изделиями. Обычно металлическая посуда чинилась куда более грубым образом (например, заклепки делались толще и расклепывались сильнее). Здесь же заклепки выполнены в миниатюрных размерах. Основной продукцией чинившего блюдо мастера были, похоже, поясные наборы, ножны скрамасаксов и ножей. Мы имеем право предположить, что четвертый ремонт блюда сделан там, где эти вещи пользовались наибольшим спросом и где их производство было доведено до совершенства — на самом Готланде. Похоже, там же изготовлен и вертел — на эту мысль наводит орнаментация украшающих его медных бусин.

Судя по заготовке трапециевидной подвески и по треугольным орнаментированным пластинкам со скругленными углами, четвертый мастер сбывал свою продукцию и в кривичско-латгальский регион, т. е. в земли, находившиеся в разной степени зависимости от Смоленска или Полоцка. Это, разумеется, не исключает пребывание мастера на Готланде, поскольку жители острова могли изготавливать свой товар специально для обита-

телей Подвинья. Однако четвертый мастер мог работать и в Усвяте, Городке на Ловати или Гнёздове. Это три ближайших древнерусских центра, где зафиксировано ювелирное производство (Еремеев 2015; Горюнова 2016; Ениосова, Розанова 2021), причем в Гнёздове найден и сам железный пуансон для чеканки «волчьего зуба» с кружком в треугольнике (Ениосова, Розанова 2021: 110, рис. 9: 4). Не стоит исключать и Витебск с самим Торопцем, хотя мастерские там пока не открыты. Возможно, странствующий ремесленник (выходец с Готланда?) перемещался между богатыми поселениями в этом регионе — кто знает?

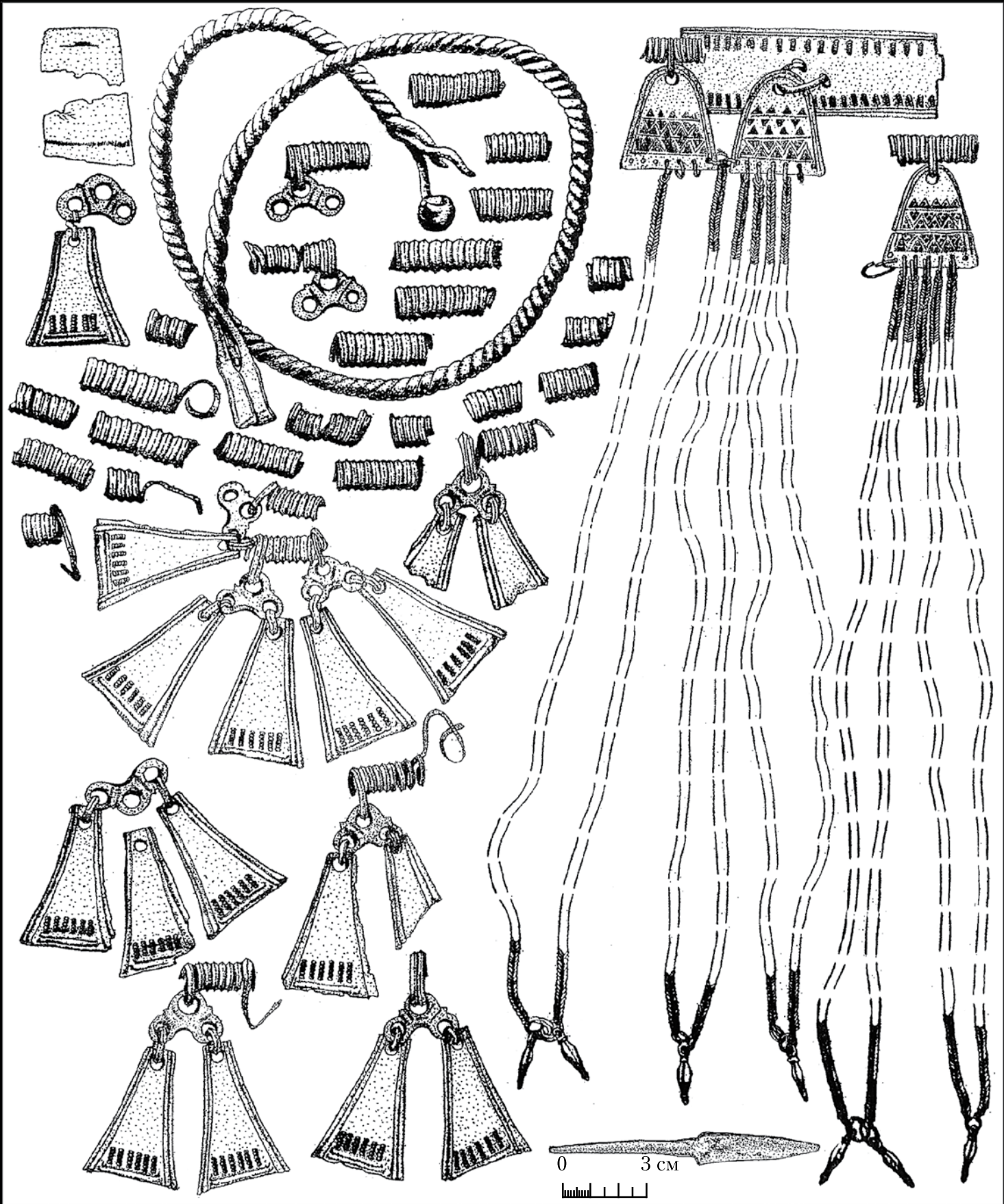
На примере знаменитого торопецкого блюда можно видеть, как историю целой эпохи отражает судьба одной необычной вещи. И хотя в наших догадках о ее странствиях все предположительно, мы вправе представить себе, как купец из Торопца покупает в X в. на одном из восточных рынков приглянувшееся ему блюдо. Каким товаром было за него уплачено? Чем торговал наш рус на востоке? Лисьими шкурами и мечами (как пишет о купцах ар-Рус арабский географ конца IX в. Ибн-Хордадбех)? Или рабами (о чем сообщает полвека спустя другой арабский автор, Ибн-Фадлан)? А может быть, два товарища купили себе блюда у одного мастера, а затем их пути разошлись? Один вернулся к себе на родину на оз. Меларен в Швецию, а второй остался на Руси? Сколько раз здесь меняло блюдо своих хозяев, прежде чем оказаться в земле? И, наконец, чем все-таки был этот «Торопецкий клад»? Собранием ювелирного лома, предназначенного ремесленником на переплавку? Кладом бережно хранимых вещей, спрятанным в минуту опасности? Вотивным приношением языческим богам? Или, может быть, блюдо было положено в погребение?

Действительно, металлические блюда в X в. достаточно хорошо представлены в захоронениях скандинавов. Кроме уже упоминавшихся нами камерного христианского захоронения в Пскове и языческого трупосожжения в Фянё (Упланд), следует указать на ряд захоронений в Бирке. Это погребения Bj 523, Bj 524, Bj 644, Bj 581, Bj 750, Bj 791. Помимо сосуда из Фянё, ближе всего из данных находок к торопецкому блюду стоит изделие из богатого камерного погребения Bj 644, содержащее несожженные останки мужчины и женщины.

А

Рис. 133. Комплексы находок из погребений с трапецевидными подвесками позднего типа из Нижнего Подвинья и области Волжско-Ильменского водораздела. А — грунтовое погребение 32 Радзесского могильника (Mugurēvičs 1977: tab. LIV); Б — погребение в кургане 46 могильника Боково (Пронин А-1979в: л. 38, рис. 217: 1, 2)

Б

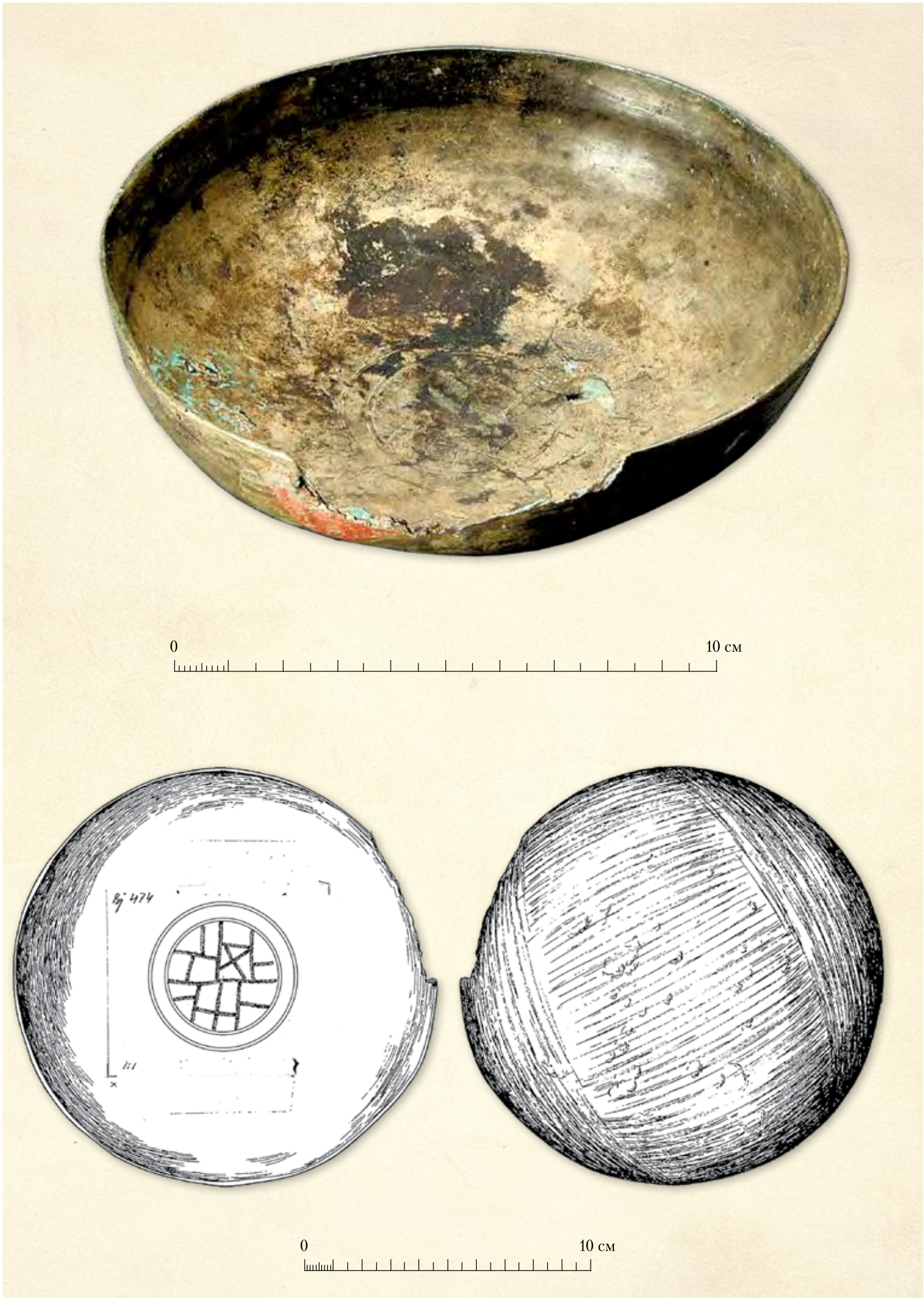

Рис. 134. Миска из медного сплава из Бирки с вторичной гравировкой в виде креста, выполненного в стиле «плетеного» орнамента (SHM 474). Фотография и рисунок с сайта SHM

У стенки камеры лежал таз из медного сплава (SHM 34000: 644), точно соответствующий по пропорциям и профилировке блюду из Тороща, но неорнаментированный (Arbman 1940: Taf. 202). Предмет из Бирки можно причислить к той же культурной и производственной традиции, однако есть различие в составе металла: в блюде из камеры преобладает в качестве примеси олово, а не цинк (Trotzig 1984: 220, 230, Tab. 27: 1). Погребение Bj 644 датируется по восточной монете временем после 921 г. (Arbman 1943: 221). Некоторые украшения из камеры свидетельствуют о связях погребенной пары с Русью (Duczko 1985: 101, fig. 137).

Погребения с различными бронзовыми блюдами были некогда рассмотрены в специальной работе польских археологов (Janowski, Kurasiński 2003). Они установили, что погребения с интересующими нас предметами довольно широко известны в Балтийском регионе, причем выделяются три зоны их концентрации — на Готланде, в Дании и в Пруссии вместе с Северной Польшей (Janowski, Kurasiński 2003: fig. 1). В последней эта традиция, по их мнению, связана с выходцами из Скандинавии (Janowski, Kurasiński 2003: 667).

Как бы там ни было, предполагаемая датировка комплекса находок на оз. Зеликовье сдвигается к концу X или даже к началу XI в. (поднимать датировку выше не позволяет присутствие фибулы типа P52A). При такой датировке наличие на предметах символики, близкой христианской (пусть даже в профанном орнаментальном качестве), сразу на двух предметах может быть совсем не случайным. Очень вероятно, что перед нами остатки захоронения (по обряду ингумации, поскольку следов огня на вещах нет) одной из первых торопецких христианок, имевшей скандинавское происхождение¹³. Роль норманнов в крещении Руси хорошо известна по архео-

логическим находкам и отражена в письменных источниках (Мельникова 2017).

Осталось коснуться вопроса — известны ли в синхронных памятниках Северной Европы другие примеры, когда на импортную металлическую посуду наносилась христианская символика или подражание ей? Ответ будет положительный. Пример известен в Бирке (рис. 134), однако в языческом трупосожжении (Trotzig 1984: 226). Находка, которую нужно упомянуть, представляет собой миску из медного сплава с утолщенным бортиком диаметром 14,7 см (SHM 474). Дно ее с внутренней стороны первоначально было украшено циркульным орнаментом, в который затем грубой гравировкой линиями с зигзагообразной текстурой (*tremolierstich*) неуверенной рукой вписан крест. Сложно сказать — где был изготовлен сосуд (Trotzig 1984: 229) и как он попал в Среднюю Швецию; предполагать можно как восточное, так и западноевропейское его происхождение. Также мы не можем знать, где именно на сосуд, поверх оригинальной орнаментации, было нанесено изображение, подражающее христианскому символу, но ясно, что сделано это было человеком скандинавской культуры. Дело в том, что крестообразный рисунок попытались выполнить в стиле плетеного орнамента, характерного для Северной Европы. Неумелый мастер запутался в лентах «плетенки» и не смог расположить их правильно. Зато поверх получившегося у него изображения он нанес еще один крест, словно усиливая действие символа. Возможно, владелец миски пытался таким образом подражать литургической металлической посуде, которая часто украшалась крестом, вписанным в круговую композицию. Таким образом, удастся несколько расширить культурный контекст торопецкого блюда, оставаясь тем не менее в рамках скандинавской традиции.

¹³ Осмотр блюда показывает, что оно находилось в земле вместе с какими-то не дошедшими до нас предметами. Например, форма окислов на его дне образует прямоугольник (рис. 118). Возможно, блюдом был накрыт, например, небольшой ларец. На отдельном фрагменте блюда с внутренней стороны сохранился небольшой участок прикипевшего железного окисла.

Глава 7

Письменные источники о древнерусском Торопце и его волости

На территории Руси археологи насчитывают около 1500 укрепленных поселений X–XIII вв., из которых 414 упомянуты в письменных источниках. Раннему русскому летописанию до конца X в. известно было 25 городов, к которым в XI ст. добавилось еще 64 (Куза 1989: 12, 29). Торопец располагается, таким образом, на почетном месте в первой сотне русских городов.

Начальная судьба Торопца связана с историей Смоленского княжества. Несколько важных сообщений о Смоленских и Полоцких землях в XI в. мы встречаем в летописях Новгородско-Софийской группы (далее — НСГ), в которую входят Новгородская четвертая (Н4), первая подборка Новгородской Карамзинской (НК1) и Софийская первая летопись (С1). Эти летописные произведения содержат ряд уникальных известий, отсутствующих в древнейших литературных памятниках

(Повести временных лет и Новгородской первой летописи).

Если верить известиям НСГ, в начале XI в. в Смоленске Владимир Святославич посадил на княжение своего сына Станислава (ПСРЛ, т. IV, ч. 1. 2000: 90; т. VI, вып. 1. 2000: 105). Правда, из русских летописей мы ничего больше не знаем о судьбе Станислава в роковой междоусобице, последовавшей за смертью Владимира¹. Поэтому нам трудно представить, каким образом строилось при нем управление областями Верхнего Поднепровья и Подвинья. Контролировал ли Станислав Владимирович из Смоленска Торопец, пережил ли он братьев, Бориса и Глеба, как складывались его отношения с четвертым братом — Ярославом Владимировичем, — не известно.

Судя по коллизии 1021 г., когда Ярослав вынужден был отдать во владение полоцкому князю Усвят и Витебск, по крайней мере часть

¹ Некоторые исследователи толкуют известие византийского автора Иоанна Скилицы, помещенное в его хронике под 1036 г., как свидетельство о смерти Станислава Владимировича Смоленского. Известие гласит: «Скончались и архонты Руси Несислав и Иерослав, и был избран править родственник умерших, Зинислав» (Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum 1973: 399; перевод: Роменский 2020: 46), Поскольку Несислав и Иерослав довольно уверенно трактуются историками как Мстислав и Ярослав, приходится, вслед за А. А. Шахматовым, думать, что Иерослав и Зинислав (т. е. предположительно, по этой версии, соответственно Ярослав и Станислав) оказались случайно перепутаны местами (Шахматов 2002: 78; Алексеев 1980: 106, 112; Прицак 2003: 919). Полагаться на это спорное известие полностью все же рискованно (об известии Скилицы 1036 г. см. также: Роменский 2020).

городков Верхнего Подвинья в первой половине XI в. напрямую подчинялись киевскому правителю и платили дань в Киев. Можно предположить, что этот порядок был установлен еще во времена княгини Ольги, основавшей в ключевых пунктах на Северо-Западе погосты около второй четверти X в.² Очень вероятно, что часть погостов возникла на основе уже существовавших к тому времени поселений скандинавских колонистов. Культурные слои некоторых из этих погостов в виде укрепленных (как правило) поселений, хранящих следы присутствия варягов, открыты археологически раскопками в Усвяте (Еремеев 2015; Еремеев, Фурасьев 2021), Городке на Ловати (Горюнова 2016), на поселениях Кордон под Витебском (Кенько, Дернович 2019; Левко 2018; Левко и др. 2019; Шадыро, Кенько 2019) и Горожане под Новосокольниками (Михайлов 2019; Михайлов, Кулакова 2020; Михайлов, Романовский 2021), в Шниткино на Торопе к югу от Торопца (Стефутин 2018; 2019)³. Судя по находкам скандинавских вещей, такие поселения могли быть и на месте Витебска и Торопца. Впрочем, не исключено, что установление зависимости Торопца от Киева и династии Рюриковичей

произошло еще ранее — во время похода Олега Вещего на юг, датируемого ПВЛ 882 г. Именно тогда Олегом был подчинен Смоленск, который в свете последних результатов археологических исследований уже представлял собой значительный укрепленный центр (Кренке и др. 2015; Кренке, Ершов, Раева 2020).

Контуры политического устройства Смоленской земли начинают более четко проступать после смерти великого князя Ярослава Владимировича в 1054 г., когда, согласно ПВЛ, на смоленский стол садится его сын Вячеслав, а после кончины его через три года — из города Владимира в Смоленск переводится Игорь Ярославич (ПВЛ 1996: 70, 71).

Следующая группа летописных известий, имеющих непосредственное отношение к судьбе Торопца, хотя и не называющих его прямо, — это сведения о разделе Смоленской земли на три части Ярославичами. Правда, данные эти тоже относятся к разряду отрывков, которые у специалистов по древнерусской текстологии принято называть «неизвестно откуда взятыми», — это уникальные данные из летописей НСГ. В наиболее развернутом виде известие о читается в Тверской летописи (Тв.):

Н4	НК1	С1	Тв.
«В лѣто 6562. <...> По семь раздѣлиша Смоленский на три части» (ПСРЛ, т. IV, ч. 1. 2000: 118)	«В лѣто 6562. <...> И по сем раздѣлиша Смоленскъ на три части» (ПСРЛ, т. 42. 2002: 65)	«В лѣто 6562. <...> И по семь раздѣлиша Смоленскъ на три части» (ПСРЛ, т. VI, вып. 1. 2000: 182)	«Въ лѣто 6568. Преставися князь Игорь Ярославичъ въ Смоленскѣ; княжилъ по братѣ Вячеславѣ три лѣта; и раздѣлиша Ярославичи Смоленскъ себѣ на три части» (ПСРЛ, т. XV. 2000: 153)

² По отношению к Верхнему Подвинью на этот счет наука располагает только непроверенными данными, относящимися более к области каких-то местных преданий, записанных лишь в позднем средневековье. Например, в родословии витебских князей, приложенном к Хронике Быховца (написана в середине XVI в.), последовательно фигурируют великие князья Владимир и Ярослав (Хроника Быховца 1966: 126). Известное витебское предание об основании города княгиней Ольгой (Алексеев 1980: 106) основывается, видимо, на топонимических мифологических рассказах Витебско-Велижского Подвинья, где известны топонимы, производные от имени Олег/Ольга.

³ Укрепления изначально известны в Кордоне, Усвяте и Городке на Ловати. В последние годы они выявлены и на поселении Горожане, считавшемся неукрепленным. Вопрос об укреплениях в Шниткино остается открытым.

О происхождении уникальных известий летописей НСГ среди историков летописания идут многолетние споры, углубляться в которые мы здесь не имеем возможности. Но если отнестись к этим известиям с доверием (как делает большинство исследователей, начиная с А.А. Шахматова), т. е. счесть время их записи близким к самому событию, нужно, видимо, признать, что одну из трех частей Смоленской земли должно было составлять Верхнее Подвинье с Торопцем в качестве административного центра. Кому досталась «часть» с Торопцем — Изяславу Киевскому, Святославу Черниговскому или Всеволоду, правившему в Переяславле, — неизвестно.

Границы этой «части», разумеется, можно указать только в самых общих чертах. Наиболее ясна юго-западная граница, где Торопецкая волость граничила с недавно (в 1021 г.) отошедшими к Полоцку землями, «тянувшими» к Витебску и Усвяту. Вероятно, граница этих земель проходила вдоль верхнего течения Усвячи в направлении устья реки Мёжи.

Чрезвычайно интересен вопрос о том, как далеко на восток в X–XIII вв. простирались земли, «тянувшие» к Усвяту и Витебску (т. е. принадлежал ли когда-либо Полоцку городок Велиж). Известно, что густонаселенное Велижское Подвинье со стратегически важными западнодвинскими порогами и бродами в позднем средневековье относилось к Литве, включая и левобережье Западной Двины к северо-востоку от Велижа (рис. 3). На московско-литовских переговорах 1503 г. между сторонами возник спор о принадлежности Велижской волости — к Торопцу или к Витебску (Побойнин 1902: 16; Курмановский 2023: 238). Овладев Торопцем, московская сторона стала претендовать и на Велиж, утверждая, что «Велижская волость *исконивечная* государя нашего земля, к городу Торопцу с торопецкими землями» (Побойнин 1902: 181). В дальнейшем конфликт вокруг

обладания устьем Мёжи неоднократно возобновлялся. На более или менее длительное время он был решен, как мы знаем, лишь войсками Стефана Батория, которые в 1579 г. штурмом овладели Велижем, находившемся в то время уже под контролем Москвы⁴. В 1582 г. на устье Мёжи витебский воевода поставил укрепление («город») и начал брать пошлину с проезжих купцов. Попытки размежевать торопецкую и велижскую волости продолжались и в XVII в. (Побойнин 1902: 146, 147, 180–182; Рабинович 2017: 19).

В раннем средневековье берега Западной Двины здесь были плотно заселены⁵. Если аргументы литовских послов в 1503 г. восходили к представлениям о древнерусском административном делении и этот микрорегион действительно «тянул» к Усвяту и Витебску в начале XI в., то это очень серьезно дополняет наше представление о результатах междоусобицы 1021 г. Тогда получается, что по ее итогам полоцкому князю Брячиславу Изяславичу удалось полностью перехватить горловину (в северной части которой располагался Торопец) пути из варяг в греки между Витебском и Оковским лесом (рис. 135). Такой полный геополитический триумф Полоцка кажется, однако, сомнительным⁶. Судя по концентрации в Велижском Подвинье поселений с сопками (Кресты, Горяне, Смоленский Брод и др.), здесь в X в. ключевую роль играло население, связанное с севернорусской норманнизированной культурой (Еремеев 2003; Еремеев, Дзюба 2010: рис. 317). Скорее всего, как и Усвят с Витебском, Велижское Подвинье напрямую контролировалось в X — начале XI в. киевской ветвью княжеской династии Рюриковичей. После перехода Усвята и Витебска (а также, видимо, входившего в витебскую волость Суража) под власть полоцких Изяславичей в 1021 г., район Велижа был, похоже, выделен из состава «тянувших» к этим городам земель (рис. 135). Так в районе Велижа и устья Мёжи образовался стык границ трех волостей —

⁴ Это событие запечатлено на карте Великого княжества Литовского Вильяма Блау, 1613 (рис. 3).

⁵ Раннесредневековому расселению в этом регионе и западнодвинскому водному пути посвящена специальная работа (Еремеев 2003), см. также: Еремеев, Дзюба 2010.

⁶ Даже переход одного лишь Суража к Полоцку справедливо может быть оценен как существенная угроза экономическим интересам Гнёздова (Нефёдов 2012: 109). Захват Полоцком района Велижа означал бы полный контроль Полоцка над путем из варяг в греки и серьезный экономический коллапс в Верхнем Поднепровье.

Рис. 135. Древнейшие русские летописные города Северо-Запада и юго-западная граница Торопецкой волости после 1021 г.

Витебской, Вержавской и Торопецкой. Борьба за этот ключевой речной треугольник затянулась почти на 800 лет, завершившись лишь после первого раздела Речи Посполитой в 1772 г.

С юга Торопецкая земля в XII в. ограничивалась областью Вержавлян Великих — самой богатой, согласно уставу Ростислава 1136 г., Смоленской волостью. Хотя Вержавляне известны

по письменным источникам только с этой даты, но отождествляемое с ними городище явно содержит материалы X в. (Нефёдов 2012: 107). Границей Торопецкой и Вержавской волостей, видимо, была река Мёжа — левый приток Западной Двины (Алексеев 1980: 54). Мёжа — крупная река, текущая в широтном направлении среди болот, как бы отсекает от Днедро-Двинского

междуречья Верхнее Подвинье. Об исконном восприятии ее как важного пограничного рубежа говорит ее название.

Западную границу Торопецкой волости предположительно можно провести по правому притоку Ловати — Кунье, к западу от которой начиналась сфера влияния Новгорода и новгородских Лук. Предшественник Лук — укрепленный форпост, названный археологами Городком на Ловати, известен по археологическим данным с середины X в. (Горюнова 2016: 57). А. Н. Насонов полагал, что к Торопецкой волости относился и город Жижец, фигурирующий в той же Уставной грамоте Ростислава Мстиславича.

Относительно северо-западной границы Торопецкой волости мы имеем прямое указание на то, что она почти достигала Холма — утверждать так позволяет локализация летописной Дубровны, упомянутой под 1234 г.:

«Въ лѣто 6742. <...> Томъ же лѣтѣ изгониша Литва Русь оли до тѣргу, и сташа рушанѣ, и засада: огнищанѣ и гридба, и кто купецъ и гости, и выгнаша я ис посада опять, бьющеса на поли; и ту убиша нѣколико Литвы, а рушан 4 мужа: попа Петрилу, Павла Обрадиця, и ина два мужа; а монастырь святого Спаса весь пограбиша, и церковь полупиша всю, и иконы и прѣстолъ, и цѣренци 4 убиша, и отступиша на Клинь. Тѣгда же вѣсть приде в Новѣгородъ къ кнѣзю Ярославу; князь же съ новгородѣци, вѣседавъше въ насады, а инии на конихъ, поидоша по нихъ по Ловоти; и яко быша у Моравиина, и вѣспятишася лодьници оттоле въ городъ, и князь я отпусти: не достало бо у нихъ бѣше хлеба; а самъ поиде съ коньники по нихъ. И постиже я на Дубровнѣ, на селищи въ Торопьчѣской волости, и ту ся би съ безбожными оканьюю Литвою; и ту пособи богъ и крестъ честныи и святая София, прѣмудрость божия, надъ погаными князю Ярославу съ новгородци: и отъяша у нихъ конь 300 и съ товаромъ ихъ, а сами побѣгоша на лесъ, пометавъше оружия, и щиты, и сови, и все от себе; а инии ту костью падоша» (ПСРЛ, т. III. 2000: 73)⁷.

На севере Торопецкая земля охватывала обширную область правых притоков Ловати

(Янин 1998: 190–197) и, по мнению В. Л. Янина, изначально (т. е. по крайней мере в XI в.) включала в себя территории волостей Буйцы и Лопатицы, выделенных в отдельный княжеский домен в начале второй четверти XII в. Мстиславом Владимировичем и «тянувших» с этого времени уже не к Торопцу, а к Новгороду (Янин 1998: 102). В первой трети XIV в. здесь образовалась область новгородско-литовской юрисдикции, основанная на совместной экономической эксплуатации этой территории при формальном политическом главенстве над нею Новгорода.

На востоке Торопецкая волость охватывала восточную периферию бассейна Западной Двины. Лежащие далее к востоку области Верхнего Поволжья от Селигера до бассейна Вазузы, так же как и Торопец, изначально входили в состав Смоленской земли. Насколько же далеко на восток в пределах Смоленского княжества простиралась юрисдикция собственно Торопца в домонгольский период — уверенно сказать затруднительно. Историки склонны «отдавать» Торопцу Верхнее Поволжье вплоть до Ржева (Голубовский 1895: 64; Кучкин 1984: 149; Янин 1998: 50; Нефёдов 2015: 466; Кузьмин 2017: 307), называемого даже «вторым городом» Торопецкого княжества (Квашнин-Самарин 1887: 11). Основанием служит то, что Ржев в 1216 г. в Новгородской Первой летописи (далее — Н1) упомянут как «городец Мстиславль» (ПСРЛ, т. III. 2000: 255), т. е. как город, принадлежащий Мстиславу Мстиславичу Удалому, княжившему прежде в Торопце. Действительно ли влияние Торопца простиралось так далеко вниз по Волге в X–XII вв.? Вопрос этот темен ввиду скудости письменных источников и неясности, что представляет собой Ржев в X–XIII вв. в сравнении с Торопцем в археологическом отношении. В начале XIV в. Ржев упоминается летописью как самостоятельный центр удельного княжения (Янин 1998: 51; Кучкин 1984: 149).

В 1073 г. Смоленск отходит Всеволоду Ярославичу, который посылает туда своего сына Владимира Мономаха (1053–1125). Владимир Всеволодович правил в Смоленске до 1078 г., когда перешел на Черниговский стол. После смерти

⁷ О локализации Дубровны см.: Янин 1998: 76.

Всеволода Ярославича в 1093 г., Смоленск снова оказывается во владении Мономаха.

Возвращаясь к письменным известиям о Торопце, мы подходим к центральному из них.

Это ключевое известие мы находим в составе Повести временных лет под 6582/1074 г. как часть повествования «о первых черноризцах печерских»:

Ипат.	Лавр.
<p>«Яко се бысть другый черноризецъ именемъ Исакий, яко еще сущю в мирскомъ житьи и богату сущю ему, бѣ бо купецъ, родом торопчанинъ, и помысли быти мнихомъ, и раздая имѣние свое трѣбующимъ и по монастыремъ, иде къ великому Антонию в пещеру, моляшеся ему, дабы створилъ черноризьцемъ.</p> <p>И приять ѿ Антонию, и возложи на нь порты чернѣцкиѣ, и нарече имя ему Исакии, бѣ бо имя ему мирское Чернь» (ПВЛ 1997: 230)</p>	<p>«Яко се бысть другый черноризецъ именемъ Исакий, якоже и еще сущю ему в мирѣ, в житьи мирьстѣмъ, и богату сущю ему, бѣ бо купецъ родом торопечанинъ, и помысли быти мнихъ, и раздая имѣние свое требующим и монастыремъ, и иде к великому Антонию в пещеру, моляся ему, дабы ѿ створилъ черноризьцемъ.</p> <p>И приять ѿ Антонию, и възложи на нь порты чернецьскыя, нарекъ имя ему Исакий, бѣ бо имя ему Чернь» (ПВЛ 1996: 82)</p>

В Киево-Печерском патерике этот же рассказ об Исакии Пещернике составляет «Слово 36» (Патерик 1911: 128, 129). Повесть о судьбе преп. Исакия, о его подвигах, искушении, болезни и исцелении в ПВЛ принадлежит к одному из самых красочных и сложных произведений русской духовной литературы (рис. 136). Умер подвижник при игумене Иоанне, т. е. после 1087 г. (Мюллер 2003: 68; Карпов 2017: 181)⁸.

Повествование об Исакии, будучи бесценным свидетельством истории Лавры, весьма мало дает нам для понимания событий общерусского масштаба и еще менее — для характеристики локальной торопецкой истории и ее персонажей. Это связано с тем, что древнерусские жизнеописания черноризцев составлялись по образцам византийских житий и строились на заимствованных сюжетах (Адрианова-Перетц 1964). Разумеется, и русские монахи могли в своей жизни подражать деяниям византийских подвижников. Отличить литературную стилизацию от правдивого описания такого жизненного пути в текстах XI–XII вв. не всегда возможно. Тем не менее в повествовании об Исакии есть один сюжет, небезынтересный, как

мне кажется, для понимания эпохи закрепления на Руси христианской веры, — это рассказ о вороне (рис. 137, 138). Приведем его по Ипатьевскому списку ПВЛ:

«Егда же приспѣяше зима и мрази лютии, и сътояше въ прабошняхъ, въ черевьихъ и въ протоптанныхъ, яко примѣръзныше нози его къ камени, и не двигныше ногами, дондеже отпояху заутренюю. И по *заутрени* идяше в поварницу и приготавлише огонь, и воду, и дрова, и приходяху прочий повари от брата. Единъ же поваръ, такоже бѣ именемъ Исакий, и рече, посмихаяся: “Исакъи! Оно съдиди вранъ черный, иди, ими его”. Онъ же, поклонився ему до земли и, шедъ, я врана и принесе ему предо всеми повары. И ужасошася и повѣдаша игумену и брата. И начаша ѿ брата чтити» (ПВЛ 1997: 232).

В отличие от впечатляющих мистерий искушения Исакия в пещере, являющих варианты очень распространенных монастырских сочинений, история с вороном, прилетевшим на монастырскую кухню, на первый взгляд выглядит как удивительный, но все же бытовой эпизод. Очевидно, перед нами элемент локального монастырского фольклора. Как известно, жития

⁸ Мощи, приписываемые Исакию Печерскому, покоящиеся в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры, были исследованы антропологами, которые пришли к заключению о принадлежности их молодому человеку 18–20 лет. Когда и каким образом произошла ошибка в определении захоронений — не вполне ясно (Жиленко 2005: 39).

злоу траже . бывшю свѣтлоу и при спѣвшю въ коше ни
 ю хлѣба . и прииде антоний по ѿвѣчю . кой концию . бѣго
 слови ѿ ченскни . и не бѣ гла мн послѣушани . и много гла
 антоний . и не бѣ ничто же . и рече оубоже преставилъ . и по
 слава монастырь по фѣодосий и по брлю . и яко павше гдѣ
 вѣ загражемоу спне . и прише в заша и шацен мртвѣ .
 и вынесша и положиша и прѣпещи раю . ноу хрѣшлѣко живъ
 есть . и рече мѣ и гоумень фѣосен . яко сн и матъ быти
 ѿ бг со всеклго дѣиства . и положиша и людрѣ . и слоужа
 ша и колѣго антоний . вси же время а приключи . и сла
 воу приити гдѣ ховъ . и мѣ гнѣватн еднѣ слава мѣ мѣта
 пнѣ . слава слава . и при слава сто слава мѣ шью . по мѣ антоний
 и черниговѣ . антоний же прише и черниговѣ . и во злю би
 бо днѣ отору . и сепавъ пчероу и сепавъ поу . и сепавъ
 монастырь . спѣвѣи . и владимѣ гора . и до сепавѣ . фѣо
 снѣ же оубѣдѣ . яко антоний шѣ къ черниговѣ . шѣ вѣ раею
 в за и сепавѣ . приити и сепавѣ вѣ вѣлью . и слоужа шѣ и ко
 лоѣго . бѣ вора слава мѣ шѣ вѣ мѣ поу мѣ мѣ . и ко мѣ мѣ
 шнѣ мѣ оубѣ вѣ рапѣ шѣ мѣ дѣ рѣ гоу ю сепавѣ поу . и вѣ вѣ шѣ .

Рис. 136. Испытание Преподобного Исакия Печерского. Миниатюра Радзивилловской (Кёнигсбергской) летописи. Рукопись XV в.

святых полны рассказов о доверительном общении отшельников с миром животных. В данном случае интересен, однако, выбор представителя этого мира — черного (что подчеркнуто летописцем) ворона и вызванный этой сценой ужас. Для того чтобы приблизиться к пониманию сущности эпизода, произошедшего на кухонном дворе Киево-Печерской лавры в 1070–1080-х гг., нам нужно обратиться к трем группам мифических представлений о вороне — книжной, славянской и северогерманской.

Тема эта имеет весьма обширную историографию, которая требует специальной проработки. Ограничусь указанием на европейские церковные представления о демонической сущности ворона, известные в религиозных сочинениях по крайней мере с VIII в. (Махов 2013: 102, 103). Подобное отношение к птице восходит к языческому почитанию ее кельтами и германцами в раннем железном веке (Serjeantson, Morris 2011). В славянских мифических поверьях, знакомых нам, правда, главным образом по поздним фольклорно-этнографическим материалам, ворон — птица вешая, причастная смерти и миру мертвых (Славянская мифология 2002: 91). Более всего мы знаем о роли птицы в скандинавском язычестве, где вороны — спутники Одина. Скандинавская культура VI–XI вв. насыщена образами ворона, связанными с воинскими божествами германцев. В Киево-Печерской лавре, где варяги присутствовали с самого ее основания, конечно, прекрасно знакомы были с эддическими мифическими представлениями. Ворон был частью того языческого мира, который не только не потерял окончательно своей силы за стенами монастыря, но и заявлял о себе в самих этих стенах (по Киево-Печерскому патерику известно, например, монастырское предание о варяжском кладе, якобы сокрытом в пещерах их устроителями — норманнами). Возможно, поэтому и попал на страницы ПВЛ рассказ о посрамлении вещей птицы на монастырской кухне, наряду с бесславной неудачей всей адской рати во главе с князем тьмы. Эпизод с вороном вносит в слово об Исакии Печерском некоторый живой варяжский колорит, отблеск которого лежит, как

мы видим, и на археологических древностях родины Исакия — Торопца.

Приход Исакия в Печерскую обитель, согласно летописной хронологии, произошел чуть более чем за 7 лет до возвращения «из ляхов» в Киев изгнанного из города Всеславом Полоцким князя Изяслава Ярославича (1069 г.). Цифру «семь», имевшую в летописной традиции особое сакральное значение, в данном случае вряд ли стоит принимать безоговорочно, но понятно, что реальное количество лет, проведенное до этого времени Исакием в монастыре, близко к этому числу. Таким образом, приход торопецкого купца в Киев к Антонию случился около 1062 г. Судя по тому, что пришел он уже известным человеком с состоявшейся и, видимо, драматичной мирской судьбой (успел разбогатеть и прославиться, а затем разочароваться в мирском преуспевании и раздать имущество монастырям и нищим), это не был двадцатилетний юноша. Принимая минимальный возраст появившегося у игумена Антония путника за 30 лет, получим самую позднюю предполагаемую дату рождения Исакия — около 1032 г.

Что же представлял собой Торопец с 1032 по 1062 г. по археологическим данным? Как мы знаем, Малое городище в это время еще не было построено. Очевидно, Торопец в эти годы мог существовать в виде Большого городища и лежавшего у его восточного и северного подножий открытого поселения (поселений?). Можем ли мы предположить, что где-то здесь и располагался дом, которым владел Чернь Торопчанин?

Но мы еще не рассмотрели подробно, как следует понимать мирское прозвище Исакия. Обычно историки без особых сомнений трактуют его как данное человеку, родившемуся и выросшему *в городе Торопце*. Другой вариант — торговая деятельность купца связана была с *городом Торопцем*. В этом случае родиться и вырасти он мог и в Киеве, и в любом ином месте. В той и в другой версии Торопец предстает как хорошо известный в Киеве торговый центр. Собственно, эта известность служит единственным аргументом для признания места рождения или торговой деятельности Торопчанина *городом*.

гмаше могама . дондеже ѿпои хоу оу престоло со . и по злоу ств
 ни даше поварню . пригтоваше ѿгмь . и водоу . и дрвоу .
 и приход хоу . прочий повары ѿбраи . единъ же поваръ . та
 кзъ живъи мнѣ ма и сакни . и рече мѣса . и сакни во поседитъ
 воронъ чернъ . иди и мн . ѿнже поклони се въ емо до земли .
 шѣ и мѣ воронъ . и прии се емо при все мн повары . ноу жлоша
 и повѣдлаши гоумно . и брапай . и мацаша и браи чти ти .
 ѿнже не хота мѣ ма чькыма . ма доу ро ство вати . и како
 стипни ма . ѿво нго мѣ ѿво брапай . ѿво мѣ сьски ма че
 ло вѣ ко ма . и дрвоу зни ра ны емоу да хоу и по ча помни хоу ти .

урост до створа . и килса вѣ ро . в мѣ быль . оуже бо вѣ
 а мпо мни прѣ ставилъ . не во коу бн со вѣ оумъ . и во скла ды
 баше торты чернѣ кнѣ . да ѿво ѿнго ума . прии ма шѣ
 ра ны . ѿво ли ѿ ро тель оумъ . сѣи же все по терпа шѣ . и по и
 ма шѣ ра ны . и ма гво . и стоу дѣ нь днѣи пощѣ . въ един доу
 пощѣ . въ кѣ гѣ пѣ щѣ въ нсто пѣ щѣ . въ пѣ щѣ ѿ ко ра згарѣ пощѣ
 въ вѣ оу тла . и ма палати . пламень оу тла мнѣ ѿво ма умѣ
 че зало ски ти . въ сто племо га ма въ сы ма . ста ма пла мни
 до ма и згарѣ ти щѣ и сѣ зѣ . и ма ма по га по ве да хоу ѿ не ма !

Рис. 137. Преподобный Исакий Печерский и ворон. Миниатора Радзивилловской (Кёнигсбергской) летописи. Рукопись XV в.

Между тем вопрос о том, кого на Руси в середине XI в. звали торопчанами, гораздо сложнее. Торопец, так же как и другие города Подвинья (Витебск, Полоцк, Усвят), получил свое название от протекающей через него реки — Торопы. Правда, реки такой древнерусские летописи не знают. Описывая путь из варяг в греки, ПВЛ, как известно, «перескакивает» с Днепра сразу на Ловать, «забывая» не только притоки Западной Двины, но и ее саму. А ведь от того же Исакия Торопчанина в Печерском монастыре, где ПВЛ и была составлена, конечно, прекрасно знали про реалии сухопутного пути в Новгород и про реку Торопу.

Архаичная система расселения, свойственная древним славянам, подразумевала обладание землей (территорией), организующей структурой которой была река или озеро (как мы говорим сейчас — речной или озерный бассейн). Такие гнезда расселения (самых разных размеров), привязанные к речным бассейнам, археологам известны и хорошо ими изучены. Древнейшие из них возникли задолго до того, как у славян появились города. Тогда и зародились первые славянские топонимические этнонимы — прозвища, связывающие насельников берегов той или иной реки с ее названием (например, мораване, жившие по Мораве, бужане, жившие по Бугу, или пищанцы на небольшой реке Пищане в земле радимичей). Подобный обычай сохраняется в русском языке и сейчас, когда мы, например, называем волжанином человека, родившегося и выросшего на Волге.

Прозвища этих на Руси было с незапамятных времен, конечно, великое множество, и о большинстве из них мы ничего не знаем, поскольку монахи-летописцы не считали подобное народное творчество чем-то достойным внимания. Исключения редки. Не услышь, например, летописец понравившуюся ему веселую присказку «Пищанцы волчьего хвоста бегают», не вставь ее в известие 6492/984 г., приписав имя «Волчий хвост» полузабытому (а возможно, и мифическому) воеводе князя Владимира — и не узнали бы мы ничего об этой малой ветви племени радимичей, жившей по берегам никому сейчас не ведомой речушки (ПВЛ 1996: 39).

Не так ли и с торопчанами? Не называли ли так на Руси насельников берегов *реки Торопы*, а не обитателей *города Торопца*? Возможно, ответить на этот вопрос археологам удастся, исследовав территорию современного города и отыскав там следы крупного торгового центра середины XI в. Пока этот вопрос остается открытым. Но все же решение его в пользу признания за прозвищем Исакия «городского» значения остается наиболее вероятным. Кстати, был он в Киево-Печерской лавре не единственным выходцем из кривичского региона. Патерик знает еще черноризца Арефу «родом полочанина», постригшегося в монахи богача, жившего в Лавре во второй половине XII в. (Патерик 1911: 88).

С 1120-х гг. в Смоленске и Смоленской земле утверждается у власти Ростислав Мстиславич, внук Владимира Мономаха. Первым документом (правда, дошедшим до нас лишь в списке XVI в.), гласящем о *городе Торопце*, является грамота, получившая название «Уставная и жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу», дошедшая до нас в составе подборки из нескольких документов, обнаруженных в середине XIX в. в Швеции (Смоленские грамоты 1963: 75–80; Древнерусские княжеские уставы 1976: 140–145). Торопец упоминается в начале грамоты как один из богатейших городов Смоленского княжества:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Бог и святая Богородица и отца моего молитва, приведох епископа Смоленску, сдумав с людьми своими, по повелению отца своего святого, еже хотев при животе своем сътворити; но есть [з]де перее сего не бывало епископы, да яз недостойныи, грешныи, се уста[в]ляю епископю, о немъ же епископу быти живу и с клиросом своим, в свои дни и во свое княженье, еже ми бог дал и отча молитва.

А се даю Святей Богородици и епископу прощеники, с медом, и с кунами, и с вирую, и с продажами, и не надобе их судити никому же человеку.

И се даю святей Богородици [и] епископу десятину от всех даней Смоленских, что ся в них сходит истых [к]ун, кроме продажи и кроме виры и кроме полюдья:

у Вержавлянех у Великих 9 погост, а в тех погостех платит кто ж свою дань и передмер истужници по силе, кто что мога, а в тех погостех а некоторый погубнетъ, то ти и десятины убудеть, а в тых погостех во всех сходится дани осмъсот гривен, а передмера сто гривен, а на истужницах сто гривен, то ти из того взяти епископу к святей Богородици сто гривен; а во Врочницех [200?] гривен, то ти из того взяти епископу 20 гривен; а в Торопчи дани четыриста гривен, а епископу с того взяти 40 гривен...» (ПРП 1953: 39).

С момента составления этой грамоты можно уже уверенно говорить о Торопце как о большом торговом городе в полном смысле этого слова (хотя городами являлись не все упомянутые грамотой административно-экономические центры Смоленской земли). Правда, сам документ, упоминающий Торопец, не содержит в себе даты, а Ростислав Мстиславич княжил в Смоленске очень долго — с 1128 по 1160 г. (ПРП 1953: 45). Датировка грамоты определялась отечественными историками первоначально 1150 г., т. е. датой, содержащейся в приложенном к ней ином документе (ПРП 1953: 10, 45; Смоленские грамоты 1963: 80). В последующее время состав уставных документов Смоленской епископии был пересмотрен учеными, и грамоту церкви Богородицы принято сейчас датировать 1136 г. (Алексеев 1980: 21). Получается, что отраженная в документе система взимания податей складывалась в первой трети XII в., что прекрасно увязывается с археологическими данными — несомненно, это период расцвета поселения на Малом городище Торопца.

Грамоте Ростислава посвящена огромная научная литература, надо сказать существенно опережающая в своих толкованиях реальные знания о периферийных центрах Смоленской земли, об их географии и археологическом наполнении. Ученые полагают, что в основе грамоты 1136 г. лежит некий документ, составленный в 1054 г. при выделении Смоленска в удел Вячеславу Ярославичу (Алексеев 1980: 46). По мысли Л. В. Алексеева, к этому документу, по мере приращения территорий княжества, добавлялись (буквально приписывались строка за стро-

кой в хронологической последовательности) новые административные центры, что позволило исследователю представить документ в виде «некой временной шкалы». Такой подход кажется несколько умозрительным. В нем никак не учтено, например, вышеупомянутое «разделение Смоленска» на три части по смерти Игоря Ярославича, да и сложно представить сохранение такой последовательности в течении столетнего документооборота. Вывод Л. В. Алексеева относительно древнейшего Торопца кажется, однако, верным — он, скорее всего, изначально был подчинен Смоленску, а возможно, и входил в зону варяжской дани (область, с которой, согласно ПВЛ, собирали в середине IX в. мзду изгнанные за море варяги).

Летопись впервые упоминает Торопец в связи с последним путешествием Ростислава Мстиславича, совершенным им по пути из варяг в греки в 1167 г. до Торопца из Киева, на обратном пути к которому он скончался:

«В лѣто 6676. <...> Того же лѣта исходяча поиде Ростиславъ Новугороду, занеже не добръ живяху Новгородци съ Святославомъ, сыномъ его. <...> И начаша и срѣтати лутшии мужи Смолняны за 300 верстъ, и за тѣмъ усрѣтоша и внуци, и за тѣмъ усрѣте и сынъ Романъ и епископъ Мануиль и Внѣздъ, и малъ не весь градъ изиде противу ему и тако велми обрадовашася вси приходу его и множество даровъ подаяша ему. И оттудѣ в Торопечь, и оттудѣ посла сыну Святославу Новугороду, веля ему възѣхати противу себѣ на Лукы, бѣ бо уже Ростиславъ нѣздравуя велми. И ту снимася на Лукахъ съ сыномъ и с Новгородци, и цѣловаша Новгородци хрестъ к Ростиславу на том, якоже имъ имѣти сына его собѣ княземъ, а иногю князя не искати, оли ся с ним смерть розлучити. И много даровъ взя у сына и у Новгородца, и оттудѣ възвратися Смоленьску» (ПСРЛ, т. II. 1998: 527, 528).

Торопец выступает в этом известии как узел коммуникаций и как последний, самый северный город близкой и преданной Ростиславу Смоленской земли. Интересно, что Святослав Ростиславич едет на встречу с отцом из Новгорода не напрямую через область Южного Приильменья, а несколько кружным путем — огибая Торопец с запада с остановкой в новгородских

Луках, в чем можно видеть скорее некий политический подтекст, чем реалии сезонного использования путей сообщения. За смертью Ростислава последовала, как известно, грандиозная военная смута, захватившая и Торопецкую волость. Н4 сообщает:

«Того же лѣта выидѣ князь Святославъ из Новагорода Лоукі и присла в Новѣгородъ, яко “не хошоу оу васъ княжити”; Новгородци же цѣловаша святую Богородицю, яко “не хоцемъ его” и идоша прогнать его с Лоук. Он же, очютивъ, оже идоуть на нь, и иде Торопцю, а Новгородци послаша в Русь къ Мъстиславоу по сына. Святослав же иде на Волгу, и вда емоу Анлрѣи помочь, и пожже Новыи Торгъ, а Новоторжци отступиша к Новугороду; и много пакости творяше домом ихъ и села ихъ потрпти. А братъ его Романъ и Мъстиславъ пожгоша Луки, а Лоучане оустоупиша оні в Новгородъ, а иніи ко Пьскову» (ПСРЛ, т. IV, ч. 1. 2000: 161, 162).

В 1168 г., получив нового князя (им стал Роман Мстиславич), новгородцы организовали впечатляющую военную кампанию, разорив разом и окрестности Полоцка, и Торопец:

«В лѣто 6676. <...> Прииде князь Романъ Мъстиславиц, вѣнукъ Изяславль, Новугороду на столъ, априля в 14 день; и ради быша новгородци своему хотѣнню. В то же лѣто ходиша новгородци съ плесковици къ Полтеску и пожгоша волость и воротишася от города за 30 версть. Тому же лѣту исходящу, на весну ходи Романъ с новгородци к Торопцю, и пожгоша дома их, и голов множество полониша» (ПСРЛ, т. III. 2000: 220).

Последнее известие является чрезвычайно важным фактором будущей археологической синхронизации древностей пограничных с Новгородской землей городов Полоцкой земли и Торопца. Дело в том, что наши раскопки в полоцком Усвяте, проводившиеся в 2010–2021 гг., выявили некий пожар XII в., уничтоживший Усвятский детинец. Не следы ли это разорения северных окраин Полоцкой земли

новгородцами в 1168 г.? Считается, что пожар этого года в Торопце затронул только посад — так исследователи трактуют слова «пожгоша дома их» (Малевская, Фоняков 1991: табл. I). Поскольку раскопок на посаде в Торопце почти не велось, то и открытие здесь слоя пожара, учиненного Романом с новгородцами, — еще впереди. Но, конечно, самое время вспомнить сейчас о сгоревшей постройке, открытой раскопом Н. П. Милонова в 1939 г. Очень вероятно, что ему удалось отыскать следы этого погрома города.

Вернемся к летописям. В случившейся на следующий год осаде суздальской ратью Новгорода в составе антиновгородской коалиции участвовали, как известно, и торопчане (ПСРЛ, т. IV, ч. 1. 2000: 163). Все это рисует Торопец значительным политическим центром, способным выставить военные силы, вполне заметные на общерусском фоне.

Дальнейшие летописные упоминания Торопца относятся к XIII в. Под 1209 г. город упоминается в Лаврентьевской летописи как волость Мстислава Мстиславича (Удалого)⁹. К Торопцу приурочен и ряд дальнейших событий, связанных с политической и военной карьерой этого прославленного князя-воина:

«В лѣто 6719. <...> И посла князь Мъстиславъ Дмитра посадника на Луки с новгородци город ставити, а самъ иде на Торжокъ блюсти волости, и ис Торжъку иде в Торопецъ, и с Торопця прииде на Луки, и снятся с новгородци; а лучаномъ дасть князя Володимира Плесковьскаго» (ПСРЛ, т. III. 2000: 249).

В 1211 г. Торопец становится местом ссылки новгородского архиепископа Митрофана, не поладившего с князем Мстиславом и новгородцами (ПСРЛ, т. III. 2000: 250). В этот период летопись сообщает уже об особом торопецком княжении, союзном Новгороду и принимавшем близкое участие в его внутренних делах и военных предприятиях. В 1214 г. брат Мстислава Мстиславича торопецкий князь Давыд

⁹ Область бурной деятельности Мстислава, которого историки иногда именуют «Торопецким», охватывала едва ли не всю Русь, от Новгорода до Галича. Торопец в жизни князя был, конечно, малозначащим эпизодом. О Мстиславе Мстиславиче Удалом см.: Бузескул 1883; 1883а; 1883б; Нестеренко 2017. По поводу прозвища князя (по летописям буквально — Удатный) существует два толкования. Часть историков толкует его как *удалой*, часть как *удачливый*. Полагаем, что первое толкование *удачнее*, поскольку *удаль*, в русском понимании, обязательно включает в себя и *удачу*.

Мстиславич (в 1225 г. он погибнет в грандиозном сражении с литовцами под Усвятом) участвует в новгородском походе на Чудь:

«В лѣто 6722. <...> Иде князь Мъстиславъ с новгородци на Чюдь на Ереву, сквозѣ землю Чудькую к морю, села ихъ потра-ти и осѣкы ихъ возмя; и ста с новгородци под городомъ Воробииномъ, и Чюдь поклонишася ему; и Мъстиславъ же князь взя на них дань, и да новгородцемъ двѣ части дани, а третьюю часть дворяномъ; бяше же ту и Плесковъскыи князь Всеволод Борисовиць со плесковици, и Торопечьскыи князь Давыдъ, Володимиръ брат; и приидоша вси здрави со множествомъ полона» (ПСРЛ, т. III. 2000: 251).

Историки полагают, что появление удельного торопецкого стола отразилось также в более поздней грамоте Смоленской епископии из того же упомянутого выше комплекса документов (Куза 1989: 33).

Письменные известия о Торопце XIII в. мало что добавляют к картине, нарисованной археологами. По скудным известиям мы видим, как возрастает военное давление литвы, направленное в южные пределы Новгородской земли, жертвой которого оказывается в итоге

и сам торопецкий князь. Становится понятным отмеченное археологами усиление торопецких укреплений. Верхний ярус городской вала Малого городища, надстроенный в XIII в., возможно, связан с этой опасностью. В 1225 г. в одном из сражений с литвой погиб торопецкий князь.

«Въ лѣто 6733. ..Тои же зимѣ приидоша Литва, и повоева около Торжъску бещисла, не доганиша Торжъку за три верѣсты, бяше бо их 7000, и гость биюще много, и Торопечьскую волость всю взяша. Князь же Ярославъ и Володимиръ съ сыномъ и с новотържыцѣ, княжь дворъ, а новгородцовъ бѣ мало, торопчанѣ съ княземъ своимъ Давыдомъ поидоша по нихъ, а по новгородци послаша: они же, дошедше Русѣ, и паки назадъ възвратишася. Князь же Ярославъ сугнавъ на Вѣсте и наворопи на не; и тако, божиею помощю и святыи Софѣя, отъймавъ весь полонъ, а самыхъ избиша 2000, а прочии разбѣгошася; ту же убиша Торопечьскаго Давыда князя и Василя, меченошу Ярославля» (ПСРЛ, т. III. 2000: 269).

Лучше читается это известие в Синодальном списке Н1 (далее — Син.) и в некоторых других летописях:

Син.	Симеоновская летопись
<p>«Въ лѣто 6733. <...> Тои же зимѣ придоша Литва, повоеваша около Тържку бещисла и не доганяша Тържку за 3 вѣрсты, беша бо ихъ 7000, и гость биша многъ, и Торопцьскую волость всю поимаша. Князь же, Ярославъ и Володимиръ съ сыномъ и с новотържыци, княжь дворъ, новгородцевъ мало, торопчане съ князьмъ своимъ Давыдомъ поидоша по нихъ, а новгородци послаша: они же, дошедше Русы, възспятишася. Князь же Ярославъ съгони е на Вѣсвятѣ и наворопи на не; и тако, божиею помощю и святыя София, отъймаша весь полонъ, а самѣхъ избиша 2000, а прокъ ихъ разбегошася; ту же убиша князя Торопцьскаго Давыда и Василя, меченошу Ярославля» (ПСРЛ, т. III. 2000: 64)</p>	<p>«Въ лѣта 6734. <...> Тоя же зимы воеваша Литва Новгородцкую волость и поимаша много множество зѣло христіанъ, и много зла сътвориша, воюючи около Новгорода и около Торопчя, и около Смоленска и до Полотьска; бѣ бо рать велика зѣло, яко же не бывала отъ начала миру. Слышавше благовѣрныи князь и боголюбивыи Ярославъ, сынъ Всеволожь, внукъ Юрьевъ, съжалиси зѣло о христіанехъ и поѣха на нихъ ис Переяславля, и постиже я у Вѣсвята. Видѣвше же Литва исполчишася противу имъ на езерѣ. Князь же Ярославъ, помоляся Богу, поѣха на нь, и сступившимся полкомъ, побѣгоша поганіи. Князь же Ярославъ, силою креста честнаго и молитвою святыя Богородица, архааггела Михаила и Гавріила, гна по нихъ, овы избіа, иныхъ поима, князя</p>

Син.	Симеоновская летопись
	ихъ изыма, а полонъ весь отъя; и бысть радость велика по всѣмъ землямъ тѣмъ свободенымъ отъ поганыхъ, и бысть миръ потомъ и на многа лѣта; а самъ князь Ярославъ ѣхавъ сѣде на столѣ въ Новѣгородѣ» (ПСРЛ, т. XVIII. 2007: 52)

Еще более развернутый рассказ о событиях содержит Тверская летопись, в которой они отнесены к 1226 г.:

«Въ лѣто 6734. На зиму придоша Новгородци съ молбою по Ярослава, зовучи его къ себѣ на столъ; Ярославъ же управися съ ними на всей своей воли, начатъ отдавати свестъ свою за Ярослава, Муромского князя. Еще ему не оправилу сватбы, ни мужей Новгородскихъ отпустившу отъ себе, которіи бяху пришли по него, зовучи его къ себѣ на столъ, приде к нему вѣсть, яко пришедше Литва воюеть около Торжьку, въ семи тысячихъ, и около Новагорода, и около Торопца, и Смоленскую волость; и повоеваша около Торжьку бес числа, не догониша до Торжьку за три версты, и гость быша много, и Торопецкую волость всю поимаша. Тоже слышавъ Ярославъ, скоро погна по нихъ ис Переяславля съ полкомъ своимъ, и съ нимъ же Володимеръ съ сыномъ и съ Новоторжьцы, и Новгородцовъ мало, Торопчанѣ съ княземъ своимъ Давыдомъ поидоша по нихъ, а по Новгородцовъ послаша; они же дошедше Русы възвратишася опять. Князь же Ярославъ постиже ихъ въ Полотцкой земли на Вѣстѣ, у Овъсвячо городка, они же исполчишася противу ему при езерѣ, въ недѣлю сыропустную, и бышася съ нимъ на озерѣ; и тако Божіею помощію побѣди ихъ Ярославъ, полонъ весь отъя, а самихъ изби, а изымалъ ихъ 2 тысячи, а князя ихъ ятъ. На томъ бою убиша у Ярослава блаженного князя Давыда Торопецкого и Василя, меченошу Ярослава. Оттуду поиде Ярославъ къ Новгороду на всей своей воли, и сѣде на столѣ лѣта 6734; се бысть третіе сѣденіе его въ Новѣгородѣ. Пришедше Ярославъ въ Новгородъ, не положи того въ гнѣвъ, что не пошли по немъ Новгородци. Тогда же поставиша церковь Рождества Христова» (ПСРЛ, т. XV. 2000: 345–346).

Подробно рассматривать все известия, упоминающие Торопец и относящиеся к XIII в., здесь нет возможности. Остановиться следует только на одном сюжете, важном для локальной торопецкой истории, а именно — на свадьбе в 1239 г. Александра Ярославича:

«В лѣто 6748. Оженися князь Олександръ, сынъ Ярославль в Новѣгороде, поя в Полотскѣ у Брячьслава дчерь, и вѣнчася в Торопчи; ту кашу чини, а в Новѣгороде другую. Того же лѣта князь Олександръ с новгородци сруби городци по Шелонѣ» (ПСРЛ, т. III. 2000: 77).

«Каша» в данном случае означает брачное пиршество. Кашей угощали на Руси молодых после первой брачной ночи (Козаченко 1957: 71; Самоделова 2005: 807; Гура 2011: 363–370). Факт одного из центральных актов свадебных торжеств именно в Торопце показался летописцу настолько примечательным, что он счел нужным включить его в лаконичное известие, соседствующее с сообщением о построении князем укреплений против литвы — городков на юго-западных границах Новгородской земли с полоцкими владениями. Конечно, соседство двух летописных известий многозначительно. Брак Александра Ярославича имел отчетливый политический аспект. Полоцкое княжество как самостоятельная политическая сила доживало свои последние годы. Давно уже под напором немецких рыцарей был потерян контроль над Нижним Подвиньем, а до перехода самого Полоцка под власть литвы оставалось несколько лет¹⁰. Контроль за Витебском и Усвятом, служившими воротами

¹⁰ Подконтрольные Полоцку княжества Герцике и Куkenойс были разгромлены немцами. В 1262–1263 гг. Полоцк уже находился под властью литовского князя Товтивила (ПСРЛ, т. III. 2000: 312–313). В конце 1263 г. в Полоцке и Витебске, видимо, правил литовец Гердень, заключивший первый из дошедших до нас самостоятельных договоров этих городов с Ригой и Орденom (ПГ, т. I. 1977: 35).

в Северо-Западную Русь, становился для Новгорода, Торжка и Твери первоочередным вопросом безопасности.

Городки на Шелони должны были перекрыть дорогу вдоль реки Судомы, впадавшей в Шелонь в районе современных Дедовичей, — старинный тракт, которым ходил на Новгород из Полоцка в 1021 г. еще Брячислав Изяславич, а теперь, через двести лет, то и дело прорывалась страшная литовская конница¹¹. Вообще же 1239 г. принес Руси временное облегчение от литовского натиска — Ярослав из Смоленска совершил удачный поход на литву, взял большой полон и захватил даже какого-то литовского князя (ПСРЛ, т. I. 2001: 470). Понятно, что в совокупности с новгородским фортификационным строительством перед нами продуманная и согласованная на общерусском уровне цепь масштабных военно-политических предприятий, частью которой выглядит и брак молодого новгородского князя с полоцкой княжной¹².

О жене князя, Александре, мы мало знаем. Полагают, что полоцкий князь выделил ей в вено (в приданое) Витебск. По крайней мере, известно, что в 1246 г. сын Александра Невского Василий находился в Витебске, и чтобы вывезти его оттуда, Александру Ярославичу с новгородской дружиной пришлось пробиваться с боями через Торопец, Жижец и Усвят. Известна могила Александры Брячиславны в главном соборе Успенского Княгинина монастыря во Владимире (Флоринский 1881: 17; Георгиевский 1896: 122; Сиренов 2014: 50).

Некоторый успех Ярослава и смолян в борьбе с литвой в 1239 г. не мог, конечно, уравновесить потерь Руси от сокрушительного монгольского разгрома того же года, когда после разорения всей Владимиро-Суздальской земли татары двинулись на Новгород, и его спас от гибели только подвиг жителей Торжка, бившихся две недели и полностью вырезанных взявшими, в конце концов, город татарами.

После чудовищной общерусской катастрофы успешно сопротивляться литве северные области Руси уже не были в состоянии, и потеря Подвинья стала для них вопросом нескольких лет.

Завершить обзор источников можно летописным известием Н1 о пребывании в Витебске сына Александра Ярославича 1246 г., вполне исчерпывающе характеризующим обстановку на западных и южных границах Торопецкого княжества:

«Тогда же воеваша Литва около Торжкы и Бѣжици; и гнашася по них новоторжци съ княземъ Ярославомъ Володимирицемъ и бишася с ними; и отъяша у новоторжець конѣ, и самых биша, и поидоша с полонем прочь. И погони по них Явиде и Кербеть с тѣрицѣ и дмитровци, и Ярославъ с новоторжци; и биша их под Торопцомъ, и княжицѣ их вбѣгоша в Торопецъ. И зутра приспѣ Александръ с новгородци, и отъяша полонъ весь, а княжицовъ изсѣче ли боле 8. И оттоль новгородци въспятишася; а князь погонися по нихъ съ своимъ двором, и би их под Жизичемъ, и не упусти их ни мужа, и ту изби избытокъ княжиць; а самъ пойма сына своего из Витебска, поиха в малѣ дружинѣ, и срѣте ину рать у Свята; и ту ему богъ поможе, и тых изби, а самъ прииде здравъ и дружина его» (ПСРЛ, т. III. 2000: 304).

Историки, как говорилось выше, полагают, что сын Александра Невского от полоцкой княжны получил княжение в Витебске (Горский 1996: 52). Как бы там ни было, повластвовать в Витебске в сознательном возрасте Василию Александровичу не пришлось. Несмотря на то, что литва была, по выражению С.М. Соловьева, «отбита со славою», итоги года были для Руси, в сущности, неутешительны. Покинув под защитой отцовской дружины родовую вотчину Изяславичей, малолетний Василий уже никогда не смог в нее вернуться.

Через семь лет совсем юный князь Василий (ему было не более 13 лет) еще раз

¹¹ На Шелони известны такие крепости, как Старый Порхов, Опока, Высокое, Вышегород, Кошкин городок. Какие из них построены (или перестроены) Александром Ярославичем — вопрос дискуссионный.

¹² Историки традиционно рассматривают этот брак как попытку Александра возглавить общерусскую консолидацию перед лицом литовской опасности (Кузьмин 2001: 60, 61).

появляется в летописи в связи с торопецкими делами:

«В лѣто 6761. Воеваша Литва волость Новгородскую, и поидоша с полоном; и угониша их новгородци съ княземъ с Васильемъ у Торопча; и тако мъсти их кровь крестиянская, и побѣдиша я, и полонѣ отъимаша и придоша в Новѣград вси здрави» (ПСРЛ, т. III. 2000: 307).

В 1250-х гг. Василий Александрович недолго княжил в Новгороде, но политическим дарованием не отличился, в 1257 г. вступил в конфликт с отцом, и в дальнейшем известия о нем теряются. Скончался старший сын Александра Ярославича в 1271 г. (ПСРЛ, т. VII. 2001: 170). Вскоре после 1253 г. Торопец перешел под власть литовских князей (Янин 1998: 52).

Глава 8

Торопец и летописные города кривичского Подвинья. Историко-географические и социально-антропологические заметки

Историки любят повторять слова В. О. Ключевского, заметившего: «довольно беглого взгляда на географическое размещение этих городов, чтобы видеть, что они были созданы успехами внешней торговли Руси...». Действительно, многие малые русские города в летописях представляются нам как узловые пункты на коммуникациях, по которым перемещаются те или иные князья со своими дружинами и их противники. Но не является ли такой «беглый взгляд» на самом деле взглядом поверхностным? Ведь в то время, когда В. О. Ключевский создавал свою «торговую» теорию происхождения древнерусских городов, не было известно почти ничего ни о времени расселения славян на Северо-Западе, ни о созданных ими земледельческих микрорегионах. Это понимание начало приходить к ученым только в конце XX в.

В бассейне Западной Двины известно всего четыре города, летописные упоминания которых восходят к начальной русской истории: Полоцк,

Витебск, Усвят и Торопец (рис. 135). Это не значит, что другие раннегородские центры, такие как Браслав, Лукомль, Вержавск, Жижец, возникли позднее. Судя по всему, все эти крупные укрепленные поселения вырастают примерно одновременно в X в., причем часть из них (Полоцк, Витебск, Лукомль) — на основе более ранних племенных городков (Еремеев 2015). Упоминания в летописях тем не менее не случайны — они отражают степень известности и важности того или иного раннегородского центра.

Обращаясь к четырем упоминающимся в летописях центрам X–XI вв., мы видим, что по своей топографии они образуют две пары. Полоцк и Витебск лежат на берегах Западной Двины, являясь, таким образом, торговыми центрами на западновинском водном пути (рис. 139). Оба они вырастают на месте раннеславянских городков третьей четверти I тыс. н. э. (Еремеев 2015: 25–35; 82–86). Сходство их топографической структуры очевидно. Это первая пара.

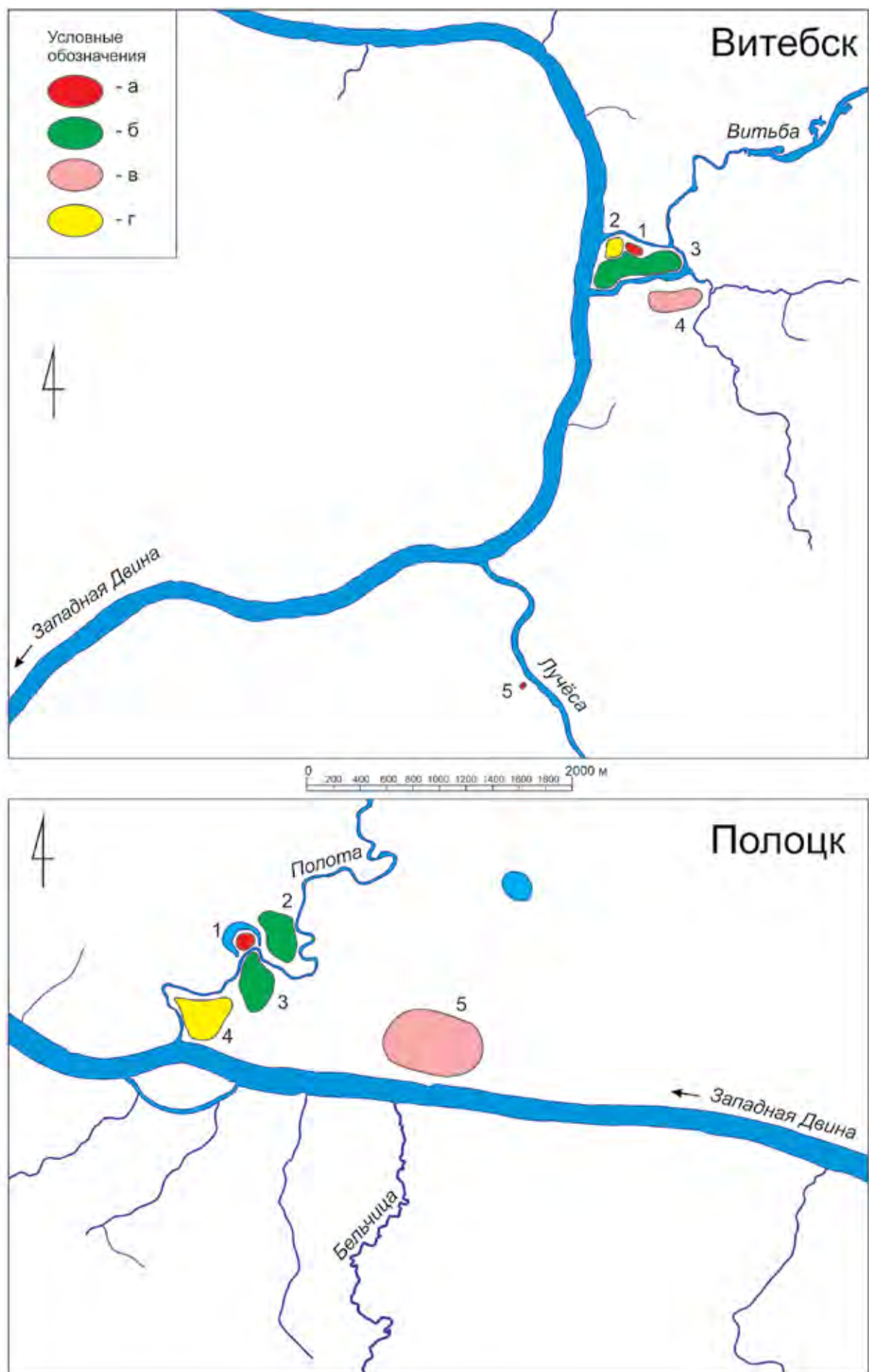

Рис. 139. Сравнительная топография двух древнерусских городов X–XIII вв. на Западной Двине (Витебск и Полоцк). Условные обозначения: а – раннесредневековые городища; б – неукрепленные поселения, перерастающие в городские посады; в – языческие курганные могильники IX–X вв.; г – детинцы XII–XIII вв. Цифровые обозначения на карте Витебска: 1 – Замковая Гора; 2 – Верхний Замок; 3 – Нижний Замок; 4 – разрушенный курганный могильник; 5 – городище Бароники. Цифровые обозначения на карте Полоцка: 1 – Полоцкое городище; 2 – селище при Полоцком городище; 3 – Нижний Замок; 4 – Верхний Замок; 5 – разрушенный курганный могильник

Вторую группу образуют Усвят и Торопец. Топография их более сложна и труднее поддается сравнительному анализу. Во-первых, следует обратить внимание на положение обоих городков относительно водных преград. Сразу же бросается в глаза сходство — оба города расположены в озерном дефиле, т. е. в том месте, где два крупных озера соединяются между собой труднопреодолимой заболоченной протокой, через которую в меридиональном направлении проходит важная дорога или несколько дорог (рис. 140). Иными словами, оба города расположены в ключевых с военной точки зрения позициях. Этот вывод носит отнюдь не умозрительный характер — речь идет о дорогах, активное военное использование которых литвой в XIII в. многократно зафиксировано русскими летописями (Фоняков 2000: 156)¹.

Во-вторых, Усвят и Торопец расположены в начальных точках судоходных речных путей. Правые притоки первого порядка Западной Двины — Усвяча и Торопа становятся доступными для сплава (и только для сплава) судоходства именно ниже Усвятских и Торопецких озер. В средневековье в Усвяте и Торопце можно было весной нанять судно для сплава по Западной Двине².

Эта схожесть экономико-географических обстановок обусловила и близкие судьбы двух раннегородских микрорегионов. В обоих, видимо, в середине — второй половине IX в. появляется арабское серебро и выпадают монетные клады (Зеликовье, 867 г. и Глазуново, 854 г.). Вслед за распространением монетного серебра появляются вещи восточного происхождения — это знаменитое бронзовое блюдо из Торопца и перстень с каменной вставкой, украшенной арабской надписью, найденный в нашем раскопе 2021 г. в Усвятах. В Торопце и в Усвятах в X в. присутствуют скандинавы. Оба местечка связаны, видимо, с княжескими резиденциями, цепь которых существовала на пути из варяг в греки между Верхним Поднепровьем и Новгородом.

Исследователи уже высказывали мысль о том, что возвышение Торопца около середи-

ны XI в. как раз и сопряжено с тем, что Витебск и Усвят после 1021 г. уходят из-под власти киевских Рюриковичей в юрисдикцию полоцких Изяславичей. Тем самым после сражения на Судоме киевская династия уже не могла свободно эксплуатировать центральную волоковую часть пути из варяг в греки. Это означает, что Торопец после 1021 г. фактически наследует функции Усвята, с геополитической точки зрения является его воспроизведением на новом месте, но в сходных географических и стратегических условиях. Не этим ли обусловлено и сходство их топографии в XI в.?

Городище Усвята X — начала XI в. найдено (Еремеев, Фурасев 2021). Главная же загадка Торопца пока не решена. Доподлинно не известно — было ли укреплено первоначальное поселение IX–X вв. и где могли находиться эти укрепления? Как читатель уже понял, существуют две версии: на северном берегу оз. Зеликовье (Г. Ф. Корзухина, Ю. М. Лесман, М. В. Малевская, Д. Н. Фоняков) и на Большом торопецком городище (автор этих строк).

По современным данным, достоверная «городская» история Торопца начинается с конца XI в., со строительства Малого городища. Укрепления состоят из вала в виде кольца, в плане несколько «приплюснутого» с севера. Высота его до 7,5 м (в прошлом, по мнению П. А. Раппопорта, до 9 м), ширина — до 30 м. Размеры внутренней площадки — 95 × 60 м. Снаружи вал был окружен рвом, еще заметным в XIX в., а ныне полностью заплывшим (Малевская, Фоняков 1991: 34). Торопецкая круглая крепость стоит в одном ряду с аналогичными укреплениями конца X — начала XI в. в полоцком Заславле (Заяц 1987: 35–37; 1995: рис. 5–7) и фортификациями XII в. в суздальских городах Мстиславле, Микулине, Дмитрове, Юрьеве-Польском (Раппопорт 1961а: 20–23; 1965: 20, 25). Где следует искать истоки фортификационной традиции круглых крепостей, которых на Западе по традиции обозначают термином «рингфорт»?

У славян в Восточной Европе, в частности в Верхнем Подвинье, небольшие кольцевые

¹ Позднесредневековые дороги, сходящиеся к Торопцу, представлены на хорошей сводной карте, построенной на «выписи» XVII в. из новгородских изгонных книг (Голубцов 1950).

² О судоходности Торопы лишь от города Торопца и ниже писал еще И. И. Побойнин (Побойнин 1902: 7).

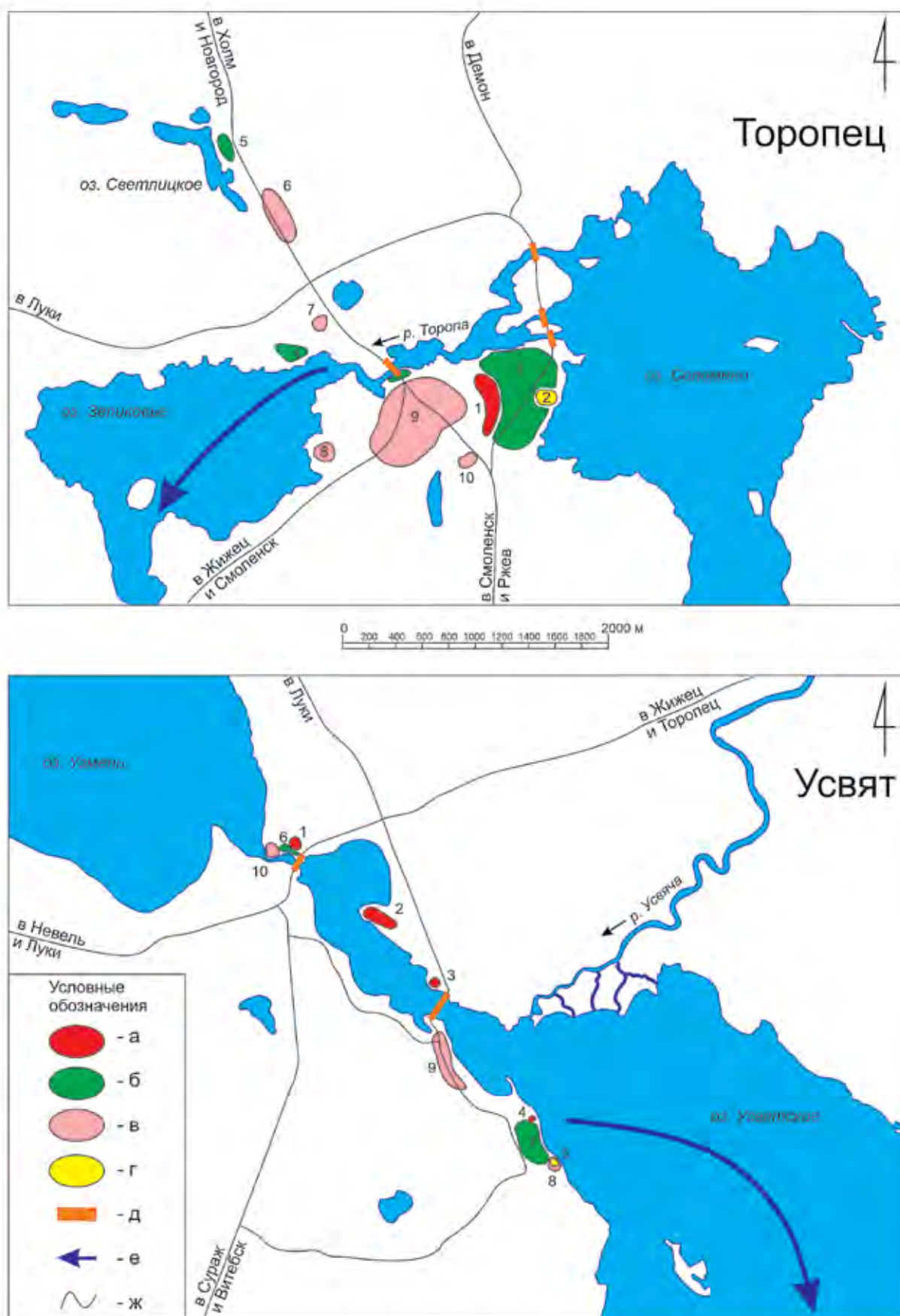

Рис. 140. Сравнительная топография двух древнерусских городов X–XIII вв. на правых притоках верхнего течения Западной Двины (Торопец и Усвят). Условные обозначения: а – раннесредневековые городища; б – неукрепленные поселения, перерастающие в городские посады; в – языческие курганные могильники IX–X вв.; г – детинцы XII–XIII вв.; д – места переправ (мостов?) через протоки; е – начальные точки и направления сплавных речных путей; ж – современные сухопутные дороги, предположительно возникшие в средневековье. Цифровые обозначения на карте Торопца: 1 – Большое городище; 2 – Малое городище; 3 – Привалье и Старый посад; 4 – селище Торопец 2; 5 – селище Торопец 1; 6 – Торопецкий 2 курганный могильник; 7 – местонахождение (могильник?) на северном берегу оз. Зеликовье; 8 – Торопецкий 4 курганный могильник (сопки); 9 – Торопецкий 2 курганный могильник; 10 – Торопецкий 3 курганный могильник. Цифровые обозначения на карте Усвята: 1 – городище Пруд; 2 – городище Замковая Гора; 3 – городище Бугор; 4 – городище Церковщице; 5 – Старое Усвятское городище; 6 – селище у подножия городища Бугор; 7 – селище Юрьевы Горы; 8 – курганный могильник на Старом Усвятском городище; 9 – курганный могильник Юрьевы Горы; 10 – курганный могильник на неолитической стоянке Усвяты II

укрепления (как правило, не очень правильной геометрической формы) в равнинной или болотистой местности возникают не позднее третьей четверти I тыс. н. э. Эти ранние городки (крестьяне в Подвинье образно называли их «тарелками» или «сковородками») пока очень плохо изучены, но логично было бы предположить, что опыт их строительства, передававшийся из поколения в поколение, был использован в XI в. при возведении таких «кольцевидных» крепостей, как Заславль и Торопец.

Здесь, однако, имеется одна тонкость — кольцевые крепости в Центральной и Северо-Западной Руси в VIII–IX вв. не известны (Раппопорт 1965: 20). В X в. на Северо-Западе такой крепостью, возможно, был один лишь новгородский детинец. В любом случае налицо некоторый разрыв традиции между восточнославянскими «тарелками» и древнерусскими кольцевыми крепостями XI–XII вв.

В Польше и Германии славянские «рингфорты» изучены значительно полнее. Начало их сооружения исследователи возводят к IX в. В дальнейшем их продолжали строить и использовать на протяжении всего средневековья. Впрочем, ничто в археологическом материале пока не говорит о возможности привнесения этой традиции в Торопец напрямую из западнославянских земель.

Третье направление поисков — юго-западное и южное. П. А. Раппопорт отметил широкое распространение кольцевых и округлых в плане крепостей в Юго-Западной Руси — на Южном Буге, в северных районах Волыни, в Туровской земле. Показательны их сравнительно ранние датировки — X в. (Раппопорт 1967: 111). Более поздние крепости подобного типа представлены на Днепровском левобережье (Моргунов 2019а: 196–217). Монографическая публикация результатов исследования такого города, Снепорода, построенного в бассейне Сулы почти одновременно с Малым городищем Торопца или чуть ранее, выполнена Ю. Ю. Моргуновым (Моргунов 2012).

Четвертой традицией, которая может нас заинтересовать, являются южнскандинавские кольцевые укрепления «треллеборги», создан-

ные, как считается, королевской властью около 980 г. и использовавшиеся не более 20 лет (Янссон 2009: 209–211). Ученые полагают, что прототипами для них послужили континентальные укрепления Германии. С учетом несомненного присутствия норманнов в Торопце в X в., это направление поиска выглядит вполне респектабельно, хотя налицо некоторая хронологическая лакуна. Скандинавские кольцевые крепости демонстрируют, однако, очень своеобразную и строгую геометрическую планировку, не имеющую ничего общего с застройкой древнерусских детинцев.

Одним словом, сначала нужно попробовать разобраться с хронологией и конструктивными особенностями Малого городища на его начальном этапе, а затем искать точные параллели. Пока ясно только одно — традиция круглых крепостей пришла в Верхнее Подвинье извне — с запада или юга.

Как показали неоднократные прорезки вала на различных участках, он насыпан в два этапа. Первоначально была возведена насыпь из мелкого желто-оранжевого песка высотой не менее 5 м и шириной около 20 м. Находок керамики в ней немного, гумусные прослойки присутствуют, но мало заметны. Затем укрепление было подсыпано сверху и с внешней стороны с использованием как материкового грунта, так и древнерусского культурного слоя XII–XIII вв. (Раппопорт А-1956: л. 7, 8). Вопреки первоначальным выводам П. А. Раппопорта, последующие раскопки показали все-таки наличие в валу каких-то деревянных конструкций.

М. В. Малевская и Д. И. Фоняков полагают, что первоначальное укрепление возведено в конце XI в., причем позже, чем на площадке появился первый по счету (девятый по полевой нумерации) горизонт застройки. Само же начало застройки исследователи отнесли к началу XI в. (Малевская, Фоняков 1991: 84). Таким образом, получалось, что почти целое столетие поселение на месте Малого городища не имело укреплений.

Основанием для такого парадоксального вывода послужила ориентировка построек 9-го горизонта, которая как будто не совпадает

с направлением вала, в то время как ориентация построек 8-го горизонта с этим направлением совпадает (Малевская, Фоняков 1991: 34). Кроме того, осыпь первоначального вала, по мнению авторов книги, разделяет 9-й и 8-й горизонты.

Эти соображения встречают два конкретных возражения и одно общее. Во-первых, знакомство с планом 6-го горизонта застройки убеждает, что ориентация его построек снова, так же как и в 9-м ярусе, не вполне совпадает с ориентацией вала (ср.: Малевская, Фоняков 1991: рис. 8 и 11). Логично допустить, что эти незначительные колебания в ориентации срубов не связаны с конфигурацией внутренней кромки вала и мало что решают в нашем споре.

Во-вторых, осыпь полы вала, перекрывшая 9-й горизонт, вовсе не обязательно указывает на то, что вал насыпан позже, чем возникли первые постройки этого горизонта. Она может, например, означать, что по склону вала начали много ходить и гонять домашнюю скотину уже после заупустения застройки горизонта 9, что вполне правдоподобно. Дело в том, что, судя по чертежам, сооружения горизонта 9 находятся в понижении на расстоянии 3–4 м от края вала (Малевская, Фоняков 1991: рис. 6–8), и утверждать, что конструктивные элементы вала их перекрывают, — никоим образом невозможно. Осыпь же могла засыпать и более поздние, чем вал, постройки, не говоря уже о постройках, синхронных ему.

Третье, общее соображение, тоже нужно учесть. Весьма сомнительно, чтобы богатое поселение (тем более группа поселений) в ключевой точке пути из варяг в греки в бурном XI в. не имело укреплений, а получило их только к концу столетия. Особенно, если, как полагают М. В. Малевская и Д. И. Фоняков, это поселение было перенесено на новое место в первой половине XI в. по инициативе княжеской власти (Малевская, Фоняков 1991: 65, 84).

Более правдоподобным представляется предположение о одновременном возведении укреплений Малого городища и возникновении внутренней застройки под их защитой в конце XI в. Это вовсе не означает, что до постройки кольцевого вала на этом месте не жили. Находки

лепной керамики и ланцетовидных стрел говорят о том, что здесь располагалась в X в. окраина какого-то неукрепленного поселения.

Настало время снова вернуться к главному герою нашей книги — «новому человеку» эпохи Ярослава Мудрого, торопецкому купцу по прозвищу Чернь Торопчанин. Подробно сообщая о его жизни и подвигах в постриге, летопись совсем не дает нам представления о его жизни в миру в 1040–1050-е гг. Как он выглядел и какой образ жизни вел в своем Подвинье? Какие сокровища роздал он в монастыри и церкви? Где располагались эти церкви и монастыри? Как представлял он свой поступок, исходя из бытовавших в европейской монастырской культуре представлений об отказе от мирских благ? Попробуем ответить на эти вопросы, разумеется, гипотетически.

В конце X в. поступление арабского серебра на Русь оскудело, а к началу XI в. иссякло. Монеты, чеканку которых начали, в политических целях и незначительных объемах, русские князья, в этот период не могли удовлетворить нужды древнерусской экономики. С латинского Запада на Русь хлынули теперь бесконечно разнообразные монеты европейских королевств, графств, епископств и торговых городов. Произошло это, видимо, не ранее начала XI в. (Равдина 1988: 135). Транзитным регионом нового потока монетного серебра выступала теперь Юго-Восточная Прибалтика с ее главной водной магистралью — Западной Двиной. Торопец, стоявший на этом пути, снова оказался в выгодном положении.

Насельники древнерусских торговых и административных центров к середине XI в. накопили значительные богатства, формой хранения которых продолжали оставаться клады монетно-вещевого серебра (реже — золота). В науке хорошо известны клады, найденные в Киеве, Полоцке, Новгороде и их окрестностях. Как правило, наряду с еще сохранявшимися в обороте восточными и новыми западноевропейскими монетами, в сокровищах присутствуют массивные серебряные украшения — гривны и браслеты, которые могли использоваться в качестве средства платежа, как целиком, так и будучи разрублены на куски. Был такой клад и в Торопце.

В 1968 г. клад был найден где-то на городском огороде под каким-то камнем. Состав клада и точное место находки, за рассказ о котором дорого бы дали археологи, остались неизвестными. Часть сокровища, состоящая из 29 западноевропейских монет (рис. 141) и двух серебряных браслетов (рис. 142), попала в Эрмитаж (Потин 1974). Монеты определены В.М. Потинным. Двадцать семь из них чеканены в Германии и две в Дании. По мнению В.М. Потина, клад датируется временем около 1070 г., хотя возможно, видимо, некоторое незначительное, на несколько лет, омоложение сокровища³. Нам в первую очередь интересны серебряные браслеты, поскольку именно они характеризуют владельца клада. Надо заметить, что опубликованное В.М. Потинным описание этих прекрасных классических украшений поздней эпохи викингов не полно, поэтому необходимо дать новую характеристику находок.

Первый браслет (ОН-З-К-Тороп-30), витой из двух круглых в сечении, сужающихся к концам, кованных дротов, перевитых сканой проволокой (рис. 143). Концы дротов спаяны, прокованы и завязаны двойным узлом (рис. 144)⁴. По типологии М. Стенбергера, браслет относится к типу 3 (Stenberger 1958: 96, 97, 273). Параллели присутствуют в кладах Готланда (Stenberger 1958: 97; 1947: abb. 52: 2, abb. 106). В Восточной Европе подобные браслеты традиционно относятся археологами к группе скандинавских древностей (Андрощук, Зоценко 2012: 31, рис. 6; 156, рис. 108). Самые ранние браслеты этого типа появляются в конце X в. (Андрощук 2008: 104), верхняя их дата, как у некоторых простых и престижных вещей, служивших средством сохранения богатства, размыта и определяется вплоть до XII ст. (Корзухина 1954: 91).

Следует отметить следы изношенности торопецкого браслета, отчетливо читающиеся на внутренней стороне гладких дужек и на внутренней, той, которая прилегала к запястью, стороне двойного узла (рис. 144: А). Даже если браслет носился поверх какой-то грубой одежды,

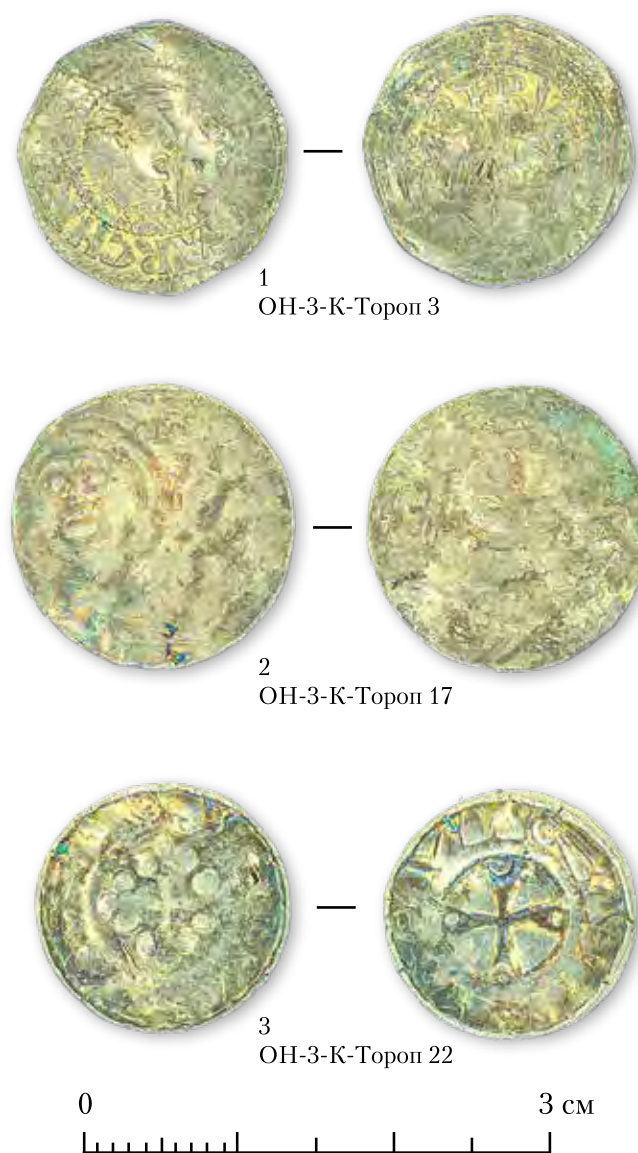

Рис. 141. Монеты из Торопецкого клада (около 1070 г.) в собрании Государственного Эрмитажа. 1 — Германия, Верхняя Лотарингия. Трир. Архиепископ Эбергарт (1047–1066). Денарий. 2 — Германия. Саксония. Гиттельде. Денарий. Середина XI в. 3 — Германия. Саксония. Вендка. Первая половина XI в. ГЭ, ОН-З-К-Тороп-3, 17, 22

нужны годы, чтобы металл стерся таким образом. Но, скорее всего, ему чаще всего приходилось контактировать в этом месте с нежной кожей запястья. Из этого наблюдения следует два вывода. Во-первых, украшение не было символическим сокровищем, надевавшимся по праздникам, а активно использовалось в повседневной жизни. Во-вторых, с момента изготовления предмета до попадания его в землю прошло значительное количество лет. Насколько браслет сношен с внешней стороны, сказать трудно, поскольку на круглом отполированном дроте следы износа в принципе не заметны.

³ Датский конунг Свен Эстридсен, которому принадлежит одна из датских монет, правил до 1075 г. (Потин 1974: 148).

⁴ В.М. Потин почему-то описал находку как «ложновитой браслет, изготовленный литьем (курсив мой. — И. Е.), с перевитью из сканой нити» (Потин 1974: 150).

Рис. 142. Серебряные браслеты из Торопецкого клада (около 1070 г.) в собрании Государственного Эрмитажа (ГЭ, ОН-З-К-Тороп-30 и ОН-З-К-Тороп-31). Литье, ковка, чеканка

Рис. 143. Браслет из Торопецкого клада (около 1070 г.). Серебро (литье, ковка, скань). ГЭ, ОН-З-К-Тороп-30

Рис. 144. Браслет из Торопецкого клада (около 1070 г.). Детали. Внутренняя (А) и внешняя (Б) стороны браслета со стороны узла. ГЭ, ОН-З-К-Тороп-30

Второй браслет (ОН-З-К-Тороп-31) пластинчатый, с суженными концами, завязанными двойным узлом, украшенный орнаментом «волчий зуб» из двух рядов отпечатков пуансона в виде треугольника с тремя кружками внутри (рис. 145, 146: А). По краям пластины идет ободок, нанесенный (не везде ровно) с помощью удлиненного чекана или зубильца⁵. Так же как и первый, этот браслет носит на себе следы длительного ношения. Это заметно по тому, как затерты (почти исчезли) следы удлиненного чекана в центральной части браслета (рис. 146: А).

Интересно, что изношенность этого браслета, по сравнению с первым обручем, имеет иной характер — он затерт с внешней стороны, очевидно, там, где предмет контактировал с рукавом одежды, в то время как на двойном узле с внутренней стороны явной затертости не наблюдается. Можно предположить, что такое различие в следах износа объясняется тем, что более массивный витой браслет одевался на правую рабочую руку, а тонкий и хрупкий пластинчатый — на левую.

Впрочем, у нас нет, конечно, уверенности в том, что браслеты принадлежали одному

⁵ В описании В. М. Потина эта деталь отсутствует. Впрочем, не исключено, что это след глубоко нанесенной мастером предварительной разметки, и, посчитав так, исследователь не стал обращать внимание читателя на эту особенность.

Рис. 145. Браслет из Торопецкого клада (около 1070 г.). Серебро (литье, ковка, чеканка). ГЭ, ОН-З-К-Тороп-31

человеку, а также в том, что они носились в паре. Зато можно уверенно сказать, что украшения изготовлены задолго до зарытия клада — не позднее первой половины XI в., а может быть и ранее. Иными словами, перед нами украшения того времени, когда в Подвинье жил и торговал Чернь Торопчанин. Едва ли он мог быть владельцем клада, ведь мы знаем, что сокровища свои он роздал монастырям. Кроме того, сокровище клада считалось на Руси грехом даже и для мирян. Но вот пройти через его руки, прежде чем оказаться у нового владельца, браслеты и некоторые монеты могли — почему бы нет?

Пластинчатый браслет с завязанными концами принадлежит к украшениям, популярным в Северной Европе во второй половине X — XI в. При этом широкое географическое распространение сочетается с их сравнительной редкостью. Еще В. Н. Потин обратил внимание на аналогичный серебряный браслет из Королевского музея в Копенгагене, опубликованный профессором И. А. Ворсо в каталоге музея в 1859 г. и отнесенный им, по его знаменитой периодизации древностей, ко второму этапу железного века (Worsaae 1859: 108, cat. 450; Ворсо 1861). находка остается ближайшей по типу хорошо сохранившейся аналогией торопецкому браслету (рис. 147: 1). Более отдаленную параллель можно найти в Норвегии (Rygh 1885: 711). Еще один похожий предмет, но с другим замком, состоявшим

Рис. 146. Браслет из Торопецкого клада (около 1070 г.). Детали. Внешняя часть браслета (А) и узел с внешней стороны (Б). ГЭ, ОН-З-К-Тороп-31

из петли и крюка (рис. 147: 2), хранится в Национальном музее Шотландии (National Museums Scotland) в Эдинбурге и происходит из знаменитого клада серебряных украшений и ювелирного лома, найденного в Скейл Бэй, приход Сандвик (Skaill, Sandwick, Mainland) на западном побережье самого крупного из Оркнейских островов (Anderson 1883: 88, fig. 67; Viking Antiquities 1940: 126). Клад этот, судя по монетной составляющей, зарыт вскоре после 950 г. (Viking Antiquities 1940: 132; Graham-Campbell 1976: 119–121). На Готланде также известны пластинчатые браслеты (Stenberger 1958: abb. 48; 1947: abb. 136: 4, abb. 255: 4), но в своде М. Стенбергера представлен лишь один фрагментированный браслет (рис. 147: 3), полностью аналогичный торопецкому (Stenberger 1947: abb. 257: 1). Он происходит из клада, найденного в неопределенном месте на острове в середине XIX в. (Stenberger 1947: 255; SHM 2976). Большая серия пластинчатых браслетов с пуансонным орнаментом представлена в кладах Южной Швеции, где можно указать как абсолютные аналогии торопецкому браслету (Hårdh 1976: 16, taf. 2: 19), так и разнообразные варианты этих украшений (Hårdh 1976: taf. 1-I: 2, 3; taf. 15-I: 1; taf. 28-I; taf. 43-II: 2; taf. 49-I: 2; taf. 52-I: 6; taf. 54-I: 3–5; taf. 56-II), а также кованые серебряные пластины, которые могут рассматриваться как их заготовки (Hårdh 1976: taf. 44-I: 40; taf. 55-VI).

Рис. 147. Аналогии пластинчатому браслету из Торонецкого клада в Дании (1), Шотландии (2) и Швеции (3)

Абсолютная аналогия происходит здесь из клада мастера-ювелира из Йоаннесхуса, приход Хьёртсберга (Johannishus, Hjortsberga sn., Blekinge, SHM 3491). Клад по монетам (а их в нем найдено около 4000) датируется 1120 г. (Hårdh 1976: 15)⁶. Как видим, хронологический диапазон использования интересующих нас браслетов чрезвычайно широк. Носили их в основном в XI в., но в кладу ювелиров они могли попадать и значительно позже. В Новгороде пластинчатый браслет с завязанными концами (только неорнаментированный) найден в слое 970-х гг. (Седова 1981: 110–112). В. П. Левашева, отмечая редкость находок подобных браслетов, предположила, что они изготавливались на Руси и попадали в Скандинавию в результате восточной торговли (Левашева 1967а: 232, 233). Вряд ли эта точка зрения может быть принята; причина широкого распространения в X–XI вв. однотипных украшений и орнаментальных мотивов в Северной Европе и на Руси кроется в другом — в характере средневекового общества, обретшего в эпоху распространения христианства у славян и северных германцев небывалую доселе подвижность и культурную прозрачность.

Таким образом, торопецкие браслеты принадлежали той динамичной культуре поздней эпохи викингов, которая складывалась во второй половине X в. на огромных пространствах от Англии до Руси в постоянных перемещениях ремесленников, их изготавливавших и переплавлявших как сырье, и разноплеменной знати и представителей военного и торгового сословия, их носивших, даривших и использовавших их как платежное средство. В итоге место и точное время изготовления отдельной вещи (конечно, если это было сравнительно простое изделие, вроде наших браслетов) трудно определить — это могли быть Британские острова, Дания, материковая Швеция или Готланд (Stenberger 1958: 99). Безусловно, мастера, способные выковать такие браслеты, работали и на востоке — в Прибалтике, Новгороде, Киеве или Смоленске. От Поволжья до Гренландии витые браслеты были не только реальным

воплощением богатства и способом его накопления и сохранения, но и его мифическим символом (рис. 148).

Как же выглядели люди, носившие подобные украшения на Руси? Представить это мы сумели бы, обнаружив погребение с таким браслетом. По счастливому стечению обстоятельств захоронение воина-купца (принадлежавшего к поколению отца Черня Торопчанина), носившего к тому же такой же витой браслет, как и в торопецком кладе, в Подвинье известно. Речь идет о кургане 5 в могильнике Погоща в Браславском Поозерье (в Полоцкой земле). Курган, раскопанный Н. А. Плавинским в 2009 г., содержал парное захоронение мужчины и женщины на погребенной почве. Умершие были положены головой на восток внутри какой-то прямоугольной деревянной конструкции, особенности которой из-за песчаной почвы проследить не удалось (Плавинский 2017: мал. 84). Сооружение напоминает деревянные срубы, известные в курганах кривичей VIII–X вв., в том числе и в Торопецком 2 могильнике.

Мужчина был похоронен с копьем и боевым топором, с весами и набором гирек для взвешивания серебра и прочим богатым инвентарем (рис. 149). При нем находилось несколько монет — три саманидских дирхема, два мелких монетных обрезка и два денария Оттона III (983–1002 гг.). Западноевропейские монеты, собственно, дают дату погребения *terminus post quem*. На правой руке погребенного воина был надет витой браслет из сплава серебра того же типа, что и рассмотренное нами обручье из Торопца. Витой браслет с завязанными концами (попроще — бронзовый и без сканой перевити) был надет и на правую руку сопровождавшей его женщины. Керамика из погребений — лепная. Погребение является самым богатым для своего времени в древнерусском Подвинье.

Итак, перед нами купец-воин, захороненный в первой половине XI в. Судя по ориентировке тел, богатому набору оружия и торгового инвентаря, он еще язычник и, вполне вероятно, погребен с женой или наложницей, специально

⁶ Интересно, что в составе этого клада присутствуют фрагменты браслетообразного с завязанными концами и ромбоштиткового височного колец (Hårdh 1976: taf. 2: 20; taf. 3: 22), что указывает на какие-то связи мастера из Хьёртсберга с Русью.

Рис. 148. Третье искушение Христа. Котонианская Псалтирь (около 1050 г.) из собрания Британской библиотеки (Tiberius Psalter — BL Cotton MS Tiberius C VI). На миниатюре изображены отвергнутые Христом символы власти и богатства конунга, такие, какими их представлял миниатюрист, современник Исакия Печерского. Это богатая посуда, питьевой рог, дорогой меч с украшенной драгоценными бляшками перевязью, а также витой перстень и витые браслеты с завязанными концами (они должны украшать обе руки конунга), близкие по типу браслету из торопецкого клада 1070 г. Представления об отречении от богатства и власти в сознании Исакия Печерского воплощались, таким образом, примерно в те же образы, что и у англосаксонского монаха

для этого умерщвленной или лишившей себя жизни, чтобы сопровождать мужа в загробный мир. Казалось бы, целая пропасть разделяет этого купца и Черня Горопчанина — одного из первых христианских подвижников русского средневековья. Тем не менее перед нами имен-

но та среда, из которой вышел Исакий Печерский, и остается лишь поражаться — насколько глубоко были духовные, политические и культурные изменения середины XI в., которые могли привести русского человека к подобной метаморфозе.

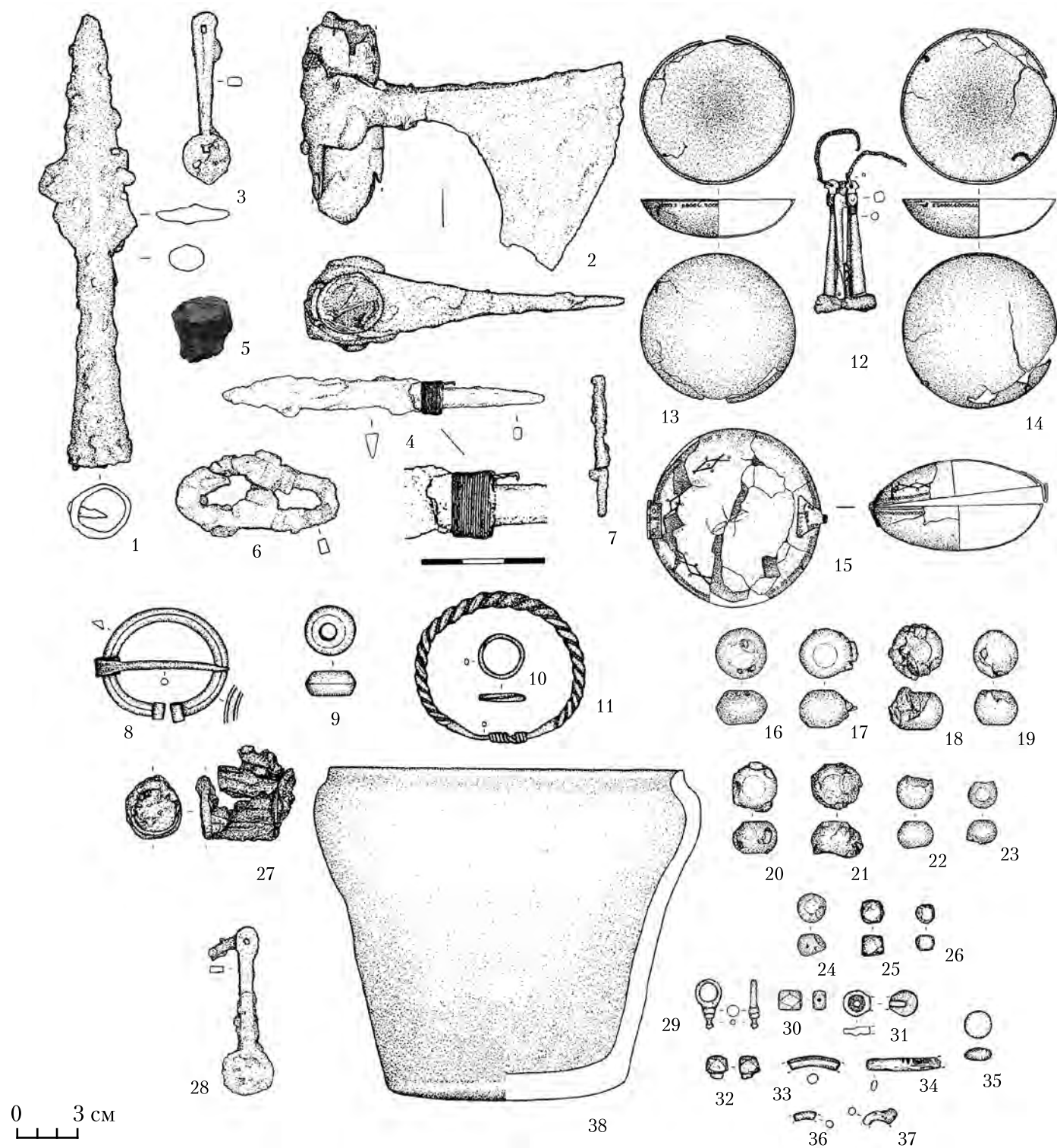

Рис. 149. Захоронение воина-купца начала XI в. из Полоцкой земли (Погоща. Курган 5, погребение 1) из раскопок Н.А. Плавинского (Плавинські 2017). Комплекс сопроводительного инвентаря. 1 — копье; 2 — боевой топор; 3 — железный ключ; 4 — железный нож с обмоткой из серебряной проволоки; 5 — кресальный кремль; 6 — кресало; 7 — железная игла; 8 — бронзовая фибула; 9 — шиферное пряслице; 10 — перстень из свинцово-оловянистого сплава; 11 — браслет из сплава серебра; 12 — бронзовые коромысла весов; 13, 14 — чашки весов; 15 — футляр от весов; 16–24 — биметаллические боченковидные весовые гирьки; 25, 26 — 14-гранные свинцовые весовые гирьки; 29 — бронзовый вертлюг; 30 — сердоликовая бусина; 31 — фрагмент крестовидного навершия бронзовой булавы; 32 — головка бронзовой подковообразной фибулы; 33 — фрагмент стеклянного браслета; 34 — фрагмент деревянной счетной бирки; 35 — камешек; 36, 37 — фрагменты бронзовых украшений; 38 — лепной горшок

Глава 9

Обращение кривичей, городки и древнерусские города

Распоряжении историков нет прямых данных об особенностях дохристианских языческих верований обитателей Торопецкого Подвинья. Очевидно, для них, как и для восточных славян в целом, характерно было поклонение громовержцу Перуну и Велесу, названному летописью «скотыим богом», то есть покровителем скотоводства. Перуна (Перкунаса) равно чтили как славяне-кривичи, так и балтские племена. Принято считать, что почитание его связано было с высокими холмами, в частности городищами, и с дубовыми рощами. Представления о перуновых выстрелах-молниях в средневековье подкреплялись кремневыми наконечниками дротиков и стрел, а порой и другими заостренными каменными орудиями, которые в изобилии попадались рыбакам в размытых неолитических стоянках на отмелях рек и озер (рис. 28: 3). Наконечники связывались с мифическими сюжетами охоты громовержца за нечистой силой, наделялись целебными свойствами и использовались горожанами и крестьянами в качестве амулетов. Иногда Перуну приписывались и каменные боевые топоры бронзового века, находки которых на городищах в средневековье тоже были нередки (рис. 28: 4). Возникнув в незапамятные времена, представления

эти, конечно, изменяясь со временем, пережили христианизацию Руси и дожили до XX в. Каменные топоры/молоты найдены археологами в двух древнерусских постройках Малого Торопецкого городища (Малевская, Фоянков 2000: рис. 82: 7; рис. 86: 7). Последнюю живую народную память о метателе небесных стрел или волшебного молота автору этих строк удалось зафиксировать в археологических разведках в середине 1990-х гг. Близ Крестовских (Родительских) порогов на Западной Двине выше Велижа нами был найден и описан в полевом отчете огромный почитаемый валун (рис. 150: Б), лежавший на краю небольшого болота и носивший у местного населения имя *Перунный камень* (Еремеев 2003: 266)¹.

Возможно, где-то здесь, у опасных для судоходства порогов, торопецкие купцы-язычники, сплававшие с товарами по Западной Двине, и княжеские дружинники в лодьях-моноксилах, нагруженных собранной данью, приносили жертвы Перуну, как это принято было делать на Днепре и на озере Ильмень. Недаром наш «Перунов» топоним оказался связан с древней *Рубежник* в устье реки *Мёжи* (название реки тоже означает *межу́, рубеж*). Вся архаичная местная топонимика говорит о пограничном

¹ Подпрямоугольный гранитный валун размерами 2,6 × 2,1 × 1,4 м имеет плоскую вершину. Правильная форма наводит на мысль о его возможной подтеске в прошлом. Местное население объясняло название камня тем, что проходим порой бывало слышно, как черти по камню *перут* (ударяют).

A

Б

Рис. 150. Следы древнерусского язычества в Верхнем Подвинье. А—череп лошади рядом с погребением подростка на подкурганной площадке—свидетельство дохристианских элементов в погребальном обряде XI–XII вв. Курган № 1 в ур. Подгай близ Торопца. Вид с севера (ФО НА ИИМК РАН. Нег. I 35513). Раскопки Я. В. Станкевич 1951 г. (Станкевич 1960: 236). Б—культурный валун «Перунный камень» у д. Рубежник близ Крестовских порогов. Полевая зарисовка, выполненная А. А. Гребенюком в 1996 г. (архив И. И. Ермеева)

характере этого участка Двинского пути, а любая граница требует от мифического сознания, как известно, выполнения особых ритуалов при ее пересечении. Да и название порогов — *Родительские* — тоже несет на себе следы культа предков². Заслуживает внимания и второе название порогов — *Крестовские* — от правобережного погоста *Крест*. Топонимы свидетельствуют о водруженном когда-то (не в древнерусское ли время?) над порогами кресте; на сакральный характер подобной топонимики уже обращали внимание ученые (Летова 1982: 36). Стратегическое значение этого региона, связывавшего Торопец со Смоленском, по данным письменных и археологических источников обсуждалось выше в главе 7.

Допустимы и другие версии появления и сохранения в топонимике имени древнего божества. Неясно — могла ли народная память столетиями поддерживать связь конкретного объекта с именем языческого бога (Курбатов 2018: 291). О такой возможности тем не менее говорит то, что в топонимике Подвинья лингвисты уверенно выделяют не только дохристианские, но и дославянские (т. е. относящиеся как минимум к первой половине I тыс. н. э.) пласты. Так или иначе, *Перунный камень* — это единственный известный автору случай фиксации несомненного языческого топонима в Верхнем Подвинье, напоминающий о новгородской *Перыни* в истоке Волхова, об урочище *Перыно* при устье Великой близ Пскова и о *Перуновой рели* (отмели) близ острова Хортица на Днепре (Васильев 2012: 339, 340)³. Связь громовержца с культовыми камнями археологам хорошо известна. *Перунов камень* ученые зафиксировали в верховьях Немана между Новогрудком и Вильнюсом. Всего в Белоруссии известно шесть камней, поименованных в честь Перуна (Карабанов и др. 2018: 37).

Еще один валун с таким именем (археолог Ф. Крузе приводит его немецкое название — *Perkuhn-Stein*) упоминается близ западного морского побережья Курляндии (Kruse 1842: 7, Tab. 80; 1859: 7)⁴.

Перун, вероятно, покровительствовал путешествуящим по водной стихии, и подобных, посвященных ему (и, конечно же, другим божествам, но низшего порядка) камней было множество — как по берегам Западной Двины, так и в ее русле. Западнодвинский речной путь играл важную роль в экономике Смоленской и Полоцкой земель, поэтому в XII в., а местами, быть может, и ранее, княжеские и церковные власти обратили внимание на почитание этих камней купцами и местными жителями и провели несколько кампаний по «крещению» наиболее известных поклонных валунов. Так появились в русле Западной Двины знаменитые *Борисовы камни*, несущие на себе глубоко вырезанные изображения христианской символики и, в более редких случаях, славянские благопожелательные надписи⁵.

Распространение христианства сопряжено было с политическими и этносоциальными изменениями, потрясшими самые основания племенного быта восточных славян. Главным фактором, определившим приобщение их к новой вере, принято считать назревшую в X в. потребность государственного устройства. В соответствии с этой капитальной мыслью разные ученые рассматривают и три ее взаимосвязанных аспекта — внешнеполитический, внутривосточный и идеологический. Так были написаны труды, предметом внимания которых стала потребность Руси в налаживании полноценных межгосударственных отношений с Византией и западноевропейскими королевствами (Присёлков 2016: 9, 16; Назаренко 2001), необходимость внутреннего

² Системе расселения у порогов в Велижском Подвинье и самим порогам автором некогда была посвящена специальная работа (Еремеев 2003).

³ О Перуне и его связи с водной стихией см.: Грузнова 2010.

⁴ Казалось бы, название это должно было быть достаточно распространено в средневековье, поскольку связано с легендой об ударившей в камень молнии (молния = Перун) (Якубенока 2018: 144–146; Вайткявичюс 2018: 209). Однако, несмотря на повсеместность восходящих к индоевропейской архаике мифологических рассказов о молнии, имя Перуна закреплялось в топонимике в очень редких случаях.

⁵ Сведения о камнях с христианской символикой в Подвинье и разные версии их происхождения представлены во множестве публикаций: Струков 2011; Kruse 1859: Tab. 60; Сапунов 1890; Рыбаков 1964; Тарасаў 1991.

администрирования и налогообложения (Назаренко 2020: 8, 9), а также религиозной системы, соответствовавшей бы складывающейся новой общественной иерархии и основанной на ней форме правления (Брайчевский 1989: 144). Еще одним важнейшим фактором, обусловившим принятие христианства, считается необходимость выработки новых моделей колонизации, которая являлась, как известно, одной из форм существования восточного славянства⁶. В разных регионах Древней Руси все эти факторы складывались в свою неповторимую мозаику.

Древнейшие, еще смутные сведения о крещении Руси относятся к середине IX в., ко временам константинопольского патриарха Фотия. Первые вполне достоверные известия о христианской Руси в восточнославянских политиях содержат, как известно, тексты русско-византийских договоров. Именно они дают возможность говорить о крещении значительного количества представителей варяго-русского военно-торгового сословия после 911 г. и о формировании влиятельной христианской общины в Киеве уже к 940-м гг. (Присёлков 2016: 13; Lind 2017: 116–118). Все последующие десятилетия вплоть до 988 г. были периодом постепенного (в первую очередь в административных центрах) утверждения новой веры, не обходившегося, впрочем, без периодов реакции и столкновений с язычниками, как говорит нам, например, попавшее в ПВЛ под 983 г. киевское предание о варягах-мучениках (ПВЛ 1996: 38, 39). Появление варягов-христиан в Торопце, исключительно важном для Киева регионе, в эти десятилетия выглядит совершенно естественно, о чем мы уже задумывались, рассматривая знаменитое торопецкое блюдо.

Во второй четверти X в. на Руси устанавливается устойчивая централизованная власть. Она опиралась на внеплеменное военно-торговое сословие, формировавшееся в предыдущее столетие в значительной степени независимо от возникших много ранее восточнославянских племенных политий. Этот процесс, начавшийся

в Западной Европе несколько ранее, хорошо описан Л. П. Карсавиным:

«Торговое движение, при Каролингах весьма оживленное, отрывалось от общеэкономической жизни политических соединений, которая сама переставала быть жизнью общеэкономической. Торговые пути соединяли не части государства, а разные части разных государств, уводя на Север или в Средиземноморье. Сплачивавшиеся в военные караваны купцы жили своими интересами, а никак не интересами своей случайной родины, и нуждались лишь в опорных пунктах для сбыта. Элемент внегосударственный и интернациональный, они экономически разрывали, а не укрепляли политические соединения, выделяя лишь ограниченные круги сбыта» (Карсавин 1918: 89, 90).

Так было и на Руси, но в Поднепровье, Подвинье и Приильменье ситуация меняется с наступлением X в. Военно-торговое сословие, благодаря накопленным богатствам, выходит на первый план, превращаясь в инструмент подавления старых племенных институтов. На фоне разрушения или ослабления старых славиний, возникших в процессе колонизации, взрывообразно возрастает экономический гнет молодого варварского государства. Самый яркий пример этого дает рассказ ПВЛ о деятельности князя Игоря, характеризуемой современниками как поведение безжалостного хищника («Аще ся въвадити волкъ в овцѣ, то выносить все стадо...»). Оставим в стороне догматические разногласия историков о том, можно ли говорить о формировании в Восточной Европе *феодалного* государства или государств. Несомненно другое. Традиционные племенные институты перестали со второй четверти X в. служить защитой для населения восточных славиний. Беззащитность человека перед новой консолидированной силой, во многом опиравшейся на этнически чуждый элемент (варягов) и вербовавшей все больше и больше сторонников среди разлагающейся старой родовой верхушки, уже не желавшей отстаивать племенные интересы и вечевую об-

⁶ Если на Западе схожая задача привела к появлению идеи крестового похода (которая начала оформляться еще в эпоху борьбы Карла Великого с саксами и Аварским каганатом), в восточнославянской среде выработались более мягкие формы взаимодействия с инородцами.

щинную идентичность, вынуждала искать защиты не у старых, показавших свое бессилие богов, а у неведомого прежде бога, весть о котором разносилась по лесам через новоявленных господ положения.

Новая религия в условиях многократно возросшего военно-экономического гнета не только давала метафизическую надежду на лучшую жизнь, но и рождала упования на облегчение материального положения в случае установления духовной коммуникации с кровожадным «волком», т. е. княжеской властью и сплотившейся вокруг нее новой элитой.

Такими представляются основные социально-политические условия христианизации восточных славян, в частности кривичей. Вряд ли, однако, этот механизм работал бы без широкого народного движения навстречу новому религиозному учению (удивительно, но мы ничего не знаем о «низовой», не санкционированной княжеской властью миссионерской деятельности внутри наиболее развитых восточнославянских регионов в X–XI вв., но лишь на их западной и восточной периферии — в Литве, Пруссии, в мерянских землях)⁷. Здесь кроется какая-то загадка, над которой суждено биться еще многим поколениям ученых.

Торопец, как мы уже говорили, находился в той части Северо-Запада, что была освоена славянами-кривичами одной из первых — около середины I тыс. н. э. Область Торопца в то время находилась на стрежне славянского колонизационного движения из междуречья Днепра, Западной Двины и Немана в сторону озера Ильмень, что обеспечило впоследствии этому поселению роль одного из узловых пунктов на пути из варяг в греки. Важность обладания Торопцем на «дороге прямоезжей» из Новгорода в Киев для русских князей должна была обусловить и необходимость размещения здесь лояльного населения, то есть со времен первой русской правительницы-христианки, княгини Ольги, и установления ею погостов, населения

в какой-то степени христианизированного⁸. Несмотря на то, что после кончины княгини на Руси наступил некоторый языческий ренессанс, в установленных Ольгой погостах христианское население, безусловно, не было искоренено и продолжало медленно укреплять свои позиции. Таковы исходные гипотезы для дальнейшей научной разработки темы христианизации верхнедвинских кривичей.

Конец X — XI в. были ознаменованы на Руси чрезвычайно интенсивным церковным архитектурным строительством. Свидетельством этому является сообщение «Хроники» Титмара Мерзебургского о существовании в Киеве уже на момент начала княжения Ярослава Владимировича (около 1015 г.) более 400 церквей («*ultra quadringente ecclesie habentur et mercatus octo*», — *Die Chronik des Bischofs Thietmar 1935: VIII, 32*; Титмар Мерзебургский 2005: 178). Может быть, и не стоит принимать это число буквально, но ясно, что церквей на Руси было в то время уже очень много. Храмы возводились главным образом из дерева (Иоаннисян 1996: 5; Бодэ 2019: 25–41), и значительная их часть находилась, как свидетельствуют письменные источники, в домах и усадьбах горожан (Фроянов 2007: 173–175). Деревянными были церкви, строившиеся в загородных усадьбах знати и погостах, а затем и в общинных сельских поселениях. Известны по письменным источникам и обыденные, то есть возведенные за один день, церкви (Петрухин 2006: 168). Отыскать археологические следы таких первых культовых построек очень сложно, а опознать в городской или сельской застройке — еще сложнее, поскольку по своим конструктивным особенностям построенные неофитами церкви вряд ли сильно отличались от светских архитектурных сооружений. В некоторых случаях, обнаруживая под достоверными каменными храмами XII–XIV вв. следы более ранних деревянных построек, археологи относят их к первым церквям (Леонтьев 2015: 46, 47).

⁷ Имеются в виду миссионерские подвиги Св. Адальберта (997 г.), Св. Бонифация (1009 г.) и Леонтия Ростовского (1060–1070-е гг.). Более ранние миссии латинской церкви при княжеских дворах Ольги и Владимира носили дипломатический характер.

⁸ Летописные известия об установлении Ольгой погостов заманчиво сопоставить с известными сведениями об уничтожении ею языческих капищ, сохранившимися в «Памяти и похвале» Иакова Мниха (Зимин 1963: 16).

Самым надежным свидетельством богослужебного назначения средневековой постройки является существование рядом с ней захоронений соответствующего времени, совершенных по строгому христианскому канону (Иоаннисян 1996: 12, 13; Платонова, Санкина 2018: 95–101). Соответственно, и наличие таких кладбищ обозначает то, что земля, на которой они располагаются, освящена и, возможно, принадлежит церковной администрации и несет на себе храм или часовню. В тех случаях, когда кладбище приурочено к имеющему резкие границы элементу рельефа (например, мысу, холму, острову или древнему городищу), можно реконструировать конфигурацию освященной земли и даже предположительно определить место, где находилась церковная постройка (Алексеев 2008: 11). Опыт подобных исследований в кривичско-дреговичском регионе только начинает накапливаться⁹. Важную информацию дает по данной теме и торопецкая археология.

Судя по повсеместному отказу от трупосождения в начале XI в., кривичское население Верхнего Подвинья было в это время уже полностью крещено¹⁰. Это не означало тотального отречения от языческих элементов культуры (рис. 150: А), но главное произошло — полностью изменилось отношение к посмертной судьбе человека, запечатленное в погребальном обряде. Это означало для кривича не только переосмысление идеи собственного бессмертия, но и тектонический разрыв со всем сонмом предков, с базовыми элементами родового сознания, появление новой идентичности.

Мы уже упоминали, что существенным достижением в изучении торопецких древностей стало открытие и раскопки Я. В. Станкевич, Д. И. Фонаковым и Ю. М. Лесманом христианского древнерусского некрополя на Большом городище и на его восточных отрогах (в Привалье).

Прежде чем мы займемся рассмотрением этого некрополя, следует сделать историографическое отступление, указав, что честь

первого открытия подобного памятника в Торопецкой округе принадлежит все тому же замечательному археологу В. Н. Глазову. Открытый и исследованный им в 1902 г. археологический комплекс у д. Селяне (в полевом отчете — деревня Селяня, на некоторых картах — Селяны) на правом берегу Торопы является, как мне представляется, своеобразным ключом к разработке темы христианизации кривичского Подвинья.

В состав археологического комплекса (рис. 151) входили три курганные группы, полукругом огибавшие пойменное понижение левого берега реки, посередине которого возвышался овальный холм, носивший, как зафиксировал в полевом отчете за 1902 г. В. Н. Глазов, примечательное название *Церковище*¹¹. Как известно, суффикс «ище» в древнерусском, как и в современном русском языке, присущ имени существительному, которое обозначает место, где находился прежде объект, носивший имя, от которого образовано это существительное (городище, дворище, пепелище, мытище и т. д.). Интересно, что в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля приводится для слова Церковище/Церквище два значения: «место скрытой церкви, где обычно на месте престола ставится часовня» и «языческий храм, требище, капище, идолище» (Даль 1935: 590, 591). Что побудило гениального этнографа и знатока русского языка дать второе толкование слова? Полагаю, это было знание важного для нас обстоятельства — церковищами в Великороссии иногда назывались древние городища, а последние, по представлениям русской археологической науки XIX в., служили не только укреплениями, но и языческими капищами (Доленга-Ходаковский 1820; Kruse 1842; 1859). Конечно, учитывается в словаре В. И. Даля и известие ПВЛ о том, что Владимир Святославич после крещения «повелъ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, иде же стояху кумири» (ПВЛ 1996: 53).

⁹ Погребения при древнерусских деревянных храмах исследованы, например, на Нижнем замке Полоцка (Раппопорт 1980: 154) и в детинце Мстиславля (Алексеев 1995: 171–175, рис. 3, 10), в Ростове (Леонтьев 2015: 47, 48) и Усвяте (Еремеев, Фурасев 2021).

¹⁰ Тема смены погребального обряда под воздействием христианской догматики затрагивается в огромном количестве работ. Приведу лишь некоторые, касающиеся кривичских областей Верхнего Поднепровья, Подвинья и смежных территорий: Заяц 2013; Авласович 2019; Войтехович 2019.

¹¹ Я. В. Станкевич в полевом отчете зафиксировала связанное с холмом предание о провалившейся церкви.

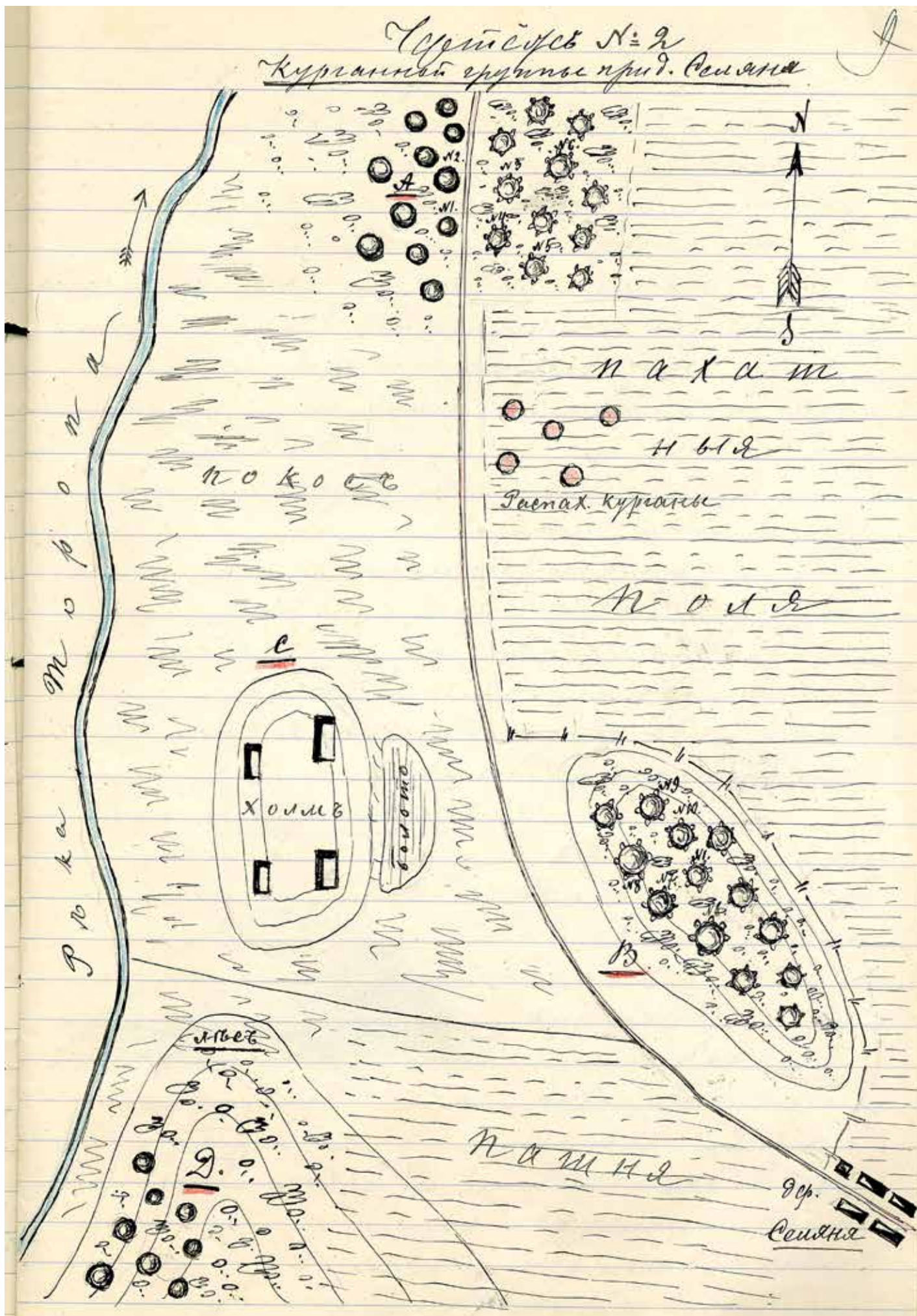

Рис. 151. Комплекс древнерусских археологических памятников у д. Селяне к югу от Торопца. Ситуационный план из полевого отчета В. Н. Глазова 1902 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 99. Л. 15а). Следует иметь в виду, что направление течения Торопы на плане указано ошибочно

К связи между городищами и древнерусскими церквями мы еще вернемся. Итак, название холма на берегу реки Торопы указывало на то, что некогда на его вершине располагался храм. На момент раскопок 1902 г. никаких следов

Рис. 152. Внешний вид кургана № 1 в группе «А» у д. Селяне. Рисунок из полевого отчета В. Н. Глазова 1902 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 99. Л. 16)

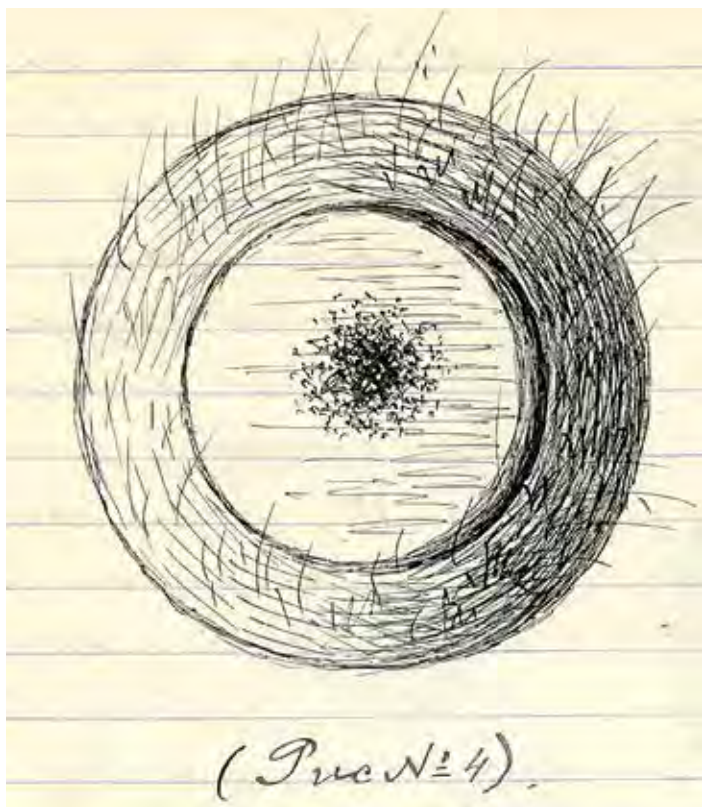

Рис. 153. План погребения в кургане № 2 в группе «А» у д. Селяне. Рисунок из полевого отчета В. Н. Глазова 1902 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 99. Л. 17)

церкви (которая, разумеется, была деревянной) на поверхности не оставалось, а сам холм был уже сильно поврежден местными крестьянами, изрытыми его картофельными ямами.

Высота Церковища — «более сажени» (2–3 м), размеры плоской площадки на вершине — 10 × 8 сажени (примерно 20 × 16 м)¹². Размеры и форма всхолмления, господствовавшего над окружающей равнинной местностью, расположение у его подножия старичного озера, создававшего дополнительную защиту с напольной стороны, — все это убеждает, что перед нами древнее городище, хотя явных следов укреплений на поверхности не было видно. В последующее время холм неоднократно обследовался археологами и известен в научной литературе как городище Селяне 2 (Станкевич 1960: 315; АКР 2007: 191–192). У западного подножия городища, между ним и рекой лежит селище с лепной и гончарной древнерусской керамикой (селище Селяне 2).

Таким образом, ясно, что храм был поставлен в господствующей над поселением точке рельефа, обладавшей очевидным фортификационным потенциалом (о городищах без видимых следов земляных укреплений мы уже говорили выше)¹³.

Одна из курганных групп (обозначена В. Н. Глазовым литерой «А») заключала в западной своей части курганы с трупосожжением, которые нельзя датировать уже, чем вся вторая половина I тыс. н. э. Раскопан один такой курган (№ 2), безынвентарные остатки сожжения в котором были помещены на древнюю поверхность почвы, и один (№ 1) пустой (рис. 152, 153). Восточная часть той же группы состояла из небольших курганов, обложенных по основанию камнями (рис. 154–156). В. Н. Глазов раскопал здесь 4 кургана (№ 3–6), под двумя из которых (№ 3 и 4) в могильных ямах были найдены богатые женские погребения XII в. (одно из них парное с безынвентарным погребением мужчины) с бронзовыми браслетами и серебряными ромбоцитковыми височными кольцами (Глазов А-1902: л. 17 об.) (рис. 157, 158). Два кургана

¹² По данным 1940-х гг. — размеры площадки составляли 50 × 30 м при высоте холма 8 м (АКР 2007: 191). Разница в размерах площадки и высоте Церковища у разных исследователей объясняется пологостью склонов, что позволяет очерчивать края площадки по-разному.

¹³ Мощность культурного слоя на Церковище достигает 1 м. При его обследовании найдена гончарная древнерусская керамика XI–XIII вв. (Станкевич 1960: 315; АКР 2007: 191–192).

Рис. 154. Современный вид одного из полусферических могильных курганов в группе «А» у д. Селяне. Фото И. И. Еремеева. Ноябрь 2023 г.

с труположениями (№ 5 и 6) оказались лишены каких-либо находок.

Курганы в группе «В» аналогичны по своей конструкции поздним насыпям из группы «А». Здесь раскопано было в 1902 г. шесть курганов (№ 7–12). Под двумя насыпями в грунтовых ямах были женские труположения с украшениями XII–XIII вв. (№ 8, 9), под одним курганом (№ 10) в яме — мужской костяк, при котором найдена полоса тесьмы от ворота с пуговицами и чуть выше в насыпи — разбитый горшок (рис. 159–162). Три кургана содержали

безынварные труположения в материковых могилах (№ 7, 11 и 12)¹⁴.

Где-то между курганными группами на надпойменной террасе в центральной части комплекса располагались участки культурного слоя — из него происходит, как отмечал В. Н. Глазов, найденное крестьянином на пашне возле группы «А» шиферное пряслице (Глазов А-1902: л. 20).

Таковы археологические реалии, за которыми скрывается множество загадок, ответы из которые невозможно вывести только лишь

¹⁴ Фрагмент лепного горшка из кургана № 10 относится к середине — третьей четверти I тыс. н. э. В насыпь он явно попал случайно, вместе с грунтом при ее сооружении.

Курганные группы в последующее время неоднократно осматривались и описывались археологами. Как всегда бывает в таких случаях, соотнесение между собой описаний разных лет представляет сложность и требует обширных комментариев, которые здесь излишни. Я буду придерживаться описания В. Н. Глазова, а за более подробной информацией можно обратиться к сведениям, собранным В. С. Нефёдовым (АКР 2007: 192–194).

Рис. 155. План и профиль кургана № 4 в группе «А» у д. Селяне. Рисунок из полевого отчета В. Н. Глазова 1902 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 99. Л. 18)

Рис. 156. План и профиль кургана № 8 в группе «В» у д. Селяне. Рисунок из полевого отчета В. Н. Глазова 1902 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 99. Л. 19 об.)

из материальных остатков прошлого. Выше, в главе 5, следуя за некоторыми положениями А. Ф. Лосева, мы уже пришли к допущению, что миф может быть субстанциален, т. е. может обрести материальное воплощение. Дальнейшее развитие этой мысли будет означать, что археолог зачастую сталкивается не с трудноуловимым отражением мифа в элементах материальной культуры (как обычно считается), а напрямую — с самим воплощенным мифом. Отражением его является в таком случае само сознание ученого, и отражение это — прямое.

Однако научное понимание мифа наталкивается на своеобразную ткань мифического сознания, логика которого требует особой методики исследования, еще не разработанной. Ее необходимость по-своему осознавалась многими выдающимися учеными, пытавшимися проник-

нуть в изменчивый мир мифического сознания и постигнуть диалектику мифа (Лосев 2022), логику мифа (Голосовкер 1987), истину мифа (Хюбнер 1996), поэтику мифа (Мелетинский 2000). Все эти определения, несомненно, обращаются к одной и той же идее мифа как длящейся реальности, но философы и этнологи сталкиваются в своей практике с реальностью сознания, но не реальностью материальной культуры. Археолог же имеет дело непосредственно с самим воплощенным мифом. В нашем случае этот миф — погребальный памятник.

Мы уже рассматривали в главе 5 эту проблему на примере языческих монументов — сопков, придя к выводу, что сама сопка и есть миф. Теперь нам предстоит обратиться к христианским могильникам древнерусского времени с тем же вопросом — как формировался воплощенный

Рис. 157. Селяне 1902 г. Комплекс находок из погребения в кургане № 3, в восточной части группы «А» (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 857/1–5). 1–4 – бронзовые браслеты из овального, в сечении дрота с сужающимися концами; 5 – пластинчатый бронзовый браслет с гравированным орнаментом; 5а – пластинчатый браслет, деталь

Рис. 158. Селяне 1902 г. Комплекс находок из погребения в кургане № 4 в восточной части группы «А» (ГЭ, ОАВЕС, колл. 857/6–11). 1, 2 – ромбоцитковые височные кольца с пуансонным орнаментом; 3 – стеклянные бусы; 4 – литой перстень; 5 – пуговица; 6 – бубенчик. 1, 2 – сплав серебра; 3–6 – сплав меди

в них миф, какое послание он в себе содержит, в чем его смысл и назначение?

Христианизация Руси не только положила почти молниеносный конец языческим кремациям, но и породила целый ряд своеобразных погребальных практик, весьма далеких от канонического христианского погребального обряда.

Некоторые из них (например, подкурганные камерные ингумации) имели ограниченное распространение и достаточно быстро вышли из употребления. Некоторые традиции, например, жальники, простирались на огромные пространства и функционировали столетиями¹⁵. Попытки разгадать загадку всех этих трансформаций

Рис. 159. Селяне 1902 г. Комплекс находок из погребения в кургане № 8 в группе «В» (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 857/33–37). 1, 2 — стеклянные и золотостеклянные бусы; 3, 4 — ложновитые перстни; 5 — пластинчатый браслет с гравированным орнаментом. 3–5 — сплав меди

¹⁵ Жальник — традиционное для отечественной археологии наименование христианского древнерусского кладбища с грунтовыми могилами, обложенными крупными валунами по периметру. В некоторых случаях валуны образуют над могилой сплошную округлую в плане кладку. Иногда над захоронением прослеживается подобие плоской курганной насыпи. Жальники известны на широкой территории от Белоруссии до Тверской области, хотя название распространено значительно уже — преимущественно на территории Ленинградской и Новгородской областей. Датируются жальники XII–XVII вв., во многих случаях перерастая в деревенские кладбища нового времени. Время зарождения жальничной традиции не совсем ясно и, возможно, относится еще к XI в.

сводились обычно к поиску аналогий и прообразов погребальных сооружений, не затрагивая их мифического смысла в целом. Кроме того, проблема разбивалась на ряд отдельных вопросов, в то время как единая первопричина (распространение христианства) требовала и какого-то универсального ответа. Излагаемый ниже взгляд на трансформации погребальной обрядности, конечно, гипотетичен и требует дальнейшей проработки, в первую очередь в области этнологии и социальной антропологии.

Позитивистская логика на пути такого исследования не может нам помочь хотя бы потому, что

по ее канонам человек конечен и может быть либо жив, либо мертв; или находится в одном месте, или в другом; либо пребывать в покое, либо перемещаться. Логика мифического сознания утверждает иное — физическое существование не заканчивается смертью. Хотя мертвый человек и отрешен от мира живых, он продолжает в нем присутствовать и перемещаться, порой очень активно.

Согласно православному учению о Страшном суде, мертвецы должны восстать на него воплощенными в своем теле, сознательное уничтожение которого есть целенаправленное разрушение человеческого образа и представляется

Рис. 160. Селяне 1902 г. Комплекс находок из погребения в кургане № 9 в группе «В» (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 857/38, 39). Серебряные ромбошпигельные височные кольца с пуансонным орнаментом

греховным деянием. Очевидно, тема грядущего вскоре Страшного суда играла центральную роль в христианской проповеди на Руси, по крайней мере так можно заключить из речей Философа перед князем Владимиром в знаменитом летописном повествовании о выборе веры: «и се рекъ, показа Володимеру запону, на ней же бѣ судище Господне» (ПВЛ 1996: 48)¹⁶. Успехом этой эсхатологической христианской проповеди, каким-то малопонятным нам сейчас образом потрясавшей воображение поклонников Перуна и Велеса, объясняется стремительный и массовый отказ древнерусского населения от кремационных захоронений. Следует полагать, что человеку русского средневековья проще всего было растолковать, что сожжение трупа и последующие ритуальные

действия, затрагивающие образовавшийся *бесформенный* прах (сбор его с погребального кострища, пересыпание, смешение с древесной золой и прахом жертвенных животных и пр.), уничтожают то подобие тела, которое могло бы сохраняться в земле, и делают невозможным или затрудняют грядущее совсем скоро воскрешение усопшего к новой жизни. Вероятно, именно этот резон являлся главным рычагом, непостижимо молниеносным образом разрушившим тысячелетние традиции погребения, связанные с кремацией. Вопрос этот, конечно, не так прост, поскольку предание тела земле на медленное тление и пожирание червями тоже воспринималось в ряде средневековых культурных традиций как нежелательная для умершего утрата *формы*.

Рис. 161. Селяне 1902 г. Комплекс находок из погребения в кургане № 9 в группе «В» (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 857/40–42).
1 – литой браслет из медного сплава; 2 – фрагменты браслета из свинцово-оловянистого сплава;
3 – бронзовый ложновитой перстень с несомкнутыми концами

¹⁶ На апокалиптический оттенок ранней христианской проповеди на Руси неоднократно обращали внимание исследователи (Петрухин 2006: 121, 150, 154).

Рис. 162. Селяне 1902 г. Комплекс находок из погребения в кургане № 10 в группе «В» (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 857/43–47). 1, 2 — бронзовые пуговицы; 3 — фрагмент кожного изделия; 4 — витой трехпроволочный браслет; 5 — фрагмент лепного слабопрофилированного сосуда второй — третьей четверти I тыс. н. э., очевидно, из культурного слоя селища

Нелишним будет вспомнить беседу руса, услышанную Ибн-Фадланом на Волге в начале 920-х гг., о преимуществах трупосожжения перед трупоположением (Путешествие 1939: 83) и западнорусскую легенду XIII в. о Совии (Топоров 1987: 24–28; Петрухин 1995а: 210, 211; Мифы народов мира 2003: 457, 458). И в том, и в другом случае отдание человеческого тела разлагающим его *форму* природным стихиям земли служит предметом порицания и почти приравнивается к глумлению.

Таким образом, идея целостности *формы* не является в данном случае решающей. Невозможность воплощения на Страшном суде в случае сожжения тела определялась не только лишь утратой *формы*, но еще и чем-то иным, возможно,

более важным, чем-то, что, однако, тоже обеспечивалось сожжением трупа. Это нечто — *идея дальнего пути*, воплощенная в погребальном обряде. Очевидно, в представлениях язычников-кривичей и их первых крестителей-священников языческое сожжение физически, буквально перемещало умершего в некую область, недоступную компетенции христианского Бога.

Но позвольте. Из этого заключения следует несколько исключительно важных и даже неожиданных выводов. Во-первых, получается, что для решительного отторжения языческой потусторонности в нее необходимо было искренне верить, как в живую реальность. А это означает, что христианизация была не замещением пустоты, но настоящей революцией.

Во-вторых, если языческое сожжение удаляет умершего из мира живых, *отрешает* от него, то следует сделать вывод, что ингумация, как нечто революционно-противоположное, *оставляет* покойника в этом мире до недалекого Страшного суда. По крайней мере, можно говорить о том, что не происходит полного *отрешения* от мира, не состоится *путь*. Второй вывод крайне важен для археологии. Получается, что с переходом к ингумации умершие на Руси *перестали покидать этот мир окончательно*. Для язычника это означало превращение умершего соплеменника или родственника в заложного покойника, т. е. ходячего мертвеца.

Разумеется, разного рода выходцы из могил и до распространения христианства присутствовали в мифических представлениях славян и германцев. Умершие всяческой «неправильной», с точки зрения мифического сознания, смертью живые мертвецы — постоянные действующие лица, например, исландских саг (русские мифологические рассказы, к сожалению, записаны гораздо позднее германских). Но, следуя этой логике мифа, мы должны будем признать, что никогда ранее это присутствие (*не-уход* или *не-отрешение*) не принимал в Восточной Европе такого массового характера, как в христианизируемых обществах XI в.

Археология указывает и на возросшее пространственное сближение живых и мертвых. Нам, например, практически не известны могильники на площадках славянских городищ VI–X вв. (за исключением единичных отклонений). Немногочисленные случаи выявления могил на селищах всегда вызывают вопросы об их синхронности. Напротив, христианские кладбища на посадах и в детинцах древнерусских городов XI–XIII вв. стали явлением повсеместным.

Безусловно, этот *не-уход* требовал, в представлении новообращенного древнерусского населения, каких-то особых мер по сохранению миропорядка, который грозил рухнуть от одного присутствия мертвецов в мире, поскольку языческий конечный пункт их загробного путешествия продолжал взывать к своим мертвым

и грозил карами живым. Возможностей сохранить этот мифический миропорядок было несколько.

В первую голову, умершие отныне группировались на освященной земле, часто — под сенью отстроенного храма. Принадлежавшая им область теперь была четко очерчена в пространстве. Церковь принимала на себя охранительные функции, становясь не только вместилищем мертвых (в прямом и переносном смысле), но и в некотором роде преградой между миром живых и миром мертвых. Однако этого, видимо, было недостаточно для неопитов, особенно в сельских регионах, которых проповедь новой веры достигала в не столь отчетливых формах, как это было в городах и погостах.

Поэтому обитателями лесных регионов славянского мира принимались дополнительные меры ограничения пространства усопших, ранее не применявшиеся. К их числу относятся разного рода каменные конструкции, до XI ст. совершенно не свойственные славянскому населению Восточной Европы. В XI–XII вв. это каменные набросы и ограды из валунов, возводившиеся вокруг основания курганов с трупоположениями, а затем, в XII–XIV вв., — широко распространившиеся по Руси жальники. Ограды из камней или каменный наброс над могилой обеспечивали самую надежную защиту живых от ожидающих Судного дня сородичей. Не желанием ли создать максимально более мощную преграду между умершими и живыми и можно объяснить те огромные усилия, уходившие на возведение валунных жальничных оградок, которые в ряде случаев достигают почти мегалитических размеров?¹⁷ Как бы там ни было, практика эта охватила в первую очередь сельские регионы, где священников было мало и влияние церкви не успело еще окрепнуть. Но известны жальники и в городах, например, в соседнем с Торопцем Усвяте (Еремеев, Фурасьев 2021) и даже в Старой Ладогге (Платонова, Санкина 2018: рис. 3.9).

При любых обстоятельствах совпадение во времени и пространстве крещения Руси и перехода восточных славян к трупоположению

¹⁷ Жальники были распространены и в Торопецкой волости. Исследования их в Верхнем Подвинье производила Я. В. Станкевич, раскопавшая несколько погребений у д. Курово (Станкевич 1960: 294–306).

не является, разумеется, случайным. Ингумации в курганах следует считать христианскими, даже если предметов, явно указывающих на религию умерших (например, нательных крестов или восковых свечей), в погребениях нет.

Здесь уместно вернуться к вопросу о семантике крестовидного орнамента на древнерусских ромбоцитковых кольцах (рис. 158, 160) и браслетах (рис. 169: 5). Выше мы уже обращали внимание на присутствие такой орнаментации на готландских ювелирных украшениях и на торопецком вертеле, возможно изготовленном на Готланде. Таким образом, представляется очень вероятным, что композиция орнамента на височных кольцах позаимствована древнерусскими мастерами у скандинавских ремесленников, подвизавшихся на Руси в начале XI в. Речь идет, разумеется, о ситуации на Северо-Западе в целом, поскольку мы не можем уверенно сказать — где впервые произошло это взаимодействие ремесленных традиций — в Новгороде, Пскове, Торопце или каких-то еще производственных центрах (тем более что ремесленники перемещались из города в город от одного правителя к другому). Вопрос заключается в том — насколько эти знаки воспринимались как христианские символы? Полагаю, что речь может идти, скорее, о некоей охранительной функции креста, то есть еще о полуязыческом понимании символа. Тем не менее само признание охранительной силы креста говорит уже о многом.

Обратимся снова к Церковищу — есть ли у нас возможность узнать, когда здесь построена церковь? Перед нами тот редкий случай, когда это можно определить достаточно уверенно. Дело в том, что на Церковище располагался могильник, как писал В. Н. Глазов, «жальничного типа»,

от оградок которого кое-где еще сохранялись выступавшие на поверхность камни. Надо, однако, полагать, что каменные сооружения были не при всех могилах и не были особенно массивными, поскольку крестьяне пытались распахивать поверхность холма, но забросили пашню (Глазов А-1902: л. 22)¹⁸. В. Н. Глазов заложил здесь четыре раскопа (обозначенных им латинскими литерами «А–D»), причем если в двух северных раскопах («А» и «В») обнаружены были погребения, то в двух южных («С» и «D») костяков не встречено (рис. 163–166). Это позволяет достаточно определенно предполагать, что церковь или часовня располагалась в южной части площадки¹⁹.

Несмотря на запись о могильнике «жальничного типа», каких-либо упорядоченных каменных конструкций в своих раскопах В. Н. Глазов на зафиксировал, что дает нам возможность считать археологический памятник христианским кладбищем, обустроенным по самому строгому канону. В раскопе «А» расчищено было пять погребений. При костяках № 1, 2 и 4 найдено по два «кривичских» браслетообразных височных кольца (рис. 167–169). Погребения 3 и 5 (мужское и детское) вещей не содержали. В раскопе «В» найдено три костяка. Вещи оказались лишь в одном погребении — два крученых дрововых браслета из сплава меди и медный перстень (Глазов А-1902: л. 26) (рис. 170). Все усопшие захоронены в вытянутом положении головой на запад, с незначительным отклонением к югу. Комплекс инвентаря (в первую очередь серебряные проволочные височные кольца с завязанными концами) указывает на то, что кладбище, несомненно христианское, возникло не позднее XII в.²⁰ Судя по тому, что погребения не перекрывают одно другое, могильник

¹⁸ Наш осмотр памятника в ноябре 2023 г. показал, что вершина холма совершенно ровная, без каких-либо камней (рис. 166). Нет камней также в осыпи срезанной части холма. Не отмечают жальничные оградки и другие исследователи, осматривавшие памятник после В. Н. Глазова. Существование здесь обычных жальничных оградок, таким образом, сомнительно. Возможно, отдельные камни обозначали захоронения или были связаны с фундаментом церковной постройки.

¹⁹ К сожалению, провести здесь раскопки сейчас нельзя — южная половина холма еще в советское время была срезана бульдозером при строительстве дома.

²⁰ Автор раскопок ошибочно, на мой взгляд, полагал, что могильник «едва ли может быть отнесен ко времени ранее XIII века» (Глазов А-1902: л. 26). Отчет В. Н. Глазова содержит подробное описание комплексов, находки из которых хранятся в Государственном Эрмитаже (Колл. 857):

Погребение № 1 (раскоп «А») (рис. 167).

Два больших височных кольца из круглой в сечении серебряной проволоки с небрежно завязанными концами (рис. 167: 1, 2). Такие украшения появляются на Руси в конце X в. По новгородским материалам Ю. М. Лесман датирует их в диапазоне: до 1116 г. (Лесман 1984: табл. I; 1990а: 70). В соседнем с Торопцем Верхневолжском регионе подобные

и церковь прекратили функционировать достаточно рано, вряд ли дожив даже до литовских разорений. Вероятно, тогда же холм и получил свое прозвание, дошедшее через два десятка поколений до 1902 г. Это обстоятельство, кстати, говорит о стабильности населения в этом микрорегионе на протяжении по крайней мере полутысячелетия. Конечно, названия мест обитания и гидронимы могут переживать смены насельников, но микротопонимы, относящиеся к мелким элементам местности, в таких случаях чаще всего исчезают. Если бы население в какой-то исторический период (условно с 1300 по 1900 г.) полностью сменилось и микротопоним Церковище оказался бы забыт, новые обитатели не опознали бы в холме место старой церкви, а назвали бы его, скорее всего, как бывало обычно в Подвинье, — городищем.

Комплекс Селяне весьма живописно рисует нам картину христианизации кривичей

в ее сельском варианте. Мы можем наблюдать на этом примере археологические следы одного из первых церковных приходов в Торопецкой волости. Мы видим, как церкви не позднее XII в. (возможно, значительно ранее) отдается центральное господствующее и защищенное место в освоенном пространстве. Картина заставляет вспомнить вводную часть к одной из древнейших русских летописей: «куда же древле погании жраху бѣсомъ на горах, нынѣ же паки туды святаыя церкви златѣверхия каменозаданныя стоят» (ПСРЛ, т. III. 2000: 103). Вряд ли такое решение было принято местной общиной — скорее здесь угадывается внешнее силовое воздействие. На освященной земле возникает христианское кладбище с ортодоксальным погребальным обрядом. При этом население микрорегиона оказывается разделено на две группы — часть жителей хоронит умерших близ храма или часовни на новом месте.

украшения происходят преимущественно из погребений XI в. (Степанова 2010: 277). Так же датируются и курганные комплексы с подобными украшениями к западу от Торопца на реке Кунье из раскопок В. Н. Глазова (Еремеев 2015: рис. 99, 101). Существует как будто тенденция к более поздней (XII–XIII вв.) датировке разных вариантов небрежно завязанных браслетообразных височных колец (Левашева 1967: 16), но вряд ли здесь могут быть твердые основания для хронологического размежевания таких украшений с аккуратно выполненными изделиями. Многое зависело от мастерства ремесленника. Кроме того, грубо сделанные кольца могли быть предназначены специально для погребения. Во всяком случае на территории Белоруссии подобные кольца хорошо представлены в погребениях конца X — XI в. Это комплекс с сожжением в кургане № 23 могильника Вышедки (Штыхаў 1992: 141, мал. 74: 1), комплексы с лепной керамикой в кургане 3 могильника Домжарицы (Штыхаў 1992: 157, мал. 81: 9) и в кургане 77 могильника Навры (Плавинский, Степанова 2017: 435, рис. 3). Укажем еще один богатый комплекс находок из кургана № 1 в могильнике древнерусского Заславля, где наряду с бусами X–XI вв. и раннегончарной керамикой присутствует набор подобных колец (Штыхаў 1992: мал. 51: 2–10).

Два литых ложновитых перстня из сплава меди (рис. 167: 3, 4). Дата по Ю. М. Лесману: 1096–1268 гг. (Лесман 1984: табл. I; Лесман 1990а: 50).

Погребение № 2 (раскоп «А») (рис. 168).

Два височных кольца из серебряной проволоки (рис. 168: 1, 2).

Пять перстней из сплава меди (рис. 168: 3–7). Из них три литые, ложновитые с сомкнутыми концами. Два перстня гладкие с утолщенной средней частью и с несомкнутыми заходящими концами. Ю. М. Лесман по Новгороду датирует украшения: 1096–1281 гг. (Лесман 1990а: 50).

Погребение № 4 (раскоп «А») (рис. 169).

Два височных кольца с завязанными концами из серебряной проволоки. В коллекции Эрмитажа сохранилось одно кольцо (рис. 169: 1).

Два витых трехпетельных петлеконечных браслета из бронзовой, круглой в сечении, проволоки (рис. 169: 3, 4). Конец проволоки внутри петли загнут крючком. Датировка по новгородской шкале: 1055–1396 г. (Лесман 1984: табл. I; Лесман 1990а: 43).

Пластинчатый браслет из медного сплава, украшенный пуансонным орнаментом (рис. 169: 5). По ближайшим новгородским аналогиям, опубликованным М. В. Седовой, датируется XIII в. (Седова 1981: рис. 39: 2). По Ю. М. Лесману: 1161–1382 гг. (Лесман 1990а: 40).

Три перстня из медного сплава (рис. 169: 2, 6, 7). Два из них — цельнолитые ложновитые. Один перстень — ложновитой с несомкнутыми концами. Последний по новгородской хронологической шкале датируется в интервале 1055–1385 гг. (Лесман 1990а: 51).

Погребение № 8 (раскоп «В») (рис. 170).

Два браслета медного сплава (рис. 170: 1, 2). Один из них, крученный из четырехгранного дрота, с тщательно обработанными прямоугольными концами. По новгородской шкале датируется 1116–1369 гг. (Лесман 1990а: 43). Второй браслет скручен из фрагмента прокованного четырехгранного дрота, оставшегося от какого-то более крупного украшения (гривны?). Датировать предмет затруднительно.

Перстень из медного сплава, пластинчатый цельнолитой с двумя продольными бороздками (рис. 170: 3). В Новгороде по Ю. М. Лесману — до 1313 г. (Лесман 1990а: 50).

Несомненно, в открытых на Церковище могилах лежат люди, отпетые в стоявшем здесь храме. Однако часть их сородичей продолжает захоронения по курганному обряду, но уже не сжигая покойников, сохраняя некую компромиссную форму принятия новой религии. Производилось ли в этом случае отпевание перед

погребением, мы не знаем. Нам сейчас одинаково сложно представить себе перенос тела в курганный некрополь из церкви, заупокойную службу в окружении курганов (в каком-то числе, несомненно, языческих) и сооружение курганной насыпи над могилой после того, как православный священник провел над ней поминальное

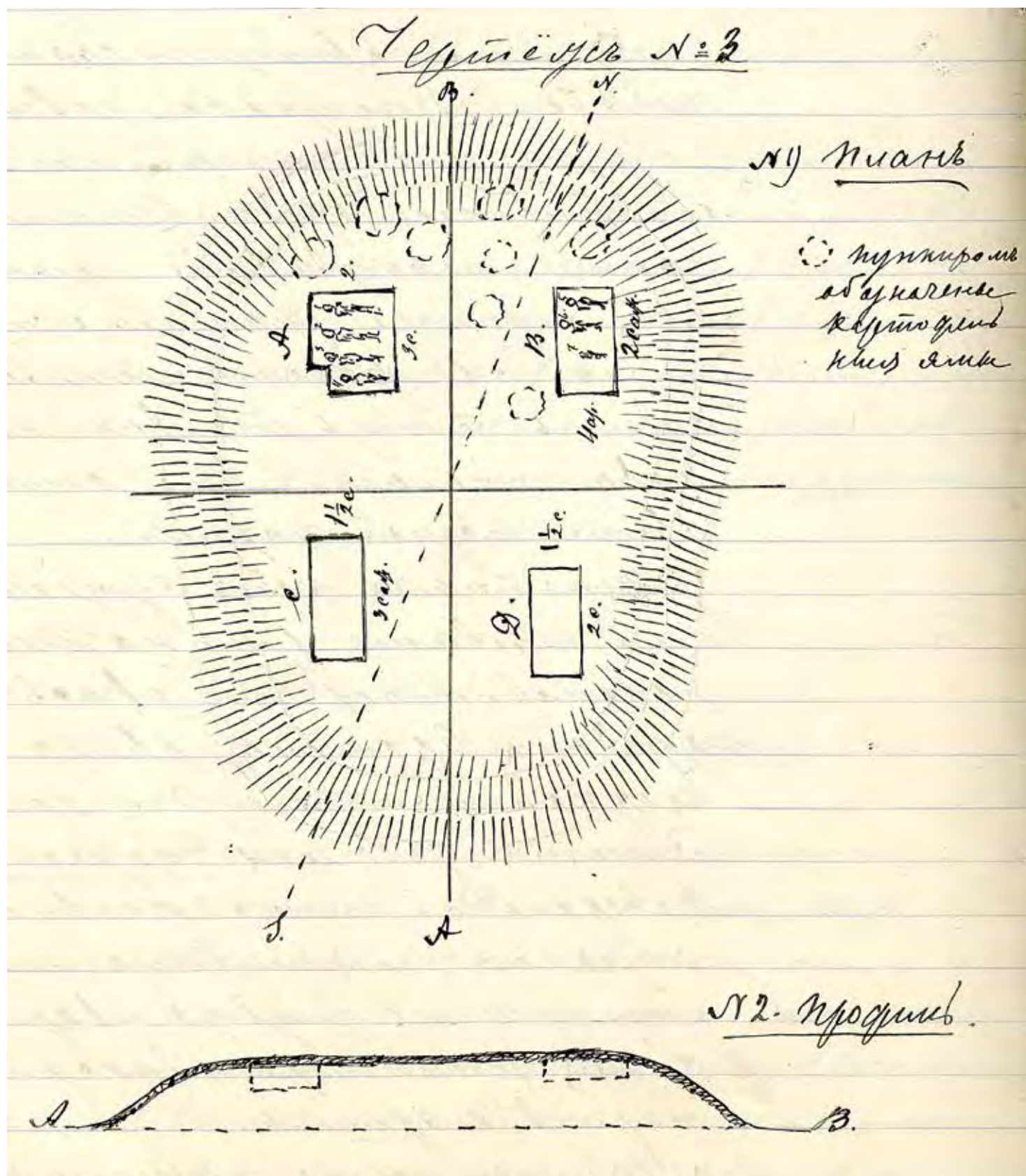

Рис. 163. План холма Церковище у д. Селяне с нанесенными на него раскопами. Рисунок из полевого отчета В. Н. Глазова 1902 г. (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 99. Л. 22 об.)

Рис. 164. Раскопки В. Н. Глазова на холме Церковище у д. Селяне в 1902 г. Раскоп на юго-восточной оконечности холма (раскоп «D»). Вдали видна деревня Селяне (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 99. Л. 24)

богослужение. А ведь помимо курганной насыпи можно было ожидать от прихожан и более причудливых проявлений их внутреннего мира, например — размещения рядом с погребенным телом конской головы, как в кургане № 1 в ур. Подгай близ Торопца (рис. 150: А). Учитывая синхронность в Селянах курганного могильника и кладбища, трудно избавиться от впечатления некоторого противостояния. Эта яркая картина поможет нам далее интерпретировать несколько более «размытые» материалы, полученные при раскопках Торопца.

Раннехристианские (в нашем случае относящиеся к X–XI вв.) кладбища на Северо-Западе исследованы совершенно недостаточно. Нет сомнений в том, что древнейшие могильники крещеного населения на Руси — это могильники городские (Панова 2004: 25). Причина их слабой изученности в основном в том, что располагавшиеся среди городской застройки, на освященной

земле при церквях могильники функционировали в более или менее строго очерченных пределах одних и тех же земельных участков на протяжении столетий. На некоторых городских кладбищах, возникших в древнерусское время, погребения совершались еще в начале XX в. Поэтому шанс обнаружить на таком некрополе древнейшие захоронения очень невелик. Могила наслаивалась и прорезала одну другую, уничтожая более ранние захоронения.

При этом, даже найдя такое чудом сохранившееся погребение, исследователь не всегда сможет его датировать — ведь христианский погребальный обряд не менялся за последнее тысячелетие, а погребальный инвентарь редко помещался в могилу православного прихожанина. Таким образом, при огромных трудозатратах и достаточно сложной этической ситуации, результат таких раскопок выглядит весьма непривлекательно.

Рис. 165. Раскопки В. Н. Глазова на холме Церковище у д. Селяне в 1902 г. Раскоп «А» на северо-западной оконечности холма. На втором плане — пойма р. Торопы (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 99. Л. 24)

Все это привело к тому, что древнерусские сельские кладбища (часто состоящие не только из обычных в христианском понимании могил, но из самых разнообразных курганов и жальников) оказались гораздо лучше исследованы, чем некрополи древнерусских городов, — особенно же кладбища первых русских христиан. Между тем информация о расположении и датировке древнейших городских некрополей чрезвычайно важна для понимания взаимоотношений княжеской власти, городских общин и церкви. Кроме того, антропологический материал из ингумаций позволяет решать множество вопросов, связанных с происхождением древнего населения и его образом жизни.

Еще более загадочной темой представляется начальное русское церковное строительство.

Хорошо изучены каменные храмы X–XII вв. Однако большинство церквей в этот период были, конечно, деревянными. Несмотря на очень масштабные раскопки древнерусских поселений, обнаружение деревянных храмов случается редко и каждый раз представляет сенсацию. Кто и каким образом строил на Руси первые православные храмы — вопрос очень актуальный и важный, во многом — ключевой для понимания картины христианизации восточных славян. Именно к вопросу локализации одного из первых деревянных древнерусских храмов нас и подводят удачные исследования Торопецкого грунтового могильника, к результатам раскопок которого мы теперь и обращаемся.

Археологи многократно отмечали, что западный склон Большого городища (рис. 171)

Рис. 166. Северо-западная оконечность холма Церковище — место одного из четырех раскопов В. Н. Глазова в 1902 г. (раскопа «А»). Современный вид. Фото И. И. Еремеева. Ноябрь 2023 г.

служил внешней линией обороны окольного города Торопца и несет на себе следы эскарпировки древнерусского времени XI–XV вв. (Побойнин 1902: 24; Артамкин А-2012: л. 132). Если здесь и были фортификационные сооружения более ранней поры, то они перестроены и искажены в этот период. Иное дело — восточные склоны Большого городища, которые не было нужды укреплять во время существования древнерусского посада. Поэтому важно внимательно присмотреться к профилю внутреннего, восточного склона Большого городища в месте расположения раскопа 2 Д. И. Фоянкова.

Следует отметить, что на фотографии Малого городища, сделанной Н. П. Милоновым с Большого городища в 1938 г., когда отсутствовала еще плотная застройка, хорошо видна террасированность его восточного склона, называемого Привальем. Прекрасно видно и место, где спустя 50 лет Д. И. Фоянков заложил свой раскоп 2 (рис. 34, 35).

Действительно, большинство исследованных погребений располагается здесь на террасе, врезанной в склон Привалья (Фоянков А-1989: рис. 11; Фоянков А-1992: л. 4). Ширина террасы составляет примерно 6–10 м (рис. 35, 83, 84). На профилях она выглядит как рукотворное сооружение. Местами на террасе лежит слой слабогумусированного песка, достигающий мощности 0,7 м (Фоянков А-1991: рис. 2; Фоянков А-1992: л. 3). Все это чрезвычайно похоже на следы древних земляных работ на восточных склонах Большого городища. Вероятно, это следы обустройства в средневековье террас для жилых и хозяйственных сооружений. Окончательный ответ на вопрос о происхождении террас могут дать только специальные раскопки.

В профилях стенок раскопа 2 под слоем черного гумусированного песка хорошо видны материковые неровности, непохожие на могильные ямы и, скорее всего, связанные с поселением (Фоянков А-1990: рис. 3)²¹.

²¹ Материковые ямы в плане Д. И. Фоянков, к сожалению, не всегда фиксировал.

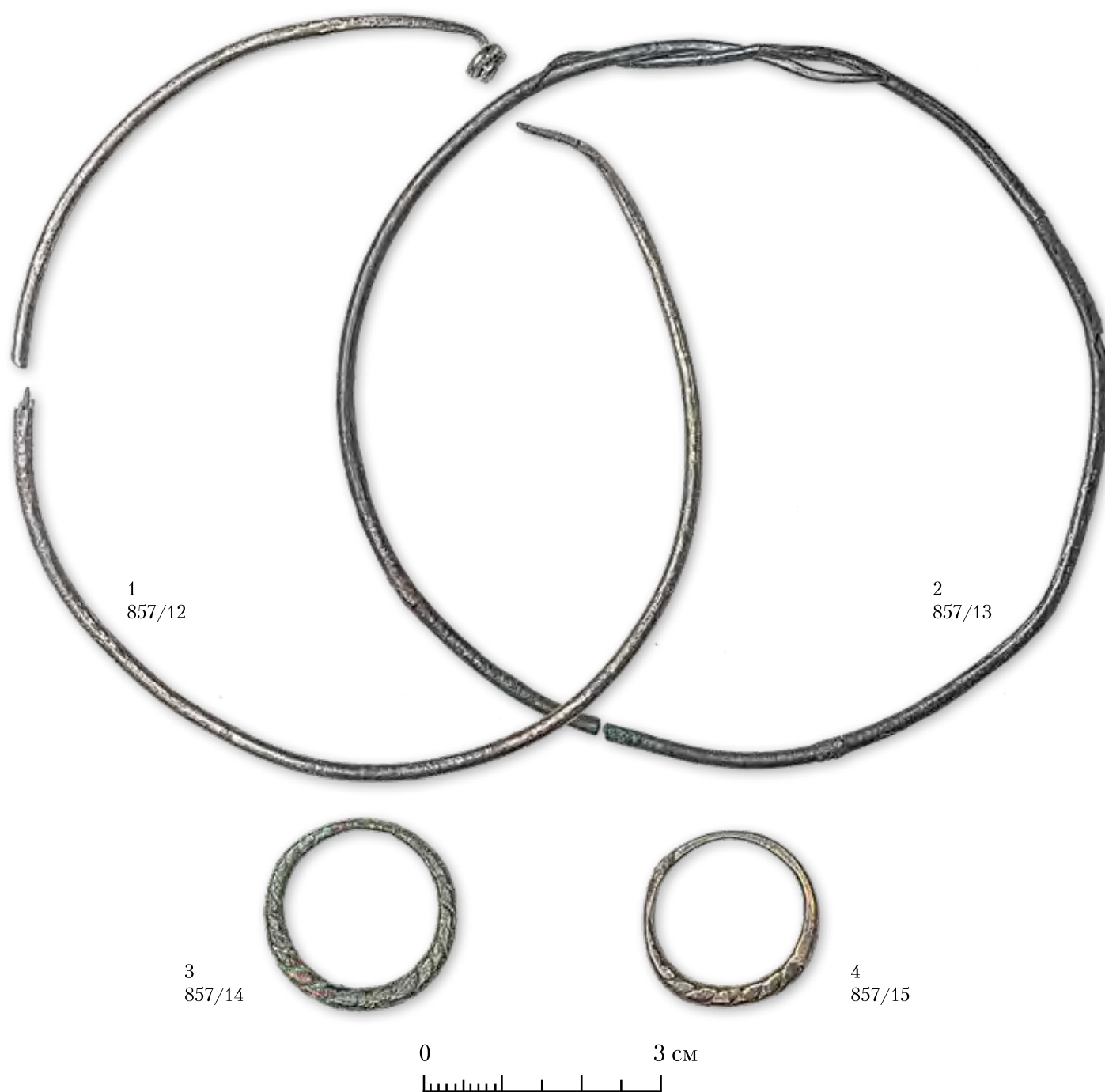

Рис. 167. Селяне 1902 г. Церковище. Комплекс находок из погребения 1 (ГЭ, ОАВЕС, колл. 857/12–15).
1, 2 — серебряные проволочные браслетообразные височные кольца с завязанными концами; 3, 4 — перстни из медного сплава

Кроме перечисленных находок, в разное время среди материалов с Привалья исследователи отмечали следующие предметы предположительно X–XI вв.: крупная янтарная бусина (Фоняков А-1988: л. 11, рис. 38: 11) и двухчастная лимоновидная пронизка желтого стекла из переотложенного погребения № 71 (Фоняков А-1992: л. 10, 11).

Рассматривая хронологию исследованного в 1988–1992 гг. кладбища (раскоп 2), следует проанализировать гипотезу Д. И. Фонякова о принадлежности некоторых христианских захоронений к XI в. (Фоняков 2000а: 184). Конечно, глядя на ситуацию в целом, нужно признать,

что эта гипотеза совершенно оправдана. Вряд ли можно сомневаться, что кладбище на восточных отрогах Большого городища в Привалье (рис. 83, 84, 171) принадлежит строителям Малого городища. Коль скоро последнее возникает в конце XI в., то так же следует датировать и первые могилы его строителей.

Вместе с тем нужно признать, что критерии для выделения ранних погребений, которые применяет Д. И. Фоняков, явно неудовлетворительны. Вот так они выглядят:

1. Двухчастная лимоновидная пронизка желтого стекла найдена в области груди мужского погребения № 8 (Фоняков

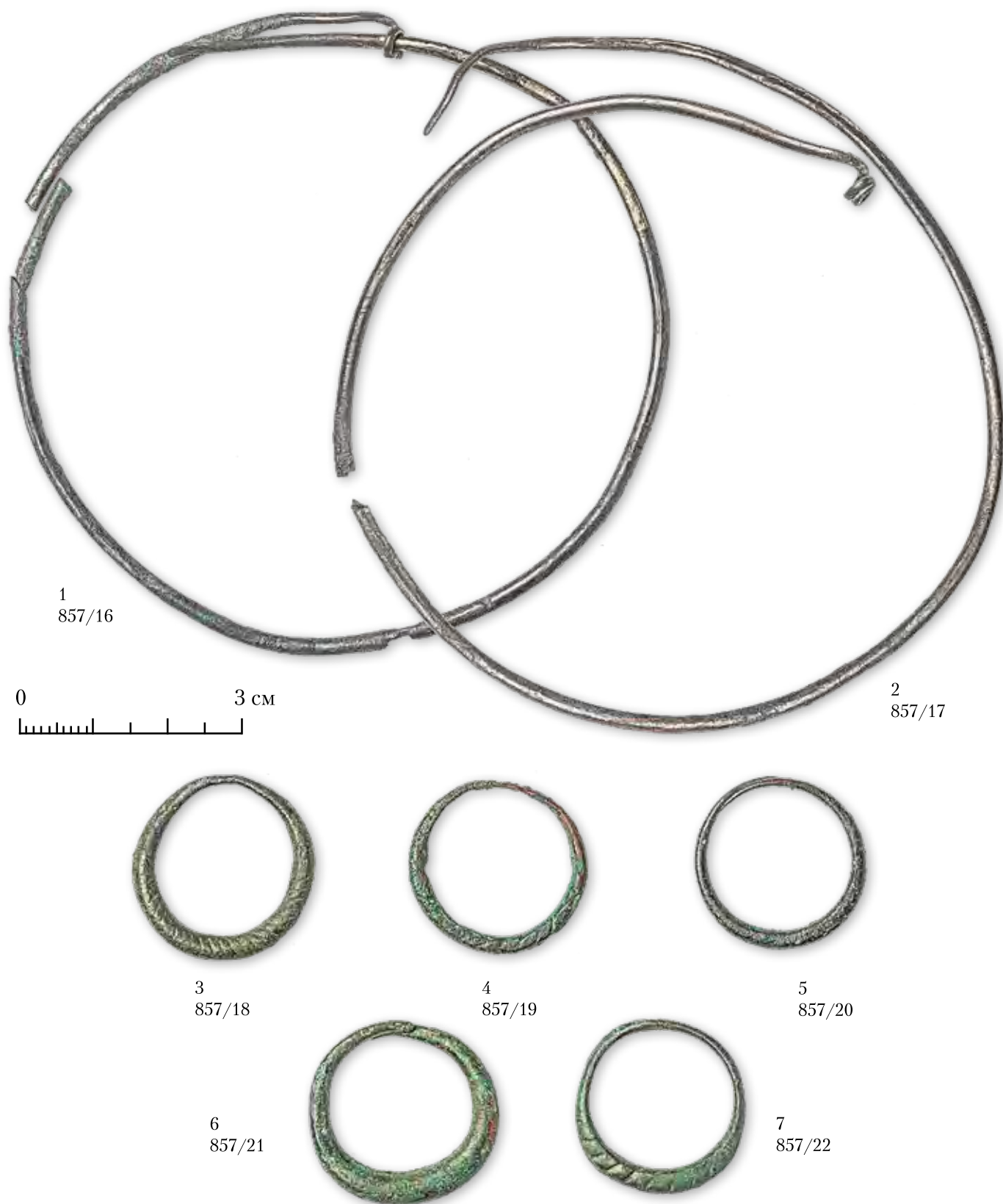

Рис. 168. Селяне 1902 г. Церковище. Комплекс находок из погребения 2 (ГЭ, ОАВЕС, колл. 857/16–22).

1, 2 – серебряные проволочные браслетобразные височные кольца с завязанными концами; 3–7 – перстни из медного сплава

А-1988: л. 13, рис. 38; Фоянков 2000а: 174 (рис. 172: 3).

2. Такая же бусина происходит из погребения 64а (Фоянков 2000а: 184).

3. Половинка саманидского дирхема (рис. 172: 4) найдена вне связи с захоронениями в черном гумусированном песке, представляющем собой переотложенный

культурный слой (Фоянков А-1988: л. 14, рис. 38: 2);

4. Дирхем-подвеска, обрезанный по кругу и с пробитым отверстием (рис. 172: 5), найден в том же слое (Фоянков А-1988: л. 14, рис. 38: 1).

Учитывая то обстоятельство, неоднократно отмеченное автором раскопок, что могилы

Рис. 169. Селяне 1902 г. Церковище. Комплекс находок из погребения 4 (ГЭ, ОАВБС, колл. 857/23–29).
 1 – проволочное браслетообразное височное кольцо с завязанными концами; 2, 6, 7 – ложновитые перстни;
 3, 4 – витые трехпроводные браслеты; 5 – пластинчатый браслет с пуансонным орнаментом;
 5а, 5б – детали пластинчатого браслета. 1 – серебро; 2–7 – сплав меди

Привальья вырыты в культурном слое, содержащем средневековую лепную и раннегончарную керамику X–XI вв. (Фоняков А-1988: л. 14), случайный характер попадания единичных бусин в погребения гораздо более вероятен, чем использование их в погребальном уборе (особенно мужском)²². Помещение в могилу обрезка дирхема — довольно обычной находки на поселении X–XI вв. — тоже сомнительно. Так же невозможно доказать и принадлежность к погребениям подвески-дирхема, если она не была найдена непосредственно на костяке.

Возможно, именно древнейшие христианские захоронения (несомненно, повторю, имеющиеся в могильнике) являются безынвентарными. Однако следует помнить о результатах раскопок Я. В. Станкевич в северной части Большого городища. Мы уже упоминали о раскопе, заложенном здесь исследовательницей в 1950 г. (рис. 65). В юго-западной части небольшого (6 × 2 м) раскопа найдено было скопление железных шлаков. К более позднему времени относились попавшие в раскоп три христианские погребения, в одном из которых найден поясной набор из двух бронзовых разделительных колец и лировидной пряжки (рис. 66) с лилиевидным выступом на рамке (Станкевич А-1950: л. 75).

Этот поясной набор не представлен, к сожалению, на иллюстрациях в работах Я. В. Станкевич. В полевом отчете за 1950 г. изображение поясного набора отсутствует (Станкевич А-1950). В монографии Я. В. Станкевич имеется лишь указание на тип пряжки (Станкевич 1960: 313, рис. 88: 7). Сама она опубликована исследователями города отдельно (Малевская, Фоняков 2000: рис. 129: 5) и представляет собой популярный тип, распространенный от Скандинавии до Прикамья и Средней Азии. По новгородской дендрошкале Ю. М. Лесман датирует эти застёжки в интервале 1006–1340 гг. (Лесман 1990а: 79). Верхняя граница хронологического интервала в данном случае явно обусловлена залеганием находок в перекопах новгородского культурного слоя. Столь широкое бытование во времени такого сложного элемента поясного набора выглядит сомнительно. Более узкая датировка этих предметов обычно определяется в рамках XI–XII вв. (Седова 1981: 144; Зайцева 2015: 186; Руденко 2015: рис. 11) или даже XI — начала XII в. (Федорина, Макаров, Милованов, Баранов 2023: рис. 106).

Обратимся теперь к достоверным древнерусским погребениям на террасе Привальья. Д. И. Фоняков выделил среди примерно

Рис. 170. Селяне 1902 г. Церковище. Комплекс находок из погребения 8 (ГЭ, ОАВЕиС, колл. 857/30–32). 1, 2 — браслеты из перекрученного дрота; 3 — перстень. Сплав меди

²² Хотя полностью исключать такую возможность, конечно, не стоит — древнерусское погребение XI–XII вв., совершенное по обряду ингумации, содержавшее раннегончарный сосуд, нож и одну единственную двучастную лимоновидную пронизку желтого стекла, известно неподалеку от Торопца — в Речанах 4 (Баранов А-2014в: рис. 997). Имеются и другие захоронения, количество найденных бус в которых насчитывает всего один или несколько экземпляров. Таковы, например, некоторые погребения в недавно открытом некрополе начала XI в. в Новгороде (Гайдуков, Исаев, Олейников 2019: 171–174).

Рис. 171. Большое Торопецкое городище. Вид с юго-запада. Хорошо видна эскарпировка западного склона, проходящая примерно по середине его высоты, и еще один эскарп ниже. Современная фотография

80 изученных им ингумаций несколько захоронений XIII–XIV вв. (погребения № 4, 5, 6, 24, 25, 39а, 42, 43, 52, 53). При этом он сделал важное наблюдение — наиболее богатые захоронения (с металлическими наборными очельями) сконцентрированы в восточной части раскопа 1988–1992 гг. (Фоняков 2000: 185). Автор раскопок полагал, что эти престижные погребения «наиболее состоятельных горожанок» были сделаны за алтарем храма, который, таким образом, находился к западу от них на небольшом бугре восточного склона Большого городища в квадратах А-Ж/1–3 раскопа (Фоняков 2000: 185). Надо заметить, что никаких следов постройки в указанном месте не было зафиксировано. Тем не менее основная мысль Д. И. Фонякова кажется мне верной — скорее всего, древнейшее ядро некрополя располагалось близ храма (но не обязательно, конечно, за алтарем).

Согласно разысканиям И. И. Побойнина, на Старом посаде Торопца находились три церкви: Бориса и Глеба, Рождества Иоанна Предтечи и Параскевы Пятницы, причем последняя — близ Малого городища (Побойнин 1902: 29). Автор раскопок, проанализировав план Торопца из Библиотеки Академии наук (рис. 5, 6), пришел к выводу, что храм, отмеченный на этом плане вблизи Малого городища, и есть церковь Параскевы Пятницы (Фоняков 2000: 184).

Не рискуя присоединиться к этой точке зрения без дополнительных исследований, мы можем сделать несколько выводов общего характера. С какой из трех церквей не был бы связан некрополь на Привалье, важно другое — **в то же время, когда было заложено Малое городище, земельный участок на Большом городище и в Привалье (причем полностью — от его вершины и восточной террасы до северной**

оконечности) перешел в юрисдикцию церкви. Древнерусское городское кладбище (или это было несколько кладбищ?) могло возникнуть в XII–XIII вв. только при храме на освященной земле. Весьма существенным в этих условиях является вопрос — какая именно земля была передана церкви?

У нас есть все основания утверждать, что именно холмовое Большое городище в X–XI вв. являлось укрепленным центром Торопца, с востока к которому примыкало обширное селище (наверное, еще рано было бы назвать его посадом). Территория этого селища начиналась на террасированных восточных склонах Большого городища (под вопросом остается искусственное происхождение этих террас) и тянулась до пологих возвышенностей на западном берегу оз. Соломено. Такую структуру древнерусское раннегородское поселение унаследовало еще от поселения раннего железного века (вспомним вышеупомянутые находки лепной

текстильной керамики на вершине Большого городища и на месте Малого городища, а также круглую ажурную бляху из раскопок Н. П. Милонова на северных отрогах Большого городища). Как известно, еще Я. В. Станкевич описала Большое городище как древнее укрепление (Станкевич А-1949: л. 36) и зафиксировала на нем следы железодельного производства, которые невозможно датировать более поздним временем, нежели XII в. (Станкевич А-1950: л. 45). Вероятно, на Большом городище находилось раннесредневековое кривичское укрепление, а позже — располагалась одна из княжеских резиденций — остановочных пунктов на пути, связывавшем Поднепровье с Новгородом. Наиболее престижные участки поселения должны были располагаться вблизи укрепления — т. е. на террасированных склонах Привалья.

Таким образом, наша гипотеза заключается в том, что в XI в. в Торопце фиксируется полная перестройка городской топографической

структуры — бывший княжеский укрепленный центр с престижными зонами застройки отдается церкви, а на краю посада, там, где сейчас напластования X — начала XI в. едва прослеживаются, строится мощная дерево-земляная крепость нового типа. Датировка и выяснение обстоятельств этих грандиозных перемен, происходивших, конечно, по инициативе княжеской власти, — первостепенная задача для будущих археологических исследований.

Итак, мне кажется недостаточно обоснованным распространенное мнение о переносе некоего протогородского поселения в XI в. с северной стороны протоки между озерами Зеликовье и Соломено — на южную (Лесман 1990; Малевская, Фоняков 1991; Артамкин А-2012: л. 117). Информация о раннесредневековых памятниках северного побережья Торопы слишком расплывчата, чтобы уверенно локализовать там

сколько-нибудь значимое поселение VIII–X вв. Большое городище и поселение у его северного и восточного подножия выглядят в этом отношении гораздо перспективнее.

Возвращаясь к сравнению, начатому нами в главе 8, Торопца и Усвята в свете предлагаемой гипотезы, нельзя не признать общности судеб двух этих городов. Такое явление, как передача церкви наиболее престижного укрепленного участка старого поселения, одновременно со строительством неподалеку новой крепости — очевидно, достаточно распространенное явление, сопровождавшее христианизацию раннегородских древнерусских центров Подвинья. То же самое, видимо, произошло около середины XI в. и в Полоцке. Таким образом, можно без преувеличения заключить, что крещение было важной составляющей превращения архаичных раннегородских структур в древнерусский город XI–XII в.

Рис. 172. Некоторые ранние находки из культурного слоя на восточном склоне Большого Торпецкого городища и на Малом городище. 1, 2 — фрагменты лепной керамики; 3 — двучастная лимонovidная пронизка желтого стекла; 4 — фрагмент саманидского дирхема; 5 — подвеска, сделанная из обрезанного в кружок дирхема. 1, 2 — находки из горизонта 8 культурного слоя Малого Торпецкого городища, раскопки М. В. Малевской 1965 г. (НА ИА РАН. Р-1. № 3210. Л. 44); 3 — находка из погребения № 8, раскопки Д. И. Фоякова в Привалье 1988 г. (НА ИА РАН. Р-1. № 12771. Л. 13); 4, 5 — находки вне контекста из могильника в Привалье, раскопки Д. И. Фоякова 1988 г. (НА ИА РАН. Р-1. № 12771. Л. 14)

Глава 10

Археологическая летопись Торопца XII–XIII вв.

Уставная грамота князя Ростислава Мстиславича Смоленской епископии, датированная 1136 г., определяет княжескую дань с Торопца в 400 гривен, что составляло солидную сумму, уступавшую лишь смоленской дани с Вержавлян Великих (1000 гривен). Вержавляне обычно отождествляются с археологическим комплексом близ д. Городище на оз. Ржавец, в бассейне Каспли между Велижем и Смоленском (Алексеев 1980: 159; Нефёдов 2012: 107). Таким образом, два наиболее платежеспособных региона Смоленского княжения оказываются связаны единым путем, идущим от Смоленска на север через район слияния Мёжи и Западной Двины, где Вержавская волость граничила с Торопецкой.

XII столетие было благоприятно для Торопца. Археологические данные о городе этого времени мы черпаем из материалов раскопок на Малом городище (рис. 173) под руководством Я. В. Станкевич (1957, 1959), Г. Ф. Корзухиной и М. В. Малевской (1960–1961, 1965, 1972) и Д. И. Фoniaкова (1990–1993).

Итогам этих раскопок (кроме исследований начала 1990-х) посвящена двухтомная монография М. В. Малевской и Д. И. Фoniaкова

(1991, 2000). Помимо того, имеются две реферативные публикации, суммирующие исследования ленинградских археологов, но при этом добавляющие к ним некоторые коррективы, — это уже упоминавшаяся нами обзорная работа Л. В. Алексеева (Алексеев 2006: 201–206) и значительный по объему раздел в справочной сводке В. С. Нефёдова (АКР 2007: 301–307). В нашей небольшой научно-популярно книжке к этому трудно что-то добавить, поэтому ограничусь кратким резюме раскопок, остановившись на нескольких особенно ярких находках.

Раскопками выявлено 9 горизонтов застройки площадки городища (к сожалению, не вся площадь раскопа доведена до материка). Опишем их в обратном хронологическом порядке, от молодых культурных слоев к более древним.

Горизонт 1. Отличается плохой сохранностью дерева. Горизонт по находкам датирован авторами раскопок последней четвертью XIII — началом XIV в. (Малевская, Фoniaков 1991: 16). Расчистить удалось всего 3 постройки. Важной находкой, указывающей на возможность некоторого омоложения горизонта, является пражский грош Карла I (IV) (1346–1378) (Тарасенко 1965: 64; Малевская, Фoniaков 1991: 56)¹.

¹ Монета, побывавшая, как гласит запись в полевом дневнике начальника участка А. А. Шевченко, в сильном огне, найдена 9 июля 1958 г. в обресе участка № 1 между пикетами К₂ и К₃ на глубине 0,54 м. На этом уровне отмечаются следы пожара (обгоревшее дерево и зерно) и многочисленные находки XIII в. (Станкевич, Шевченко А-1958: л. 7). Сведения о находке монеты и ее определение (кто его выполнил — пока установить не удалось) впервые были

Рис. 173. Малое Торопецкое городище. Вид с юго-запада. Фото И. И. Еремеева. Ноябрь 2023 г.

Как полагают все исследователи, жизнь в этот период на городище если не затухает вовсе, то существенно оскудевает. На площадке жили и занимались хозяйственной и производственной деятельностью, но многолюдного города здесь уже не было.

Горизонт 2. Несмотря на то, что дерево сохраняется здесь достаточно хорошо, дендродат для этого слоя не получено (рис. 67). Датировка горизонта опирается на вещевую

хронологию и определена авторами раскопок в интервале 1250–1270-х гг. (Малевская, Фонаков 1991: 25). Исследована 21 постройка. Выявлены две мощные деревом улицы — одна шла вдоль вала и вторая с запада на восток от края вала к центру детинца. Жилища этого горизонта погибли во внезапном пожаре (рис. 68), вероятно, военного характера. Об этом говорит находка в одной из построек (№ 23) останков сгоревшей женщины (видимо, молодой и зажиточ-

опубликованы В. С. Тарасенко (Тарасенко 1965: 64). Монета, по признанию М. В. Малевской, позже оказалась утрачена. С середины XIV в. пражские грóши были основной монетой на территории Великого княжества Литовского. На возможность присутствия на городище слоев XIV в. указывал Л. В. Алексеев. Хотя его идея о датировке пожара в горизонте 2 1337 г. (Алексеев 2006: 204) не выглядит пока достаточно обоснованной, видимо, он прав в том, что жизнь на городище продолжалась и в XIV в. Жизнь эта, видимо, протекала в весьма угнетенных формах. Причина этого могла крыться не только в том, что сократившееся население оказалось не в состоянии поддерживать укрепления, но и в том, что увлажнение климата сделало неудобным проживание в гигантской «чаше» старого вала, где скапливались дождевые и грунтовые воды.

Я. В. Станкевич полагала, что литовский штурм, приведший к пожару и гибели города, датируется началом XIV в. (Станкевич А-1958: л. 1). Остается предположить, что перед нами следы двух пожаров, смешавшиеся из-за плохой сохранности верхних напластований городища.

ной), при которой оказался целый набор богатых украшений, в том числе крест-энколпион южнорусского типа (Корзухина 1962: 101). Конечно, как известно из летописей, пожары в городах бывали и в мирное время. Но вот то обстоятельство, что останки явно не рядовой горожанки не были после пожара разысканы и похоронены по-христиански, красноречиво говорит о том, что ее родные и близкие на пепелище вернуться не смогли (по крайней мере, сразу). Они погибли, бежали или были угнаны в плен. Очевидно, перед нами следы одного из литовских разорений, не нашедшего отражения в русских летописях. Ничего необычного в их молчании нет. В это тяжелое для Руси время, богатое военными потрясениями, далеко не каждое из них хронисты успевали описать. Почти одновременно с Торопцем, и так же неизвестно, гибнет в пожаре и тоже не возрождается, например, соседний полоцкий город Усвят.

Горизонт 3. Имеет дендродаты: 1230 и 1250 гг.² В этот период уже существует мощная улица вдоль вала, шириной до 3 м. Вдоль улицы раскопано восемь построек. Это небольшие срубные жилища размерами в среднем 3 × 3 м. Здесь сделана важная датирующая находка — вислая свинцовая печать с изображениями святых Афанасия и Федора Стратилата (рис. 174)³. Печать была атрибутирована Г.Ф. Корзухиной как принадлежащая Ярославу Ярославичу, брату Александра Невского (впервые упомянут в летописи в 1228 г., умер в 1271 г.) (Корзухина 1962: 101; Янин 1970: 159, 160; Янин, Гайдуков 1998: 66, табл. 381). Ярослав, за свою недолгую (сорок с небольшим лет), но бурную жизнь княжил в Твери, Ладоге, Пскове, Новгороде и Владимире. Про пребывание его в Торопце ничего не известно, и где мог быть написан документ, попавший на Малое городище, вопрос дискуссионный (Жуков 2018).

Рис. 174. Вислая свинцовая печать князя Ярослава Ярославича из горизонта 2 раскопа на Малом Торопецком городище (найдена на настиле к востоку от постройки 15, под слоем обугленного зерна). Фото из отчета Г.Ф. Корзухиной и М.В. Малевской за 1960 г. (НА ИА РАН. Р-1. № 2194. Л. 77)

Горизонт 4. Имеет дендродаты: 1192, 1194, 1195, 1210, 1225 гг.⁴ Вдоль улицы у вала расчищено 8 построек. На уровне этого горизонта площадь раскопа сильно сузилась. Восточная его часть ниже не разбиралась.

Горизонт 5. Имеет дендродаты: 1166, 1180, 1183 гг.⁵ Раскрыто 7 построек. На этом уровне в раскопе впервые появляется уличное мощение, трассу которого трудно здесь проследить из-за последующих перестроек настилов (Малевская, Фоянков 1991: 23).

Горизонт 6. Изучены остатки двух построек и примыкающий к ним бревенчатый настил. По последнему получена дендродата: 1146 г.⁶

Горизонт 7. Имеет дендродату: 1121 г.⁷ Изучено три небольшие постройки.

Горизонт 8. Выделен на небольшом участке близ вала. В горизонте всего одна постройка без печи (возможно, она разобрана). Размеры постройки всего 3 × 3,1 м.

Горизонт 9. Выделен на небольшом участке возле вала. Отмечено две постройки, полностью вскрыта одна, хозяйственная — без отопительного сооружения (рис. 175–178).

Культурный слой под валом можно выделить в отдельный горизонт. В основном раскопе в западной части городища он не зафиксирован.

² Получены по постройке 16 (Малевская, Фоянков 1991: 23) и по частоколу, ограждавшему улицу (Малевская, Фоянков 1991: 25).

³ Печать найдена в 1960 г. на настиле к востоку от постройки 15, под толстым слоем обугленного в пожаре зерна (Корзухина 1962: 100; Малевская, Фоянков 2000: рис. 63: 2).

⁴ Получены по постройке 20 (первая датировка) и по бревнам примыкавшего к ней уличного настила (Малевская, Фоянков 1991: 23).

⁵ Получена по постройкам 27, 26 и 26а (Малевская, Фоянков 1991: 19).

⁶ Дата получена по нескольким бревнам (Малевская, Фоянков 1991: 18).

⁷ Получена по постройке 36 (Малевская, Фоянков 1991: 17).

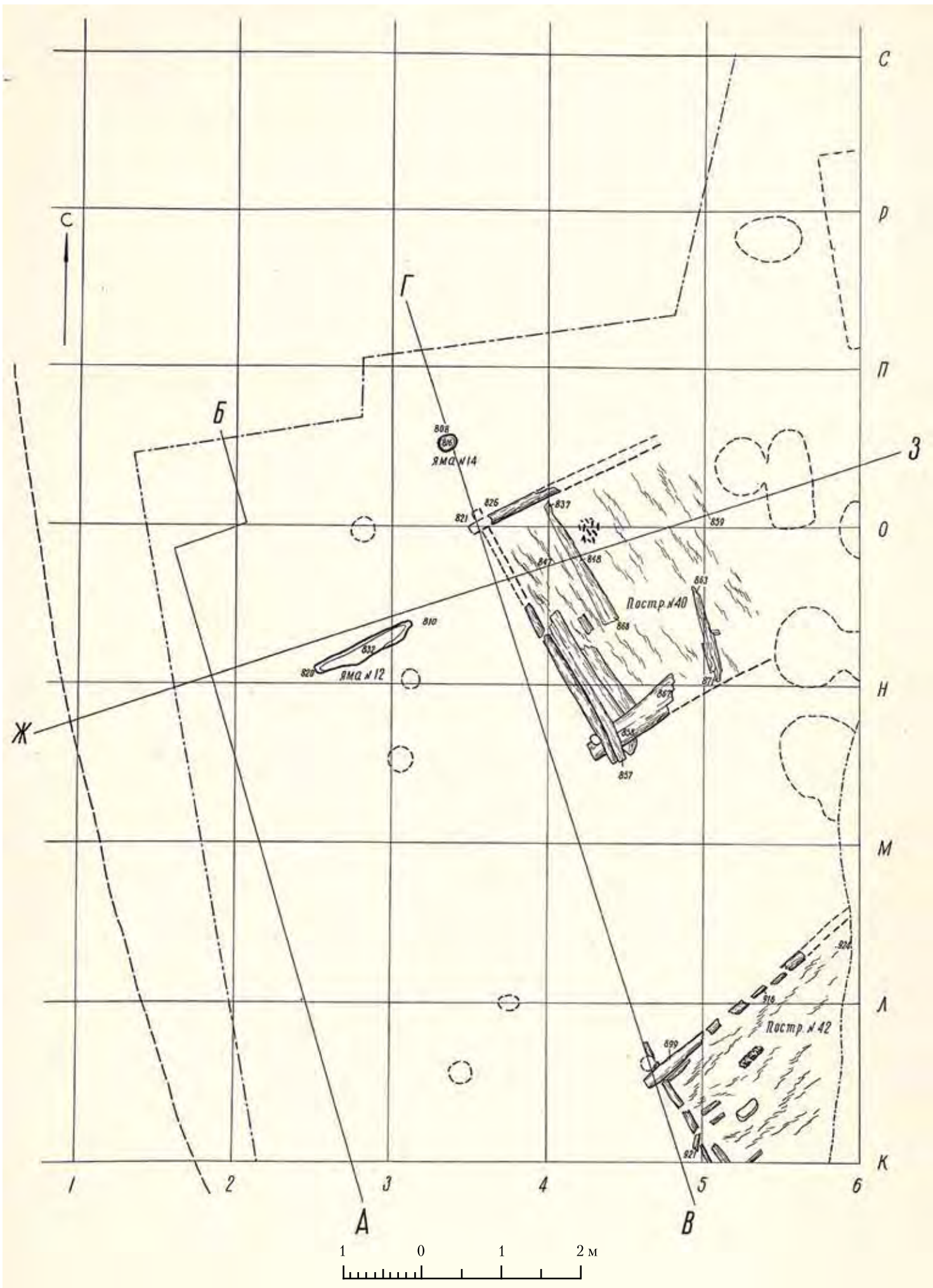

Рис. 175. План нижнего горизонта застройки в западной части раскопа на Малом Торопецком городище. Постройки 40 и 42. Иллюстрация из полевого отчета М. В. Малевской за 1965 г. (НА ИА РАН. Р-1. № 3210. Л. 45)

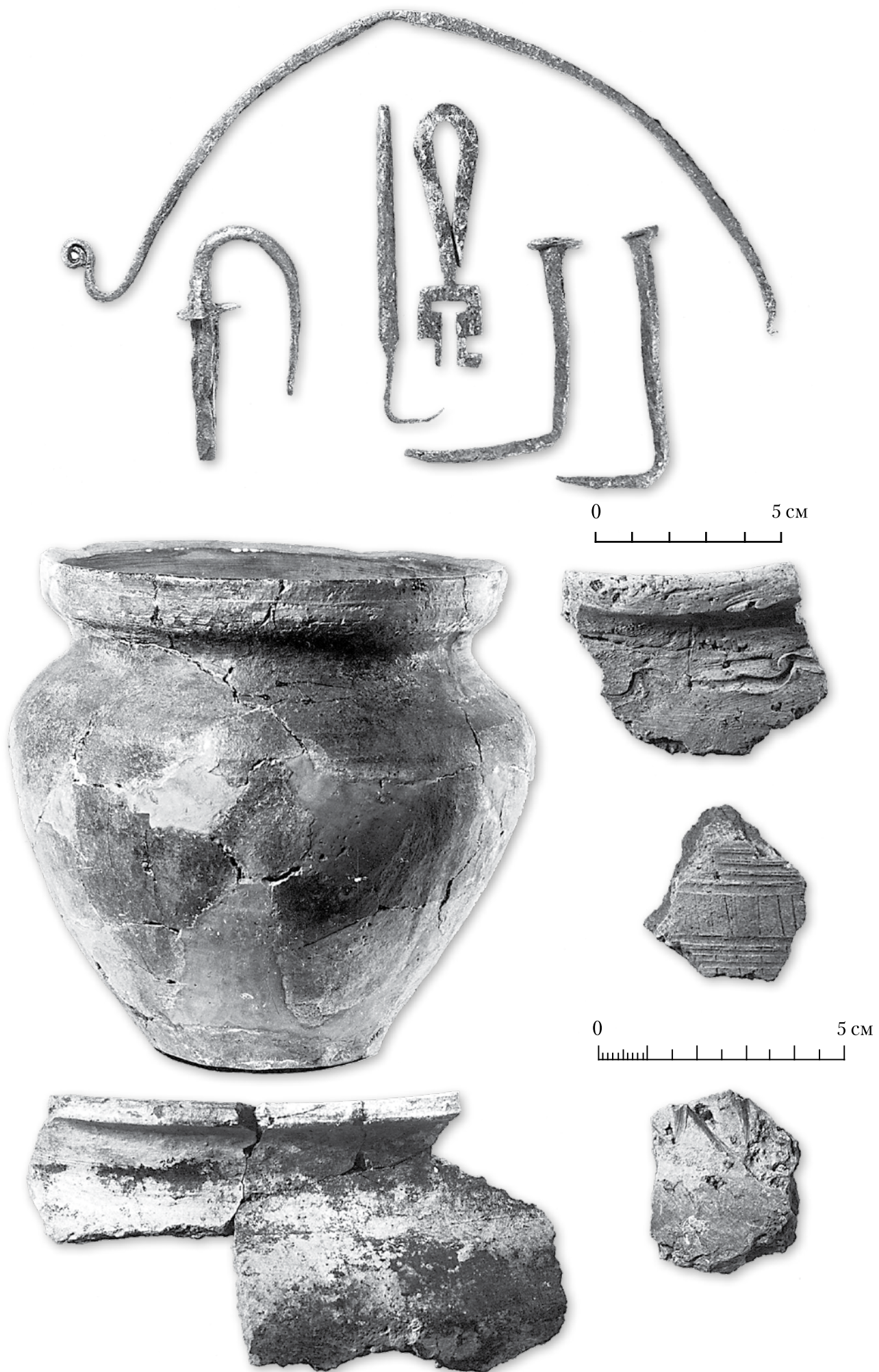
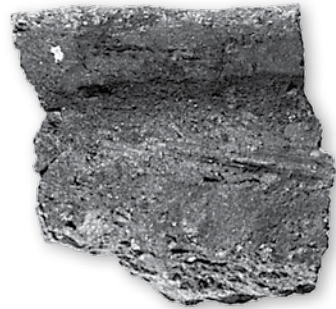

Рис. 176. Находки из постройки 40 на Малом Торопецком городище. Иллюстрации из полевого отчета М. В. Малевской за 1965 г. (НА ИА РАН. Р-1. № 3210. Л. 46, 47)

0 3 см

0 3 см

Рис. 177. Находки из постройки 42 на Малом Торопецком городище. Иллюстрации из полевого отчета М. В. Малевской за 1965 г. (НА ИА РАН. Р-1. № 3210. Л. 48, 49)

Рис. 178. Раскоп на Малом Горопецком городище 1960 г. Вскрытая краевая часть вала. Участок I. Юго-западный угол раскопа. Лицом к фотографу стоит Г. Ф. Корзухина (ФО НА ИИМК РАН. Нег. I 44674)

Наличие культурных напластований («тонких прослоек угля») под валом впервые отмечено П. А. Раппопортом в 1956 г. в северной части городища. Последующие раскопки западной части площадки не выявили под краевой частью вала отчетливых ранних слоев, и вопрос о «догородищенских» напластованиях остался открытым. Однако целый ряд находок — ланцетовидные стрелы и особенно лепная керамика (Малевская, Фоняков 1991: 17) — делает правомерной постановку вопроса о том, что неукрепленное поселение на этом месте существовало уже около рубежа X и XI вв. Точнее, оно располагалось

северо-западнее, а валы перекрыли его юго-восточную, периферийную часть.

По приведенным данным нетрудно заметить, что вопросы о времени начала жизни на Малом городище и о финале его использования пока археологами не решены. Это объясняется, помимо фрагментарности верхней и нижней частей свиты культурных напластований, тем, что, несмотря на значительную площадь раскопа 1957–1993 гг., до материка доведена лишь небольшая его часть. Для уточнения датировок необходимы многолетние дальнейшие раскопки.

Глава 11

Литва и Торопец

Рыше мы уже познакомились с летописными известиями XIII в. о литве, народе, волею судеб оказавшемся в центре разнородного конгломерата балтских племен, обитавших от Западной Двины до Вислы, и в силу своего срединного геополитического положения сумевшего создать одно из самых крупных средневековых государств Восточной Европы. Все, что мы

знаем о литве из письменных источников до половины XIII ст., — отрывочно и малодостоверно. Народ этот появился на страницах исторических сочинений намного позже Руси в связи с описанием неудачной миссионерской поездки латинского архиепископа Бонифация на восток. Это упоминание в письменных источниках (в Кведлинбургских анналах) относится к 1009 г.:

MIX. <...> Sanctus Bruno, qui cognominatur Bonifacius, archiepiscopus et monachus, XI. suae conversionis anno in confinio Rusciae et Lituae a paganis capite plexus cum suis XVIII, VII. Id Martii petiit coelos (Annales Quedlingburgenses. MIX).

1009 г. <...> Святой Бруно, который звался Бонифацием, архиепископ и монах, был обезглавлен язычниками на границе Руси и Литвы в 11-й год своего подвижничества вместе с 18 спутниками и 9 марта вознесся на небо (пер. И. В. Дьяконова, Немецкие анналы 2012: 65).

Точное место гибели архиепископа Бонифация неизвестно, но примечателен факт пограничного соседства Литвы и Руси (хотя бы в довольно туманных представлениях немецкого хрониста) уже в начале XI в.¹ Первые известия о литве в русских летописях связаны с военным походом Ярослава, относимым к 6548/1040 г. (ПСРЛ, т. I. 2001: 153) или к 6552/1044 г. (ПСРЛ, т. III. 2000: 181). Наконец, еще одним ранним источником является новгородская берестяная грамота № 590 («Литва встала на Корфлю»), датирующаяся 1065–1085 гг. и упоминающая, видимо, какой-то военный набег литовской конницы на северо-западные

области Новгородской земли (Янин 1998а: 387, 388; 2004: 144).

Древности, позволяющие ставить вопрос о племенной территории литвы, представлены так называемыми восточнолитовскими курганами, группирующимися между Западной Двиной и средним течением Немана, главным образом в бассейне Вилии (Спицын 1896; Таутавичус 1959: рис. 13; Седов 1987: карта 45; Лухтан, Ушинскас 1988: рис. 1–3; Bitner-Wroblewska 2006: fig. 1). С середины I тыс. н. э. вплоть до времени составления ПВЛ здесь на компактной территории прослеживается непрерывное проживание воинственного населения со своеобразной

¹ В русской историографии подробный разбор этого древнейшего известия о литве см.: Кибинь 2014: 72–90.

языческой культурой (Лухтан, Ушинкас 1987; 1988), резко отличающейся от древностей западной периферии банцеровской культуры (предположительно славянской) верховьев Немана. Предполагается, что на фоне исчезновения в Понеманье культуры штрихованной керамики носители банцеровской культуры продвинулись на запад через истоки Свислочи и Березины (Медведев 1996: 11, рис. 95), образовав границу с культурой восточнолитовских курганов. Как показывают данные топонимики, рубежи ареалов славянского и литовского населения в позднем средневековье проходят примерно по тем же микрорегионам, которые служат восточной границей восточнолитовским курганам (Гаучас 1988; Звяруга 2005).

По своим хозяйственным занятиям, в основе которых лежало земледелие и скотоводство, литва близка была восточным славянам. Похожа была и система расселения, опиравшаяся на укрепленные городища (правда, славяне прекращают сооружение родовых городков значительно ранее литвы — уже в начале X в.). Позднее появление литвы на страницах письменных источников связано, видимо, с удаленностью ее племенной территории от поречья Западной Двины, по которой с середины X в. и вплоть до конца XII в. (до появления крестоносцев в земле ливов) происходила активная коммуникация Скандинавии и Европы с западнорусскими землями. Скандинавское влияние на литву было минимальным, Польша и Русь тоже не очень интересовались этим глухим регионом, лишь периодически совершая туда военные вылазки за данью и невольниками. Все это позволило литве накопить силы и демографический потенциал для экспансии. Впрочем, и в то время литва не была легкой добычей. Например, в 1132 г. Мстислав Владимирович совершил поход из Киева на литву с сомнительным результатом, ибо «киян тогда много побилша Литва» (ПСРЛ, т. II. 1998: 294). В последней четверти XII в. русские походы в Литву прекращаются (Пашуто 1959: 367). Это связано, очевидно, с тем, что Литовская земля к тому времени достигает достаточно высокого уровня политической и экономической мощи.

Весьма образно сказал о геополитическом положении литвы до эпохи упоминавшегося выше Ярослава Всеволодовича (1191–1246) автор произведения XIII в. «Слова о погибели Русской земли»:

«Отселѣ до угоръ и до ляховъ, до чаховъ, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немецъ, от нѣмецъ до корѣлы, от корѣлы до Устьяга, гдѣ тамо бяху тоймици погани, и за Дышючимъ моремъ; от моря до болгаръ, от болгаръ до буртасъ, от буртасъ до чермисъ, от чермисъ до моръдви, — то все покорено было Богомъ крестиянскому языку, поганьскыя страны, великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю кыевьскому, дѣду его Володимеру и Манамаху, которымъ то половоци дѣти своя полошаху в колыбѣли. **А литва из болота на свѣтъ не выникываху**, а угры твердяху каменные города желѣзными вороты, абы на них великий Володимеръ тамо не въѣхаль, а нѣмци радовахуся, далече будуче за Синимъ моремъ» (БЛДР, т. 5. 1997: 90).

Время написания «Слова» специалисты относят к периоду с 1238 по 1246 г. (БЛДР, т. 5. 1997: 466), т. е. к тому времени, когда Усвят и Торопец еще не были сожжены литовцами, а Витебск еще не перешел под их власть.

Причины, побуждающие те или иные народы к политической и военной экспансии, несмотря на множество посвященных этой теме научных трудов, по большей части остаются загадкой для историков, социологов и антропологов. Это в полной мере относится и к литве, небольшому языческому народу, который в первой половине XIII в. был весьма мало консолидирован в политическом отношении. Это видно, например, из известного в Ипатьевской летописи русско-литовского договора 1219 г., где фигурирует множество «князей», или из приведенного выше сообщения 1246 г., когда литовским войском руководила едва ли не дюжина каких-то «князей», восемь из которых погибли в Торопце, а «избыток» — под соседним городом Жижицем. Несмотря на кажущуюся клановую разобщенность, этот народ смог не только «показаться из болот» и выйти на европейскую историческую сцену, заявив о себе как о грозной военной силе, но и подчинить весьма развитые

в политическом и экономическом отношении области Руси, в том числе Полоцкую вотчину Изяславичей и северо-западную окраину Смоленской земли².

Литовская государственность складывалась в XIII–XIV вв., в эпоху, казалось бы, обильную письменными источниками. Все эти источники, однако, не собственно литовские, а принадлежат соседним государствам и письменным культурам (Барбашев 1883: 1, 2). Сама литва, очень поздно (лишь при князьях Ягайле и Витовте в конце XIV — начале XV в.) принявшая крещение, не оставила памятников письменности XII–XIII вв. (хотя следы княжеского делопроизводства в ней имеются, см.: Пашуто 1959: 136, 137, 149, 364), поэтому процессы, происходившие тогда внутри этого динамично развивавшегося этнического сообщества, являются для истории скорее областью догадок (часто политизированных), нежели предметом систематического изучения. Тем не менее корпус научных трудов, посвященных сложению литовского государства, огромен³.

Оставаясь язычниками, литовские племена привлекали внимание латинского Запада как объект крестоносного движения — и в этом одна из причин их эффектного появления в большой европейской политике в эпоху Миндовга (в первой половине — середине XIII в.). Основанием их успехов на востоке, на фоне татарского погрома на Руси, была укрепившаяся в постоянных войнах с соседями исключительная воинственность. Это качество и сам военный успех, сопутствовавший литве в XIII–XIV вв., базировались на некоторых культурных особенностях, о которых нужно сказать несколько слов.

Характерной чертой балтской и, в частности, литовской культуры был языческий культ верхового коня и особая роль его в общинной и дружинной военной организации. Эта черта

мифического сознания и воинских традиций нашла отражение во множестве различных вариантов конских погребений, сопровождавших своих умерших хозяев. С X в. конские захоронения получают исключительно широкое распространение, особенно в центральных областях Литвы (Седов 1987: 389; Rowell 1994: 122, 123; Вайткявичюс 2008: 185; A Nation skilled in War 2020: 305). Известны могильники с сотнями конских захоронений, сопровождавшихся сбруей, часто богато украшенной. Высокая всадническая культура способствовала молниеносности литовских военных походов и неуловимости отдельных отрядов; без понимания этого трудно понять успехи набегов на Русь в XIII в. Похороны с конем прекращаются в Литве только после принятия христианства в конце XIV в.

Богатая дружинная культура литвы находит отражение в погребальных памятниках, насыщенных оружием (Vitkūnas 2013). При этом вооружение достаточно своеобразно и отличается высоким технологическим уровнем. Выделяется несколько типов мечей, восходящих к североевропейским прототипам, но имеющих узнаваемый «литовский» облик (A Nation skilled in War 2020). Как многие воинственные народы в период экспансии, литва выработала в декоре вооружения собственный звериный стиль. При этом снаряжение основной массы литовских воинов было близко древнерусскому. Главным их оружием было копье. На втором месте находился топор и боевой нож. Мечи и тяжелое защитное вооружение (шлемы, кольчуги, пластинчатый доспех) были доступны только приближенным к князьям дружинникам. Весьма важным элементом военной культуры литвы было фортификационное искусство. Строились не только отдельные городища, но и впечатляющие линейные укрепления, сходные с известным датским Даневирке или со Змиевыми валами Киевской Руси (Girininkas 2007; Vitkūnas 2013: 30).

² На территории Литвы выделяют несколько этнографических областей, которые начинают проследиваться примерно с середины I тыс. н. э.: ятвяжская (в юго-восточных областях), восточно-литовская, аукштайтская, селонская (на северо-западе близ Даугавы), земгальская, жемайтская, куршская, область скальвов в низовьях Немана. Все они имеют особенности, отраженные в археологических памятниках. Судьбы заселявших их народов сложились по-разному. Коалиционные отряды, ходившие походами на Русь в XII–XIII вв., летописи без разбора именовали литвой, но между Двиной и Неманом и далее к северо-западу летописцы выделяли отдельные племена (литву, ятвягов, земгалов и пр.).

³ Обзоры литературы по ранней литовской истории см.: Łowmiański 1931; 1932; Пашуто 1959; Носевич 2008; Петраускас 2012; Кибинь 2014; Флоря 2022.

Ко второй половине XIII в. относятся упоминания об использовании литвой каменетных орудий при штурме укреплений.

Грабительские рейды литвы в соседние земли в поисках добычи и невольников многократно отмечены в письменных источниках. Одной из основных целей разбойничьих набегов, видимо, был домашний скот и кони (Łowmiański 1931: 173; Виткунас 2012: 341). Рабство носило в литовском обществе, как и у славян, патриархальный характер, и работоторговля не играла заметной роли в экономике (Rowell 1994: 73, 74). Кроме того, окруженная христианскими государствами, языческая Литва не имела доступа к крупным невольничьим рынкам того времени. Мы можем, стало быть, предположить, что полон захватывался в первую очередь для получения выкупа. Эта архаичная дружинная среда, так ярко представленная в литовском археологическом материале, в результате и позволила выдвинуться наиболее талантливым и безжалостным военным предводителям, первое место среди которых занял князь Миндовг. Историки создали множество хитроумных версий начальной литовской истории, но непреложной источниковедческой реальностью является лишь одно — отраженная множеством источников широкомасштабная грабительская военная экспансия, длившаяся целое столетие. Именно она позволила сконцентрировать значительные богатства в руках литовской родовой элиты и определила особенности и динамику становления литовской государственности (Łowmiański 1931: 174).

В литературе можно встретить мнение, что формированию новой державы способствовало отсутствие единого этнического самосознания у восточных славян⁴. Однако вопрос можно поставить прямо противоположным образом — именно наличие этого самосознания и привело Западную Русь к новой консолидации под властью своего рода новой «варяжской» династии в лице пришлых литовских военачальников. М. К. Любавский назвал этот процесс

«нахождением утраченного политического средоточия» (Любавский 2004: 64).

Литовская экспансия развивалась в направлении наименьшего сопротивления. Немцы, овладевшие Нижним Подвиньем на рубеже XII и XIII вв., смогли довольно быстро организовать отпор и вытеснить литву из Ливонии, чему найдены как будто даже археологические свидетельства (Виткунас 2014: 481). Западно-русские земли — ослабевшее Полоцкое княжество, Смоленск и отложившийся от него Торопец противостоять литве оказались не в состоянии, и ее кавалерийские отряды, как их иногда называют историки, «сухопутные викинги», хлынули на Русь. Картину этих нападений мы уже дали выше, в разделе, посвященном русским летописным упоминаниям города. В летописях XIII в. образ воинственного прибалтийского народа приобретает черты «божьей кары», наравне с представлениями о степняках (Лаушкин 2019: 222). О всеобщем ужасе перед литвой, охватившем западнорусские земли, согласно пишут и европейские современники событий, Генрих Латвийский и Плано Карпини (Генрих Латвийский 1938: 126; Плано Карпини 1957: 67). Судьба Торопца оказалась предопределена с того момента, когда литва, вырвавшись из Понеманья, овладела Полоцком и взяла под контроль торговый западновинский водный путь. Это означало, помимо всего прочего, сильнейший удар по экономике верхневинских русских волостей.

Представляется не лишеном оснований догадка некоторых исследователей о том, что «двойная» свадьба Александра Ярославича с полоцкой княжной в Торопце и Новгороде в 1239 г. означала то, что полноценная организация первой части брачной церемонии в Полоцкой земле (западнее Усвята) была затруднена из-за политической ситуации, сложившейся в результате готовящегося или уже случившегося подчинения полоцких пригородов литве⁵. Возможно, подчинение не было еще полным, но свадьба, действительно, была организована в первом пограничном городе, обстановка

⁴ Обсуждение этой проблемы с марксистских позиций см.: Пашуто 1959: 209–211. Вместо этничности автор предпочитает говорить об «общественном развитии» (Пашуто 1959: 318–319).

⁵ В. Т. Пашуто высказывался против этой идеи (Пашуто 1959: 376).

в котором еще обладала некоей политической стабильностью⁶.

Ситуация с набегами литвы в Торопце стала критической, вероятно к концу 1240-х гг., что заставляло торопчан искать какие-то способы договориться с литовскими военными вождями. В договоренностях была заинтересована и литва. Мы уже видели выше интересное сообщение о поражении литовского коалиционного войска под городом в 1246 г., когда вражеские князья «вбѣгоша в Торопецъ» (ПСРЛ, т. III. 2000: 304). Речь идет, видимо, не о всем литовском войске с полоном и не о штурме хорошо укрепленного древнерусского города (к чему летучие кавалерийские отряды не были приспособлены, да и не имели тогда на это времени), а лишь о попытке литовских военных предводителей заключить некое соглашение с впустившими их в город торопчанами и найти у них защиту. О том, что литовцы в дальних рейдах, стараясь обеспечить себе маневр и беспрепятственное отступление с добычей, стремились заключать договоренности с географически и политически более близкими к ним землями и городами, можно составить представление из «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского и некоторых древнерусских источников (Виткунас 2012: 338; Еремеев 2015: 167, 171).

Наиболее благоприятным временем для набегов считалась в то время зима (Vitkūnas 2013: 33). Нет в таком случае сомнений в том, что литовские рейды на Русь не могли быть успешными без использования в древнерусских землях

каких-то временных баз. Даже если допустить, что в них не нуждались сами литовские дружины (что, впрочем, невероятно), то без перевалочных пунктов не могли обходиться накапливавшиеся в набеге обозы с добычей, пленными и скотом. Обремененные награбленным добром войска на обратном пути сами могли стать легкой добычей и объектом грабежа — как со стороны пытающихся догнать их русских княжеских дружин и городских ополчений, так и со стороны местного населения пограничных областей. Чтобы обезопасить возвращение, это население нужно было задобрить, запугать либо, наконец, уничтожить. В качестве остановочных лагерей и сборных пунктов литва, видимо, использовала пограничные древнерусские города и волостные центры Полоцкой земли — такие как Емонец, Витебск, Усвят, Сураж. Их обитатели оказывались перед выбором — или беспрепятственно пропускать литовские рати и предоставлять им кров и пищу (возможно, получая за это какие-то небольшие блага), или же разделить участь населения Новгородской земли и других внутренних областей Руси, служивших главной жертвой литовских нападений. Топография и удачное стратегическое расположение Торопца (которое рассматривалось нами в главе 8) делали его идеальной базой для литовских нападений. Понятно, что торопчане в какой-то момент оказались перед выбором — перейти под покровительство литовских князей или продолжать влачить неопределенное и опасное пограничное существование.

⁶ Обстоятельства венчания Александра Невского оставляют широкий простор для догадок. Предполагаемое стремление Александра закрепить за собой Торопец, на который князь мог претендовать как на материнское наследство (Кучкин 1986: 79; Янин 1998: 51; Кузьмин 2001: 60), как будто совсем не обязательно должно подразумевать устройство там свадьбы в ущерб достоинству полоцкой династии.

Свадебные торжества на Руси представляли сложный ритуал, восходивший к глубокой древности (Козаченко 1957; Михайлова 2004; 2014; Самоделова 2005; Омельячук 2010; Гура 2011). Многие зависело и от договоренностей между собирающимися породниться семьями. Основу брачной церемонии традиционно составляли два пира, происходившие после венчания. Первый имел место в доме тестя, где невеста передавалась жениху. Второй праздник происходил уже в его доме. Торжества в родительском и жениховом домах уравнивали друг друга, подчеркивая равноправность сторон свадебного междоусобия и закрепляя переход невесты в новое качество. Так бывало и у князей, если стороны были равны по достоинству (Соловьев 1960: 497, 498).

В княжеской среде часто случалось иначе. Невеста из менее влиятельной семьи в сопровождении бояр и родных посылалась далеко в семью могущественного жениха (Соловьев 1960: 498) и могла даже некоторое время пребывать там до брака (Долгов 2020: 89). Вряд ли, однако, можно говорить о первенстве юного Александра перед Брячиславом Полоцким. В данном случае первое празднество на границе Полоцкой земли во владениях жениха (Торопец мог считаться отчиной Феодосии Мстиславовны, матери Александра Ярославича и дочери Мстислава Удалого) было, скорее всего, связано с невозможностью организовать торжества в Полоцке, правильно соблюсти все ритуалы отправки свадебного поезда невесты и обеспечить безопасность гостей в условиях военного времени. Торопецкая «каша» компенсировала этот церемониальный провал, что, конечно, не исключает и ее более широкого геополитического подтекста, о котором говорилось в главе 7.

По сообщению Лаврентьевской летописи, зимой 1248 г. «у Зупцева побѣдиша Литву Суздальскыи князи» (ПСРЛ, т. I. 2001: 472). Как справедливо заметил В. Т. Пашуто, для того, чтобы добраться до Зубцова на Верхней Волге во Владимиро-Суздальской земле, литовской рати нужно было миновать северную часть Смоленского княжества (Пашуто 1959: 44), т. е. район Торопца, что грозило разорением если не самому городу, то его округе. В 1253 г. литва вновь прорывается в Новгородскую волость и под Торопцем же терпит поражение (ПСРЛ, т. III. 2000: 307).

Между тем в 1219 г. в летописи, наряду с прочими многочисленными родовыми военными предводителями, впервые упоминается литовский князь Миндовг (ПСРЛ, т. II. 1998: 735, 736), которому суждено было стать объединителем литовских земель и основателем Литовского государства. Во второй половине 1240-х гг. Миндовг в жестокой родовой расправе становится верховным правителем, а в 1251 г. принимает католическое крещение, что, впрочем, согласно летописям, не мешало ему и далее «творить поганство», по крайней мере не препятствовать языческому культу (ПСРЛ, т. II. 1998: 817). В 1263 г. Миндовг погибает в очередной родственной междоусобице, но Литовское государство, укрепившись на международной арене, продолжает свое политическое бытие. Среди пунктов средоточия силы начинает выделяться Вильнюс, создавая предпосылки для централизации власти (Лухтан, Ушинкас 1987: 11; Vaitkevičius 2010: 64).

После новой смуты, последовавшей за смертью Миндовга, к верховной власти приходит его сын Войшелк, сидевший ранее в Новогрудке и крещеный в православие. Войшелк был в свою очередь убит в 1268 г. Впрочем, дальнейшие литовские родственные кровопролития (см.: Пашуто 1959; Гудавичюс 2005; Шмигельските-Стукене 2010) уже не должны нас интересовать в этом обзоре. Видимо, в последние годы правления Миндовга или

в период великого княжения Войшелка попадает под власть Литвы и Торопец.

Археологические данные позволяют набросать приблизительную картину произошедшего. Археологи обнаружили на Малом городище след мощного пожара 1250–1270-х гг. Я. В. Станкевич писала: «раскрыта картина внезапной гибели города: закрома были заполнены зерном, в жилищах обнаружена различная утварь» (Станкевич А-1958: л. 2)⁷. В сгоревшем доме обнаружены останки погибшей горожанки в богатом уборе.

Очевидно, измученные кавалерийскими набегами, ослабленные разорением сельской округи и обнищавшие от разрыва торговых связей со Средним и Нижним Подвиньем, горожане сочли за благо, в конце концов, отдаться под покровительство более сильной в военном отношении политической власти (Пашуто 1959: 51, 375, 376). О том, как это произошло и каким образом было организовано литовское правление торопецким удельным княжеством в конце XIII — XIV в., письменные источники умалчивают. Несмотря на очевидные следы разгрома города, нет оснований представлять этот процесс исключительно в виде военного завоевания, как привыкли его понимать люди новейшего времени. Примеров доверительных отношений между горожанами средневековых удельных центров (например, Пскова, Полоцка, Витебска) и отдельными литовскими военными предводителями — довольно (Любавский 1892: 29). Переход старинных русских земель под юрисдикцию литовских князей не сопровождался какой-либо формой колонизации, поскольку полуязыческие бесписьменные литовские племена, склонявшиеся в зависимости от ситуации то к православной, то к латинской вере, то вновь впадавшие в язычество, кроме военного доминирования, не обладали решающими преимуществами культурного, экономического или политического свойства, а главное — не имели демографического потенциала для освоения сравнительно густозаселенных славянами западных

⁷ Как писал В. С. Тарасенко «Количество зерна поразительно. При раскопках были обнаружены целые завалы зерна» (Тарасенко 1965: 66). У Г. Ф. Корзухиной: «в пожаре погибло огромное количество зерна, лежащего толстым слоем на площади в несколько десятков квадратных метров» (Корзухина 1962: 100). Известно, что уничтожение зернохранилищ в XII–XIV вв. было одним из распространенных способов военных действий в Прибалтике (Пашуто 1959: 253).

древнерусских областей. Земельные пожалования, которые при этом получала литовская знать на Руси, видимо, не меняли существенно уже сложившейся здесь системы землевладения и не влияли радикально на положение местной аристократии и церкви (Любавский 1892: 4, 27, 28, 61; Пашуто 1959: 303, 351; Rowell 1994: 116; Конявская 1996: 95).

Литовские военные гарнизоны и обитатели усадеб дружинников и мелких князьков, если они и поселялись в древнерусских городах и их округах в XIII в., в культурном и языковом отношении быстро растворялись среди местного кривичского населения, почти не оставляя после себя археологически уловимых следов⁸. Конечно, украшения, оружие и бытовые предметы, привезенные из Литвы воинами и купцами на Русь, археологам попадают нередко. Но следует обратить внимание на то, что мы не знаем на русских землях, вошедших в состав Литвы, могильников с трупосожжениями XIII–XIV вв., тогда как на этнических литовских землях

обряд трупосожжения в это время господствовал (о поздних трупосожжениях в Литве см.: Petrauskas 2020: 34, 35)⁹. Не встречаются на Руси в этот период и конские захоронения. Очевидно, крещение (пусть как у Миндовга — формальное) и соблюдение христианского обряда погребения было общепринятым условием для немногочисленных переселенцев из Литвы на Русь.

Известно, что по договорной грамоте литовского великого князя Казимира с Великим Новгородом 1440 г., устанавливавшей порядок торговли и налогообложения в пограничных областях, Торопец составлял особый округ, управление и сбор податей с которого осуществлялись литовским наместником — тиуном (АЗР, т. 1. 1846: 53). Экономическое подчинение Торопца Смоленску, после захвата последнего Литвой, было восстановлено — дань с торопецких волостей концентрировалась и перераспределялась в Смоленске (Любавский 1892: 34). Но это время уже выходит за рамки рассматриваемой нами истории древнерусского города.

⁸ Сравнение могильников XII–XIII вв. в Торопце и Усвяте с литовскими могильниками XIII–XIV вв., в первую очередь с могильником в литовской столице Кернаве, показывает существенное сходство как погребального обряда, так и инвентаря (Велюс 2013). Выделить по этим признакам литовские погребения в древнерусских некрополях и русские в Кернаве (и те, и другие, конечно, имеются) не представляется возможным.

⁹ Исключения, во-первых, составляют несколько комплексов из Северо-Западной Белоруссии, которые расположены вплотную к традиционному ареалу расселения литвы. Нельзя исключить, что они лежат на землях, некогда подконтрольных русским князьям. Во-вторых, на достоверных западнорусских землях в современной Белоруссии выделяют еще несколько комплексов XIV — начала XV в. с сожжениями (A Nation skilled in War 2020: 306). Есть, однако, точка зрения, что курганный обряд в Литве к XIII в. исчезает (поздние курганные комплексы, возможно, являются впускными), а остаются лишь грунтовые могильники с кремациями и ингумациями (Вайткявичюс 2008: 185).

Вместо заключения

Накопленные исторические и археологические источники дают нам возможность высказать несколько предположений об особенностях формирования древнерусского Торопца. Городу предшествовала система раннесредневековых поселений, располагавшихся на берегах Торопы, точнее — близ протоки между озерами Соломено и Зеликовье. Поселения существовали в Привалье, к северу и северо-западу от Большого городища, а также близ устья протоки на ее левом и правом берегу.

Система поселений и расположенных близ них курганных языческих могильников была связана с несколькими сухопутными дорогами, сходящимися в узком озерном дефиле к переправе — броду, а возможно, и мосту. Переправа через болотистую протоку находилась в западной части дефила — там, где возвышались сопки, — видимо, древнейшая и самая престижная часть курганного могильника. Здесь же расположен и единственный исследованный раскопками на левом берегу удлиненный курган с трупосожжением (№ 15).

Центральное место в системе поселений занимало укрепление — Большое Торопецкое городище. Это было достаточно крупное и мощное, но простое в инженерном отношении сооружение, основу фортификаций которого составляли эскарпы. Впервые городище здесь было обустроено еще населением, использовавшим лепную текстильную керамику, во второй половине I тыс. до н. э. Вторично городок был освоен славянами-кривичами во второй половине I тыс. н. э. Установление точной даты этого события — первостепенная задача археологических исследований.

В X в. группа поселений при переправе играет важную роль на пути из варяг в греки. Здесь

фиксируется присутствие скандинавского населения, видимо, первым начинающего приобщаться к христианству. Любопытно, что находки, которые об этом свидетельствуют, обнаружены в стороне от главного поселения (или группы поселений) близ Большого городища, что говорит о существовании во второй половине X в. в северной части раннегородской агломерации какой-то варяжской слободы с отдельным кладбищем. Можно ли назвать всю эту структуру «языческим городом»? Вряд ли.

В XI в. группа поселений, надо полагать, существует в том же виде, что и в X в. Передача полоцкому князю Усвята и Витебска в 1021 г., несомненно, способствовала экономическому подъему Торопца. Свидетельство этого — денежно-вещевой клад, зарытый около 1070 г. Старый языческий курганный некрополь близ Большого городища продолжает функционировать — об этом говорит курган с захоронением дружинника, раскопанный Я. В. Станкевич в 1949 г. Правда, умерших, прежде чем положить их в курган, под влиянием христианской проповеди теперь не сжигают. Но помещение в могилу наконечников стрел говорит о том, что языческие представления о бурной и воинственной посмертной судьбе у части торопчан еще не были окончательно изжиты. Еще более красноречиво говорит об этом курган с труположением подростка и лошадиной головой в урочище Подгай, неподалеку от Торопца.

Для конца XI ст. археология фиксирует радикальные изменения в раннегородской планировке. Главным событием становится возведение на восточной периферии прежней группы поселений нового мощного кольцевого укрепления — Малого городища. Вряд ли можно в связи с этим фактом ставить вопрос о «переносе

города», в той классической форме, в которой он ставился в отечественной историографии. Скорее мы наблюдаем здесь некую перестройку, хоть и революционную, но происходящую внутри традиционной поселенческой структуры.

На месте же прежнего укрепленного центра языческой поры на Большом городище (как на вершине, так и на восточных его склонах) для XII–XIII вв. археологи фиксируют несколько (не менее двух) христианских некрополей. Несомненно, здесь хоронили усопших обитателей Малого городища, т. е. кладбища эти возникают не позднее конца XI в. Подобные некрополи в черте окольного города должны были существовать на освященной церковной земле при храмах.

На основании вышесказанного следует сделать вывод, что в это время Большое городище было лишено своих прежних военных функций центрального укрепления округа и передано церкви (надо полагать, решением княжеской власти). Логично допустить, что это произошло одновременно с инициированной или одобренной той же властью постройкой Малого городища. Нужно сделать оговорку, что Большое городище было лишено военных функций только как *отдельное, самостоятельное* фортификационное сооружение. В то же время его западные склоны, обращенные к внешнему миру, продолжали играть роль укреплений окольного города. В последующее время, в XII–XIII вв. западные склоны были дополнительно эскарпированы, а в южной части Большого городища — усилены валом и рвом.

В археологическом материале торопецкого региона в X–XI вв. мы видим проявление двух стихий христианизации восточных славян. Княжеское «верховное» начало выражает себя в организации городского пространства, структурируя его размещением храмов, христианских некрополей и новых городских укреплений. «Низовое» народное христианство можно видеть

в массовом отказе от трупосожжений, т. е. в глубоком изменении мировоззренческих основ общества. Языческие курганные кладбища на протяжении XII в. перестают использоваться. Церкви препоручается людьми очень важное — тело своих близких и свое собственное, а значит и надежда на воскрешение, неразрывно связанная для человека с телом. Еще одним фактором этого народного христианства, которое может проследить археолог, становится широкое применение в ювелирном искусстве христианской символики, приобретающей характер оберегов (и, собственно, не утратившей его и до сего дня)¹.

Насколько практика передачи князем церкви, на начальных этапах христианизации, именно земельных участков внутри укреплений была распространена на Руси? Как логическая схема такое течение событий выглядит совершенно оправданно. Во-первых, княжеские земельные владения внутри городской территории должны были располагаться в укреплении — в месте, традиционно связанном с функциями князя как военного предводителя и, возможно, с его жреческими функциями. Во-вторых, церковь изначально нуждалась в вооруженной поддержке против возможных выступлений язычников, и рвы и валы старых городков вполне годились для противостояния таким стихийным восстаниям. В-третьих, речь идет о самом престижном из возможных локусов внутри любого крупного раннесредневекового поселения. В-четвертых, укрепления издавна были связаны с языческими культами, которые при крещении требовалось решительно и в первую очередь пресечь. При раскопках, однако, археологи часто сталкиваются с проблемой относительной датировки храмов и укреплений, которая решается десятилетиями раскопок². Задача эта стоит и перед будущими исследователями Торопца.

В последней четверти XIII в. город приходит в упадок и переходит под власть Литвы. Трудно

¹ На этот элемент ювелирных изделий XI–XII вв. некогда справедливо обратил внимание Ю. М. Лесман, выделивший в отдельную категорию «предметы, в оформлении которых либо прослеживается воздействие христианской символики, либо их оформление дает основания для христианской трактовки» (Лесман 1995: 34).

² Самый дискуссионный пример — появление владычного двора в конце X — первой половине XI в. на территории Новгородского детинца. Наиболее обоснованной выглядит версия о существовании тут первоначальной городской крепости (Мусин 2016: 27, 48, 49). Действительно, крайне маловероятно, что такое крупное и богатое поселение, как Новгород, могло разрастись и достигнуть благополучия без укреплений. Тем не менее достоверных следов фортификаций X в. вокруг владычного двора пока не найдено (Родионова 2017: 238–240).

сказать, сколько времени еще теплилась жизнь на Малом городище и примыкающем к нему посаде. XIV в. — самое темное время в истории города, осветить которое смогут только новые археологические раскопки.

Такова сумма наших знаний о древностях Торопца и одновременно — таков план его дальнейшего археологического изучения. На этом пути нас ждет еще много открытий. Для того чтобы они могли состояться — и в ближайшие годы, и через десятилетия и столетия, — важно сберечь для потомков археологические памятники Торопца и его исторические ландшафты, сохранить древности городской округи, без которых он не может быть понят должным образом. Опубликованные историками летописи и грамоты навсегда останутся в науке, но культурные слои и древние погребения, однажды

уничтоженные, невозможно восстановить. Многие археологические памятники Торопца уже бесследно исчезли. Срыты первый и второй курганные могильники, разрушается хозяйственной деятельностью культурный слой на территории Большого городища. Ежегодные бессмысленные грабительские раскопки методично уничтожают археологические памятники городской округи. Автору хотелось показать сложность и богатство торопецких древностей, их принадлежность не только российской, но и европейской истории. Торопецкая старина хрупка и беззащитна перед стяжательством, равнодушием и невежеством. Надеюсь, этот небольшой труд хотя бы в малой степени будет способствовать просвещению, а значит и делу сохранения российского культурного наследия.

Приложение

С. В. Хаврин. Анализ состава металла восточного блюда из Торопца

Металл, из которого выполнено блюдо и детали, появившиеся на нем во время его использования, изучался на приборе рентгено-флюоресцентного анализа (РФЛА) ArtTAX (Brüker) (рис. 179) по опубликованной методике (Тишкин, Хаврин 2006)¹.

Исследование показало, что блюдо изготовлено из свинцово-оловянной латуни — многокомпонентного сплава на основе меди, легированной цинком, свинцом и оловом. Содержание олова невысоко. В качестве рудных примесей присутствует никель и железо (табл. 1). Анализируя чуть более поздний металл Передней Азии из собрания Государственного Эрмитажа, И. В. Богданова-Березовская пришла к выводу, что латуни, в которых нет примеси сурьмы и мышьяка, как и в нашем случае, характерны для мастерских Герата (Богданова-Березовская 1973: 14–16). Подобный сплав характерен также для передневносточного региона.

В состав так называемого Торопецкого клада в эрмитажном хранении входит отдельный фрагмент с орнаментом, когда-то закрывавший, по-видимому, места разрыва металла (рис. 114). Изначально неясно было — принадлежит он тому же блюду или нет. Этот отдельный

фрагмент составной: две орнаментированные пластины-вставки наложены на основу методом «сращивания на зубчатые шипы» (рис. 115). Внешняя (неорнаментированная) сторона вставок покрыта слоем олова (полуды). На отдельном фрагменте сохранилась также заклепка. К вставкам она не имеет отношения и предназначалась для соединения с блюдом какой-то заплатки.

Анализ металла, проведенный с обеих сторон отдельного фрагмента (более чем в 20 точках с зачисткой поверхности от патины и без зачистки), показал, что все его элементы выполнены из латуни, но есть небольшие отличия: орнаментированные вставки сделаны из оловянной латуни (в таблице «вставки № 1 и 2»); основа — из свинцово-оловянной латуни; заклепка — из двойной латуни (с повышенным содержанием мышьяка). То есть металл основы отдельного фрагмента по типу близок составу металла блюда, отличаясь лишь более низким содержанием свинца (скорее всего, в силу погрешностей методики анализа). Состав металла, из которого выполнена заклепка, соответствует металлу ранних заклепок (Приложение: табл. 1, заклепки старые 1–3). Все это разрешает сомнения в принад-

¹ Сердечно благодарю старшего научного сотрудника Государственного Эрмитажа Ксению Сергеевну Чугунову за помощь в выполнении анализов.

лежности к тому же самому блюду отдельного фрагмента.

В дальнейшем, после установки орнаментированных вставок, блюдо неоднократно подвергалось ремонту с помощью заплаток, закрепленных заклепками. Наиболее ранняя заплатка (№ 1) не сохранилась, от этого ремонта осталось лишь три заклепки на блюде (рис. 119; Приложение: табл. 1, заклепки старые 1–3) и одна — на отдельном фрагменте. Анализ состава сплава этих заклепок показал, что все они выполнены из двойной латуни близкого состава (медь — основа, легирующая примесь — цинк в количестве 8–11%, рудные примеси — мышьяк, свинец, железо и сурьма). Такой сплав достаточно характерен для Передней Азии (Богданова-Березовская 1973). Ремонт был сделан, видимо, в том же регионе, где изготовлено блюдо, о чем свидетельствует близкий тип сплава — двухкомпонентная латунь. Но явно не в той же мастерской, о чем говорит не только отсутствие в сплаве заклепок свинца и олова в качестве легирующих компонентов, но и присутствие в качестве рудных примесей мышьяка и сурьмы.

Все остальные заплатки и заклепки выполнены из меди с небольшими рудными или случайными (попавшими в результате переплавки изделия) примесями. При этом очевидно, что в каждом случае материал заплатки очень близок составу крепящей его заклепки. Так, заплатка № 2 (рис. 120, 121) и ее заклепка выделяются отсутствием в сплаве цинка, низким содержанием мышьяка и свинца при повышенном содержании таких рудных примесей, как никель и кобальт.

Довольно близкий состав имеют заплатки № 3–8 и их заклепки (повышенное до 1–2% содержание в некоторых случаях в их сплаве свинца и цинка объясняется наличием на их поверхности продуктов коррозии). Запатки и заклепки № 9, 10, так же как и № 2, содержат в качестве

Рис. 179. Рентгено-флюоресцентное изучение торопецкого блюда в лаборатории Государственного Эрмитажа

рудных примесей никель и кобальт, но в несколько меньшем количестве, но при этом их отличает повышенное содержание цинка.

Время последующих ремонтов трудно определить по характеру металла, но, вероятнее всего, заплатки № 3–8 (рис. 122–129) и их заклепки, имеющие сходный состав, были выполнены в одной мастерской в непродолжительный промежуток времени.

Таблица 1. Результаты рентгено-флюоресцентного анализа (спектрометр ArtTAX) деталей блюда из Торопца (ГЭ, ОАБЕиС, колл. 2300–1).

Деталь		Cu	As	Sn	Zn	Pb	Sb	Ag	Ni	Fe	Прочие
Стенка блюда		Осн. ²	–	1–2	8–10	14–16	–	–	Сл. ³	<0,4	
Заплата № 1	Заклепка старая 1	Осн.	<0,5	–	10–11	<0,8	–	–	Сл.	<0,4	
	Заклепка старая 2	Осн.	<0,5	–	9–10	<1	Сл.	–	–	<0,3	
	Заклепка старая 3	Осн.	<0,3	–	8–9	<1	Сл.	–	–	<0,4	
Заплата № 2		Осн.	Сл.	–	–	Сл.	–	–	~1	<0,5	Со<1%
Заклепка заплаты № 2		Осн.	Сл.	–	–	Сл.	–	Сл.	~1	<0,5	Со<1%
Заплата № 3		Осн.	<0,2	–	<0,7	<0,6	Сл.	Сл.	–	<0,7	
Заклепка заплаты № 3		Осн.	<0,3	–	~1	1–2	–	–	–	<0,6	
Заплата № 4		Осн.	Сл.	–	<0,8	<0,7	–	–	–	<1	
Заклепка заплаты № 4		Осн.	<0,2	–	~1	1–1,5	–	Сл.	–	<0,4	
Заплата № 5		Осн.	Сл.	<0,2	<0,8	<0,4	–	Сл.	–	<0,5	
Заклепка заплаты № 5		Осн.	<0,2	–	<0,8	<0,5	–	–	–	<0,5	
Заплата № 6		Осн.	Сл.	–	<0,8	<0,7	–	–	–	<0,7	
Заклепка заплаты № 6		Осн.	<0,2	–	<0,9	1–1,5	–	–	–	<0,4	
Заплата № 7		Осн.	<0,3	–	<1	1–1,5	–	Сл.	–	<0,6	
Заклепка заплаты № 7		Осн.	<0,2	Сл.	<0,9	<1	–	Сл.	–	<0,5	
Заплата № 8		Осн.	Сл.	–	<0,7	<0,5	–	Сл.	–	<0,8	
Заклепка заплаты № 8		Осн.	<0,2	Сл.	<0,8	<0,6	–	–	–	<0,3	
Заплата № 9		Осн.	Сл.	–	Сл.	<0,3	–	–	<0,9	<0,3	Со
Заклепка заплаты № 9		Осн.	<0,2	–	<1	<0,5	–	–	Сл.	<0,4	Со
Заплата № 10		Осн.	Сл.	–	1–2	<0,6	–	–	Сл.	<0,3	Со
Заклепка заплаты № 10		Осн.	Сл.	–	<0,8	<0,3	–	–	Сл.	<0,2	Со
Отдельный фрагмент	Основа	Осн.	Сл.	2–4	14–18	4–6	<0,3	Сл.	–	<0,3	Со
	Вставки № 1 и 2	Осн.	Сл.	1–2	13–15	<1	–	Сл.	–	Сл.	
	Заклепка	Осн.	<0,5	–	11–13	<0,8	–	–	Сл.	Сл.	

² Основа сплава.

³ Следы.

Список сокращений

- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России
АКР — Археологическая карта России
АННИО — Автономная некоммерческая научно-исследовательская организация
АО — Археологические открытия
БАН — Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург)
БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси
ВИ — Вопросы истории
ВМГУ — Вестник Московского государственного университета
ВОКМ — Витебский областной краеведческий музей
ГАЗ — Гістарычна-археалагічны зборнік, Інстытут гісторыі АН Беларусі
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
ИИМК — Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИОИДР — Императорское Общество истории и древностей Российских
Ипат. — Ипатьевская летопись
ИРЛИ РАН — Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения Академии наук СССР
Лавр. — Лаврентьевская летопись
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАБ — Матэрыялы па ареалогіі Беларусі
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
Н1 — Новгородская Первая летопись младшего извода
Н4 — Новгородская Четвертая летопись
НА ИА РАН — Научно-отраслевой архив Института археологии Российской академии наук
НК — Новгородская Карамзинская летопись
НК1 — первая подборка Новгородской Карамзинской летописи
НСГ — летописи Новгородско-Софийской группы (НК, Н4, С1)
ОАВЕиС — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ПАВ — Петербургский археологический вестник
ПАО — Псковское археологическое общество
ПВЛ — Повесть временных лет
ПГ — Полоцкие грамоты
ПРП — Памятники Русского права
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РА — Российская археология
РГУ — Российский государственный гуманитарный университет
РО НА ИИМК РАН — Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук.
РФА — рентгено-флюоресцентный анализ
С1 — Софийская Первая летопись
САИ — Свод археологических источников
Син. — Синодальный список Новгородской Первой летописи (Новгородская Первая летопись старшего извода)
СС — Скандинавский сборник
Тв. — Тверская летопись
ТвГУ — Тверской государственный университет
ТГОМ — Тверской государственный областной музей
ТКМ — Торопецкий краеведческий музей
ФО НА ИИМК РАН — Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук
SHM — Государственный исторический музей, Стокгольм (Statens Historiska museet)

Список публикаций исторических ИСТОЧНИКОВ

- АЗР, т. 1. 1846 — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 1. 1340–1506. СПб.
- БЛДР 1997 — Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // БЛДР. СПб. Т. 1. С. 26–61.
- БЛДР, т. 5. 1997 — Слово о погибели Русской земли / под ред. Л. А. Дмитриева. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. С. 90, 91.
- Генрих Латвийский 1938 — *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии / пер. с лат. С. А. Аннинского. М.; Л.
- Древнерусские княжеские уставы 1976 — Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / под ред. Я. Н. Шапова. М.
- Немецкие анналы 2012 — Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М.
- Патерик 1911 — Патерик Киевского Печерского монастыря / под ред. Д. И. Абрамовича. СПб.
- ПВЛ 1996 — Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи. СПб.
- ПВЛ 1997 — Повесть временных лет по Ипатьевскому списку Ипатьевской летописи // БЛДР. СПб. Т. 1. С. 62–315.
- ПГ, т. I. 1977 — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М.
- Плано Карпини 1957 — *Джиованни дель Плано Карпини*. История монголов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / пер. с лат. А. И. Малеина. М. С. 23–83.
- ПРП 1953 — Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / под ред. А. А. Зимина // Памятники русского права. Вып. 2. М.
- ПСРЛ, т. I. 2001 — Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М. Т. I.
- ПСРЛ, т. II. 1998 — Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М. Т. II.
- ПСРЛ, т. III. 2000 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. М. Т. III.
- ПСРЛ, т. IV, ч. 1. 2000 — Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. М. Т. IV, ч. 1.
- ПСРЛ, т. VI, вып. 1. 2000 — Софийская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. М. Т. VI, вып. 1.
- ПСРЛ, т. VII. 2001 — Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. М. Т. VII.
- ПСРЛ, т. XV. 2000 — Рогожский летописец. Тверской сборник // Полное собрание русских летописей. М. Т. XV.
- ПСРЛ, т. XVIII. 2007 — Симеоновская летопись // Полное собрание русских летописей. М. Т. XVIII.
- ПСРЛ, т. 42. 2002 — Новгородская Карамзинская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб. Т. 42.
- Путешествие 1939 — Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / под ред. И. Ю. Крачковского. М.
- Смоленские грамоты 1963 — Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / под ред. Т. А. Сумникова и В. В. Лопатина. М.
- Титмар Мерзебургский 2005 — *Титмар Мерзебургский*. Хроника / пер. с лат. И. В. Дьяконова. М.
- Хроника Быховца 1966 — Хроника Быховца / пер. Н. Н. Улащика. М.
- Annales Quedlingburgenses — Die Annales Quedlingburgenses / Hrsg. von M. Giese. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. T. LXXII. Hannover, 2004.
- Die Chronik des Bischofs Thietmar 1935 — Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung. Thietmari Merseburgensis episcopi chronicon. Hrsg. von R. Holtzmann. Unveränd. Nachdr. der Ausg. Berlin.
- Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum 1973 — Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn. Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 5. Berolini.

Список научной литературы

- Авласович 2019 — *Авласович А. М.* Процессы христианизации населения Могилевского Поднепровья и Посожья по данным археологических источников X–XII вв. Могилев.
- Адрианова-Перетц 1964 — *Адрианова-Перетц В. П.* Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН. Т. 20. С. 41–71.
- Андрощук 2008 — *Андрощук Ф. А.* К истории контактов между Швецией и Южной Русью в XI–XII веках // Днѣслово. Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя. Київ. С. 100–111.
- Андрощук, Зоценко 2012 — *Андрощук Ф. А., Зоценко В. Н.* Скандинавские древности Южной Руси. Paris.
- АКР 2007 — Археологическая карта России. Тверская область. Составитель В. С. Нефёдов. М. Ч. 2.
- Алексеев 2008 — *Алексеев А. В.* Церковные древности Звенигородской земли. Очерки церковной археологии. М.; Звенигород.
- Алексеев 1980 — *Алексеев Л. В.* Смоленская земля. М.
- Алексеев 1995 — *Алексеев Л. В.* Древний Мстиславль в свете археологии // ГАЗ. № 6. Минск. С. 118–182.
- Алексеев 2006 — *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. Кн. 1. М.
- Алексеев 2006а — *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. Кн. 2. М.
- Алексеев, Богданов 2009 — *Алексеев Л. В., Богданов В. П.* Западные земли домонгольской Руси в историко-археологическом осмыслении. М.
- Артамонов 1990 — *Артамонов М. И.* Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. № 3. С. 271–290.
- Археологическое наследие Беларуси 2012 — Археологическое наследие Беларуси. Минск.
- Ассман 2004 — *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.
- Барбашев 1883 — *Барбашев А. И.* Летописные источники для истории Литвы в средние века. СПб.
- Барсов 1873 — *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. Варшава.
- Безродная, Лосунов 2012 — *Безродная О. А., Лосунов А. М.* Андрей Федорович Палашенков. Смоленский период // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. № 17. Омск. С. 117–132.
- Бектинеев 2011 — *Бектинеев Ш. И.* Методика исследований монетных гирек-разновесов X–XIV вв. (по белорусским археологическим материалам) // МАБ. Вып. 20. Минск. С. 66–72.
- Белецкий 1996 — *Белецкий С. В.* Начало Пскова. СПб.
- Белецкий, Лесман 1979 — *Белецкий С. В., Лесман Ю. М.* Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии // СА. № 1. С. 303–313.
- Белозерова, Кузьминых 2012 — *Белозерова И. В., Кузьминых С. В.* Н. Я. Мерперт о В. А. Городцове (интервью 9.04.2010) // ОПИ ГИМ. Ф. 431 // РА. № 4. С. 169–173.
- Бернштейн-Коган 1950 — *Бернштейн-Коган С. В.* Путь из варяг в греки // Вопросы географии. Вып. 20. С. 239–270.
- Богданова-Березовская 1973 — *Богданова-Березовская И. В.* Материалы к изучению истории древней металлургии Средней Азии. II часть (эпоха средневековья). Л. Рукопись. Государственный Эрмитаж.
- Бодэ 2019 — *Бодэ А. Б.* Древние московские и новгородские корни в деревянном храмовом зодчестве Русского Севера. М.
- Бранденбург 1895 — *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья // МАР. № 18. СПб.
- Брайчевский 1989 — *Брайчевский М. Ю.* Утверждение христианства на Руси. Киев.
- Бубенько 2004 — *Бубенько Т. С.* Средневековый Витебск. Посад — Нижний замок (X — первая половина XIV в.). Витебск.
- Бузескул 1883 — *Бузескул В. П.* Князь торопецкий Мстислав Мстиславич // ЖМНП. № 4. СПб. С. 221–269.

- Бузескул 1883а — *Бузескул В.П.* Князь торопецкий Мстислав Мстиславич (продолжение) // ЖМНП. № 6. СПб. С. 240–287.
- Бузескул 1883б — *Бузескул В.П.* Князь торопецкий Мстислав Мстиславич (окончание) // ЖМНП. № 8. СПб. С. 188–220.
- Булкин 1975 — *Булкин В.А.* Большие курганы Гнездовского могильника // СС. Вып. 20. Таллин. С. 134–145.
- Булкин, Лебедев 1974 — *Булкин В.А., Лебедев Г.С.* Гнездово и Бирка (К проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л. С. 11–17.
- Буров 1975 — *Буров В.А.* Усвятский волок по археологическим данным // Вестник МГУ. Вып. 4. М. С. 78–85.
- Буров 1994 — *Буров В.А.* Лето в Новгороде. Из варяг в греки на байдарке. М.
- Вайткявичюс 2008 — *Вайткявичюс В.* Нестеротипный взгляд на культуру Восточнолитовских курганов // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 3. Мінск. С. 180–188.
- Вайткявичюс 2018 — *Вайткявичюс В.* Камни с ямками в Литве. Итоги исследований 1972–2016 гг. // Культурные камни Восточной Европы: Беларусь, Латвия, Литва, Россия. СПб. С. 194–213.
- Васильев 2012 — *Васильев В.Л.* Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.
- Введение христианства 1987 — Введение христианства на Руси. М.
- Велюс 2013 — *Велюс Г.* Могильник XIII–XIV вв. в Кернаве (Кривейкишкис): этническая принадлежность погребенных // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в средневековье. Доклады Российско-Литовского семинара. Вильнюс, 28–30 марта 2011 г. Vilnius. С. 59–79.
- Виткунас 2012 — *Виткунас М.* Военные походы литовцев и ятвягов в XII–XIII вв.: вооружение и способы ведения военных действий // *Vēsture: Avoti un silvēki. Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes XXI starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture XV. Daugavpils. P. 337–347.*
- Виткунас 2014 — *Виткунас М.* Следы вооруженных конфликтов X — начала XIII веков на территории восточной и южной Литвы // *Vēsture: Avoti un silvēki. Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes XXIII starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture XVII. Daugavpils. P. 477–486.*
- Военно-юридическая академия 1891 — Военно-юридическая академия. Краткий исторический очерк. СПб.
- Войтехович 2019 — *Войтехович А.В.* Погребальный обряд населения Полоцкой земли в X–XII вв. Минск.
- Воробьев 1998 — *Воробьев В.М.* Камень. Бронза. Железо. Тверь.
- Воробьев 2001 — *Воробьев В.М.* Древние пути сообщения на водоразделе Западной Двины и Ловати // Научные чтения, посвященные 925-летию г. Торопца и 160-летию юбилею М.П. Мусоргского 22 апреля 1999 года, г. Торопец. Доклады и сообщения. Торопец. С. 5–6.
- Воробьев 2019 — *Воробьев В.М.* Волоки на Двинско-Волжском водоразделе и их историко-культурная значимость // Вестник ТвГУ. Серия «История». № 1 (49). С. 35–54.
- Воробьева 2009 — *Воробьева И.Г.* К 90-летию Василия Сергеевича Тарасенко // Сайт Исторического факультета Тверского государственного университета: http://history.tversu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=72:tarasenko&catid=39:kvihistory&Itemid=76
- Воронин 1951 — *Воронин Н.Н.* К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города // КСИИМК. Вып. XLI. М. С. 5–29.
- Ворсо 1861 — Северные древности королевского музея в Копенгагене, выбранные и объясненные профессором Копенгагенского университета И. И. А. Ворсо. СПб.
- Гайдуков, Исаев, Олейников 2019 — *Гайдуков П.Г., Исаев А.А., Олейников О.М.* Открытие некрополя начала XI века в Новгороде // Археология и история Пскова и Псковской земли. Ежегодник Семинара имени академика В.В. Седова. Вып. 34. Материалы 64-го заседания (10–12 апреля 2018 г.). М.; Псков. С. 166–174.
- Гаучас 1988 — *Гаучас П.* К вопросу о восточных и южных границах литовской этнической территории в средневековье // Балто-славянские исследования. 1986. М. С. 195–213.
- Георгиевский 1896 — *Георгиевский В.Т.* Город Владимир на Клязьме и его достопримечательности. Владимир.
- Геррманн 1887 — *Геррманн Й.* Роль прибрежных торговых факторий VIII–X вв. в развитии племенного общества, формировании государств и городов // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Киев. 18–25 сентября 1985 г. Т. I. М. С. 32–46.
- Глазов 1903 — *Глазов В.Н.* Отчет о раскопках, произведенных в Псковской губернии в 1901 и 1902 гг. // ЗОРСА. Т. 5. Вып. 1. С. 44–66.
- Голосовкер 1987 — *Голосовкер Я.Э.* Логика мифа. М.
- Голубовский 1895 — *Голубовский П.В.* История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев.
- Голубцов 1950 — *Голубцов И.А.* Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII века // Вопросы географии. Вып. 20. С. 271–302.
- Горский 1996 — *Горский А.А.* Русские земли в XIII–XIV веках. Пути политического развития. М.
- Горюнова 2016 — *Горюнова В.М.* Городок на Ловати X–XII вв. (К проблеме становления города Северной Руси). СПб.

- Греков 1953 — *Греков Б.Д.* Киевская Русь. Л.
- Грузнова 2010 — *Грузнова Е.Б.* Новгородский змиряка-Перун и его аналоги // *Rossica antiqua*. № 1 (1). С. 108–127.
- Гудавичюс 2005 — *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 г. М.
- Гура 2011 — *Гура А.В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.
- Даль 1935 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М. Т. 4. Р–V.
- Данилевский 1999 — *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М.
- Даркевич 1994 — *Даркевич В.П.* Происхождение и развитие городов древней Руси (X–XIII вв.) // *ВИ*. № 10. С. 43–60.
- Даркевич 2010 — *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.
- Дворниченко 2013 — *Дворниченко А.Ю.* Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XII вв. М.
- Демидов, Ишутин 1978 — *Демидов И.А., Ишутин В.В.* Общество истории и древностей российских при Московском университете // *История и историки: историографический ежегодник*. 1975 / отв. ред. М. В. Нечкина. М. С. 250–280.
- Динцес 1947 — *Динцес Л.А.* Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства // *Советская этнография*. № 2. С. 67–94.
- Долгов 2020 — *Долгов В.В.* Родители Александра Невского в отечественной историографии и генеалогии // *Вестник Удмуртского университета*. Т. 30. Вып. 1. Серия история и филология. С. 88–94.
- Доленга-Ходаковский 1820 — *Доленга-Ходаковский З.Я.* Проект ученого путешествия по России // *Сын Отечества*. № XXXIII. С. 289–312.
- Дубов 1985 — *Дубов И.В.* Города, величием сияющие. Л.
- Дяденко, Моця 1986 — *Дяденко В.Д., Моця О.П.* Жовнинський могильник XI–XIII ст. // *Археологія*. Київ. Вип. 54. С. 82–90.
- Ениосова 2016 — *Ениосова Н.В.* Исследование химического состава металла и техники изготовления украшений и бытовых предметов из камерных погребений Старовознесенского некрополя // *Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века*. В двух томах. Т. II: Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря. СПб. С. 518–559.
- Ениосова, Розанова 2021 — *Ениосова Н.В., Розанова Л.С.* Кузнечные инструменты гнёздовских ювелиров // *Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования*. Вып. 2 // *Труды ГИМ*. М. Вып. 215. С. 100–115.
- Еремеев 2003 — *Еремеев И.И.* Раннесредневековые памятники у Велижских порогов на Западной Двине (к проблеме реконструкции маршрутов пути «из варяг в греки») // *Древности Подвинья: исторический аспект*. По материалам круглого стола, посвященного памяти А. М. Микляева (6–8 октября 1999 г.). СПб. С. 258–270.
- Еремеев 2007 — *Еремеев И.И.* Новгородские сопки и большие курганы Средней Швеции: проблемы сравнительного исследования // *У истоков русской государственности*. СПб. С. 240–255.
- Еремеев 2015 — *Еремеев И.И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.
- Еремеев 2023 — *Еремеев И.И.* Славяне и норманны к северу от Днепра до начала X века. Начальные этапы славяно-скандинавских культурных взаимодействий. В двух томах. Т. 1. Раннесредневековая славянская колонизация в Восточно-Балтийском регионе. Методология изучения, географический контекст, археологические памятники. СПб.
- Еремеев 2023а — *Еремеев И.И.* Славяне и норманны к северу от Днепра до начала X века. Начальные этапы славяно-скандинавских культурных взаимодействий. В двух томах. Т. 2. Норманны и погребальный обряд Ильмень-Волховского региона. СПб.
- Еремеев, Дзюба 2010 — *Еремеев И.И., Дзюба О.Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб.
- Еремеев, Фурасьев 2021 — *Еремеев И.И., Фурасьев А.Г.* Древнерусский Усвят. В поисках города Ярослава Мудрого. СПб.
- Еремеев, Янссон, Сёдерберг 2010 — *Еремеев И.И., Янссон И., Сёдерберг С.* Курган в Вибю (Упланд) и проблема происхождения больших «дружинных» курганов Древней Руси // *Диалог культур и народов средневековой Европы (Сборник к 60-летию Е. Н. Носова)*. СПб. С. 206–223.
- Ершова 2016 — *Ершова Т.Е.* Камерное погребение 6 // *Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века*: В 2 т. Т. II: Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря. СПб. С. 257–308.
- Жиленко 2005 — *Жиленко Г.В.* Святыня. История Киево-Печерської лаври XI–XVII століть. Київ.
- Жук 2016 — *Жук А.В.* Андрей Федорович Палашенков как церковный археолог. Ляпин-Сосьвинская экспедиция 1939 г. // *Вестник Омского университета*. Серия «Исторические науки». № 3 (11). С. 116–134.
- Жуков 2018 — *Жуков И.А.* О новых находках ранних вислых печатей Тверского князя Ярослава

- (Афанасия) Ярославича (1247–1264) // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2018 года. К 100-летию отдела нумизматики Государственного исторического музея. М. С. 184–188.
- Жукова 2021 — *Жукова Е. Н.* Археологические исследования в Калининской области в 1930-е годы // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х — конец 1940-х годов). Материалы международной научной конференции 6–8 апреля 2021 г. М. С. 28–30.
- Жуковский 2018 — *Жуковский М. О.* Весы и гирьки из Гнёздова // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1 // Труды ГИМ. М. Вып. 210. С. 127–178.
- Зайцева 2015 — *Зайцева И. Е.* Детали поясной гарнитуры из Шекшова в Суздальском Ополе // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова. М. С. 184–198.
- Заяц 1987 — *Заяц Ю. А.* Заславль X–XVIII веков. Минск.
- Заяц 1995 — *Заяц Ю. А.* Заславль в эпоху феодализма. Минск.
- Заяц 2013 — *Заяц Ю. А.* Да праблемы распаўсюджвання хрысціянства на Беларусі // МАБ. 2013. Вып. 24. Даследаванне сярэдневяковых старажытнасцей Цэнтральнай Беларусі (памяці Ю. А. Заяца). Мінск. С. 12–17.
- Зверуго 1989 — *Зверуго Я. Г.* Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. Минск.
- Звяруга 2005 — *Звяруга Я. Г.* Беларускае Павілле у жалезным веку і раннім сярэдневякоўі // МАБ. Вып. 10. Мінск.
- Зеленин 1929 — *Зеленин Д. К.* Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности? // Сборник Ленинградского общества изучения культуры финно-угорских народностей. Л. Вып. 1. С. 96–108.
- Земскова 2022 — *Земскова В. И.* Борисоглебские церкви в политической истории России XII–XVII веков. М.
- Зимин 1963 — *Зимин А. А.* «Память и похвала» Иакова Мниха и Житие кн. Владимира по древнейшему списку // КСИС. Вып. 37. С. 66–72.
- Зубарь, Павленко 1988 — *Зубарь В. М., Павленко Ю. В.* Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. Киев.
- Иванова 1988 — *Иванова О. В.* Распространение христианства у славян в Византии (VII–X вв.) // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М. С. 9–29.
- Иоаннисян 1996 — *Иоаннисян О. М.* Деревянные храмы домонгольской Руси // Успенская церковь в Кондопоге. Сборник статей по материалам конференции. Кондопога; СПб. С. 4–46.
- Как была крещена Русь 1989 — Как была крещена Русь. М.
- Карабанов и др. 2018 — *Карабанов А. К., Винокуров В. Ф., Дуциц Л. В., Зайковский Э. М., Климович И. Е.* Сакральные и исторические валуны Беларуси // Культурные камни Восточной Европы: Беларусь, Латвия, Литва, Россия. СПб. С. 9–79.
- Карпов 2013 — *Карпов А. Ю.* Религия ранней Руси: от язычества к христианству. СПб.
- Карпов 2017 — *Карпов А. Ю.* Русская церковь X–XIII вв. Биографический словарь. М.
- Карпов 2019 — *Карпов А. Ю.* Религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI веках. Язычество, христианство, двоеверие. СПб.
- Карсавин 1918 — *Карсавин Л. П.* Культура Средних веков. Общий очерк. Пг.
- Квашнин-Самарин 1887 — *Квашнин-Самарин Н. Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. Тверь.
- Кенько, Дернович 2019 — *Кенько П. М., Дернович С. Д.* Культурно-хронологический аспект в изучении деталей костюма из коллекции археологического комплекса Кордон // МАБ. Мінск. Вып. 30. С. 49–63.
- Кибинь 2014 — *Кибинь А. С.* От Ятвязи до Литвы: Русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII веках. М.
- Кирпичников 1979 — *Кирпичников А. Н.* Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры: новые открытия. 1978. Л. С. 471–499.
- Кирпичников 1988 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское святилище у Пскова // Древности славян и Руси. М. С. 34–37.
- Кирпичников, Сарабьянов 2013 — *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога: Первая столица Руси. СПб.
- Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986 — *Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М. С. 188–297.
- Ключевский 1923 — *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Пг. Ч. 1.
- Ковалев 2002 — *Ковалев Р. К.* Клад дирхамов 913/914 гг. из деревни Пальцево Тверской губернии // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб. С. 160–164.
- Козаченко 1957 — *Козаченко А. И.* К истории великорусского свадебного обряда // Советская этнография. 1957. № 1. С. 57–71.
- Колчин 1959 — *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МАИ. № 65. М. С. 7–90.
- Колчин 1982 — *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М. С. 156–177.

- Конецкий 1989 — *Конецкий В.Я.* Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменья в VIII–X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история. Л. С. 140–150.
- Конявская 1996 — *Конявская Е.Л.* Литва в восприятии русских (на материале древнерусских литературных памятников XIV века) // Древняя Русь и Запад. Научная конференция. Книга резюме. М. С. 92–95.
- Корзухина 1954 — *Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.
- Корзухина 1962 — *Корзухина Г.Ф.* О некоторых находках в Древнем Торопце // КСИА. Вып. 87. С. 100–101.
- Корзухина 1964 — *Корзухина Г.Ф.* Новые находки скандинавских вещей близ Торопца // СС. Таллин. Вып. 8. С. 297–314.
- Короткевич, Саблин 2019 — *Короткевич Б.С., Саблин М.В.* Древнейшие культурные отложения городища Анашкино (по результатам раскопок 2015–2017 гг. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Ежегодник Семинара имени академика В.В. Седова. Вып. 34. Материалы 64-го заседания (10–12 апреля 2018 г.). М.; Псков. С. 247–269.
- Кренке и др. 2015 — *Кренке Н.А., Ершов И.Н., Аникин И.С., Войцик А.А., Муренцева Т.Ю., Раева В.А., Лавриков М.В., Столярова Т.В.* Новые данные об археологии Соборной Горы в Смоленске // КСИА. Вып. 240. С. 141–148.
- Кренке, Ершов, Раева 2020 — *Кренке Н.А., Ершов И.Н., Раева В.А.* Смоленск и Гнёздово // Археологические вести. Вып. 28. С. 206–303.
- «Крещение Руси» 1988 — «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков. М.
- Кропоткин 1971 — *Кропоткин В.В.* Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. Т. IX. С. 76–97.
- Куза 1989 — *Куза А.В.* Малые города Древней Руси. М.
- Куза 1996 — *Куза А.В.* Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М.
- Кузнецова 2018 — *Кузнецова В.Н.* Зооморфные подвески Верхнего Поволжья первой трети II тыс. н. э. // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 11. С. 12–22.
- Кузнецова 2019 — *Кузнецова В.Н.* Украшения и детали костюма северо-западного облика из костромских курганов // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 12. С. 38–54.
- Кузьмин 2001 — *Кузьмин А.В.* Торопецкая знать в XIII в. // *Russia Mediaevalis*. München. Vol. 10/1. С. 55–75.
- Кузьмин 2017 — *Кузьмин А.В.* Торопецкое княжество // Большая российская энциклопедия. М. Т. 32. С. 307.
- Курбатов 2018 — *Курбатов А.В.* Некоторые вопросы изучения историко-культурных природных объектов Восточной Европы // Культурные камни Восточной Европы: Беларусь, Латвия, Литва, Россия. СПб. С. 281–313.
- Курмановский 2023 — *Курмановский В.С.* О границах Смоленской земли домонгольского периода (к постановке проблемы) // Научный сборник Государственного музея «Смоленская крепость». Смоленск. С. 234–243.
- Кучкин 1984 — *Кучкин В.А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV–XV вв.) // История СССР. М. № 6. С. 149–161.
- Кучкин 1986 — *Кучкин В.А.* К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М. С. 71–80.
- Лабутина 1989 — *Лабутина И.К.* Языческое святилище Пскова // История и культура древнерусского города. М. С. 100–108.
- Лазаревич-Шепелевич 1900 — *Лазаревич-Шепелевич Л.Ю.* Извлечение из отчета о раскопках ординарного профессора Харьковского университета Л. Ю. Лазаревич-Шепелевича, командированного Московским Археологическим обществом для производства раскопок и археологических разысканий в Невельский уезд Витебской губернии. Витебск.
- Лаушкин 2019 — *Лаушкин А.В.* Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М.
- Лебедев 1997 — *Лебедев Г.С.* Путь из варяг в греки как фактор урбанизации Древней Руси, Скандинавии и Византии // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2. Славянский средневековый город. М. С. 197–209.
- Лебедев 1999 — *Лебедев Г.С.* Русь Рюрика как объект археологического изучения // Основания регионалистики. СПб. С. 295–305.
- Лебедев 1999а — *Лебедев Г.С.* Путь из варяг в греки // Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон. СПб. С. 182–190.
- Левашева 1967 — *Левашева В.П.* Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. // Труды ГИМ. М. Вып. 43. С. 7–54.
- Левашева 1967а — *Левашева В.П.* Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. // Труды ГИМ. М. Вып. 43. С. 207–252.
- Левко 1989 — *Левко О.Н.* Торговые связи Витебска в X–XVIII в. Минск.
- Ляўко 2009 — *Ляўко В.М.* Дроздава // Археалогія Беларусі. Энцыклапедыя ў двух тамах. Т. 1. А–К. Мінск. С. 313–314.
- Левко 2018 — *Левко О.Н.* Кордон — ключевой объект предгосударственной истории Белорусского Подвинья // Шумілінскі край. Мінск. С. 87–104.

- Левко и др. 2019 — *Левко О.Н., Дернович С.Д., Кенько П.М.* Археологический комплекс Кордон на пути «из варяг в греки»: исследования 2015–2018 гг. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Минск. Кн. 2. С. 319–374.
- Лейфер 2013 — *Лейфер А.Э.* Жить вместе. Омск.
- Леонтьев 1988 — *Леонтьев А.Е.* Городище Выжегша и происхождение Выжегшевского клада // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М. С. 94–102.
- Леонтьев 2015 — *Леонтьев А.Е.* Археологические данные к истории Ростовской епархии // Города и веи средневековой Руси: археология, история, культура. К 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.; Вологда. С. 45–52.
- Леонтьев 2017 — *Леонтьев А.Е.* Раннесредневековое городище Выжегша по результатам исследований 2016 г. // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе. Сборник научных статей в 3 т. Барнаул. Т. II. С. 190–193.
- Леонтьев 2018 — *Леонтьев А.Е.* Новые данные о городище Выжегша (результаты работ 2017 г.) // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 8. М. С. 26–38.
- Лесман 1981 — *Лесман Ю.М.* Работы Торопецкого отряда // АО 1980 г. М. С. 63–64.
- Лесман 1984 — *Лесман Ю.М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород // Археологическое исследование Новгородской земли. Л. С. 118–153.
- Лесман 1987 — *Лесман Ю.М.* Торопецкий могильник культуры длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 66–67.
- Лесман 1990 — *Лесман Ю.М.* К топографии Торопца (конец I — начало II тыс. н. э.) // ВМГУ. Сер. 8. История. № 4. С. 73–82.
- Лесман 1990а — *Лесман Ю.М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода 1988. М. С. 29–98.
- Лесман 1995 — *Лесман Ю.М.* Новгородские привески — источник для реконструкции динамики христианизации // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва. 20–22 февраля 1995 г. М. С. 33–36.
- Летова 1982 — *Летова И.А.* О следах языческих представлений в русской топонимии (к постановке вопроса) // Вопросы ономастики. Свердловск. Вып. 15. С. 32–44.
- Литаврин, Флоря 1988 — *Литаврин Г.Г., Флоря Б.Н.* Общее и особенное в процессе христианизации стран региона и Древней Руси // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М. С. 235–259.
- Лопатин 2017 — *Лопатин Н.В.* Несколько заметок о верхнем слое городища Тушемля // De mare ad mare. Археология и история. Сборник статей к 60-летию Н.А. Кренке. Смоленск. С. 149–156.
- Лопатин 2018 — *Лопатин Н.В.* О городищах V–VII вв. в Верхнем Поднепровье и на Северо-Западе России // КСИА. Вып. 250. С. 293–306.
- Лопатин, Фурасьев 2007 — *Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г.* Северные рубежи раннеславянского мира в III–V веках н. э. // РСМ. Вып. 8. М.
- Лосев 2014 — *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.
- Лосев 2022 — *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» (новое академическое издание, исправленное и дополненное). М.
- Лосунов 2011 — *Лосунов А.М.* А.Ф. Палашенков. К осмыслению личности // Краеведение как феномен провинциальной культуры: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Андрея Федоровича Палашенкова (1886–1971). Омск, 27–29 октября 2011 г. Омск. С. 365–372.
- Лухтан, Ушинская 1987 — *Лухтан А.Б., Ушинская В.А.* К вопросу о столице Литвы до 1323 г. // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Киев. 18–25 сентября 1985 г. Т. III. Вып. 16. Секция V. Города, их культурные и торговые связи. М. С. 5–13.
- Лухтан, Ушинская 1988 — *Лухтан А.Б., Ушинская В.А.* К проблеме становления Литовской земли в свете археологических данных // Древности Литвы и Белоруссии. Вильнюс. С. 89–104.
- Лысенко 2004 — *Лысенко П.Ф.* Древний Туров. Минск.
- Любавский 1892 — *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского статута. М.
- Любавский 1996 — *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.
- Любавский 2004 — *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб.
- Люцинский могильник 1893 — Люцинский могильник // МАР. № 14. СПб.
- Ляўданскі, Палікарповіч 1936 — *Ляўданскі А.Н., Палікарповіч К.М.* Археалагічныя доследы ў БССР у 1933–1934 гг. // Запіскі Беларускай Акадэміі навук. Кн. 5. Мн. С. 210–223.
- Мавродин, Фроянов 1974 — *Мавродин В.В., Фроянов И.Я.* «Старцы градские» на Руси X в. // Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М.К. Каргера. Л. С. 29–33.

- Макаров 1993 — *Макаров Н.А.* Русский Север: таинственное средневековье. М.
- Макаров 2012 — *Макаров Н.А.* Археологические древности как источник знаний о ранней Руси // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М. С. 64–89.
- Малевская 1963 — *Малевская М.В.* Раскопки на Малом Торопецком городище (1960 г.) // КСИА. № 96. С. 72–78.
- Малевская 1967 — *Малевская М.В.* Раскопки на Малом Торопецком городище в 1961 г. // КСИА. № 110. С. 54–62.
- Малевская, Фоняков 1985 — *Малевская М.В., Фоняков Д.И.* Постройки древнего Торопца // СА. № 4. С. 63–79.
- Малевская, Фоняков 1991 — *Малевская М.В., Фоняков Д.И.* Древний Торопец. Т. 1. Торопец.
- Малевская, Фоняков 2000 — *Малевская М.В., Фоняков Д.И.* Древний Торопец. Т. 2. Иллюстрации и приложения. СПб.
- Малыгин 2018 — *Малыгин П.Д.* О «парах» и «переносах» городов древней Руси // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А.Е. Леонтьева. М. С. 106–120.
- Мальшева 2012 — *Мальшева Н.Н.* Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопок на территории Среднего города) // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века: В 2 т. Т. I: Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопок на территории Среднего города). СПб. С. 26–90.
- Маршак 1978 — *Маршак Б.И.* Раннеисламские бронзовые блюда (сиро-египетская и иранская традиции в искусстве халифата) // Труды Государственного Эрмитажа. Л. Т. XIX. С. 26–52.
- Маршак 2017 — *Маршак Б.И.* История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности. СПб.
- Махов 2013 — *Махов А.Е.* Hostis Antiquus: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. М.
- Мачинский, Мачинская 1988 — *Мачинский Д.А., Мачинская А.Д.* Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура Русского Севера. Л. С. 44–58.
- Медведев 1996 — *Медведев А.М.* Белорусское Понеманье в раннем железном веке (I тыс. до н. э. — V в. н. э.). Минск.
- Медведева, Соболев 2014 — *Медведева М.В., Соболев В.Ю.* Археолог Владимир Нилович Глазов // Археологические вести. СПб. Вып. 20. С. 395–426.
- Медников 2001 — *Медников М.М.* Хранитель псковских древностей Николай Фомич Окулич-Казарин // Псковский краевед Н.Ф. Окулич-Казарин / сост. и ред. сборника М.М. Медников. Псков. С. 12–26.
- Мелетинский 2000 — *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.
- Мельникова 2017 — *Мельникова Е.А.* Эпоха князя Владимира в древнеисландской литературе // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. Материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба. Москва, 14–16 октября 2015. М.; Вологда. С. 410–441.
- Микляев 1992 — *Микляев А.М.* Каменный — железный век в междуречье Западной Двины и Ловати: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.
- Микляев 1992а — *Микляев А.М.* Путь из «Варяг в Греки» (зимняя версия) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. С. 133–138.
- Микляев 1995 — *Микляев А.М.* Каменный — железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // ПАВ. Вып. 9. С. 7–39.
- Милонов 1940 — *Милонов Н.П.* Археологические работы в краеведческом музее // Советский музей. № 2. С. 17–21.
- Минасян 2014 — *Минасян Р.С.* Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.
- Миронова, Пронин 1980 — *Миронова В.Г., Пронин Г.Н.* Работы Ильменской экспедиции // АО 1979. М. С. 20, 21.
- Мифы народов мира 2003 — Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. Т. 2 (К — Я). М.
- Михайлов 2019 — *Михайлов А.В.* Открытое торговое-ремесленное поселение Горожане: исследования 2017 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Ежегодник Семинара имени академика В.В. Седова. Вып. 34. Материалы 64-го заседания (10–12 апреля 2018 г.). М.; Псков. С. 138–145.
- Михайлов, Кулакова 2020 — *Михайлов А.В., Кулакова М.И.* Исследования поселения Горожане в 2018 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Ежегодник Семинара имени академика В.В. Седова. Вып. 35. Материалы 65-го заседания (16–18 апреля 2019 г.). М.; Псков. С. 382–390.
- Михайлов, Романовский 2021 — *Михайлов А.В., Романовский А.Б.* Археологические исследования на поселении Горожане в 2019 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Ежегодник Семинара имени академика В.В. Седова. Вып. 36. Материалы 66-го заседания (20–22 апреля 2021 г.). М.; Псков. С. 67–77.
- Михайлова 2016 — *Михайлова Е.Р.* Древности второй половины I тыс. вокруг Финского залива: к предыстории пути из варяг в греки // НИС. 16 (26). Великий Новгород. С. 4–32.

- Михайлова 2004 — *Михайлова И.Б.* Давай сварим кашу. Великокняжеская свадьба в России XVI века // Родина: Российский исторический иллюстрированный журнал. № 7. С. 90–95.
- Михайлова 2010 — *Михайлова И.Б.* Малые города Южной Руси в VIII — начале XIII века // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. № 3. СПб.
- Михайлова 2014 — *Михайлова И.Б.* «Какъ новобрачный князь приедетъ с поездомъ...». Свадьба в Московской Руси XVI–XVII вв. // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. Международный журнал: 2014. Лето. № 32. С. 195–211.
- Молдован 1997 — *Молдован А.М.* Комментарии к «Слову о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // БЛДР. СПб. Т. 1. С. 481–486.
- Моргунов 2009 — *Моргунов Ю.Ю.* Дерево-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.
- Моргунов 2012 — *Моргунов Ю.Ю.* Летописный город Снепород и его округа. X–XIII вв. СПб.
- Моргунов 2019 — *Моргунов Ю.Ю.* К методике изучения валов древнерусских городищ. М.
- Моргунов 2019а — *Моргунов Ю.Ю.* Историческая география Переяславской земли (Святослав Игоревич — Ярополк Владимирович). Вологда.
- Моця 1983 — *Моця А.П.* Сведения об этническом составе летописного Желни по данным могильника // Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева. Минск. С. 82–84.
- Мурашева 2000 — *Мурашева В.В.* Древнерусские ремешные наборные украшения (X–XII вв.). М.
- Мусин 2002 — *Мусин А.Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.
- Мусин 2012 — *Мусин А.Е.* Скандинавское язычество на востоке по данным археологии: общее и особенное // Российский археологический ежегодник (№ 2, 2012). СПб. С. 555–602.
- Мусин 2016 — *Мусин А.Е.* Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. СПб.
- Мюллер 2003 — *Мюллер Л.* Рассказ об Исакии и сказание «что ради зовется Печерский монастырь» // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН. Т. 54. С. 66–69.
- Назаренко 2001 — *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.
- Назаренко 2020 — *Назаренко А.В.* Князь Владимир Великий. Креститель, строитель, небесный охранитель Руси (опыт общедоступного научного изложения). М.
- Насонов 2002 — *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. СПб.
- Наумов 1988 — *Наумов Е.П.* Общественно-политические сдвиги в сербских и хорватских землях и христианская миссия на Балканах // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М. С. 68–103.
- Нестеренко 2017 — *Нестеренко А.Н.* Князь Мстислав Мстиславич Торопецкий (Удалой) // Вопросы истории. № 11. С. 22–45.
- Нефёдов 2012 — *Нефёдов В.С.* Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX — первая половина XI в.) // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства. Сборник материалов международной научной конференции. Вологда — Кириллов — Белозерск 6–8 июня 2012 г. Вологда. С. 89–113.
- Нефёдов 2015 — *Нефёдов В.С.* Ржевское княжество // Большая российская энциклопедия. М. Т. 28. С. 466.
- Николай Петрович Милонов 2001 — Николай Петрович Милонов (1896–1988) Биобиблиографический указатель / составитель М.М. Тимофеева. Рязань.
- Носевич 2008 — *Носевич В.Л.* Проблемы образования Великого княжества Литовского: Обзор белорусской историографии // Lietuvos istorijos studijos. Т. 22. Р. 39–57.
- Носов 1982 — *Носов Е.Н.* Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // Новгородский исторический сборник. Л. Вып. 1 (11). С. 43–78.
- Носов 2005 — *Носов Е.Н.* Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволховья // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые материалы и исследования). СПб. С. 8–32.
- Носов 2008 — *Носов Е.Н.* На путях становления городов Древней Руси // Днѣслово. Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя. Київ. С. 133–146.
- Носов 2012 — *Носов Е.Н.* Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М.; Вологда. С. 93–119.
- Носов, Горюнова, Плохов 2005 — *Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. Новые материалы и исследования. СПб.
- Нукшинский могильник 1957 — Нукшинский могильник. Рига.
- Окулич-Казарин 1914 — *Окулич-Казарин Н.Ф.* Материалы для археологической карты Псковской губернии // Труды Псковского археологического общества 1913–1914 гг. Вып. 10. Псков. С. 131–303.

- Омельянчук 2010 — *Омельянчук С.В.* Брак и семья в Древней Руси IX–XIII веков. Владимир.
- Панова 2004 — *Панова Т.Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.
- Пашуто 1959 — *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М.
- Передольский и его семья 2013 — В.С. Передольский и его семья. Библиографический указатель. Батецкий.
- Петраускас 2012 — *Петраускас Р.* Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования Литовского государства // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 1 (11). Январь — Июнь. СПб. С. 95–116.
- Петренко 1985 — *Петренко В.П.* Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л. С. 81–116.
- Петров 1926 — *Петров П.И.* История г. Торопца в конспективном изложении. Древний период // Отчетные материалы Торопецкого отделения Псковского общества краеведения. Апрель 1926 г. № 3. Торопец. С. 3–7.
- Петрухин 1995 — *Петрухин В.Я.* О начальных этапах христианизации Руси. Данные археологии // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва. 20–22 февраля 1995 г. М. С. 63.
- Петрухин 1995а — *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск.
- Петрухин 2006 — *Петрухин В.Я.* Крещение Руси: от язычества к христианству. М.
- Петрухин 2014 — *Петрухин В.Я.* Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М.
- Плавинский 2017 — *Плавинский М.А.* Курганны могильник Пагошча ў кантэксце сінхронных старажытнасцяў Браслаўскага Паазер'я. Мінск.
- Плавинский, Степанова 2017 — *Плавинский Н.А., Степанова М.И.* Материалы к реконструкции женского погребального головного убора населения Верхнего Повилья XI в. // В камне и бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. СПб. С. 433–444.
- Платонова 2010 — *Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX в. СПб.
- Платонова 2014 — *Платонова Н.И.* Слово о друге: Юрий Михайлович Лесман // *Stratum plus*. № 5. С. 1–6.
- Платонова 2019 — *Платонова Н.И.* Проблемы становления города в Северной Руси: заметки археолога // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 2 (26). Июль — декабрь. СПб. С. 109–134.
- Платонова, Кирпичников 2013 — *Платонова Н.И., Кирпичников А.Н.* Отдел славяно-финской археологии: история и ученые // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014). СПб. С. 191–242.
- Платонова, Санкина 2018 — *Платонова Н.И., Санкина С.Л.* Стратиграфия верхних горизонтов Земляного городища Старой Ладogi и грунтовый могильник у церкви св. Климента (по материалам раскопок 1938–1940 гг.) // Новое в археологии Старой Ладogi: материалы и исследования. СПб. С. 66–126.
- Побойнин 1897 — *Побойнин И.И.* Торопецкая старина. Исторические очерки города Торопца с древнейших времен до конца XVII века // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1897 г. Книга первая. Сто восьмидесятая. I. Материалы исторические. М. С. 1–92.
- Побойнин 1902 — *Побойнин И.И.* Торопецкая старина. Исторические очерки города Торопца с древнейших времен до конца XVII века. М.
- Попов 2014 — *Попов Ю.Г.* Первые краеведческие объединения и первые краеведы Торопецкой земли. Вып. 1 (1919–1927). Торопец.
- Потин 1974 — *Потин В.М.* Два новых клада западноевропейских денариев XI в. // Нумизматика и эпиграфика. М. Т. XI. С. 148–153.
- Принятие христианства 1988 — Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М.
- Присёлков 2016 — *Присёлков М.Д.* Очерки церковно-политической истории Киевской руси X–XII веков. СПб.
- Прицак 2003 — *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. Т. II. Київ.
- Путь из варяг в греки 1996 — «Путь из варяг в греки и из грек в...». Каталог выставки ГИМ. М.
- Рабинович 2017 — *Рабинович Я.Н.* Торопец и его жители в первые годы Смутного времени (1606–1610) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 12–21.
- Равдина 1988 — *Равдина Т.В.* Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М.
- Рапов 1977 — *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М.
- Рапов 1988 — *Рапов О.М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М.
- Раппопорт 1959 — *Раппопорт П.А.* Изучение крепостей, проведенное отрядом Среднерусской археологической экспедиции 1956 года // КСИИМК. № 74. С. 87–88.
- Раппопорт 1961 — *Раппопорт П.А.* Оборонительные сооружения Торопца // КСИА. № 86. С. 11–20.

- Раппопорт 1961a — *Раппопорт П.А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. № 105. М.; Л.
- Раппопорт 1965 — *Раппопорт П.А.* Древние русские крепости. М.
- Раппопорт 1967 — *Раппопорт П.А.* Военное зодчество Западнорусских земель X–XIV вв. // МИА. № 140. Л.
- Раппопорт 1980 — *Раппопорт П.А.* Полоцкое зодчество XII в. // СА. № 3. С. 142–161.
- Родионова 2017 — *Родионова М.А.* Заключение // Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. СПб. С. 237–240.
- Роменский 2020 — *Роменский А.А.* К интерпретации известия Иоанна Скилицы об архонтах Руси под 6544 (1036) годом // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25, № 6. С. 44–55.
- Руденко 2015 — *Руденко К.А.* Хронология болгарских селищ конца X — XIII в. в Западном Закамье (по материалам исследований 1992–2011 гг.) // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова. М. С. 135–154.
- Русанова 1966 — *Русанова И.П.* Курганы полян X–XII вв. // САИ. Вып. Е 1–24. М.
- Рыбакоў 1932 — *Рыбакоў Б.А.* Радзімічы // Беларуска Акадэмія навук. Інстытут гісторыі. Працы сэкцыі археолёгіі. Т. III. Менск. С. 81–151.
- Рыбаков 1948 — *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М.
- Рыбаков 1964 — *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI–XIV вв. М.
- Рыбаков 1987 — *Рыбаков Б.А.* Городское язычество Древней Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Киев. 18–25 сентября 1985 г. Т. I. М. С. 77–79.
- Рыбаков 1988 — *Рыбаков Б.А.* Предисловие к книге: О. М. Рапов. Русская церковь в IX–XII в. Принятие христианства. М. С. 3–6.
- Рябинин 1974 — *Рябинин Е.А.* Новгород и северо-западная область Новгородской земли (Культурные взаимодействия по археологическим данным) // Культура Средневековой Руси. Л. С. 56–61.
- Рябинин 1981 — *Рябинин Е.А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. Вып. Е 1–60. Л.
- Самоделова 2005 — *Самоделова Е.А.* Описания древнерусской свадьбы как первоисточник научных знаний о русском свадебном обряде // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 12. М. С. 797–816.
- Сапунов 1890 — *Сапунов А.П.* Двинские или Борисовы камни. Витебск.
- Сарачева 1999 — *Сарачева Т.Г.* Инструменты для нанесения декора на вятичские украшения // Археологический сборник. Памяти Марии Васильевны Фехнер. Труды ГИМ. М. Вып. 111. С. 74–81.
- Свердлов 1995 — *Свердлов М.Б.* Распространение христианства на Руси IX–XI вв.: Многообразие тенденций // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва. 20–22 февраля 1995 г. М. С. 74–77.
- Свердлов 2003 — *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб.
- Седов 1953 — *Седов В.В.* Древнерусское святилище в Перыни // КСИИМК. Вып. 50. С. 93–103.
- Седов 1954 — *Седов В.В.* Новые данные о языческом святилище Перуна // КСИИМК. Вып. 53. С. 105–108.
- Седов 1970 — *Седов В.В.* Новгородские сопки // Археология СССР. САИ. М. Вып. Е 1–8.
- Седов 1987 — *Седов В.В.* Литовские племена // Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М. С. 381–397.
- Седов 1982 — *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М.
- Седов 1989 — *Седов В.В.* Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского средневекового города. М. С. 6–55.
- Седов 2002 — *Седов В.В.* Изборск — протогород. М.
- Седов 2002a — *Седов В.В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М.
- Седова 1981 — *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Середонин 1916 — *Середонин С.М.* Историческая география. Пг.
- Славянская мифология 2002 — Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.
- Сизов 1902 — *Сизов В.И.* Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска // МАР. № 28. СПб.
- Сиренов 2014 — *Сиренов А.В.* Источники XVI в. о браках Александра Невского // Александр Невский и Ледовое побоище. Материалы научной конференции, посвященной 770-летию Ледового побоища. Санкт-Петербург, 7 апреля 2012 г. СПб. С. 44–52.
- Соловьев 1960 — *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М. Кн. II (тома 3–4).
- Сотникова 2008 — *Сотникова Т.К.* Веселый человек и веселый ученый, или Опыт расшифровки одного имени // История Петербурга. № 3 (43). С. 27–32.
- Спицын 1896 — *Спицын А.А.* Предполагаемые литовские курганы // ЗРАО. СПб. Т. VIII. Вып. 1–2. С. 103–114.

- Спицын 1896а — *Спицын А.А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. № 20. СПб.
- Спицын 1903 — *Спицын А.А.* Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова // МАР. № 29. СПб.
- Спицын 1906 — *Спицын А.А.* Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. // ЗОРСА. СПб. Т. VIII. Вып. 1. С. 185–211.
- Спицын 1917 — *Спицын А.А.* Русская историческая география. Пг.
- Спицын 1922 — *Спицын А.А.* Археология в темах начальной русской истории // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Петербург. С. 1–12.
- Спицын 1929 — *Спицын А.А.* Основные русские племена // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. М. С. 28–30.
- Станкевич 1951 — *Станкевич Я.В.* Археологическая разведка в Великолукской области // КСИИМК. Вып. XXXVIII. С. 82–90.
- Станкевич 1960 — *Станкевич Я.В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н. э. // МИА. № 76. М. С. 7–323.
- Степанова 2010 — *Степанова Ю.В.* Височные кольца из древнерусских сельских памятников Верхневолжья // Stratum plus. № 5. С. 275–283.
- Стефутин 2018 — *Стефутин С.А.* Комплекс археологических памятников близ деревни Шниткино. Первые результаты исследований // Археология Древней Руси: проблемы и открытия. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. Труды исторического факультета МГУ. М. Вып. 140. Сер. II. Исторические исследования. 83. С. 111–113.
- Стефутин 2019 — *Стефутин С.А.* Археологические исследования селища Шниткино в 2015–2017 гг. // АО 2017 г. М. С. 69–70.
- Струков 2011 — *Струков Д.М.* Альбом рисунков. 1864–1867. Минск.
- Тарасаў 1991 — *Тарасаў С.В.* З гісторыі Полацкай эпіграфікі X–XV ст. // Кніжная культура Беларусі. Мінск.
- Тарасенко 1965 — *Тарасенко В.С.* Раскопки Малого торопецкого городища (1958 г.) // Тезисы 1-й областной краеведческой конференции «Историко-краеведческая работа в Калининской области». Калинин. С. 59–67.
- Таутавичус 1959 — *Таутавичус А.З.* Восточнолитовские курганы // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. М. Т. 1. С. 128–153.
- Темушев 2023 — *Темушев С.Н.* Налоги и дань в Древней Руси. М.
- Тимошук 1990 — *Тимошук Б.А.* Восточнославянская община VI–X вв. н. э. М.
- Тихомиров 1956 — *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М.
- Тишкин, Хаврин 2006 — *Тишкин А.А., Хаврин С.В.* Использование рентгено-флюоресцентного анализа в археологических исследованиях // Теория и практика археологических исследований. Вып. 2. Барнаул. С. 74–85.
- Толочко 2015 — *Толочко А.П.* Очерки начальной руси. Киев; СПб.
- Толочко 2009 — *Толочко П.П.* Историческая топография раннего Киева: реальная и вымышленная // Ruthenica VIII (2009). С. 151–183.
- Толочко, Боровский 1979 — *Толочко П.П., Боровский Я.С.* Язичницьке капище в городі Володимира // Археологія Києва. Київ. С. 3–10.
- Топоров 1987 — *Топоров В.Н.* Заметки по похоронной обрядности (к 150-летию со дня рождения А. Н. Веселовского) // Балто-славянские исследования. 1985. М. С. 10–52.
- Тухтина 1968 — *Тухтина Н.В.* Об этнической принадлежности погребенных в сопках волховского типа // Славяне и Русь: сб. статей к 60-летию академика Б. А. Рыбакова / отв. ред. Е. И. Крупнов. М. С. 188–193.
- Фасмер 1929 — *Фасмер Р.Р.* Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры. II // Сообщения ГАИМК. Л. Т. II. С. 281–324.
- Федорина, Макаров, Милованов, Баранов 2023 — *Федорина А.Н., Макаров Н.А., Милованов С.И., Баранов Н.А.* Суздаль: формирование городской территории в X–XV вв. // Археология Суздальской земли: в 2 томах. Т. 2. Культура, общество, идентичность. М.; Вологда. С. 231–252.
- Флоринский 1881 — *Флоринский Н.И.* Сведения о Владимирском Успенском женском монастыре, в котором почивают мощи св. мученика Авраамия, и два слова, произнесенные в день памяти сего св. мученика, при чудотворных мощах его. Владимир.
- Флоря 2022 — *Флоря Б.Н.* Образование Великого княжества Литовского в официальной историографии этого государства XVI в. и в представлениях современных белорусских ученых // Проблемы национальной стратегии. № 3 (72). С. 174–182.
- Фоняков 1985 — *Фоняков Д.И.* Новые материалы по истории средневекового Торопца // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л. С. 91–96.
- Фоняков 1986 — *Фоняков Д.И.* Об одной находке из древнерусского могильника в Торопце // КСИА. № 187. М. С. 62–65.
- Фоняков 1986а — *Фоняков Д.И.* Древний Торопец (IX–XVI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: (07.00.06) / АН СССР, Ин-т археологии, Ленингр. отделение. Л.

- Фоняков 1988 — *Фоняков Д.И.* Древний Торопец. Археологические раскопки. Калинин.
- Фоняков 1990 — *Фоняков Д.И.* Посад Торопца в XVI–XVIII столетиях по материалам планов города XVIII в. // Города Верхней Руси. Истоки и становление. Торопец. С. 120–136.
- Фоняков 2000 — *Фоняков Д.И.* Торопец и его округа. К вопросу о становлении городов в верховьях Западной Двины // Малевская М.В., Фоняков Д.И. Древний Торопец. Т. 2. Иллюстрации и приложения. СПб. С. 154–164.
- Фоняков 2000а — *Фоняков Д.И.* Христианские могильники Торопца // Малевская М.В., Фоняков Д.И. Древний Торопец. Т. 2. Иллюстрации и приложения. СПб. С. 165–188.
- Формозов 1998 — *Формозов А.А.* Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // РА. № 3. С. 191–206.
- Фроянов 1980 — *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.
- Фроянов 1992 — *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб.
- Фроянов 2007 — *Фроянов И.Я.* Загадка крещения Руси. М.
- Фроянов, Дворниченко 1988 — *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л.
- Фурасьев 1995 — *Фурасьев А.Г.* Городища-убежища Псковщины второй половины I тысячелетия н. э. // ПАВ. Вып. 9. СПб. С. 143–150.
- Хюбнер 1996 — *Хюбнер К.* Истина мифа / пер. с нем. И.Т. Касавина. М.
- Черных 1972 — *Черных Н.Б.* Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М. С. 93–112.
- Чернягин 1941 — *Чернягин Н.Н.* Длинные курганы и сопки // МИА. № 6. М.
- Чтения 1899 — Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1899 г. Книга вторая. Сто семьдесят девятая. IV. Смесь. Протоколы заседаний Императорского Общества истории и древностей Российских за 1898 год. М. С. 1–24.
- Чтения 1902 — Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1902 г. Книга третья. Двести вторая. IV. Смесь. Состав Императорского Общества истории и древностей Российских к 1 января 1902 года. М. С. 1–8.
- Шадыро, Кенько 2019 — *Шадыро В.И., Кенько П.М.* Исследования городища «Вал» археологического комплекса Кордон Шумилинского района Витебской области в 2016 г. // Шумілінскі край. Мінск. С. 105–126.
- Шалина 1995 — *Шалина И.А.* «Пречистому образу Твоему поклоняемся...»: Образ Богородицы в произведениях из собрания Русского музея. СПб. С. 181, 182.
- Шалина 2015 — *Шалина И.А.* Корсунская икона Эфесская (Торопецкая, Полоцкая, Царьградская) // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М. Т. 38: Коринф; Крискентия.
- Шахматов 1919 — *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг.
- Шахматов 2002 — *Шахматов А.А.* История русского летописания. Т. I, кн. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. СПб.
- Шахназарова 2009 — *Шахназарова М.Г.* «Чтения в Обществе истории и древностей российских» как историографический источник (1893–1918 гг.) // Вестник РГГУ. № 4/9. М. С. 133–145.
- Шенк 2007 — *Шенк Ф.Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М.
- Шмигельските-Стукене 2010 — *Шмигельските-Стукене Р.* Территория и границы Литовского государства в XIII–XVIII веках // Границы Литвы: Тысячелетняя история. Vilnius. С. 8–25.
- Шмидт 1968 — *Шмидт Е.А.* О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь: сб. статей к 60-летию академика Б.А. Рыбакова / отв. ред. Е.И. Крупнов. М. С. 224–229.
- Шмидт 1992 — *Шмидт Е.А.* Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. — III в. н. э.). М.
- Шмидт 2008 — *Шмидт Е.А.* Заозерье. Археологический комплекс IV–XII веков. Смоленск.
- Шмидт 2012 — *Шмидт Е.А.* О времени возникновения города Смоленска // Музейный вестник. Смоленск. Вып. VI. С. 139–149.
- Шмидт 2013 — *Шмидт Е.А.* Шугайлово (комплекс археологических памятников). Смоленск.
- Штыхов 1978 — *Штыхов Г.В.* Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск.
- Штыхаў 1992 — *Штыхаў Г.В.* Крывічы. Мінск.
- Щавелев, Фетисов 2015 — *Щавелев А.С., Фетисов А.А.* К исторической географии Восточной Европы IX в. 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье. М. С. 278–328.
- Щапов 1989 — *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М.
- Эдинг 1928 — *Эдинг Д.Н.* Сарское городище. Ростов.
- Юшков 1939 — *Юшков С.В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., Л.
- Яковлева 2016 — *Яковлева Е.А.* Камерное погребение 1 // Древнерусский некрополь Пскова X —

- начала XI века: В 2 т. Т. II: Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря. СПб. С. 28–83.
- Яковлева 2016а — Яковлева Е.А. Камерное погребение 3 // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века: В 2 т. Т. II: Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря. СПб. С. 109–165.
- Якубенока 2018 — Якубенока Л. Мифологические камни Латвии // Культурные камни Восточной Европы: Беларусь, Латвия, Литва, Россия. СПб. С. 127–162.
- Янин 1956 — Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М.
- Янин 1970 — Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Том II. Новгородские печати XIII–XV вв. М.
- Янин 1998 — Янин В.Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М.
- Янин 1998а — Янин В.Л. Берестяная грамота № 590 // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М. С. 387–388.
- Янин 2004 — Янин В.Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М.
- Янин, Гайдуков 1998 — Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.
- Янссон 1987 — Янссон И. Контакты между Русью и Скандинавией в эпоху викингов // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Киев. 18–25 сентября 1985 г. Т. III. Вып. 16. Секция V. Города, их культурные и торговые связи. М. С. 119–133.
- Янссон 2009 — Янссон И. Королевские/княжеские центры эпохи викингов в Скандинавии и на Руси // Історія і археологія Полацка і Полацкай зямлі. Матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцы (24–25 кастрычніка 2007 г.). Полацк. С. 208–232.
- Ясперс 1991 — Ясперс К. Истоки истории и ее цель / пер. с нем. М. И. Левиной. Вып. 1. М.
- Ясперс 1991а — Ясперс К. Истоки истории и ее цель / пер. с нем. М. И. Левиной. Вып. 2. М.
- Anderson 1883 — Anderson J. Scotland in Pagan Times: the Iron Age. Edinburgh.
- Arbman 1940 — Arbman H. Birka. Die Gräber. T. I. Tafeln. Uppsala.
- Arbman 1943 — Arbman H. Birka. Die Gräber. T. I. Text. Uppsala.
- Arbman 1955 — Arbman H. Svear i Österviking. Stockholm.
- Atgāzis 1992 — Atgāzis M. First Finds of Three-armed (Trefoil) Broches in Latvia // Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Acta Universitatis Stockholmensis Studia Baltica Stockholmensia, 9. 1992. Stockholm; Uppsala. S. 19–32
- Bitner-Wroblewska 2006 — Bitner-Wroblewska A. The key problems of Late Migration Period in the Balt Lands // Transformatio mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic. Kaunas. P. 7–15.
- Bøgh-Andersen 1999 — Bøgh-Andersen S. Vendel-och vikingatida stekspett: ej blott för köket, ett redskap med anor från Homeros tid. Lund.
- Callmer 2017 — Callmer J. The Rise of Dominion of the ar-Rus in the Northern Parts of Eastern Europe, Seventh to Ninth Centuries A. D.: A Case of Culture Construction // Identity Formation and Diversity in the Early Medieval Baltic and Beyond: Communicators and Communication. Leiden; Boston. P. 136–167.
- Duczko 1985 — Duczko W. The Filigree and Granulation Work of the Viking Period. An analysis of the material from Björko // Birka. Untersuchungen und Studien. T. V. Stockholm.
- Ekström 2023 — Ekström M.E. Islamisk skrift i vikingatida gravar. En analys av gravar i Uppland med islamiska myntsmücken från vikingatid (800–970). Kandidatuppsats 15 hp i Arkeologi. HT 2023.Handledare: Jens Christian Moesgaard. Stockholms universitet.
- Girininkas 2007 — Girininkas A. A defense installation of the developing Lithuanian state // Archaeologia Baltica. Vol. 8 (2007). P. 347–359.
- Graham-Campbell 1976 — Graham-Campbell J. The Viking-age silver and gold hoards of Scandinavian character from Scotland // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland 107 (1975–76). P. 114–143.
- Graham-Campbell 1980 — Graham-Campbell J. Viking Artefacts. A Select Catalogue. London.
- Jankuhn 1956 — Jankuhn H. Haithaby, ein Handelsplatz der Wikingerzeit. Neumünster.
- Janowski, Kurasiński 2003 — Janowski A., Kurasiński T. The Graves with bronze bowls in the area of Early-Piast Poland (10th/11th to 12th century). Issues of Slavic-Scandinavian contacts // Archaeologia historica. Vol. 28. P. 653–675.
- Jansson 1985 — Jansson I. Ovals spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fyndet. Uppsala.
- Hårdh 1976 — Hårdh B. Wikingerzeitliche depotfunde aus Sudshweden. Lund.
- Kivikoski 1973 — Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki.
- Kruse 1842 — Kruse F. K. H. Necrolivonica oder Alterthümer Liv-, Esth-, und Curlands bis zur Einführung der Christlichen Religion in den Kaiserlich-Russischen Ostsee-Gouvernements. Dorpat.

- Kruse 1859 — *Kruse F.K.H.* Necrolivonica oder Geschichte und Alterthümer Liv-, Esth- und Curlands Griechischen, Römischen, Byzantinischen, Nortmannischen oder Waräger-Russischen, Fränkischen, Angelsächsischen, Anglodänischen Ursprungs. gefunden auf einer Allerhöchst befohlenen archäologischen Untersuchungsreise und durch spätere Nachforschungen wissenschaftlich erläutert. Leipzig.
- Lind 2017 — *Lind J.H.* “Varangian Christianity” and the Veneration of Anglo-Saxon and Scandinavian Saints in Early Rus // Identity Formation and Diversity in the Early Medieval Baltic and Beyond: Communicators and Communication. Leiden; Boston. P. 107–135.
- Lowmiański 1931 — *Lowmiański H.* Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. Wilno. T. 1.
- Lowmiański 1932 — *Lowmiański H.* Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. Wilno. T. 2.
- Mugurēvičs 1977 — *Mugurēvičs Ē.* Oliņkalna un Lokstenes pilsnovadi. 3–15 gs. arheoloģiskie pieminekļi. Rīga.
- A Nation skilled in War 2020 — A Nation skilled in War: The Lithuanian Military Elite in the 13th-14th centuries. Vilnius.
- Noonan 1998 — *Noonan T.S.* The Islamic World, Russia and the Vikings. The Numismatic Evidence. Norfolk.
- Petersen 1928 — *Petersen J.* Vikingetidens smykker. Stavanger.
- Petersen 1951 — *Petersen J.* Vikingetidens redskaper. Oslo.
- Petrauskas 2020 — *Petrauskas G.* Cremation of the deceased on the eve of Lithuania’s baptism: reflections of fire, water and the concept of afterlife // A Nation skilled in War: The Lithuanian Military Elite in the 13th-14th centuries. Vilnius. P. 32–49.
- Raudonikas 1930 — *Raudonikas W.J.* Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm.
- Rowell 1994 — *Rowell S.C.* Lithuania Ascending: a pagan empire within east-central Europe 1295–1345. Cambridge.
- Price 2002 — *Price N.* The Viking way: religion and war in late Iron Age Scandinavia. Aun 31. Uppsala.
- Rygh 1885 — *Rygh O.* Norske oldsager. Christiania.
- The Semigallians 2005 — The Semigallians. Baltic Archaeological Exhibition: Catalogue. Vilnius.
- Serjeantson, Morris 2011 — *Serjeantson D., Morris J.* Ravens and crows in Iron Age and Roman Britain // Oxford Journal of Archaeology. January 2011. P. 85–107.
- Słupecki 1994 — *Słupecki L.P.* Slavonic pagan sanctuaries. Warsaw.
- Stenberger 1947 — *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. II. Fundbeschreibung und Tafeln. Lund.
- Stenberger 1958 — *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. I. Text. Uppsala.
- Tallgren 1925 — *Tallgren A.M.* Zur Archaologie Eestis. II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. Dorpat.
- Thorsen 2009 — *Thorsen K.* Weights, Ingots and Scarp Metal // Sorte Muld. Wealth, Power and Religion at an Iron Age Central Settlement on Bornholm. Ronne. P. 111–113.
- Thunmark-Nylen 1995 — *Thunmark-Nylen L.* Die Wikingerzeit Gotlands. Bd. I. Stockholm.
- Thunmark-Nylen 1998 — *Thunmark-Nylen L.* Die Wikingerzeit Gotlands. Bd II. Stockholm.
- Trotzig 1984 — *Trotzig G.* Gefäße aus Kupfer und seinen Legierungen // Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm. S. 219–230.
- Vaitkevičius 2010 — *Vaitkevičius G.* Vilniaus įkūrimas. Vilnius.
- Viking Antiquities 1940 — Viking Antiquities in Great Britain and Ireland. Part II. Viking Antiquities in Scotland. Oslo. Part II.
- Vitkūnas 2013 — *Vitkūnas M.* Baltų karybos vėlyvajame geležies amžiuje (IX a. – XIII a. pr.) bruožai // Karo archyvas, 2013. Vilnius. T. 28. P. 8–51.
- Worsaae 1859 — *Worsaae J.J.A.* Nordiske oldsager i det Kongelige museum i Kjöbenhavn. Kjöbenhavn.
- Zariņa 2006 — *Zariņa A.* Salaspils Laukskolas kapulauks 10. –13. gadsimts. Rīga.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Арташкин А-2012 — *Арташкин А.Н.* Отчет о работах Новоторжской археологической экспедиции в городах Тверской области: Бежецк, Белый, Бологое, Красный Холм, Торопец в 2011 г. НА ИА РАН. Р-1. № 29271.
- Баринов А-2014 — *Баринов Д.Г.* Отчет об археологических раскопках селища Речане 4 в Торопецком районе Тверской области в 2013–2014 гг. Т. 1. НА ИА РАН. Р-1. № 44607.
- Баринов А-2014а — *Баринов Д.Г.* Отчет об археологических раскопках селища Речане 4 в Торопецком районе Тверской области в 2013–2014 гг. Т. 2. НА ИА РАН. Р-1. № 44608.
- Баринов А-2014б — *Баринов Д.Г.* Отчет об археологических раскопках селища Речане 4 в Торопецком районе Тверской области в 2013–2014 гг. Т. 3. НА ИА РАН. Р-1. № 44609.
- Баринов А-2014в — *Баринов Д.Г.* Отчет об археологических раскопках селища Речане 4 в Торопецком районе Тверской области в 2013–2014 гг. Т. 4. НА ИА РАН. Р-1. № 44610.
- Бодрякова А-2012 — *Бодрякова Т.Н.* Отчет об археологических разведках на территории Торопецкого и Селижаровского района Тверской области в 2012 г. НА ИА РАН. Р-1. № 29358.
- Веселов А-2014 — *Веселов А.А.* Отчет об археологических полевых исследованиях на территории объекта культурного наследия регионального значения городище Бор (I тыс. н. э.) в Торопецком районе Тверской области. НА ИА РАН. Р-1. № 38857.
- Веселов А-2016 — *Веселов А.А.* Отчет о полевых археологических работах на объекте культурного (археологического) наследия федерального значения «Селище близ д. Грядцы» в Торопецком районе Тверской области в полевой сезон 2016 г. НА ИА РАН. Р-1. № 59040.
- Воробьев А-1981 — *Воробьев В.М.* Отчет о разведках и раскопках в Калининской области в 1981 г. НА ИА РАН. Р-1. № 8837.
- Воробьев А-1982 — *Воробьев В.М.* Отчет о разведках в Верхнем Подвинье в 1982 г. НА ИА РАН. Р-1. № 10217.
- Воробьев А-1985 — *Воробьев В.М.* Отчет о разведках и раскопках в Калининской области. НА ИА РАН. Р-1. № 10242.
- Глазов А-1902 — *Глазов В.Н.* Отчет о раскопках, произведенных в Торопецком уезде Псковской губ. за 1902 год. РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1902. Д. 99.
- Дело А-1926 — Дело о раскопках и находках в Торопецком уезде. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1926. Д. 108.
- Исланова А-2012 — *Исланова И.В.* Отчет о разведочных работах в Пеновском, Андреапольском и Торопецком районах Тверской области в 2012 г. Т. 1. НА ИА РАН. Р-1. № 35125.
- Исланова А-2012а — *Исланова И.В.* Отчет о разведочных работах в Пеновском, Андреапольском и Торопецком районах Тверской области в 2012 г. Т. 2. НА ИА РАН. Р-1. № 35126.
- Корзухина, Малевская А-1960 — *Корзухина Г.Ф., Малевская М.В.* Отчет о работе Торопецкого отряда 1960 г. НА ИА РАН. Р-1. № 2194.
- Корзухина, Малевская А-1961 — *Корзухина Г.Ф., Малевская М.В.* Отчет о работе Торопецкого отряда 1960 г. НА ИА РАН. Р-1. № 2849.
- Корзухина, Малевская А-1961а — *Корзухина Г.Ф., Малевская М.В.* Иллюстрации к отчету о работе Торопецкого отряда 1961 г. НА ИА РАН. Р-1. № 2849а.
- Лаврова А-2002 — *Лаврова Г.А.* Отчет о разведочных работах в Торопецком и Калининском районах Тверской области в 2001 г. НА ИА РАН. Р-1. № 25745.
- Ланцев А-1990 — *Ланцев А.П.* Отчет о разведках и раскопках на территории Тверской области в 1990 г. НА ИА РАН. Р-1. № 18767.
- Ланцев А-1995 — *Ланцев А.П.* Отчет о работах в 1995 г. на территории Тверской области. НА ИА РАН. Р-1. № 18438.

- Лесман А-1976 — *Лесман Ю.М.* Отчет Валдайского археологического отряда в 1976 г. НА ИА РАН. Р-1. № 6453.
- Лесман А-1977 — *Лесман Ю.М.* Отчет Валдайского археологического отряда 1977 г. НА ИА РАН. Р-1. № 6550.
- Лесман А-1978 — *Лесман Ю.М.* Отчет Валдайского отряда 1978 г. НА ИА РАН. Р-1. № 8509.
- Лесман А-1979 — *Лесман Ю.М.* Отчет Торопецкого археологического отряда 1979 г. НА ИА РАН. Р-1. № 7691.
- Максимов А-1979 — *Максимов А.Д.* Отчет о разведках и раскопках в Калининской области в 1979 г. НА ИА РАН. Р-1. № 7526.
- Максимов А-1979а — *Максимов А.Д.* Альбом № 2 к отчету А.Д. Максимова о разведках и раскопках в Калининской области в 1979 г. НА ИА РАН. Р-1. № 7526б.
- Малевская А-1965 — *Малевская М.В.* Отчет о работе Торопецкого отряда в 1965 г. НА ИА РАН. Р-1. № 3210.
- Малыгин А-1979 — *Малыгин П.Д.* Отчет о разведках в Торжокском, Кувшиновском и Торопецком районах Калининской области в 1979 г. НА ИА РАН. Р-1. № 7937.
- Милонов А-1938 — *Милонов Н.П.* Отчет об археологических раскопках в г. Торопце в октябре 1938 г. РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 174.
- Милонов А-1938а — *Милонов Н.П.* Планы, фотографии Красного вала в Торопце и Малого городища (Кривит), чертежи раскопок и рисунки находок. РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 175.
- Милонов А-1939 — *Милонов Н.П.* Отчет об археологической разведке в 1939 г. на территории г. Торопца Калининской обл. РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1939. Д. 215.
- Мирецкий А-1990 — *Мирецкий А.В.* Отчет о разведках и раскопках в Тверской области в 1990 г. НА ИА РАН. Р-1. № 15743.
- Мирецкий А-1990а — *Мирецкий А.В.* Альбом иллюстраций к отчету о разведках и раскопках в Тверской области в 1990 г. НА ИА РАН. Р-1. № 15743а.
- Мирецкий А-1996 — *Мирецкий А.В.* Отчет о разведках и раскопках в Тверской области в 1996 г. НА ИА РАН. Р-1. № 20545.
- Мирецкий А-2000 — *Мирецкий А.В.* Отчет об археологических разведочных работах на территории Тверской области в 2000 г. НА ИА РАН. Р-1. № 23679.
- Мирецкий А-2001 — *Мирецкий А.В.* Отчет о разведочных археологических исследованиях на территории Тверской области в 2001 г. НА ИА РАН. Р-1. № 23684.
- Пономарев А-1938 — *Пономарев В.С.* Новгородские сопки. Рукопись. РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1938. Д. 155.
- Попов А-2014 — *Попов К.П.* Отчет об археологических полевых исследованиях на территории объекта культурного наследия регионального значения городище Шльки (1-я пол. I тыс. н. э.) в Торопецком районе Тверской области. НА ИА РАН. Р-1. № 41065.
- Портнягин А-1972 — *Портнягин И.Г.* О работах Борисовского отряда Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР. НА ИА РАН. Р-1. № 4851.
- Портнягин А-1972а — *Портнягин И.Г.* Альбом к Отчету о работах Борисовского отряда Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР. НА ИА РАН. Р-1. № 4851а.
- Пронин А-1979 — *Пронин Г.Н.* Отчет о работе Ильменской экспедиции в 1979 г. НА ИА РАН. Р-1. № 7842.
- Пронин А-1979а — *Пронин Г.Н.* Альбом I к отчету о работе Ильменской экспедиции в 1979 г. НА ИА РАН. Р-1. № 7842а.
- Пронин А-1979б — *Пронин Г.Н.* Альбом II к отчету о работе Ильменской экспедиции в 1979 г. НА ИА РАН. Р-1. № 7842б.
- Пронин А-1979в — *Пронин Г.Н.* Альбом III к отчету о работе Ильменской экспедиции в 1979 г. НА ИА РАН. Р-1. № 7842в.
- Раппопорт А-1956 — *Раппопорт П.А.* Отчет о работе отряда по изучению крепостей Среднерусской археологической экспедиции ИИМК в 1956 г. НА ИА РАН. Р-1. № 1216.
- Сарафанова А-2002 — *Сарафанова Н.А.* Отчет об археологических разведках на территории Андреапольского и Торопецкого районов Тверской области в 2002 г. НА ИА РАН. Р-1. № 23647.
- Станкевич А-1949 — *Станкевич Я.В.* Отчет о разведочных работах 1949 г. в Торопецком районе Великолукской области. НА ИА РАН. Р-1. № 327.
- Станкевич А-1949а — *Станкевич Я.В.* Иллюстрации к отчету о разведочных работах 1949 г. в Торопецком р-не Великолукской области. НА ИА РАН. Р-1. № 327а.
- Станкевич А-1950 — *Станкевич Я.В.* Отчет Западно-Двинского отряда Славянской экспедиции АН СССР за 1950 г. НА ИА РАН. Р-1. № 467.
- Станкевич А-1951 — *Станкевич Я.В.* Отчет Западно-Двинского отряда Славянской экспедиции ИИМК за 1951 г. НА ИА РАН. Р-1. № 659.
- Станкевич А-1951а — *Станкевич Я.В.* Иллюстрации к Отчету Западно-Двинского отряда Славянской экспедиции ИИМК за 1951 г. НА ИА РАН. Р-1. № 660.
- Станкевич А-1957 — *Станкевич Я.В.* Отчет об археологических исследованиях Западно-Двинского отряда Верхнеднепровской экспедиции в 1957 г. НА ИА РАН. Р-1. № 661, 661а, 661б.
- Станкевич А-1957а — *Станкевич Я.В.* Иллюстрации к Отчету об археологических исследованиях

- Западно-Двинского отряда Верхнеднепровской экспедиции в 1957 г. НА ИА РАН. Р-1. № 661а.
- Станкевич А-1957б — *Станкевич Я.В.* Иллюстрации к Отчету об археологических исследованиях Западно-Двинского отряда Верхнеднепровской экспедиции в 1957 г. НА ИА РАН. Р-1. № 661б.
- Станкевич А-1958 — *Станкевич Я.В.* Краткая информация о работе Торопецкой археологической экспедиции в 1958 г. РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1958. Д. 41.
- Станкевич А-1958а — *Станкевич Я.В.* Общий дневник Торопецкой археологической экспедиции за 1958 г. РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1958. Д. 37.
- Станкевич А-1958б — *Станкевич Я.В.* 1. Чертежи и зарисовки находок с Малого торопецкого городища. 2. План могильника у д. Полибино и чертежи курганов 1, 2, 5, 6. 3. План селища у д. Пухтево; план и чертежи городища у д. Токолово; план городища за д. Мельница. РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1958. Д. 44.
- Станкевич, Шевченко А-1958 — *Станкевич Я.В., Шевченко А.А.* Дневник. Участок № 1. Торопецкая археологическая экспедиция. РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1958. Д. 38.
- Станкевич, Малевская А-1958 — *Станкевич Я.В., Малевская М.В.* Дневник. Участок № 2. Торопецкая археологическая экспедиция. РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1958. Д. 39.
- Станкевич, Драйцель А-1958 — *Станкевич Я.В., Драйцель Н.М.* Дневник. Участок № 3. Торопецкая археологическая экспедиция. РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1958. Д. 40.
- Харитонов, Бодунов А-1974 — *Харитонов Г.В., Бодунов Е.В.* Отчет о разведках 1973 года в Калининской области. НА ИА РАН. Р-1. № 5181.
- Харитонов, Бодунов А-1974а — *Харитонов Г.В., Бодунов Е.В.* Иллюстрации к Отчету о разведках 1973 года в Калининской области. НА ИА РАН. Р-1. № 5181б.
- Фоняков А-1986 — *Фоняков Д.И.* Торопецкая археологическая экспедиция. Отчет о работах в 1986 г. НА ИА РАН. Р-1. № 12410.
- Фоняков А-1986а — *Фоняков Д.И.* Древний Торопец, IX–XVI веков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л.
- Фоняков А-1987 — *Фоняков Д.И.* Отчет о раскопках Торопецкой экспедиции в 1987 г. НА ИА РАН. Р-1. № 12475.
- Фоняков А-1988 — *Фоняков Д.И.* Отчет о работе торопецкой экспедиции в 1988 г. НА ИА РАН. Р-1. № 12771.
- Фоняков А-1989 — *Фоняков Д.И.* Отчет о работе Торопецкой экспедиции в 1989 г. НА ИА РАН. Р-1. № 14841.
- Фоняков А-1990 — *Фоняков Д.И.* Отчет о работах Торопецкой экспедиции в 1990 г. НА ИА РАН. Р-1. № 15666.
- Фоняков А-1991 — *Фоняков Д.И.* Отчет о работе Торопецкой археологической экспедиции в 1991 г. НА ИА РАН. Р-1. № 16429.
- Фоняков А-1992 — *Фоняков Д.И.* Отчет о работе Торопецкой археологической экспедиции в 1992 г. НА ИА РАН. Р-1. № 17207.
- Фоняков А-1993 — *Фоняков Д.И.* Отчет о работе Торопецкой экспедиции в 1993 г. НА ИА РАН. Р-1. № 17919.

Научное издание

Иван Игоревич Еремеев

**СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ТОРОПЕЦ
И ДРЕВНОСТИ ВЕРХНЕГО ПОДВИНЬЯ**

(Историко-археологические очерки)

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *М. А. Гунькин*
Дизайн обложки *М. А. Гунькин*

Подписано в печать 20.05.2024.
Печать офсетная. Бумага офсетная
Формат 70×108 ¹/₈. Усл.-печ. л. 46,9
Заказ № 54845. Тираж 300 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфической компании «НП-Принт»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 199-201, корп. П
Тел. (812) 611-11-07, e-mail: moni.4ka@yandex.ru
www.npprint.com

ISBN 978-5-6050962-4-5

9 785605 096245 >